С. Г. Тер-Минасова

Война и мир языков и культур

СЛОВО/SLOVO

ано Министерством образования и науки
Федерации в качестве учебного пособия
в высших учебных заведений, изучающих
«Иностранный язык»

С. Г. Тер-Минасова

Война и мир

языков и культур

Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации

УДК 81(075.8)
ББК 81я73
Т35

ISBN 978-5-387-00076-8

© С. Г. Тер-Минасова. Текст. 2008
© Слово/Slovo. Издание. 2008

Мы должны быть благодарны Богу,
что Он создал мир так,
что всё простое правда,
а всё сложное неправда.

Григорий Сковорода,
украинский философ XVIII века

Введение

В Австралии рассказывают такой анекдот. Встречаются два иммигранта — старожил и новенький. «Ну, что это за страна? Как тут живется?» — спрашивает новичок. «Отличная страна, — говорит старожил. — Через пару месяцев купишь машину, через пару лет — дом, лет через пятнадцать заговоришь по-английски». «А потом?» — волнуется новичок. «Потом?.. Потом будешь разговаривать сам с собой»[1].

Хороший анекдот. Как все хорошие анекдоты, он ярко и доходчиво выражает известную истину: материальные блага не обеспечат автоматически самой главной радости жизни — роскоши общения. Даже преодолев языковой барьер, человек стоит перед следующим — еще более грозным и почти непреодолимым препятствием — барьером культурным.

Барьеры, барьеры... Заборы, крепости, препятствия, трудности. В сказках, чтобы добиться счастья, нужно одолеть и моря, и горы, и недругов, и злых волшебников, и семь пар железных башмаков износить, и семь пудов соли съесть.

Весь путь и отдельного человека, и всего человечества – бесконечное преодоление препятствий на пути к Хорошей Жизни. В разные времена, режимы, эпохи эта Хорошая Жизнь имела разные названия: Земля Обетованная, Светлое Будущее Коммунизма, Американская Мечта... И нет конца преградам, барьерам — физическим, географическим, биологическим и самым тяжелым, самым труднопреодолимым — культурным. Одолеваем один, встают два следующих...

За время своего существования человек сумел преодолеть многое. Он выжил физически как биологический вид. Приспособился и к вечным льдам, и к вечной жаре. Преодолел барьеры климатические, географические (живет и в горах, и в пустынях, и на воде), биологические (голод, болезни, хищников, ядовитую фауну и флору).

[1] *Сол Шульман.* Континент, где верят в удачу // GEO, 1998, № 7, с. 66.

С помощью науки и техники преодолел барьер расстояний, развил непрерывно растущую сеть коммуникаций, открыл и продолжает открывать и совершенствовать все новые виды и формы общения (радио, телефон, телевизор, компьютер…).

XX век в этом отношении особенно отличился, сконцентрировав в гигантском научно-техническом скачке неторопливые накопления прошлых веков и тысячелетий за ничтожно малый исторический срок — 100 лет.

В 1905 году во время Русско-японской войны во Владивостоке стоял почтовый полк, осуществлявший связь — коммуникацию — с нашими войсками и военными кораблями. Это место и сейчас называется Голубиная Падь, потому что коммуникация шла… через почтовых голубей! За 100 лет — от голубей до Интернета.

Казавшаяся нашим предкам необъятной, необозримой, с тридевятью лесами и землями, наша планета неожиданно сжалась в размерах, стала легко обозримой, измеренной, изученной, и уже лепится к ней не то ласкательный, не то уничижительный ярлык — Всемирная, или Глобальная, Деревня.

Однако все эти чудеса науки и техники, о которых не мечтали даже фантасты, неожиданно натолкнулись на препятствие, которое никто и представить не мог — на так называемый человеческий фактор. Этот расплывчатый, но всем понятный термин подразумевает трудно определяемый внешний и внутренний мир человека — образ жизни, привычки, традиции, мировоззрение, менталитет, систему ценностей, иными словами — все то, что в наше время принято называть культурой в самом широком антропологическом или этнографическом смысле.

Прибавьте сюда еще более расплывчатое, но и еще более всем понятное и привычное понятие души, или сердца, и получится, что «ум с сердцем не в ладу», что техническому гению человека мешает человеческий же фактор. Кто же мог, действительно, предположить, что такая «мелочь» может свести на нет величайшие достижения научно-технического прогресса, что об этот утес могут разбиться все усилия объединить человечество, привести его к Светлому Будущему.

На пути науки и техники, все более объединяющей человечество физически и технически, встал «человеческий фактор»: **языковой и культурный барьеры.**

Эти же барьеры мешают торговле и международному сотрудничеству. Интересные цифры приводила британская газета «Financial Times» (October 10, 1996) в статье с многозначительным названием: «Преодоление языкового барьера» (Breaking the Language Barrier): 49% компаний, занимающихся экспортом, столкнулись с языковыми и культурными барьерами, а 12% компаний прекратили существование из-за этих барьеров. Только 13% компаний имели хоть какую-то языковую и культурную стратегию, большинство из них — 83% — использовало переводчиков.

Университетский профессор-лингвист, консультант Департамента торговли и промышленности Великобритании, заявил в этой статье, что «единственное препятствие на пути развития экспорта — это отсутствие языковой и культурной компетенции». Интересно и показательно также его следующее наблюдение: «Когда спрашиваешь людей, занимающихся экспортом, нужно ли им учить немецкий язык, они говорят «нет». Когда спрашиваешь их, должны ли они понимать культуру и психологию немцев, они говорят «да». Проблема в том, что в нашей стране мы недостаточно осознаем связь между языком и культурой».

Что же представляют из себя эти барьеры? Как определяют они жизнь отдельного человека и всего человечества в целом? Взаимосвязаны и взаимодействуют ли они? Можно ли их преодолеть? Возможен ли конец войны языков и культур? Что влечет за собой их мир, нужен ли он? Спасут ли нас три «Т»: Терпение, Терпимость, Толерантность? Можно ли достичь одного «У» — Уважения? Или хватит просто «П» — Понимания? Или — еще лучше — «В» — Взаимопонимания?

Смогут ли люди, объединившись, построить наконец Вавилонскую башню, то бишь Глобальную Деревню?

Все эти вопросы встали очень остро в наши дни по самым разным культурно-историческим причинам — хорошим и плохим.

Хорошие.

Научно-технический прогресс, фантастика Интернета, чудеса коммуникации, возможность в секунды-минуты связаться с любой точкой планеты: через мобильный телефон, компьютер, теле- и радиосвязь — это не просто «хорошо», это — прекрасно, замечательно, потрясающе. Общение межнациональное, межкультурное, межличностное — без виз, без границ, практически без политических и даже экономических барьеров — стало доступно миллионам людей, но… на пути досадное препятствие: языки и культуры мешают, порождают недоразумения, конфликты, сводят на нет величайшие достижения науки и техники.

Плохие.

Геополитические катаклизмы вызвали небывалые ранее смещения и смешения народов: беженцы, эмигранты, перемещенные лица — их тоже теперь считают десятками, сотнями тысяч, миллионами. Языковые и культурные проблемы вызывают недовольство, этнические стычки, кровопролитие. Это не просто плохо — это очень плохо, ужасно, трагично.

Все эти причины и обусловили особый, также небывалый ранее интерес к вопросам примирения людей, их объединения или — в доброй старой терминологии — мира и дружбы на Земле. Философы, филологи, культурологи, психологи, социологи, историки, то есть практически все представители гуманитарных наук объединяются, для того чтобы всесторонне и глубоко изучить мир человека, его материальную и духовную жизнь и деятельность, его культуру.

Все результаты человеческой деятельности могли быть достигнуты только в процессе общения, или коммуникации: без обмена информацией, без ее накопления и передачи следующим поколениям люди не могли бы даже выжить физически. Следовательно, общение/коммуникация — это условие и выживания, и развития человечества.

Главное средство общения — естественный человеческий язык. Именно язык — эта сложнейшая, во многом загадочная система — сделал человека Человеком Разумным. Язык как вечный и бесконечный предмет изучения рассматривается сейчас через призму новейших подходов к научному исследованию — когнитивных, коммуникативных, антропоцентрических, концентрирующихся на соотношениях «человек — его язык — культура — коммуникация». Такие подходы — неизбежно междисциплинарные, требующие знаний психологии, философии, педагогики, истории, культурологии, — позволяют увидеть новые грани самой важной способности человека — общения, или коммуникации, в ее самой сложной разновидности — межкультурной.

Основные задачи этой работы:

1. Дать представление о культурологическом, вернее, культурно-антропологическом взгляде на человека, его образе жизни, идеях, взглядах, обычаях, системе ценностей, восприятии мира — своего и чужого.
2. Разъяснить ту огромную роль, которую культура играет в жизни человека, в его поведении и общении с другими людьми и другими культурами.
3. Раскрыть взаимосвязь, взаимовлияние и взаимодействие языка и культуры.
4. Показать, как культура — посредством языка — воздействует на поведение человека, его мировосприятие, его жизнь.
5. Определить роль языка и культуры как, с одной стороны, **барьеров**, разделяющих народы и, с другой стороны, — **щитов**, защищающих национальную самобытность, идентичность народов.

Предназначение этой книги — рассмотреть те преграды, которые язык и культура ставят на пути всех, кто стремится преодолеть языковые и культурные барьеры (**война**), чтобы объединить людей для дружбы и сотрудничества (**мир**) и предупредить о возможных опасностях, которые эта «борьба за мир» (вдумайтесь в слова: ведь это оксюморон, сочетание взаимоисключающих понятий) может породить.

Глава I
Немного теории Основные термины, понятия, принципы

Помните, как в литературе и фильмах про войну, расходясь на боевые задания, люди говорили: «Сверим часы!» И правильно: в таком серьезном деле расхождения в минуты могли обернуться катастрофой.

Поскольку речь у нас пойдет о войне культур и языков, тоже серьезной, а иногда и кровопролитной, нужно с самого начала оговорить значение терминов, смысл понятий, понимание принципов, то есть «сверить часы».

Иными словами, прежде всего, учитывая разнобой и несовершенство терминологических систем, чем особенно грешат гуманитарные науки, нужно уточнить некоторые базовые понятия, сформулировать основные принципы и дать определения ключевым терминам. Эта глава предназначена студентам и всем желающим. Все нежелающие могут ее пропустить.

Ниже разъясняются следующие термины, понятия и принципы, используемые в этой книге:

Культура
Культурная антропология
Диалог культур
Язык и взаимоотношения языка и культуры
Языковая и культурная картина мира
Норма
Идеология. Менталитет
Концепт
Стереотип
Национальный характер

Культура сейчас находится в центре внимания ученых и общественности, поэтому количество определений этого понятия исчисляется сотнями (профессор МГУ А. П. Миньяр-Белоручева в 2001 году насчитала 164 определения слова *культура* в отечественных трудах), и многочисленные авторы бесчисленных произведений по вопросам культурологии стремятся добавить все новые варианты, поправки, модификации.

Латинское слово *cultura* изначально употреблялось как сельскохозяйственный термин — обработка, возделывание земли человеком. Затем значение термина расширилось: слово *cultura* стало обозначать и процесс, и результаты возделывания земли, пока, наконец, великий римский оратор и философ Марк Туллий Цицерон не употребил его в переносном смысле как возделывание человеческого разума в процессе обучения и воспитания. А затем переносное значение (этакий кукушонок-приемыш) вытеснило первичное значение слова *cultura*...

Следует отметить интересный факт из истории русского слова *культура*. Оно появилось в России позже, чем в Европе, именно слово, а не понятие.

В знаменитой переписке с Пушкиным в первом письме, написанном по-французски, Чаадаев употребил слово *culture* 10 раз. В русском переводе этого письма, опубликованного в журнале «Телескоп», оно переводится как *образование, просвещение, воспитание*.

Поскольку данная работа имеет, в первую очередь, учебные цели, обратимся к надежному фундаментальному источнику: признанным, широко известным словарям.

Современное русское слово *культура*, как известно, многозначно, и из семи его значений, приводимых в четырехтомном Академическом словаре русского языка, наиболее близким к антропологическому смыслу этого слова является первое: «Совокупность достижений человеческого общества в производственной и духовной жизни»[1].

В этом определении неверным, с точки зрения культурологии, является слово *достижения*, предполагающее положительную оценку каких-то выдающихся результатов. Культурология как всякая фундаментальная наука стремится к максимальной объективности и воздерживается от оценок. Поэтому с этой точки зрения правильнее было бы сказать не «совокупность достижений», а «совокупность результатов деятельности».

Англоязычные словари определяют *культуру* несколько иначе. Во всех английских определениях слова *culture* повторяется слово *customs* 'обычаи, традиции'; неоднократно употребляется слово *beliefs* 'верования', а также словосочетание *the way of life* 'образ жизни'.

Наиболее приемлемое с точки зрения культурной антропологии определение слова *culture* дано в словаре Cambridge International Dictionary of English:

> **Culture** — the way of life, especially general customs and beliefs of a particular group of people at a particular time. *Youth/ working-class/ Russian/ Roman/ mass culture* **[Культура** — образ жизни, особенно общие обычаи и верования определенной группы людей в определенное время. *Молодежная/ рабочая/ русская /римская /массовая культура*].

[1] Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4, М., 1981–1984, Академия наук СССР, Институт русского языка.

Из многих сотен определений слова *культура* приведем только два исключительно по мотивам личных авторских пристрастий.

> «Социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ мыслей»[2].

> «3 составные части культуры (3 основных способа ее существования):
> 1. «Интериорное» общественное сознание людей (как идейно-теоретического, так и общественно-психологического уровней).
> 2. Проявление его в поведении и действиях.
> 3. «Опредмеченные» результаты деятельности (как материальные, так и духовные)»[3].

[2] *Э. Сэпир.* Язык. Введение в изучение речи. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, с. 185.

[3] *Ю. В. Бромлей.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 47.

И, наконец, высказывание известного американского писателя Сола Беллоу (Saul Bellow), разъясняющее понятие культуры:

> «I think that New-York is not the cultural center of America but the business and administrative center of American culture» [Я думаю, что Нью-Йорк не культурный центр Америки, а деловой и административный центр американской культуры][4].

[4] *Saul Bellow.* Radio Interview, Listener, 22 May, 1969. Penguin Dictionary of Modern Quotations. 16:78.

Итак, **культура** как предмет изучения культурологии — это очень широкое понятие, представляющее собой **совокупность результатов человеческой жизни и деятельности во всех сферах: производственной, творческой, духовной, личной, семейной, это обычаи, традиции, образ жизни, взгляд на мир** (МИРОВОЗЗРЕНИЕ) **— на мир близкий, «свой», и дальний, «чужой», — некоей группы людей (от семьи до нации) в определенном месте и в определенное время.**

Соответственно, культура в той или иной степени является предметом изучения всех гуманитарных наук: философии, филологии, истории, социологии и пр. Однако совершенно особое место она занимает в культурной антропологии.

Культурная антропология. Как учебная дисциплина распространилась в России недавно и пока еще в небольших масштабах.

Антропология, как говорилось выше, — наука о человеке. Однако к наукам о человеке (что также отражено в названии) относятся все гуманитарные науки и некоторые естественные (медицина, частично — биология). Наук о человеке много, и это понятно, потому что, во-первых, человек очень сложное, разностороннее и многогранное существо, а во-вторых, — все эти науки развиваются в человеческом обществе, где, естественно, именно человек находится в центре внимания.

Все остальные науки, не сконцентрированные непосредственно на человеке, имеют в качестве предмета изучения мир, природу, объективную внечеловеческую реальность, но это мир, окружающий ЧЕЛОВЕКА, и изучается он ЧЕЛОВЕКОМ, для ЧЕЛОВЕКА, с точки зрения ЧЕЛОВЕ-

ка. Иными словами, человеческий фактор присутствует даже в самой негуманитарной науке.

Таким образом, множество наук о человеке изучает разные стороны его жизни: его физическую (биология, медицина) и духовную (психология, философия, филология) сущность, его деятельность (экономика, социология), становление и развитие (история). Все эти дисциплины тесно взаимосвязаны, поскольку восходят к одному и тому же объекту изучения — человеку, в котором эти аспекты, разнесенные по разным дисциплинам, сосуществуют как неразрывное целое.

Чем же занимается антропология, что выбрала себе эта наука, разорвав, как и все остальные, неразрывное целое?

Антропология отличается от всех других наук о человеке как раз тем, что пытается собрать воедино все аспекты и изучить глобально и всесторонне общий процесс развития человека.

Антропология — это, по меткому выражению профессора философии Е. Я. Бурлиной, «реализация гуманизма»[5]. Этот образец интердисциплинарной (может быть, лучше — полидисциплинарной) науки не просто требует усилий всех наук о человеке – она в полной мере воплощает идею философа П. В. Копнина о том, что специфический предмет каждой науки — это не особая сфера явлений, а весь мир, взятый под определенным углом зрения. «Угол зрения» антропологии — физическое и культурное развитие человека.

Соответственно, антропология подразделяется на:

1. Физическую антропологию, изучающую биологическое происхождение и эволюцию физической организации человека, представленного различными расами.
2. Культурную антропологию, изучающую формирование и развитие человеческой культуры.

Таким образом, культурная антропология — чрезвычайно широкая фундаментальная наука, изучающая общие проблемы культурного развития человечества, вбирающая в себя знания всех других гуманитарных наук, изучающая единый процесс культурного становления человека, то есть того уникального и существеннейшего аспекта, который делает человека Человеком и отличает его от остального живого мира.

Е. Я. Бурлина в работе «Европейский город: ускользающая повседневность» пишет о культурной антропологии: «...Как экстремально выразился Карлос Кастанеда устами своего персонажа, «это единственная наука... которая четко обосновывает концепцию совершенствования и прогресса. Только антропология может продемонстрировать действительное развитие культуры и общественной организации». Вспомним, сам И. Кант читал в университете этот новый для того времени предмет, совмещая его с чтением физической географии. Великий философ утверждал, что антропология постигаема в путешествиях, чтении»[6].

[5] *Е. Я. Бурлина. Европейский город: ускользающая повседневность. Введение к альманаху «Город – Страна – Планета», 1995, выпуск № 9.*

[6] *Е. Я. Бурлина. Указ. соч.*

Культура как предмет изучения культурной антропологии — это совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обусловливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени. Культурная антропология исследует развитие культуры во всех ее аспектах: образ жизни, восприятие мира, менталитет, национальный характер, результаты духовной, общественной и производственной деятельности человека. Культурная антропология изучает уникальную человеческую способность развивать культуру через общение, через коммуникацию, в том числе и речевую, рассматривает огромное разнообразие человеческих культур, их взаимодействие и конфликты. Особое внимание уделяется взаимодействию языка и культуры.

Развитие культурной антропологии имеет исключительное значение для современной России, ведь наша страна была отрезана от мира, от других культур, от глобализующего процесса в течение нескольких десятилетий. Мы либо вообще не знали о некоторых культурах, либо имели о них искаженное представление. В настоящее время совпали необходимость и возможность изучения других культур. Необходимость эта обусловлена новыми для жителей России возможностями международного и межкультурного общения.

Диалог культур. В последнее время (около двух десятилетий) эта проблема привлекла особое внимание ученых и общественности. Количество трудов на эту тему и особенно конференций, симпозиумов, форумов всех видов не поддается учету. Причины те же — общий взрыв интереса к вопросам культуры: геополитические катаклизмы, сотрясающие человечество, историко-социальные процессы, вызвавшие гигантские перемещения народов и, следовательно, культурных общностей, невиданные и неслыханные ранее возможности международного и межкультурного общения. диалог культур — это эвфемизм, или, вернее и современнее, политкорректный вариант конфликта культур. Именно эта проблема волнует человечество и особенно остро она стоит для многонациональных государств, а их — большинство. Во всяком случае, во всех крупных государствах планеты сосуществуют представители разных культур, и по общим и различным причинам все они сейчас проходят один и тот же процесс обострения межкультурных отношений, мелких и крупных межэтнических конфликтов.

Особенно остро эта проблема стоит для так называемых малых народов и, соответственно, «малых языков», для которых это в прямом смысле вопрос жизни и смерти. Интереснейшими данными располагают ученые Института филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), изучающие языки и культуры коренных народов Сибири. Невнимание к этим вопросам русского большинства, отсутствие диалога культур ставит под угрозу выживание малых народов Сибири. Таков грустный вывод коллег из ИФЛ СО РАН. По мнению замдиректора ИФЛ по науке профессора Широбоковой, «люди, не обремененные знанием

своей культуры и воспитанием в духе толерантности, не приемлют чужаков с иной внешностью, языком и обычаями. Вы наверняка встречали объявления: «Сдам квартиру русской семье», слышали презрительное обращение в адрес "нацменов"».

«Невнимание идет от незнания как своей культуры и истории, так и чужой. Мы пренебрежительно относимся к представителям азиатских народов, культура которых гораздо древнее нашей»[7].

В России, действительно, проблемы этнических конфликтов стоят как никогда остро. В качестве иллюстрации приведу отрывок из предисловия к книге историка, журналиста и путешественника Андрея Фатющенко «7 миллиардов чудес света».

[7] *Ольга Колесова.* От малого до великого // Поиск, 2005, № 49, 9 декабря.

«Данная книга — это попытка ответить таксисту на его извечное «Понаехали тут...», когда он ловко наезжает на лужу, чтобы обрызгать представителя неизвестной ему национальности; продавщице на рынке, проклинающей неизвестных ей врагов; некоторым моим друзьям «интеллигентам» (я вынужден поставить это слово в кавычки, могут и не простить), доходчиво объясняющим исторические, моральные и экономические предпосылки для выселения, перевоспитания, уничтожения опасных народов (список этих народов меняется в зависимости от национальностей присутствующих и количества выпитого). В общем, эта книга написана как ответ тому, что называется ксенофобией, ненавистью к иностранцам и ко всем "чужим"».

Еще более остро эти проблемы стоят в США. Замена «плавильного котла» культур на «мозаику» и «салатницу» не решила противоречий американского общества — этого гигантского коктейля народов и культур. Беспорядки и вооруженные протесты мусульман, начавшиеся во Франции в ноябре 2005 года и охватившие часть Западной Европы — явления того же порядка.

Не удивителен поэтому повышенный интерес к диалогу культур, мечта о котором представляется решением проблем межкультурной коммуникации.

Что же такое диалог культур? Название говорит само за себя. Диалог культур предполагает взаимопонимание и взаимодействие представителей разных культур. Многие ученые предостерегают о возможности упрощенной и даже примитивной трактовки и термина, и понятия диалога культур. Профессор Е. И. Пассов вполне разумно — увы! — напоминает о том, что понимание и восприятие «чужого» не свойственно человеческой натуре. Его же мысль о биологической ксенофобии представляется сомнительной — во всяком случае, оптимистам вроде автора этих строк.

Нельзя не согласиться с четким и ясным определением диалога культур, данным известным философом, деканом философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессором В. В. Мироновым в его книге «Философия и метаморфозы культуры»:

> «Диалог культур — это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я необходимо адаптирую (перевожу) смыслы другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры...
> Диалог культур как обмен порциями информаций все время меняет положение культур по отношению друг к другу. Культура переходит от системы, прежде всего воспринимающей информацию, к системе, ее передающей. В свою очередь, воспринимающая культура проходит ряд этапов. Сначала принятые тексты сохраняют облик «чужих», занимают «высшее ценностное место». «Чужой язык делается знаком принадлежности к «культурной элите», элите, высшему достоинству» [*Ю. М. Лотман*. Внутри мыслящих миров. М., 1996, с. 198]. Так в России было с французским языком, а в средневековой Европе — с латынью. Затем происходит непосредственный процесс взаимной адаптации, в нашей терминологии — собственно адаптивно-адаптирующий процесс. «Умножаются переводы, переделки и адаптации. Одновременно коды, импортированные вместе с текстами, встраиваются в межкультурную сферу» [*Ю. М. Лотман*. Указ. соч., с. 199].

Затем происходит «переворачивание», когда вдруг начинает считаться, что данная культура проникла в истинный смысл почерпнутого из другой культуры понятия лучше, чем культурный носитель. На этом этапе часто появляются фигуры, которые ближе, как представляется, к внешней культуре, чем к своей. Наконец, наступает этап полного растворения инокультурных смыслов в принимающей культуре, и она сама «становится источником потока текстов, направляемых в другие, с ее позиции периферийные, районы семиосферы» [*Ю. М. Лотман*. Указ. соч., с. 200]. Модель, предложенная Лотманом, позволяет, в частности, объяснить известный феномен, когда Пушкин, которого мы все оцениваем как гения русской и мировой литературы, относительно малоизвестен за пределами нашей культуры и уж, по крайнем мере, меньше, чем Шекспир или Гете. Более того, например, Достоевский или Толстой являются фигурами более известными и признанными в качестве гениев ми-

рового уровня. Объясняется это тем, что русская культура в период, когда творили Достоевский и Толстой, перешла от стадии принимающей к стадии транслирующей, поэтому ее ценности стали доминировать и в мировом масштабе»[8].

[8] В. В. Миронов. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005. с. 150–152.

Поскольку главным средством общения и культур, и людей, их представляющих, является язык, одним из свидетельств диалога как взаимодействия культур оказываются заимствования из других языков. Количество и качество заимствованных слов и выражений позволяет судить о масштабах диалога культур. В настоящее время лавина (чтобы не сказать политнекорректно — засилье) англицизмов во многих языках, и в частности в русском, приняла такие размеры, что в оборот вошел лингвистический термин АГНОНИМЫ — слова, непонятные или плохо понятные своему народу. В данном случае речь, по-видимому, не может идти о «диалоге», поскольку он предполагает более или менее равное участие во взаимных действиях. По моему мнению, уже ранее высказанному, диалог культур — это равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей. ВЗАИМОПОНИМАНИЕ во всех его аспектах — языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры, партнера по диалогу) и многих других — ЭТО ОСНОВА И ЦЕЛЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР.

Не могу удержаться от того, чтобы не прокомментировать высказывание Ю. М. Лотмана о том, что на первом этапе диалога «чужой язык дается знаком принадлежности к “культурной элите”». Это совершенно верно, и русская история культуры дает яркие примеры, иллюстрирующие это положение. Однако гений русской культуры Лев Толстой уточняет такой пример устами Николая Ростова в «Войне и мире»: «Родной язык нужен, когда хочешь говорить по душе. А если х о ч е ш ь б л е с н у т ь (разрядка моя. — *С. Т.*), тогда другое дело». И еще одно высказывание того же автора. В ответ на вопрос, умная ли эта женщина, Толстой ответил: «Не знаю, я с ней говорил только по-французски»[9].

[9] Из доклада В. Г. Гака «Французский язык в произведениях Ф. М. Достоевского» на конференции факультета иностранных языков МГУ в 2001 году, посвященной 180-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Язык — мышление — культура. По вопросу соотношения этих понятий сказано и написано очень много. Этой проблеме посвятили свои исследования филологи, философы, психологи, культурологи.

Взаимосвязь и взаимодействие всех трех понятий сейчас уже не вызывает сомнений. Дискуссии ведутся о роли, «первичности», функциях каждого из них.

Философы уделили много внимания вопросам первичности в отношении мышления и языка. Филологи — и в первую очередь великий Вильгельм фон Гумбольдт — выдвинули тезис о тесной взаимосвязи языка и мышления, мировоззрения, менталитета — и не просто взаимосвязи и взаимовлияния, а, более того, о лингвистической обусловленности восприятия мира. Основатель школы неогумбольдтианцев Лео Вайсгербер ввел понятие «языковой картины мира» (см. ниже), а Людвиг Витгенштейн в середине XX века в своем «Логико-философском трактате» сформулировал тезис о том, что «язык конструирует реальность»: «границы моего языка определяют границы моего мира».

Русский и украинский филолог А. А. Потебня развил идеи Вильгельма фон Гумбольдта, иллюстрируя их на материале славянских языков и культур (см. ниже).

Еще два имени — Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа, американских ученых XX века, — тесно связаны с продвижением и развитием идеи зависимости между национальным языком и национальным сознанием. Результаты их исследований представлены в теории лингвистической относительности Сепира и теории лингвистического детерминизма Уорфа.

Споры вокруг вопроса о соотношении языка и мышления (и, соответственно, культуры) не утихают по сей день. Не вдаваясь во все тонкости научных дискуссий, сформулируем кратко наиболее ясные и очевидные моменты.

Язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие.

Это положение не исключает некоторых — ограниченных — сфер существования языка вне культуры (искусственные языки) и культуры вне языка (отдельные виды искусств).

Важнейшим фактором развития человеческого общества является взаимодействие, взаимозависимость, взаимосвязь языка и культуры. Проиллюстрируем это привычными метафорами.

Язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи.

По словам замечательного русского ученого-филолога, этнографа, искусствоведа, археолога (сейчас мы сказали бы — культуролога) Ф. И. Буслаева, основателя русской мифологической школы, все творчество которого было посвящено (вслед за М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским) проблемам взаимоотношения и взаимодействия языка и культуры, «язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей».

Язык — передатчик, носитель культуры, он передает сокровища национальной культуры, хранящейся в нем, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений.

А. А. Потебня, выдающийся русский и украинский филолог, исследуя мышление, культуру и язык на материале славянского народного творчества, писал: «Если бы мы не знали, что божества огня и света занимали место в языческих верованиях славян, то могли бы убедиться в этом по большому количеству слов, имеющих в своей основе представления огня и света». По мнению академика В. В. Виноградова, «до

Потебни никто из русских лингвистов-филологов не ставил изучение исторической семантики на такую широкую культурно-историческую и философско-лингвистическую основу».

Язык — орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения. Чтобы не оставить это важнейшее положение без подкрепляющей его цитаты, поддаюсь искушению (извините!) процитировать себя. «Все мы созданы языком и заложенной в нем культурой, доставшейся нам от многих поколений предков. Мы не выбираем ни родной язык, ни родную культуру, ни место, ни время рождения. Мы входим в мир людей, и язык немедленно начинает свою работу, навязывая нам представление о мире (картину мира), о людях, о системе ценностей, о способах выживания. У нас по-прежнему нет выбора. Мы пленники своего языка. Сопротивление бесполезно, язык — умелый и опытный мастер, «инженер человеческих душ» — уже сотворил миллионы своих подданных и непрерывно творит новых»[10].

[10] *С. Г. Тер-Минасова.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004, с. 348.

Язык — свидетель культуры. Это положение особенно важно для этого курса, поскольку одна из основных его целей — проверить факты культуры на материале языка его носителей. Иными словами, многие положения и принципы этнической культуры могут быть подтверждены языком.

Культура может меняться под влиянием многих социально-исторических факторов, например идеологии, пропаганды, политических требований времени. Язык — свидетель всех этих изменений, он, как известно, не только отражает, но и хранит культуру, и передает ее от поколения к поколению.

Как один из видов человеческой деятельности язык оказывается составной частью культуры, определяемой (см. выше) как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой.

Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им (как родным, так и иностранным), то социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия.

В то же время компонент культуры — не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям.

Важная роль языка как хранителя и свидетеля культуры в последнее время привлекла повышенное внимание ученых как проявление «памяти языка». Речь идет о «генетической», «культурной», «исторической» памяти[11]. Она может проявляться как относительно открыто и явно, так и в скрытой форме, доступной только в результате глубоких диахронических исследований, проводимых профессиональными лингвистами. По поводу открытой памяти языка, иногда доступной даже

[11] *См.: Е. С. Яковлева.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания, 1998, № 3; *И. Г. Добролюбов.* Еще раз об исторической памяти языка // Вопросы языкознания, 2002, № 2.

просто внимательному и интересующемуся своим языком носителю, уместно вспомнить слова В. И. Абаева: «Каждый язык в своей грамматической и лексической культуре влачит в десемантизированном виде обрывки и клочья мировоззрения прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации»[12].

Скрытая же память, введенная в научный оборот Т. М. Николаевой, «не десемантизирована и не представлена «обрывками и клочьями», а где-то подспудно влияет на речевую деятельность»[13].

Вернемся однако к нашей метафоре: язык (имея все эти виды памяти) — объективный и неподкупный хранитель и свидетель культуры. Над ним не властны правительственные указы, соображения коммерческой выгоды или жажды власти.

Это громкое и категоричное заявление может вызвать и сомнение, и даже протест. В какой степени язык может быть «свидетелем»? Насколько можно ему доверять? Язык — это послушное орудие в руках человека и его свидетельства сомнительны. Действительно, язык так часто и — увы! — эффективно используется и для коммерции, и для политики. Не случайно прижился странный термин «носитель языка»: человек «носит» свой язык и может его использовать и как дубину, и как наживку.

На манипуляциях с языком зиждутся многие сферы человеческой жизни и деятельности: политика, идеология, юриспруденция, реклама, так называемый пиар, религиозные учения и многие, многие другие. На эту тему имеется огромная, поистине необъятная научная литература, да еще и каждый человек имеет свой собственный опыт либо как манипулятора, либо как жертвы манипуляций, а часто — и того, и другого. Поэтому только одна иллюстрация из английской газеты "The Daily Telegraph"[14].

[12] *В. И. Абаев.* Понятия идеосемантики. Избранные труды. Владикавказ, 1995.

[13] *Т. М. Николаева.* «Скрытая память» языка: постановка проблемы // Вопросы языкознания, 2002, № 4.

[14] Приводится по материалам проф. *Т. Г. Добросклонской.*

Перевод надписей: *Наша цель в этой войне — спасти Косово... ...Но мы должны спросить себя, что мы подразумеваем под словом «война»... ...и «цель»... ...и «спасти»... ...и Косово... ...и все зависит от определения слова «is»* (глагол-связка *to be* — быть — в русском языке в настоящем времени опускается).

Наряду с намеренными субъективными манипуляциями с языком, есть и вполне объективные факторы, ставящие под сомнение роль языка как свидетеля. Очень ясно и доходчиво они изложены не филологами, а прекрасным французским писателем Антуаном де Сент-Экзюпери в его «Планете людей»:

«Вокруг все так быстро изменилось: взаимоотношения людей, условия труда, обычаи. Да и наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хоть и остались слова — разлука, отсутствие, даль, возвращение, — но их смысл стал иным. Пытаясь охватить мир сегодняшний, мы черпаем из словаря, сложившегося в мире вчерашнем. И нам кажется, будто в прошлом жизнь была созвучнее человеческой природе, — но это лишь потому, что она созвучнее нашему языку».

Действительно, в моменты потрясений и стремительных изменений общественной жизни (а человечество, похоже, только набирает обороты и ускоряет движение и развитие в самых разных направлениях) язык не поспевает за изменениями жизни и культуры — и это вполне объективный факт.

Однако язык — не пассивная ноша «носителя языка», язык — это живая, непрерывно работающая и развивающаяся способность к общению с другими людьми, которая формирует личность своего «носителя», определяет его место в обществе, его судьбу; это особый дар, который принадлежит не одному «носителю», а всему коллективу, всему народу, объединенному этим языком, это не личная, а общественная собственность.

Человек — не просто «носитель», но и пленник своего языка, язык навязывает ему картину мира и культуру, созданную предшествующими поколениями. Язык — орудие в руках человека, но и одновременно его повелитель, диктующий ему нормы поведения, навязывающий представления, идеи, отношения к жизни, к людям. Язык — и царь, и раб, и «инженер человеческих душ». И все эти удивительные способности язык сочетает в себе благодаря культуре, то есть тому культурному содержанию (заряду, потенциалу), который он хранит, передает и формирует независимо от воли отдельного человека, а часто и вопреки ей. Вот почему он, хотя и орудие, но непослушное, и может быть объективным свидетелем.

Как ни проклинали монархию и царей-тиранов в советские времена, язык хранил верность царю-батюшке: *без царя в голове* – это плохо, *царский прием, царское угощение, царские подарки* – это хорошо.

Наши *«Зоны А, Б, В…»* в МГУ, как их ни переименовывали в *секторы* (и вывески *сектор А* много лет висят), ничего не получилось, язык хранит память о зеках-строителях.

И *худой*, как будет подробнее показано ниже (см. Главу II), хранит память, вопреки моде и современной культуре, об оценке тощих людей в прошлом, и красный цвет был любимым, потому что обозначал *красивый*. *Красна* девица — не красного же цвета она была, и *краса*, и *красавица*, и *прекрасная* (пере-красная!) — все один корень. И в 1917 году с красным флагом прямо в точку попали с точки зрения культуры. Еще Дмитрий Донской выступал под красными стягами. А *триколор* нынешний не так удачен в языково-культурном плане: смесь французского с нижегородским, а французский из моды вышел ныне…

Языковая и культурная картина мира

Язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива.

Взаимоотношения человека с окружающим его миром в большинстве своем выражаются в языке и во многом формируются языком. Культурный компонент играет здесь решающую роль. Для рассмотрения вопросов отношений человека с миром обычно используется очередная привычная метафора — картина мира.

Окружающий человека мир представлен в трех формах:
— реальная картина мира,
— культурная (или понятийная) картина мира,
— языковая картина мира.

Реальная картина мира — это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира — это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное. Это образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности.

Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п.

Языковая картина мира отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира («язык — как зеркало культуры»). Поскольку реальная картина мира представлена в сознании человека, языковыми средствами, она объективирована языком и имеет уже только ту форму, которую «отразил» и создал — на базе культуры — национальный язык.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его ВИДЕНИЕ, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Понятия, созданные на уровне мышления, обусловлены культурой — как общенациональной, так и индивидуальной. При этом, поскольку наше созна-

ние обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что выше определялось словом *культура* в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Метафора с зеркалом уже не так точна, как казалось вначале, потому что ЗЕРКАЛО нередко оказывается КРИВЫМ: его перекос обусловлен культурой говорящего коллектива.

Таким образом, **язык**, **мышление** и **культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они относятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его ви́дение и отношение к нему.

Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике.

Национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует, ВЕРБАЛИЗУЕТ национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном ви́дении мира, но способен ОПИСАТЬ все.

Слово можно сравнить с куском мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные мозаичные картины мира. Эти картины могут различаться, например, своими красками: там, где русский язык заставляет своих носителей видеть два цвета: *синий* и *голубой*, англоязычные люди видят один: *blue*. При этом и русскоязычные, и англоязычные смотрят на один и тот же объект реальности — кусочек спектра.

Язык навязывает человеку определенное ви́дение мира. Усваивая родной язык, англоязычный ребенок видит три предмета: *finger, toe, thumb* там, где русскоязычный видит только один — палец.

Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, не известной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. Однако эти кусочки могут не совпадать по размеру (объем семантики), по цвету (стилистические коннотации), по назначению (социокультурные коннотации) и т. п. Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в общении на иностранных языках. Если бы называние предмета или явления окружающего нас мира было простым, «зеркально-мертвым», механическим, фотографическим аспектом, в результате которого складывалась бы не КАРТИНА, а ФОТОГРАФИЯ мира, одинаковая у разных народов, не зависящая от их культуры, в этом фантастическом (не человеческом, а машинно-роботном) случае изучение иностранных языков (и перевод с языка на язык) превратилось бы в простой механически-мнемонический процесс перехода с одного кода на другой.

Однако в действительности путь от реальности к слову (через понятие) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир, как бы транспонируя в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры.

Именно поэтому культурная антропология как область знания особенно важна для изучающих иностранные языки, поскольку использование иностранных языков в качестве реального средства общения (а не как раньше: для пассивного чтения текстов) возможно лишь при условии обширного фонового знания задействованных культур, их развития и взаимосвязей – иными словами, при условии знания культурной антропологии и диалога культур изучаемого и родного языков.

Таким образом, соотношение языка и культуры — вопрос сложный и многоаспектный. Проблемам взаимоотношений, взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия языка и культуры в процессе культурного развития людей и посвящена основная часть этой книги.

От традиционных работ по культурной антропологии ее отличает повышенный интерес к языку (что простительно и естественно для автора — филолога). Язык используется в качестве свидетельства культуры; это придает, на наш взгляд, бóльшую достоверность и основательность приводимым фактам культуры. Иными словами, культура «поверяется» языком, как алгеброй гармония.

Я даже поиграла с мыслью, не назвать ли этот вид культурной антропологии «лингвокультурной антропологией», но отвергла эту идею без колебаний, поскольку культурная антропология — устоявшаяся, общепринятая наука, а использование языковых данных как важнейшего компонента культуры – это лишь метод, прием исследования и подачи материала.

Норма. Чрезвычайно важное и для языка и особенно для культуры понятие.

Словарные определения нормы, как и многие определения в словарях — строги, наукообразны, иногда запутаны, иногда тавтологичны.

Норма
1. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь. *Норма поведения. Нормы литературного языка.*
2. Установленная мера, средняя величина чего-нибудь. *Норма выработки*[15].

[15] *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Норма
1. Средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений.
2. Понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность (упорядоченность)[16].

[16] Современный словарь иностранных языков. М., 1992.

Иллюстративные словосочетания 1-го значения слова *норма* в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой очень удачно информируют о тех основных сферах, где царит норма: *норма поведения* — культура, *норма литературного языка* — язык.

Норма — условие существования и культуры, и литературного языка.

Норма культурная — это правила, эталоны, предписания, образцы, инструкции, это рамки, выход за которые не позволен, потому что это будет нарушением правил данной культуры и вызовет отрицательную реакцию данного культурного сообщества.

Для культуры понятие нормы действительно особенно важно, потому что все поведение человека, его реакции, его мировосприятие определяются нормами его родной культуры и его родного языка. Представление о «нормальности», о соответствии нормам различны в разных культурах. Человек рождается в определенную культуру, и ему немедленно навязываются — в большой степени посредством языка — определенные нормы жизни в обществе.

Нормы эти сформулированы в самых разных формах и жанрах: от библейских заповедей и национальных конституций до уголовного кодекса и справочников по этикету.

Нормативные правила обычно имеют форму запретов (*не убий, не укради, не курить, по газонам не ходить*). Нельзя не вспомнить известную формулу великого немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана: «Чем больше культуры, тем меньше свободы». Именно система запретов составляет основу и нормы и культуры. Специальное исследование

Е. В. Астапенко имеет весьма показательное название: «Высказывания о ситуациях запрета как феномен английского языка и как феномен американской культуры»[17]. Действительно, запрет — явление культуры, реализуемое, главным образом, посредством языка.

[17] *Е. В. Астапенко.* Высказывания о ситуациях запрета как феномен английского языка и как феномен американской культуры. Кандидатская диссертация. Тверь, 2004.

В работе Астапенко формулируются компоненты ситуации запрета, важные для данного социума:

— по какой причине это запрещается,
— как запрет вписывается в рамки норм, принятых в данном социуме и данной культуре,
— насколько строгим он является,
— является ли запрет временным или постоянным, глобальным для данного социума или локальным,
— какие санкции (наказания) предусматриваются по отношению к нарушителям запрета.

«Высказывания запрета функционируют в контексте той или иной культурной среды, того или иного социума. В любом случае запрету подвергаются действия, которые отдельным лицам, группам лиц или социуму в целом мешают чувствовать себя спокойно и уверенно, затрагивают чье-то достоинство или представляют собой посягательство на чьи-то личные интересы и общую безопасность. Социальные группы посредством запретов очерчивают круг недопустимого в действиях против них. Именно посредством запретов человеческий род, международное сообщество, государство, этнос, религиозное объединение, политическая партия, деловое корпоративное объединение, большая или малая социальная группа, круг друзей, семья и отдельное лицо защищают себя»[18].

[18] *Е. В. Астапенко.* Указ. соч., с. 87.

«Американский народ, провозгласив 4 июля 1776 г. Декларацию о независимости (The Declaration of Independence) и окончательно оформив принятием в 1787 г. Конституции Соединенных Штатов (The Constitution of the United States of America) свою государственность как федеральной республики, объединившей первоначально 13 штатов, вступил на путь строительства правового общества, в котором запрещениям как раз отводится весьма серьезная роль. Американское общество живет не только в условиях широко восхваляемых гражданских свобод, но и в условиях многочисленных и разнообразных, подчас жестких, а иногда и трудно мотивируемых и даже нелепых запрещений»[19].

[19] *Е. В. Астапенко.* Указ. соч., с. 92.

В последнее время многие печатные издания, а также Интернет развлекают своих читателей коллекциями самых невообразимых законов, принятых как различными штатами, так и отдельными городами. Все они, по мнению американцев, свидетельствуют о свободе и демократии.

Вот несколько примеров.

В Аризоне запрещено охотиться на верблюдов.
Нет, добропорядочные американцы не воюют с собственными галлюцинациями. Верблюды в Аризоне действительно есть — но не это самое удивительное. Удивительно то, как они туда попали.

Когда-то верблюды состояли в Армии США на правах транспортного средства. К сожалению, аризонцы не оценили защитников Отечества по достоинству и открыли сезон охоты. Верблюдов пришлось защитить специальным законом.

В штате Калифорния запрещены бани.

У этого нелепого закона весьма грустная история. В конце 1980-х Штаты лихорадило от эпидемии СПИДа — многие еще толком не знали, что это и как с ним бороться. Когда выяснилось, что многие геи заразились СПИДом в общественных банях, власти не придумали ничего лучше, как принять специальный закон об их запрете.

В Лос-Анджелесе нельзя лизать лягушек.

Голь на выдумку хитра. Бедные американские подростки обнаружили, что платить деньги наркоторговцам не обязательно: наркотического опьянения можно достичь, бесплатно облизав ядовитых лягушек!

В Норко закон запрещает иметь носорогов.

Нельзя сказать, что носорога так уж стремится завести каждая семья Норко. Хватило и одного раза. Домашний любимец-носорог радовал главу семьи и домочадцев, пока его что-то не разозлило и он не сбежал. Хотя, говорят, что носорог почти слеп и глух, при его весе это не его проблемы. Правоту этих слов многие жители Норко испытали на себе — повторения не захотелось никому.

В городе Мобил мужчинам запрещено выть по-волчьи на публике.

Мобил — вовсе не столица американских оборотней. Просто когда-то там располагалась военная часть, на гербе которой красовался волк. Наши десантники, когда что-то празднуют, купают прохожих в фонтанах. Американские вояки — ребята с фантазией: они завели дурной обычай выть волками, будучи навеселе. Причем от души — кто кого перевоет. Почему-то никому, кроме самих военных, этот обычай не понравился. Причем не понравился настолько, что его запретили особым законом.

В этом же городе женщинам запрещено носить обувь на каблуке-шпильке.

Одна из горожанок повредила ногу, угодив каблуком в ливневую решетку. Недолго думая, она подала в суд на город — и выиграла кругленькую сумму. Мэрия решила запретить каблуки.

В городе Боулдер запрещено выставлять диваны на крыльце дома.

Студенты Боулдерского университета — яростные болельщики и горячие ребята. Когда их любимая команда проигрывает или, того хуже, выигрывает, фанатский пыл выплескивается наружу — в виде костров на улицах. Костры топятся чем угодно, но чаще всего тем, что под руку попадется. До принятия закона диваны полыхали «на ура»!

В штате Вашингтон люди, которые намереваются совершить преступление, должны сначала сообщить в полицию о своих планах.

В Вашингтоне издавна законы отличались мягкостью. Чтобы преступники могли понести заслуженные наказания, власти придумали этот закон — и дали за его нарушение на всю катушку. С тех пор за каждое преступление параллельно судят и по этой статье[20].

[20] Красивая жизнь. Владивосток, 2005, № 9, с. 16.

Нельзя не согласиться с Е. В. Астапенко в том, что «культуру можно понимать, между прочим, и как систему разрешений и запретов. Она находится в постоянном движении, перестраивается и система запретов, хотя они служат прежде всего обеспечению консервативного начала в культуре»[21].

[21] *Е. В. Астапенко.* Высказывания о ситуациях запрета как феномен английского языка и как феномен американской культуры. Кандидатская диссертация. Тверь, 2004, с. 88.

Таким образом, норма, лежащая в основе культуры и выраженная языком, призвана защищать человека, она — строгий воспитатель, определяющий жизнь и поведение человека.

Разумеется, нормы своей культуры обычно представляются не просто единственно правильными, но и единственно возможными.

Соответственно конфликт культур может быть представлен как конфликт норм.

Вот как А. Рашидова, студентка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, начинает описание своей поездки в США, где ей пришлось испытать конфликт культур много раз:

> «Я родилась и жила в Таджикистане, г. Душанбе. Соответственно, я была пронизана нашей культурой, нормами поведения в обществе, порядком и т. д. В моем подсознании уже сложились так называемые нормы — те признанные обязательства, которые, как мне казалось, должны исполнять все».

Далее идут описания разных случаев «неисполнения» американцами ее привычных, родных норм поведения.

Еще один маленький бытовой пример на ту же тему.

> Разговор за завтраком в гостинице немецкого города Бамберг, где в июле 2001 года проходил международный Конгресс по англистике.
>
> Официантка спрашивает у приехавшей на Конгресс англичанки:
>
> Официантка: Чай или кофе?
>
> Англичанка: Чай, пожалуйста.
>
> Официантка: Черный?
>
> Англичанка: Просто нормальный чай.
>
> Официантка: Черный?
>
> Англичанка: Просто нормальный чай!
>
> Официантка: Черный? Черный?!
>
> Англичанка (очень раздраженно): Просто нормальный чай!!! С молоком!
>
> Официантка 7 (облегченно): Спасибо.

Черный чай (black tea) в этом контексте противопоставлялся не зеленому чаю, а чаю с молоком, по аналогии с кофе, который может быть «черным» или «с молоком». Для англичанки нормальный, обычный чай (just ordinary tea) — это чай с молоком. «Непонятливость» официантки ее раздражала, а представить, что для кого-то «чай с молоком» не является нормой, она не могла. Несовпадение представлений о норме помешало коммуникации.

Норма как явление очень сложное свидетельствует о более высоком уровне развития общества. Норма нужна для соблюдения порядка, нравов, для воспитания молодежи.

Молодежь бунтует против норм, расшатывает их — и порождает новые нормы.

В студенческой газете «Лингва» факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова проблеме нормы посвящена страстная статья студентки Анастасии Феоктистовой, ярко иллюстрирующая отношение молодежи к нормам и правилам – культурным и языковым. Название статьи «Norm VS Norm» — «Норма против нормы» — тоже очень правильное и показательное.

«Norm VS Norm

Во что ты веришь? Ты веришь в то, что мир делится на нормальное и ненормальное, как полюса цветового спектра — черное и белое. И еще ты веришь в то, что это твои мысли. Что никто никогда не вбивал тебе в голову — ни пресса, ни культура твоей страны, ни друзья, ни родители, ни школа. Ты уверенно придерживаешься нормы, и тебе хорошо. И с тебя достаточно, потому что норма упрощает жизнь. Не надо думать о том, как правильно, ведь есть слово «нормально». Оно подходит для всех. «Нормально» — слушать Диму Билана в 15 лет. А слушать Бетховена — странно. Еще «нормально» ночью спать, а днем работать. Красить волосы в каштановый тоже «нормально». В сиреневый — нет.

Я расскажу тебе историю человека, которого все называют «фриком». Так и говорят: «Саша-фрик». А ты почитаешь и решишь, какое место норма занимает у тебя в голове.

Нас познакомили общие друзья — фанаты хоккейного клуба «Авангард» из Омска, — сказав, что Саша — один из самых преданных поклонников хоккея. Вы представляете себе тот слой молодежи, который часто называют «фанатьё»? Простая спортивная одежда, короткая стрижка и «фанка» на все домашние игры. «Фанка» — это абонемент. Саша выглядел иначе. Пирсинг на лице, татуировка во всю руку — черный, уже выцветающий ястреб – и линзы. Ярко-зеленые, как у Гарри Поттера. Майка — розового цвета, настолько кукольно-розового, что доводила до физического отвращения. Огромные наушники с орущим оттуда андерграундным панком. Он так явно выделялся из толпы в красно-бело-черных шарфах, да и в целом из толпы, что становилось страшно и неуютно находиться с ним рядом. И даже казалось, что

его лицо всегда можно выделить среди одинаковых светлых пятен лиц на трибуне.

Многие ненавидели его фриковатость. Его непохожесть на остальных, его молчание в порыве всеобщей эйфории, его презрительный игнор хоккейных сайтов.

Спустя три года, собирая материал для этой статьи, я вспомнила об этом человеке и решила с ним поговорить.

— Саша, ты фрик?

— Фрики любят шокировать. Это так. Надо быть наглым, уверенным в себе, надо… понимаешь, надо быть таким в душе, внутри. И не обращать внимания, что на тебя показывают пальцем. Тебя это должно заводить.

— Значит, быть фриком — это специально выпендриваться?

— Да, специально выпендриваться. Это вызов: вот вы все такие обычные, а я такой, совершенно другой. Это искусный и красивый вызов нормам, потому что никаких норм не существует. Их придумало и навязало нам общество. Возьмем большую группу людей — население страны, — у которой свои нормы. Вот как у нас, например. Мы плохо относимся к многоженству, говоря, что это ненормально. А почему нет? Для кого-то это нормально: может, не для тебя и не для меня, но для других. Для толпы хоккейных фанатов был неприемлем я: у нас разная степень ненормальности — в ком-то больше, в ком-то меньше.

Сначала были просто хиппи и панки, потом появились фрики. На Западе их полно. Они ходят по улице, покупают еду в супермаркете, и никто не оборачивается им вслед. У нас — нет. У нас фрики — это что-то, выходящее за пределы сознания гламурных обитателей Белокаменной. И если у тебя штаны в шотландскую клетку, а на голове зеленый беспорядок, то ты всегда будешь хуже нашего общества. Ты будешь хуже, потому что ты другой, и никто тебе не скажет, кто придумал этот закон, но каждый подтвердит, что это так. Прав тот, кто соответствует. У фриков нет градации и иерархии. Есть кич, есть сумасшествие, а градации — нет. А мы упорно продолжаем делить мир на нормальное и ненормальное, на белое и черное. Это все называется Система. Система нормы. А ты представь такую ситуацию: ты оказываешься в обществе, где странным считают тебя? Все твое: твою музыку, твои мысли, твои шмотки и книги. Странным и, следовательно, глупым и неправильным. Как тебе? Нормы формируются веками, а люди, нарушающие их просто из-за собственного существа или красивого позерства, симпатии не вызывают.

Я знаю, у нас есть шаблоны и правила. Закончить школу и не плакать, когда звучит школьный вальс, — это ненормально. Вый-

ти замуж в джинсах и косухе — тоже. И переобуваться в домашние тапки, когда приходишь попить кофе в студсовет.

Я знаю, что ты фрик. Потому что каждый человек — фрик. Ты являешься им ровно настолько, насколько тебе позволяют твои представления о норме.

Вспомни, сколько раз ты делал что-то, не свойственное тебе, чтобы не нарушить какую-нибудь глупую норму? Сколько раз ты боялся, что на тебя будут смотреть косо? И сколько раз ты через силу пытался это преодолеть и терпел недоуменные взгляды?

Я просто думаю, что стоит в кои-то веки забыть о том, что своим видом и поведением ты нарушаешь нормы какой-то прослойки общества. И не в форме протеста: не стоит делать ничего противного. Стоит что-то делать, если тебе этого хочется.

Нам говорят, что мы должны. Мы везде и всегда должны, если так посмотреть. Должны вставать в 8, иначе мы злостные лентяи. Должны отдыхать во время каникул, поддерживать отечественного производителя, уважать старших, вырастить сына и воспитать дерево. Должны непременно выйти замуж в белом, пригласив всех родственников из Нижнего Тагила.

А если жить без слова «должен»? Без «нормально» и «ненормально»? Без условностей? Без границ? Прыгать по лужам, лазить по крышам, петь песни во все горло — придумай свои список сам.

Мир без границ отчаянно прекрасен. Плохо только то, что полностью наплевать на условности в нашем мире очень сложно. Ведь все равно мы будем должны, а что должны — придумайте сами. Но если заменить «должны» на «можно» и впустить чуточку неподдельности, то будет гораздо лучше»[22].

[22] Лингва, 2007, № 4, сентябрь–октябрь, с. 10–11.

В немецком городке Пассау на кирпичной стене на берегу Дуная была надпись огромными черными буквами и почему-то по-английски: Fuck the Norm! Do what you want! [К черту норму! Делайте, что хотите]. Писали, наверное, молодые немцы (существительное Norm — с большой буквы…), на чужом языке легче нарушать нормы и использовать ненормативную лексику.

Нормы, таким образом, оказываются стимулом для развития общества и его культуры и языка, и борьба с ними мучительна и неприятна, но это нормальное (извините за невольную тавтологичность) явление, раздвигающее границы и культуры, и языка.

Нормы, как правило, зарождаются из традиций, но затем, в отличие от традиций, они легитимизируются, санкционируются определенными письменными правилами, — справочниками этикета, поведения, запретами информативно-регуляторского типа (*по газонам не ходить, не сорить — штраф …рублей*).

Недаром в одном из определений норма — это узаконенное установление. А если учесть, что слово *установление* в том же словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как *закон*, правда с пометкой *устар.*, то «норма» это *узаконенный закон*. Традиции же самодостаточны, они не нуждаются в документированной поддержке. Соотношение норм и традиций — еще один параметр различия культур: в некоторых западных культурах больше норм и меньше традиций, в восточных — и в России, стоящей на перепутье — наоборот, меньше норм и больше традиций.

Положение о том, что нормы культуры рождаются из традиций, или в результате сознательной кодификации, что они узаконенные, то есть «законные дети» традиции, обусловливает диалектичность процессов установления нормативности и развития культуры. Диалектичность эта проявляется в том, что **культура — это и продукт, и источник нормативности, она одновременно и обогащает человека, и обедняет его,** обедняет именно потому, что сдерживает его нормами, не дает реализовать все свои возможности.

По определению выдающегося лингвиста О. С. Ахмановой, **языковая норма** — «это принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида»[23].

[23] *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. УРСС, 2004.

Нормализованный, или нормативный, язык называют стандартным (Standard English), литературным, правильным, то есть соответствующим нормам данного языка.

Споры по поводу необходимости введения норм и следования им продолжаются уже несколько веков, однако большинство лингвистов — и теоретиков, и практиков — не сомневаются в их необходимости — особенно в обществах, где существуют разные локальные и социальные разновидности общенационального языка. Возникновение языковых норм и их кодификация — свидетельство высокого уровня развития языка, литературы и речевого коллектива.

Нормативность языковых единиц, форм, сочетаний зарегистрирована в словарях и грамматиках. Нормативность — условие «обоюдного кода» (shared code), без которого общение либо затруднено, либо вообще невозможно.

В языке, как и в общественном поведении, происходит расшатывание и изменение норм — процесс болезненный, но неизбежный в живом, развивающемся обществе.

Интересные процессы нарушения и упрощения норм происходят в связи со статусом и функциями современного английского языка, все более укрепляющим свои позиции как глобальное средство общения между народами. Эти вопросы детально исследуются в работах Л. Ю. Афанасьевой. Автор рассматривает два главных направления развития английского как глобального: «...Под влиянием английского языка может меняться типология языков, может изменяться лексика и многое другое. В результате происходит расшатывание нормы в языках. Говоря о самом английском, следует отметить две основные тенденции его развития. Первая — это дальнейшая унификация с целью международного использования, которая приводит к сокращению объема лексических единиц и упрощению грамматических форм для того, чтобы он мог стать удобным и простым средством международного общения. Вторая тенденция — это внутреннее развитие языка, изменение нормы внутри англоязычного сообщества» [24].

Особенно резко и поэтому заметно расшатывание и изменение языковых норм происходит в моменты общественных потрясений — революций, войн, геополитических катаклизмов. В России это произошло дважды за один только XX век. Во-первых, после революции 1917 года, когда вместе с победившими рабочими и крестьянами в литературный язык тогдашней России ворвался «язык улицы», по выражению А. Синявского[25]. Во-вторых, в 1990-х годах, когда ложно понятая «свобода слова» вылилась в анархию и вызывающее, намеренное нарушение норм литературного языка, давно переварившего, «причесавшего» «лохматый» язык улицы в результате огромной нормативной и лексикографической деятельности советских лингвистов. Во время этой второй и пока последней революции за изменением норм стояли интеллигенты, то есть образованная часть общества. В 1917 году процесс изменения норм литературного языка был естественным: рабочие и крестьяне, полуграмотные или просто неграмотные (вспомните огромное, многомиллионное движение «ликбеза» — ликвидации безграмотности взрослого населения) не знали нормативного языка; в 1990-х годах это было намереное нарушение норм образованными людьми, символизирующее свободу от оков советской власти. В результате в современном русском литературном языке доминируют две тенденции: безумное, неоправданное, ненужное заимствование иностранных слов (главным образом, конечно, из английского языка) и лихое эпатажное употребление сниженной лексики: бранных слов и выражений, жаргонизмов и т. п. — то, что лингвисты называют *варваризацией* языка. В XIX веке образованные слои общества просто перешли на французский язык, мы же сейчас в основном коверкаем оба языка — и русский, и английский. Переварит ли русский язык эти две «бомбы» — и англицизмы и вульгаризмы — и какие новые нормы сложатся в результате, покажет время.

[24] *Л. Ю. Афанасьева. Становление и развитие норм английского и итальянского языков. М., 2006.*

[25] *См.: A. Sinyavsky. Soviet Civilization. A Cultural History. New York, 1988.*

Языковые нормы как основа литературного языка (не путать с языком художественной литературы: академик В. В. Виноградов давно и очень убедительно показал разницу этих двух разновидностей) всегда привлекали внимание лингвистов. Однако сейчас, когда принят наконец-то Федеральный закон о русском языке как государственном[26] в Российской Федерации, проблемы языковой нормы вышли на первый план.

На специальном заседании Межведомственной комиссии по русскому языку, в которую преобразовался Федеральный Совет по русскому языку при Правительстве РФ, проведенном сразу после принятия Закона, главный вопрос повестки дня был сформулирован следующим образом: «Об определении Правительством Российской Федерации порядка утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».

Проект решения Комиссии после обсуждения основного доклада, сделанного ректором Санкт-Петербургского государственного университета Л. А. Вербицкой, в концептуальной части гласил:

> «1. Под языковой нормой обычно понимают совокупность наиболее устойчивых, освященных традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху. В соответствии со структурой языка различаются орфоэпические, лексические, грамматические (словообразовательные, морфологические, синтаксические), орфографические, пунктуационные нормы. Все эти нормы важны для обеспечения функционирования русского языка как государственного.
>
> Нормы современного русского литературного языка фиксируются в грамматиках и толковых словарях, они изменчивы и складываются в практике языкового общения образованных носителей языка. Это непрерывный процесс, отражающий динамику общественной жизни. Регламентация этих норм требует постоянного анализа функционирования литературного языка в сопоставлении с предшествующими стадиями его развития. Для этого необходимы постоянные и многолетние наблюдения над употреблением литературного языка в разных речевых жанрах, нужны специальные карточки и базы данных исторических и диалектных словарей и атласов. Таким образом, требуются исследования фундаментального характера, результаты которых закрепляются в словарях и грамматиках, то есть кодифицируются.
> 2. Поддержание языковой культуры, соблюдение норм в употреблении литературного языка является важнейшей задачей языковой политики современного государства».

Озабоченность на уровне Правительства страны в отношении языковых норм вполне понятна: принят Закон, его соблюдение должно опираться на некий свод нормативов, своего рода кодекс литературного языка. В наши дни, когда свободу подменили вседозволенно-

[26] Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

стью, когда нормы интенсивно нарушаются, введение законов ставит целью укрепление норм. Однако для того чтобы укрепить, нужно их сначала четко сформулировать и зарегистрировать в некоем официальном документе. В отношении норм поведения это сделать легче, чем в отношении языковых норм: все многообразие непрерывно творящегося и изменяющегося живого языка втиснуть в жесткие рамки практически невозможно. Впрочем, рамки и не должны быть слишком жесткими: нарушение норм — тоже процесс живой, естественный и во многом прогрессивный.

Языковые нормы так же диалектичны, как нормы культурные: на них, вернее на отклонениях от них, зиждется вся художественность, экспрессия, эмоциональность, все то, что позволяет языку выполнять, наряду с информативной функцией, функцию воздействия. Без языковых норм стилистические приемы утратили бы свою эффективность. Иными словами, для тех языковых сфер, где преобладает функция воздействия, — публицистика, проповеди, художественная литература — нормы нужны для того, чтобы можно было их нарушать и таким образом обыгрывать. Именно тексты (устные и письменные), направленные на воздействие, то есть на то, чтобы вызвать у слушателя или читателя эмоционально-оценочные реакции, играют роль творческих лабораторий, где раскрываются потенции языковых единиц, испытываются новые формы, оттенки значений, возникают новые неожиданные коннотации, где таким образом ломаются старые нормы и на их обломках рождаются новые.

Если художественный текст уподобить прекрасному гобелену, то вышивкой, которая превращает кусок холста в произведение искусства, будут отступления от нормы в виде различных стилистических приемов, неожиданных словосочетаний, игры слов, деформации идиом и других проб, экспериментов, находок художников слова. Однако холст, основу всей этой вышивки составляет **нормативный** язык, тот самый обоюдный код, который делает возможным общение и взаимопонимание. Таким образом, **нормы и борьба с ними способствуют развитию и языка, и культуры.**

Идеология. Менталитет. Остановимся теперь на этих важнейших понятиях и их соотношении с культурой.

Рассмотрим определения термина *идеология/ideology* в российских и британских словарях. Сопоставление этого слова-понятия в столь разных языках, отражающих столь разные идеологии, особенно интересно, уместно и полезно.

Идеология — система идей и взглядов: политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических, — в которых осознается и определяется отношение людей к действительности, выражаются интересы социальных групп (Словарь иностранных слов. М., 1979).

Идеология — система идей, представлений, понятий, выраженная в различных формах общественного сознания (в философии, политических взглядах, праве, морали, искусстве, религии). Идеология является отражением общественного бытия в сознании людей и, раз возникнув, в свою очередь активно воздействует на развитие общества, способствуя ему (прогрессивная идеология) или препятствуя ему (Современный словарь иностранных слов. М., 1992).

Идеология — система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество (*С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1993).

Английские словари определяют идеологию, а вернее то, что обозначено словом *ideology*, следующим образом:

> **Ideology** 1 — manner of thinking, ideas, characteristic of a person, group, act as forming the basis of an economic or political system: bourgeois, Marxist and totalitarian ideologies (The Advanced Learner's of Current English. 2nd Ed. London, Oxford University Press, 1967) [**Идеология 1** — образ мысли, идеи, характеристика человека, группы людей и т. д., образующие основу экономической или политической системы: буржуазная, марксистская и тоталитарная идеологии].

> **Ideology.** An ideology is a set of beliefs, especially the political beliefs on which people, parties, or countries base their actions (Collins COBUILD Essential English Dictionary. London, Glasgow, 1990) [**Идеология.** Набор верований, преимущественно политических убеждений, которые лежат в основе действий народа, партии или страны].

> **Ideology** — *sometimes derog.* a set of ideas, esp. one on which a political or economic system is based: Marxist ideology | the free market ideology of the extreme right (Dictionary of English Language and Culture. Longman Group Ltd., 1993) [**Идеология** — *иногда пренебр.* набор идей, особенно такой, на котором основываются какие-то экономические или политические системы: *Марксистская идеология, идеология свободного рынка крайних правых*].

> **Ideology.** Science of ideas; visionary speculation; manner of thinking characteristic of a class or individual, ideas at the basis of some economic or political theory or system, as *Fascist, Nazi,* ~ (The Concise Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1964) [**Идеология.** Наука об идеях; умозрительные размышления; образ мышления класса или индивида; идеи, лежащие в основе экономической или политической теории или системы, например *Фашистская, нацистская И.*].

Определения идеологии и *ideology* сходятся на том, что это некий набор (set), система идей и/или верований (beliefs). Далее определения расходятся. Все английские концентрируют внимание на том, что этот набор идей лежит в основе политических и экономических теорий или систем. Иногда уточняется, что этот набор идей характерен для партий, народа, страны, группы и даже одного человека (a person, an individual).

Русские определения также говорят, хотя и довольно расплывчато, о неких «социальных группах», которые выражают свои интересы через идеологию, но не упоминают ни политическую, ни экономическую системы, базирующиеся на идеологии и определяющие ею свою деятельность. Вместо этого акцент делается на отражении этой системы идей в разных формах общественного сознания.

Заслуживающим внимания моментом является некоторая негативная окраска слова *ideology*: Longman Dictionary of Contemporary English (Longman Group Ltd., 1993) прямо указывает на это пометой «sometimes derog.» (т. е. derogatory 'пренебрежительный'). The Concise Oxford Dictionary приводит только негативные примеры — фашистскую и нацистскую идеологии. В английском языке и менталитете и марксистская идеология не вполне позитивна. Русское слово *идеология* — это общественно-политический термин, оно вполне нейтрально и вне контекста (ингерентно) не имеет негативных стилистических коннотаций.

Интересные данные по истории и развитию термина и понятия *идеология* приводит О. А. Козюлина в своем исследовании вопроса о национальном менталитете.

> «Термин «идеология» был предложен французским философом и экономистом Дестютом де Траси в начале 19-го века для обозначения науки об идеях, позволяющей установить твердые интеллектуальные основы для политики, этики и иных сфер общественной жизни и гуманитарных наук.
>
> Однако в качестве всеохватывающей науки идеология в значительной степени обладала утопическим характером. Для реализации выработанных в ее рамках теоретических и идейно-ценностных концепций на тот момент не было ни социального поля, ни носителей идей (людей и институтов), способных в этом отношении заменить традиционные для старой культуры общественные и политические институты. В связи в этим понятие идеологии закономерно перешло из лагеря беспристрастной науки на просторы политической борьбы за умы и сердца людей.
>
> ...К середине 19-го века идеология уже определяется главным образом в политической сфере как совокупность идей и теорий, в ложной, мистифицированной форме выражающих интересы больших социальных групп. Идеологический характер принято стало приписывать фактически любому социальному явлению, если оно имело отношение к формулировке целей или программ социальной деятельности, направленной на изменение или сохранение существующих общественных отношений. Термин «идеология» стал служить инструментом для выражения и характеристики внешней политической направленности концепций и институтов общества. Вследствие своего, как считалось, изначального качества «ложности» («лживости»), понятие идеологии приобрело в значительной степени негативный оттенок, поскольку ассоциировалось с тем, что внушается, насаждается, поддерживает диктат и принуждение. И в наши дни применение термина зачастую носит спекулятивный характер (прибавлением слова «идеология» к какому-либо термину можно исказить и/или дискредитировать его содержание: «идеологическое общество», «идеологическая концепция», «идеологизированная жизнь» и т. д.).
>
> Рассматривая идеологию в единстве разных определений, можно сделать следующие выводы:
>
> — идеология представляет собой ориентированную на действие и логически согласованную систему идей, выражающую интересы социальных групп общества;
>
> — идеологическое мышление основано на сознательном или неосознанном искажении реальности;
>
> — идеология может быть представлена политическим учением, социологической теорией, программой действий, глобальной стратегией, социальным прогнозом, религиозной доктриной, нормативным кодексом и т. д.;
>
> — в содержание идеологии должна входить апологетика существующего социального строя, создание образов врагов как носителей зла, выработка у людей определенного субъективного отношения к явлениям бытия (определенной системы их оценки);
>
> — идеология навязывает определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т. п.;
>
> — идеология возникает на сравнительно высоком уровне менталитета, так как оперирует сложными понятиями, нуждающимися в истолковании и интерпретации» [27].

Соотношение понятий *культура* и *идеология* более или менее ясно из определений. Идеология — явление авторское, то есть у нее имеются родители: авторы или даже автор и, соответственно, «дата рождения». Этот последний аспект отражен в определении идеологии в «Современном словаре иностранных слов» деепричастным оборотом «раз возникнув». Культура же выработана всем этносом, всем народом в течение продолжительного времени, это величина гораздо более постоянная, чем идеология.

[27] *О. А. Козюлина.* Язык как зеркало национального менталитета (на материале современной американской эссеистики). Кандидатская диссертация (в работе).

Простое и емкое определение культуры и идеологии сформулировала студентка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова: «Культура — это «как есть», а идеология — «как надо».

С. С. Аверинцев в своем докладе в Московском государственном лингвистическом университете 16 апреля 1999 года привел следующий пример соотношения культуры и идеологии: «Древний Рим, завоевав Грецию, навязал ей свою идеологию, но культура Греции была настолько сильнее римской, что она покорила римлян. Плененная Греция взяла в плен дикого победителя». Этим примером Аверинцев проиллюстрировал мысль о том, что «нельзя сказать, что одна культура выше или лучше другой, но можно сказать, что она прагматически сильнее и конкурентноспособнее».

Яркий пример, иллюстрирующий различие между культурой и идеологией, представляет собой опыт современной России. Действительно, на наших глазах кардинально и молниеносно изменилась идеология (а с ней и идеологические науки): идеология капитализма легла в основу политической и экономической систем, в полном соответствии с определением слова *ideology*, придя на смену идеологии социализма (и в идеологических науках также).

Что же касается русской культуры, то несмотря на некоторые, пусть существенные, новые влияния (интенсивное проникновение западной массовой культуры и т. п.), нельзя сказать, что она радикально и мгновенно изменилась. Слава богу, в своей основе русская культура, так же как и русский национальный характер, осталась прежней. Она развивается достаточно медленно и меняется достаточно неохотно.

В специальной работе, посвященной определению такого сложного понятия, как менталитет, Л. В. Лесная предлагает следующее определение:

> **Менталитет** — это обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания на субъект менталитета, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой устойчивую совокупность социально-психологических качеств и черт, их органическую целостность (менталитет россиян, немцев, французов, украинцев, белорусов, чеченцев, сербов и т. д.), определяющих многие стороны жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике их государственности и различных общественных отношениях[28].

[28] *Л. В. Лесная.* Менталитет и ментальные основания общественной жизни. Социально-гуманитарные знания. М., 2001, с. 139.

В этой же работе проводится грань между **менталитетом** и **ментальностью.** В отличие от менталитета под ментальностью следует понимать частичное, аспектное проявление менталитета не столько в умонастроении субъекта, сколько в его деятельности, связанной или вытекающей из менталитета. Поэтому в обычной жизни чаще всего приходится иметь дело с ментальностью, нежели с менталитетом, хотя для теоретического анализа важнее последний.

Проблема менталитета получила в последние десятилетия особую остроту в России, поскольку провалы экономической политики нашего правительства, построенные по западным моделям, оказалось удобным «оправдать» российским менталитетом. (Об этом писал, например, мэр Москвы Ю. М. Лужков в статье «Стратегия экономического развития России — шаг в XXI век». Вопросы экономики, 1998, № 12).

Предполагается, что менталитет — это нечто глубинное и поэтому медленно меняющееся. «Инерция является исторической силой исключительного значения. Менталитеты изменяются более медленно, чем что-нибудь другое, и их изучение учит, как медленно шествует история»[29].

[29] Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1992.

Краткое и четкое определение менталитета дает «Современный словарь иностранных слов» (М., 1992): «Склад ума, мироощущение, мировосприятие, психология».

Иными словами, **менталитет — это мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и общества в целом.**

Идеология и менталитет соотносятся с культурой как часть с целым, то есть культура в широком этнографическом смысле слова (именно такое толкование используется в этой книге) включает в себя и идеологию, и менталитет. Язык и идеология взаимодействуют друг с другом: идеология оказывает большое влияние на язык, но и язык влияет на идеологию.

Концепт. Культура, как и язык, не может существовать вне человека. Она существует в виде неких **концептов**, ментальных образований. Наиболее распространенное определение концепта дал академик Ю. С. Степанов в своем «Словаре русской культуры»:

> «Концепт — явление того же порядка, что и понятие. Концепт — это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. С другой стороны, кон-

цепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее...

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; а с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры, — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания истории, современные ассоциации, оценки и т. д.

В понятии, как оно изучается в логике и философии, различают **объем** — класс предметов, который подходит под данное понятие, и **содержание** — совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу. В математической логике термином *концепт* называют лишь содержание понятия; таким образом, термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл*. В то время как термин *значение* становится синонимичным термину *объем понятия*»[30].

Термин «концепт» сейчас один из самых распространенных и «модных» в разных гуманитарных науках: в филологии, культурологии, философии, логике. Как обычно бывает в таких случаях, каждая наука — и отдельные ученые тоже! — интерпретируют и модифицируют его по-своему.

Как отмечает Ю. Е. Прохоров в своей книге с «говорящим» названием «В поисках концепта»: «...Частотность использования слова «концепт» может соперничать только с количеством разных его интерпретаций»[31].

Это правдивое утверждение предваряет весьма убедительная (даже просто поразительная, когда это представлено единым блоком) подборка признаний известных ученых[32].

> «Интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разнобой в понимании самого термина «концепт». Употребление этого термина стало модным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям»[33].
>
> «В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами»[34].
>
> «В последние годы использование термина «концепт» выполняет роль своеобразного сигнала, который при поверхностном наблюдении воспринимается как свидетельство «современности» того или иного научного исследования»[35].
>
> «Термин «концепт» определить трудно, так как у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем»[36].

[30] *Ю. С. Степанов.* Словарь русской культуры. М., 2001.

[31] *Ю. Е. Прохоров.* В поисках концепта. М., 2004, с. 13.

[32] *Ю. Е. Прохоров.* Указ. соч., с. 11–12.

[33] *З. Д. Попова, И. А. Стернин.* Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж, 2002, с. 3.

[34] *В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Сб. научных трудов. Воронеж, ВГУ, 2001, с. 75.

[35] *А. А. Залевская.* Концепт как достояние индивида. Психолингвистические исследования слова и текста. Сб. научных трудов. Тверь, 2002, с. 5.

[36] *Е. И. Зиновьева.* Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. СПб., 2003, с. 16.

> «Термин «концепт», как и ряд других терминов («дискурс» или «языковая личность», например), относится к числу модных. Им пользуются многие авторы, но, к сожалению, далеко не все берут на себя труд объяснить, что же они имеют в виду и что, на их взгляд, стоит за самим термином, а из того, что пишут авторы, это далеко не всегда бывает понятно»[37].
>
> «Ключевым, наиболее частотным термином в когнитивной лингвистике является концепт. Разнобой в понимании этого термина чрезвычайно широк...»[38].
>
> «Концепт — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики»[39].

Стереотип. Прежде чем определить еще один важнейший для этой работы термин — *национальный характер*, остановимся кратко на понятии «стереотип».

О стереотипах написано много, пишется сейчас еще больше, так как эта тема стала модной, то есть попала в центр внимания и ученых, и широких общественных кругов[40].

Стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта»[41].

Английские словари дают аналогичные определения слова *stereotype*: «fixed mental impression [фиксированное умственное представление]» (The Concise Oxford Dictionary); «a fixed pattern which is believed to represent a type of person or event [фиксированный образец, который принято считать представлением о типе человека или события]» *(Longman Dictionary of Contemporary English)*.

Ключевые слова в понятии *стереотипа* — это, с одной стороны, *схематический, стандартизированный*, а, с другой стороны, *фиксированный, привычный, устоявшийся*.

В этой работе речь пойдет об этнокультурных стереотипах как об устоявшихся схематичных представлениях о типичных чертах народа или людей этнической общности.

Принято различать **автостереотипы** — представление о своем народе и своей культуре (в нашей популярной сейчас терминологии «русские глазами русских») и **гетеростереотипы** — схематично обобщающие взгляды на другие народы и культуры. Именно гетеростереотипы оказываются источником национальных предубеждений и, следовательно, межэтнических и межнациональных конфликтов.

Стереотипы связаны с понятием нормы, описанным выше. Принятие нормы ведет к стереотипизации, так как нормы — это некие рамки, шаблоны, стандарты.

Стереотипные представления могут привести к конфликтам или просто к неловким ситуациям.

[37] *В. В. Красных.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003, с. 266.

[38] *Е. Е. Юрков.* К вопросу о базовых понятиях лингвокультурологии // Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах. СПб., 2003, с. 15.

[39] *Л. А. Грузберг.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003, с. 184.

[40] См. об этом, например: *А. В. Павловская.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998.

[41] Краткий политический словарь. М., 1987, с. 447.

Вот пример из очень распространенных ныне культурологических учебников по проблемам деловых отношений.

На банкете конференции по международным отношениям напротив американца сидел человек, выглядевший как представитель Азии. Американец, чтобы начать дружескую беседу, спросил его очень громко и на очень примитивном английском: «Like food?». Азиат кивнул, но ничего не ответил.

В программе банкета была и деловая часть, во время которой этот человек был представлен как известный заслуженный профессор экономики из престижного университета. После выступления на безукоризненном английском он вернулся к своему месту за столом и спросил американца очень громко: «Like talk?»[42].

Поведение американца, поставившее его в глупое положение, было вызвано его стереотипным представлением об «иностранцах» из Азии как о людях примитивных, с которыми надо разговаривать на примитивные темы примитивным языком. Как всегда, язык — главный участник культурных контактов. И, как всегда, он — и друг и враг.

Слова *стереотип, стереотипный* имеют негативную окраску и в русском, и в английском языке, так как определяются через слово *шаблонный*, в свою очередь определяемое как 'избитый, лишенный оригинальности и выразительности'. Это не вполне справедливо по отношению к слову *стереотип* вообще, а в контексте проблем культурной антропологии — в особенности. При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок. «Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира»[43]. Они могут служить мостиками в другую культуру.

Возможно, для того чтобы избежать негативных коннотаций слова *стереотип*, в последнее время появляются предложения заменить это слово сочетаниями *культурные обобщения* (cultural generalizations), *культурные ожидания* (cultural expectations)[44].

Национальный характер. Все термины-понятия, приведенные выше, сложны, расплывчаты и трудны как для восприятие, так и для определения. Но самый сложный и вызывающий самые большие споры — **национальный характер**.

[42] Decisionmaker. Cambridge University Press, 1997.

[43] *А. В. Павловская.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998.

[44] *Ulla Ladau-Harjulin.* Rapport and credibility, using English as a Lingua Franca. IATEFL, 2002.

Определение национального характера, данное в словаре Брокгауза и Ефрона, иллюстрирует это наилучшим образом: «...Нечто настолько трудно уловимое, настолько неясное и неопределенное, что только с большим натяжением можно класть в основу различия»[45].

Что такое национальный характер? Существует ли он вообще? Насколько правомерно обобщение типичных черт целого народа, когда хорошо известно, что все люди – разные? Английская пословица на эту тему гласит: *It takes all sorts to make a world* [*Мир составляют люди разного сорта*]. Можно ли сказать, что *It takes one sort to make a nation*, то есть что народ составляют люди одного сорта? Или под национальным характером подразумевается стереотипный набор качеств, приписанных одному народу другими, часто не вполне дружественными?

Сложность и противоречивость этого понятия подчеркивает терминологический разнобой — обычная проблема всех гуманитарных наук. Н. А. Ерофеев говорит об **этническом представлении** как «словесном портрете или образе чужого народа»[46], С. М. Арутюнян — о **психологическом складе нации**, представляющем «своеобразную совокупность разнопорядковых явлений духовной жизни народа»[47]. Однако наиболее распространенным остается термин **национальный характер**.

Распространено также мнение о национальном характере, согласно которому это не совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт.

Академик В. Г. Костомаров в пленарном докладе на открытии «Недели русского языка во Франции» в марте 1998 года говорил то же самое о национальной культуре: «Национальная культура — это отнюдь не набор уникальных черт, свойственных данному народу, а специфический набор общечеловеческих черт и идей». Ю. В. Бромлей также говорит «лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления»[48].

Приведем рассуждения о национальном характере Н. А. Ерофеева в его интересном и глубоком исследовании об Англии и англичанах глазами русских:

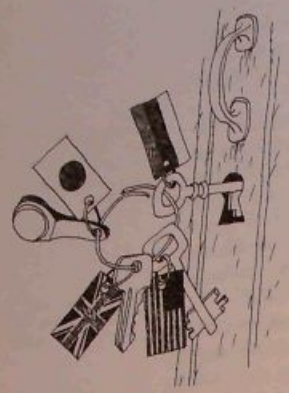
> «Почему мы уверены, что большинство американцев деловиты, а большинство итальянцев музыкальны? Разве кто-нибудь подсчитывал действительное число тех и других в общей массе населения этих стран? И почему на основании выборочных наблюдений и впечатлений мы можем испытывать к одному народу устойчивые симпатии, а к другому столь же стойкую антипатию? Причем эти чувства мы не только проносим через всю жизнь, но и завещаем их своим детям и внукам. Таких проблем, ожидающих решения, очень много.
>
> Одна из наиболее сложных — а может быть, и самая сложная — проблема так называемого национального характера, который в каждом этническом образе занимает важнейшее место.
>
> На уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, являет-

[45] Новый энциклопедический словарь (бывш. издательство «Дело Брокгауза и Ефрона»). 1916, т. 22.

[46] *Н. А. Ерофеев.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982, с. 7.

[47] *С. М. Арутюнян.* Нация и ее психический склад. Краснодар. 1966, с. 23

[48] *Ю. В. Бромлей.* Этнос и этнография. М., 1975, с. 94.

ся как бы аксиомой. Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого. Оно укрепляет убеждение в том, что люди этой общности во многих отношениях сильно отличаются от нашей: об этом свидетельствуют черты их жизни и быта, порой даже внешний облик людей, их поведение и пр. У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия, или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймем все особенности данного народа? Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории»[49].

[49] *Н. А. Ерофеев.* Указ. соч., с. 12.

Некоторые исследователи считают, однако, что национальный характер существует только в бытовом, но не в научном сознании, что всякое обобщение на уровне «типичных» черт народа условно и натянуто[50].

[50] *См.: В. И. Козлов, Г. В. Шепелев.* Национальный характер и проблемы его исследования // Советская этнография, 1973, № 2, с. 69–83.

Вот мнение на эту тему из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 января 1859 года: «Для народов существуют общие характеристики; французов называют ветреными, англичан — себялюбивыми, русских — терпеливыми и т. д.; но боже мой, сколько каждый из нас встречал глубокомысленных французов, самоотверженных англичан и крайне нетерпеливых русских...»

Особенно резко по этому поводу высказался крупнейший современный немецкий писатель Генрих Бёлль, раздраженно высмеивавший представления о национальном характере народов как «беллетристические предрассудки», где «русские непременно с бородой, одержимые страстями и немного фантазеры; голландцы неуклюжие и, как дети, наивные; англичане скучные или немного «оксфордистые»; французы то чрезмерно чувственные, то невероятно рассудочные; немцы либо целиком поглощены музыкой, либо беспрестанно поглощают кислую капусту; венгры, как правило, безумно страстные, таинственные и накаленные, как нить электрозажигалки»[51].

[51] Цит. по: *Н. А. Ерофеев.* Указ. соч., с. 18.

Представление о «национальном характере» родилось не в научных кругах: его использовали путешественники, затем географы и позднее этнографы для описания особенностей образа жизни, поведения, нравов различных народов или этнических групп, жизнь которых они наблюдали.

В 30–40-х годах XX века неожиданно вспыхнул особый — военный — интерес к понятию национального характера. Серьезно к этому вопросу подошли и немцы, и американцы.

Как известно, в период Второй мировой войны, перед тем как напасть на Россию, фашистская Германия усиленно собирала информацию о России и русских, и немаловажным источником оказалась русская художественная литература. Именно по ней германские лидеры

составили суждение о русском национальном характере. Россию посчитали «колоссом на глиняных ногах»: толкни и рассыпется страна, населенная метущимися, рефлексирующими «мягкотелыми» интеллигентами — безуховыми, нехлюдовыми, мышкиными, раскольниковыми, дядями ванями, ивановыми и т. п.

Американцы подошли к этому вопросу серьезно и научно: «Понимание психологии врагов и их лидеров было бы полезно для планирования действий в военный и послевоенный периоды, а также было бы полезно знать психологические характеристики союзников: особенно, если они когда-нибудь могут стать врагами. Подобным же образом знание американского национального характера может помочь поднять моральный уровень и боевой дух»[52].

[52] *Ph. K. Bock.* Culture shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. N.-Y., 1970.

В качестве источников, подтверждающих существование национального характера, были выделены[53]:

1. Международные анекдоты, полностью базирующиеся на стереотипных представлениях о том или ином народе. Эти стереотипы не столько отражают некие наиболее существенные и типичные черты народа, сколько формируют их и в глазах других народов, и в собственных глазах. (Сколько русских за границей пьют водку только для того, чтобы подтвердить ожидаемую от них стереотипную русскость, носят павлово-посадские шали и ведут себя так, как они не ведут себя дома).
2. Национальная классическая литература, несколько «подпорченная» как источник индивидуальным авторством и субъективным взглядом на мир.
3. Фольклор, или устное народное творчество, как наиболее надежный из всех перечисленных выше источник сведений о национальном характере. Действительно, хотя в произведениях устного народного творчества стереотипны не только герои, персонажи, но и сюжеты, сам факт, что они представляют собой коллективное творчество народа, что они «обкатаны» в устных передачах из поколения в поколение, как морская галька, не имеющая первоначальных индивидуальных изгибов, изломов и зазубрин, и что поэтому они лишены субъективизма индивидуально-авторских произведений, — все это делает их наиболее надежным источником и хранилищем информации о характере народа.
4. Последним по порядку, но отнюдь не по значению *(last, but not least)*, самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является Его Величество Национальный Язык. Он и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера. Недаром Иван Ильин определял язык как «фонетическое, ритмическое и морфологическое выражение народной души»[54].

[53] См. об этом подробно: *С. Г. Тер-Минасова.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004., с. 168–182.

Для более полного представления о национальном характере представляется важным наблюдение О. Козюлиной о его отличии от понятия «картины мира»: «Если концепция «национального характера» ка-

[54] *И. Ильин.* Сущность и своеобразие русской культуры. М., 1996, № 1, с. 171.

сается прежде всего взгляда на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то картина мира, напротив, изучает взгляд члена культуры на внешний мир». В обоих случаях речь идет о контакте с внешним миром, с другими культурами, с другими народами.

Определив ключевые термины-понятия, оговорим еще раз важный принцип, лежащий в основе этой работы.

Взаимосвязь языков и культур, необходимость их соизучения не вызывает сомнения. Однако следует еще раз подчеркнуть, что существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и тем более культур. Это настойчивое «тем более» призвано привлечь особое внимание к невидимости культурного барьера на уровне одной культуры[55].

Все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной.

Андрей Макин, современный французский писатель русского происхождения, в своей книге «Le testament français» («Французское завещание») говорит о том, что все его русские родственники прислушивались к мнению его бабушки — француженки Шарлотты — с особым вниманием и интересом, поскольку она приехала в Россию из Франции добровольно, по своему выбору, видела русскую жизнь через призму иной культуры и открывала им глаза на некоторые неожиданные аспекты их жизни:

«Дело в том, что Шарлотта как бы сохраняла свою экстерриториальность под русским небом. Жестокая история огромной империи, с ее голодом, революциями, гражданскими войнами, не имела к ней отношения... У нас, русских, выбора не было. Но она? Глядя на Россию глазами Шарлотты, они не узнавали свою страну, потому что то был взгляд иностранки, иногда наивный, но зачастую более проницательной, чем они сами. В глазах Шарлотты отражался тревожный, полный стихийных откровений мир — непривычная Россия, которую им нужно было познать»[56].

Вот что сказал по этому поводу великий Вильгельм фон Гумбольдт: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия».

А Владимир Набоков на вопрос «Как он себя чувствует при переходе с русского языка на английский и наоборот?» — ответил:

«Я открываю новый мир и испытываю интеллектуальное счастье».

[55] «В качестве этнических символов могут выступать элементы как материальной, так и звуковой культуры. Но этнознаковая функция вовсе не является внутренним их свойством. Она проявляется лишь при условии контактов между этносами. Поэтому один и тот же элемент культуры может в одном случае выражать этническую специфику и не иметь ее в другом» (*Ю. В. Бромлей*. Этнос и этнография. М., 1973, с. 66).

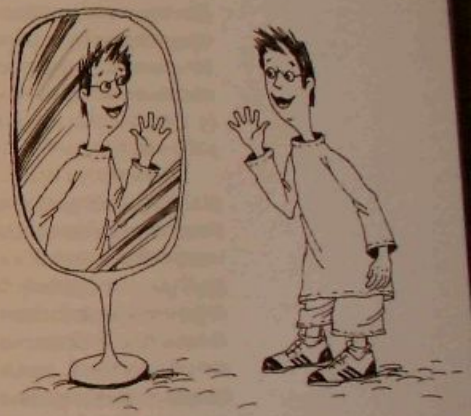
[56] *А. Макин*. Французское завещание. Пер. Ю. Яхниной и Н. Шаховой // Иностранная литература, 1996, № 12, с. 49.

Глава II

«Другому как понять тебя?» Различие культур

Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Ф. И. Тютчев. «Silentium»

Понятия об искусстве так же
условны, как понятия о добре и зле.
Каждый век, каждая страна смотрят
на добро и зло различно; что
считается доблестно в одной стране,
то в другой признается преступлением.
А. Апухтин

«Рознь языков» ясна человечеству со времен Вавилонской башни. Языковой барьер труден, но очевиден. Чужой язык (жаргон, диалект), как Цербер, сторожит свое царство. Этого сторожа нельзя обойти, подкупить, обмануть, но с ним можно подружиться: его можно выучить. Не сразу, не так быстро, не «английский за три недели», но можно, и миллионы людей этот барьер преодолевают.

Однако знание языка еще не гарантирует радостей общения. «Через 15 лет выучишь английский и будешь говорить сам с собой». Для того чтобы «говорить с другими», легко и эффективно общаться, нужно преодолеть еще и барьер культурный — гораздо более грозный, опасный и трудный.

Чем же барьер культур труднее, «хуже» барьера языков?

В отличие от языкового, он невидим и не ощущаем. Столкновение с другими, чужими культурами всегда неожиданно. Родная культура воспринимается как данное, как дыхание, как единственная возможность видеть мир вокруг себя, жить по определенным, родным правилам, в соответствии с общепринятыми нормами, традициями, привычками. Осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, приходит только при столкновении (знакомстве, взаимодействии) с иной культурой, особенно той, которая живет в *иных странах*, то есть иностранной.

Впрочем, и в одной стране, у одной нации, объединенной одним языком, могут быть весьма значительные различия культур, обуслов-

ленные самыми различными факторами, в том числе как местом проживания, так и принадлежностью к разным социальным группам.

Простой пример «локального конфликта культур» привел первокурсник факультета иностранных языков и регионоведения МГУ Сергей Макаров, приехавший учиться в Москву с юга России: «Там, где я живу (на кавказских Минеральных Водах) принято, когда ты подходишь к своему знакомому, а рядом с ним стоят еще несколько человек, ты должен поздороваться и с ними тоже. В Москве же парень подходит, здоровается только со своим другом, начинает разговор: «Как дела? Что новенького?» и игнорирует остальных. На мой взгляд, это неуважение к людям».

Мелкий, пустяковый конфликтик, даже не конфликт, но настроение испорчено, московские равнодушие и дистантность задевают чувства, обижают, возникает барьер между своими и чужими.

Таким образом, наряду с общенациональной культурой, существуют культуры локальные и социальные. В языкознании разновидности национального языка такого рода называются диалект и жаргон. Культурология еще не имеет общепринятых терминов для аналогичных понятий (может быть, **диакультура** и **аргокультура**?). Культурные различия зависят от пола (этим занимаются гендерные исследования), возраста, уровня образования и т. п. Иными словами, люди (и, соответственно, их культуры) делятся не только на нации, народы и народности, но и на женщин и мужчин, «отцов» и «детей», образованных (у русских этот слой называется *интеллигенция*) и необразованных, рабочих, крестьян и служащих и т. п.

Более того, у каждой семьи как «ячейки общества», как мини-общества есть своя разновидность, свои особенности национальной культуры, обусловленные **идиокультурами** (по аналогии с идиолектом) членов этой семьи.

Итак, культурный барьер невидим, он подобен стеклянной стене, отгораживающей свою культуру от других, и становится очевидным только при знакомстве с иной культурой, только в момент столкновения. Разумеется, неприятно набить себе шишку, столкнувшись с неожиданным, невидимым препятствием. Индивидуальная культура также, подобно стеклянной капсуле, закрывает человека, и всякая встреча, знакомство, общение с другим человеком благоприятны и эффективны только в случае преодоления культурных различий. Сколько прекрасных пар, сколько семей разрушилось от неосознания культурного барьера, его невидимости до столкновения.

Конечно, культурный барьер опаснее и «хуже» языкового: он скрыт, на нем шапка-невидимка.

В канун Нового, 2001 года, когда весь мир захлебывался от энтузиазма, восторга, страхов и надежд в связи с наступлением не просто Нового Века, но и Нового Тысячелетия, мои коллеги и друзья из Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ подарили мне календарь. Обычный новогодний подарок. Но на нем была надпись: «Общество выпускников Института стран Азии и Африки желает всего наилучшего в григорианском 2001, мусульманском 1418, китайском 4699, индийских 1176, 2057, 5761, 1922, афинском 19993, еврейском 5761, японском 13 году Хэсей!»

Хорошо работать в классическом университете! Коллективный разум дает столько пищи для размышлений. Только успевай – и не лениись! – подхватывать.

Информация календаря ИСАА мгновенно «открыла глаза» и повернула сознание.

Во-первых, устойчивое словосочетание «весь мир» неверно в подавляющем большинстве контекстов. Это «весь **наш** мир», то есть в данном случае мир тех людей, которые живут по григорианскому календарю. И это только мы — абсолютное меньшинство в мировом масштабе — вступаем в Новый Век, Новое Тысячелетие и почему-то ждем чего-то нового и необыкновенного для «всего мира». А «весь мир» живет по другим, очень разным календарям, и в Индии два соседа могут встречать в одну и ту же ночь 1176 и 5761 год.

И хотя календарь — это нечто формальное и условное, так как родившийся в один прекрасный день человек не знает, в какую культуру, язык и год он случайно попал (и это как бы и не имеет никакого значения для его восприятия мира), по мере взросления и осознания себя в определенном месте, времени и обществе, по-видимому, среди многих других факторов окажет влияние и факт летосчисления: пять с половиной тысяч или одна тысяча лет за твоей спиной определят некоторую разницу в менталитете.

А вот и пример из жизни как раз на эту тему:

> «...Казалось бы, как может привести к скандалу поздравление с Новым годом? Однако на моих глазах именно это и произошло. Дело в том, что согласно иудейской религии Новый год празднуется в сентябре. Соответственно, один израильтянин поздравил всех с Новым годом именно в сентябре. Немец откликнулся шутливой репликой: «Тогда уж и с Рождеством заодно»! – подразумевая, что христианский Новый год еще не скоро. В результате завязалась обширная переписка, в которую втянулось множество участников, обвинявших друг друга в сионизме, антисемитизме, фашизме и прочих грехах. Вот какие последствия может вызвать совершенно безобидное поздравление»[1].

Повышенный, я бы даже сказала болезненный, интерес к разнице культур, разумеется, не случаен. Он вызван многими все теми же неоднократно упомянутыми социально-историческими причинами, главные из которых:

1) преодоление барьеров расстояний с помощью технического и информационного прогресса,
2) небывалые ранее возможности общения,
3) небывалая ранее миграция населения Земли: учеба, работа за рубежом и, главное, беженцы, которые исчисляются миллионами; панмиксия как следствие этой миграции,

[1] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ_sovr/20000328_shahova.html

4) все усиливающийся процесс глобализации, требующий невиданного ранее уровня международной и межкультурной коммуникации.

Изучение этих проблем требует усилий и знаний представителей всех гуманитарных наук: культурологов, психологов, социологов, историков, филологов, философов. От решения этих вопросов зависит будущее человечества. Именно они составляют тот «человеческий фактор», который может свести на нет достижения научно-технического прогресса.

Итак, «удивительные открытия» (яркий пример того, как «глаза открылись»), очевидное — невероятное.

Во-первых, мы все очень разные, мы видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас разные представления о мире и людях, разные системы ценностей, разные нормы поведения, то есть разные культуры.

Во-вторых, мы все без исключения живем в счастливой уверенности, что только наша культура — единственно правильная, возможная и нормальная. Именно это и называется научно — **этноцентризм**. Отсюда и наша слепота, и, соответственно, невидимость культурного барьера, и культурные конфликты, шоки, войны.

Итак, разница культур. Разница образов жизни, привычек, обычаев, отношения к миру, к жизни, к людям, разница реакций, разница характеров. Все это так очевидно, банально, так легко это понять — и так трудно осознать, признать и помнить. Еще один удивительный парадокс Homo sapiens — Человека, претендующего на звание Разумного.

Так, например, теоретически мы, разумеется, понимаем, что на вкус и цвет товарищей нет, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что у разных культурных общностей разные системы ценностей, разные представления о таких понятиях, как красота, ум, честность, патриотизм и так далее и тому подобное. И все равно на практике мы только свои представления считаем нормой и обычно ходим в чужие монастыри именно со своим уставом.

Н. Г. Чернышевский в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» в 1855 году, провозглашая принцип «прекрасное есть жизнь» с позиции материалистической эстетики, отмечал, что понятия красоты женщины у крестьян и у аристократов резко различаются. Действительно, красивая русская крестьянка должна быть крепкой, румяной, «кровь с молоком» — все это признаки физического здоровья, без которого не справиться с «долюшкой женской — вряд ли труднее сыскать». Великий русский народный поэт Н. А. Некрасов дал народное представление о русской красавице: «красавица миру на диво – румяна, стройна, высока, во всякой одежде красива, ко всякой работе ловка». Обратите внимание на смысл этих хрестоматийных, избитых школьной программой слов: здоровая, пышная («сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди») женщина, которой не надо отвлекаться на туалеты (она во всякой одежде красива), не надо тратить на эту ерунду драгоценное время и способности ко всякой работе: в семье, в поле, на огороде, в домашнем хозяйстве. Наоборот, аристократическая красавица должна быть худенькой, бледной, стройной, грациозной, с тонкими чертами лица, олицетворяя своим обликом способность к духовной, а не физической работе. Провинциальные барышни пили разбавленный уксус, чтобы прогнать компрометирующий их социальное положение здоровый румянец со щек.

Разница представлений о красоте внутри одной — русской — культуры очень ярко представлена в гениальном «Коньке-Горбунке» П. П. Ершова. Иванушка-дурачок должен, по приказу Царя, найти и похитить дивную и несравненную Царь-девицу. Его первая встреча с загадочной заморской красавицей вызывает у Ивана, народного героя русских сказок, такую реакцию:

Хм! Так вот эта Царь-девица!
Как же в сказке говорится, —
Рассуждает стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму.

Когда же позже Месяц Месяцович (почему-то, несмотря на мужской род своего имени, оказывающийся матерью Царь-девицы) спрашивает Иванушку:

…Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?

Иван упорствует в своей оценке:

Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней[2].

Царь-девица — типичная аристократическая красавица, и ее худоба и бледность наводят Ивана на мысли о болезни «сухотке». Но добрый герой сказки Ершова хочет подбодрить мать несчастной некраси-

[2] *П. П. Ершов. Конек-Горбунок. М.–Л., 1964, с. 76.*

вой девушки и дает ей надежду: может, будет выглядеть лучше, когда выйдет замуж и потолстеет.

В XX веке противопоставление двух разных типов женской красоты стало еще более значимым, поскольку очень остро встал вопрос классовой принадлежности. Это наложило отпечаток на визуальные виды искусства – живопись, скульптуру.

После революции 1917 года, в связи с проведением весьма прямолинейной гендерной политики, в советской прессе облик трудящейся женщины формируется по контрасту с женщиной нетрудящейся.

«В каждом типе изданий, в соответствии с его задачами и читательской аудиторией формируется и транслируется свой тип женственности. Условно их можно обозначить как «аристократический тип» и «рабоче-крестьянский». «Аристократический тип» — это образец рафинированной, изнеженной женщины, похожей на героиню немого кинематографа начала века. В отличие от субтильной фигурки первого типа «рабоче-крестьянские» женщины были коренасты, у них была короткая шея, широкие плечи, сильные руки. Существенное различие было представлено и в лицах, «героини труда» были круглолицы, с довольно крупными, иногда грубыми чертами»[3].

В наши дни образец женской красоты по нормам западной культуры – это очень высокая, очень худая и стройная женщина с очень длинными и стройными ногами. Все кинозвезды, топ-модели, манекенщицы, современные красотки, украшающие обложки глянцевых журналов, соответствуют этим нормам. На них работает «высокая мода» всего западного мира, для них шьют туалеты, подбирают обувь, украшения и модные цвета лучшие художники и модельеры. Шоу-бизнес конкурсов красоты объявляет заранее точные параметры размеров, объемов и веса в сантиметрах и граммах. Все это — нормативные требования современной культуры, соответствующие представлениям о женской красоте.

Маленькое отступление без комментариев: один из популярнейших в нашей стране анекдотов из серии «Армянское радио спросили...» отвечал на вопрос о том, каких женщин любят мужчины: 50% мужчин любят полных женщин, а 50% — очень полных женщин.

Кстати, язык как хранитель культуры помнит то, что совершенно забыли и не замечают его носители: русское слово «худой», наряду со значением *тощий, не упитанный, не толстый* имеет устаревающее значение *плохой*, которое сохраняется, главным образом, в устойчивых выражениях (фразеологизмах) — *худой мир лучше доброй ссоры, худого слова не скажешь*. Иначе говоря, *худой* — это и *худой*, и *плохой*, а *толстый* — это только *толстый*.

Синонимы слова *худой* имеют в основном отрицательные оттенки (коннотации): *худощавый, сухой, сухощавый, исхудалый, жилистый, поджарый, тощий, костлявый, сухопарый, отощалый (разг.), худущий (прост.), скелет, мощи (разг.), глиста (груб. прост.), кощей (разг.), выдра (груб. прост.), кожа да кости, одни кости, мешок костей, живые (или ходячие) мощи, драная кошка (груб. прост.), худой как щепка, можно ребра пересчитать*[4].

[3] М. М. Медведская. Гендерные стереотипы в переводных журналах для женщин. Курсовая работа. МГУ, 2007.

[4] З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М., 1968, с. 583–584.

Слово *толстый*, само по себе не комплиментарное, имеет гораздо больше позитивных синонимов: *полный, полнотелый, дородный, солидный, упитанный, пухлый, сытый*[5].

Таким образом, налицо определенное противоречие между языком – продуктом деятельности и жизни всего народа — и культурой, насаждаемой определенными социальными группами, имеющими доступ к власти и средствам массовой пропаганды.

А теперь еще одно отступление-загадка: угадайте, к какой категории женщин — худых или толстых — относится автор?

Не успела поставить точку, а в газете — «голос народа». В рубрике «Я не понимаю...» вопрос прямо по нашей теме и, что особенно ценно, — ответ эксперта. Привожу полностью.

> «...Почему меня агитируют за тощих?
> Лет 100 назад в моде были женщины с формами, как на картинах Рубенса или Кустодиева. А сегодня нам как идеал красоты подают тощих безгрудых манекенщиц. Я не понимаю, почему меня убеждают любить женщин, которых на ощупь от мужчины и не отличишь? *С. Авилов, Московская обл.*
>
> Отвечает историк моды профессор Александр Васильев:
> — Стиль унисекс торжествует сегодня, во-первых, потому, что большинство модельеров свою продукцию адресуют группе населения от 16 до 22 лет, которые в этом возрасте еще не отличаются пышными формами. Взрослых покупателей гораздо труднее убедить в том, что они должны любить блузки именно розового цвета, а джинсы — непременно расшитые блестками, а кольцо носить именно в пупке. Подростков легче убедить. Они проще расстаются с деньгами.
> Во-вторых, современная мода создается в основном мужчинами «неадекватной» сексуальной ориентации. Мужчина нормальной ориентации женщину обычно раздевает, а нетрадиционной — одевает. И, возможно, сменится еще одно поколение, прежде чем мы вернемся к моде на невысоких и полненьких красоток»[6].

[5] З. Е. Александрова. Указ. соч., с. 538.

[6] Аргументы и факты, 2005, № 31.

Однако, по-видимому, эксперт ошибается в прогнозах, судя по данным газеты «Московский Университет»: «Давнишние разговоры о том, что 90/60/90 – не красота, а болезнь, что «синдромом куклы Барби» уже больны многие девочки, лозунги «Долой «вешалок», даешь нормальных!» привели к появлению на страницах американского «Космополитена» необычной рекламы. Средства для ухода за телом представляют обычные полные, бледные и малоухоженные женщины.

Лично меня это явление повергло в ужас. Непривлекательность отталкивает. Но народ говорит: «Да!». Почему средства от морщин рекламируют девочки? Я больше поверю образу своей соседки, чем той идеальной картинке.

По данным «Newsweek», процент продаж компании уже вырос на 35%»[7].

Создается впечатление, что в современном обществе крепнет «позиция» к сантиметрам и граммам как главному и обязательному параметру женской красоты. Принцип конкурса красоты на звание «Мисс Корякия» был озвучен так: «Мы отказались от европейских цифр 90–60–90, для нас главное — естественность в корякских танцах» (телепередача 10 марта 2007 г., канал «Россия»).

По-видимому, главным советом по вопросу воспитания толерантности к чужим культурам может служить мудрая пословица «о вкусах не спорят». Это относится ко всем без исключения аспектам системы ценностей у различных культурных общностей. В качестве иллюстрации этого положения завершим раздел о женской красоте следующим фактом. Девушки из южноафриканского племени кхоза специально носят длинные челки, чтобы стать косоглазыми. Считается, что это сделает их более привлекательными[8].

И, наконец, свидетельства языков по вопросам оценки внешности в разных культурах. В английском языке зеленые глаза (green eyes) вызывают неприятные ассоциации, поскольку являются признаком зависти и ревности. В русском языке зеленые глаза — это признак интересной, романтической внешности.

В славянском фольклоре голубые глаза — это признак чистоты, красоты, добра. Но арабами голубой цвет глаз считается признаком дурного человека, это признак коварства и обмана. По-видимому, такая оценка ориентирована на привычную, а потому положительно оцениваемую картину мира: у славян более распространены голубые глаза, а у арабов — черные. Кроме того, исторически сложилось так, что именно «голубоглазые» являлись основными противниками арабов: «В толковом словаре «ал-Мунджид» зафиксирован фразеологизм al-aduww al-azraq «заклятый (букв. «голубой») враг» и дается следующее объяснение: «заклятый враг», так как у большинства византийцев, с которыми арабы сильно враждовали, были голубые глаза, это и послужило причиной называть лютых врагов «голубыми»[9].

По поводу представлений о понятии «умный» в разных культурах будет правильно привести отрывки из работы Анны Фенько «Трактат об уме».

«Африка: удачливые и осмотрительные. В России часто приходится слышать о человеке: умный, но невезучий, или умный, но не умеет ладить с людьми. Если вы скажете так в Африке, вас никто не поймет. Это все равно что сказать: он очень способный, вот только читать и писать никак не научится.

Дело в том, что в большинстве африканских культур быть умным значит быть удачливым, причем в первую очередь — в социальных отношениях. А для этого необходимо разбираться в людях и уметь найти с ними общий язык. Когда родителей из племени чева в Центральной Африке попросили описать, какими качествами должен обладать умный ребенок, они перечислили здравый смысл, сообразительность, послушание, общительность и почтение к старшим. Среди народности баоуле в Уганде умными людьми считаются те, кто готов прийти на помощь, послушен, почтителен, обладает знаниями, проявляет ответственность и инициативу в делах, полезных для общины. Технические знания и умения ценятся только тогда, когда они используются в интересах семьи или деревни.

В других африканских странах представления об интеллекте также включают в качестве обязательного элемента социальную компетентность. Так, в Зимбабве умный человек должен в первую очередь быть осмотрительным и осторожным, способным распознать тайного врага. В Мали и Кении умным считается тот, кто умеет себя вести, знает ритуалы и правила, умеет производить на других хорошее впечатление и заводить друзей. Когда студентов из Кении просили объяснить смысл комедии Грибоедова «Горе от ума», они сказали, что это очень смешная пьеса про глупого человека, который постоянно совершает ошибки и поэтому со всеми ссорится.

Азия: воспитанные и практичные. У японцев понятие «интеллект» включает в себя пять независимых критериев, наиболее важный из которых — социальный навык. Обладающий им человек общителен, весел, приветлив, умеет хорошо говорить. Второй критерий — восприимчивость к общественным ценностям — описывает человека скромного, умеющего принять точку зрения другого и «знающего свое место». Последний термин отражает типично японское представление о том, что каждому человеку отведена определенная роль, в соответствии с которой следует себя вести, не выходя за ее рамки. Только на третьем месте у японцев наиболее привычный нам критерий — эффективность решения задач, работоспособность и навыки планирования. Два последних критерия — оригинальность и грамотность. Умение хорошо, грамотно читать и писать для Японии — большая редкость и признак высокообразованного человека.

Китайцы представляют себе умного человека как социально ориентированного, все делающего правильно, практичного и ответственного. В понятие «интеллект» у китайцев входят осторожность, умение наблюдать и подражать. Интеллектуальные способности любопытного, склонного к познанию нового или критически настроенного человека вызывают у китайцев большие сомнения. Так что их мнение по поводу Чацкого наверняка совпало бы с мнением африканцев. Умный человек в традиционной китайской культуре — это скорее Фамусов, то есть чиновник, сумевший сделать удачную карьеру. Типичный интеллектуал за-

[7] Долина Долина. Мода идет на попятную // Московский Университет, 2005, № 31, сентябрь, с. 6.

[8] См.: Большая книга веселого досуга // Ридерз Дайджест, 2005, 22 декабря.

[9] В. С. Морозова. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры. М., 1999, с. 302.

падного типа — любознательный естествоиспытатель, неутомимый в поисках новых открытий, или чудаковатый профессор, изобретающий вечный двигатель, — тоже не кажется жителю Азии обладателем большого ума.

Америка: общительные и респектабельные. Концепция ума и глупости среднего американца, в принципе, не очень отличается от азиатских и африканских представлений об интеллекте. На первое место американцы ставят практический интеллект: способность правильно оценивать ситуацию, принимать верные решения, добиваться поставленных целей. На втором месте находится умение складно говорить, а на третьем — знание правил поведения в обществе (например, пунктуальность) и широта интересов.

Россия: хитрые и беспринципные. Традиционные представления русского человека об уме и глупости восходят к фольклорному образу Ивана-дурака. Он дурак только поначалу: сидит на печи, а в конце концов оказывается умнее своих братьев и получает в награду царскую дочь. Сказочный дурак всегда вызывал симпатию своей добротой, жалостливостью и самоотверженностью. В России никогда не любили «больно умных», подозревая их в эгоизме и мелкой расчетливости.

Образ симпатичного «умника» появился только в XIX веке и представлял собой рассеянного и беспомощного в быту университетского профессора или гениального изобретателя.

Время, когда быть дураком в России было выгодно, прошло. Все хотят быть умными. При этом новые российские представления об интеллекте определяются не столько перечислением позитивных качеств, сколько противопоставлением традиционному фольклорному образу дурака, у которого отсутствие практического интеллекта компенсировалось добродушием и открытостью. Противоположный персонаж — это умный злодей, извлекающий выгоду из чужой беды, или хитрец, обводящий простаков вокруг пальца. Наше коллективное сознание изо всех сил пытается полюбить этот образ, найти в нем что-то хорошее, но это никак не удается. Поэтому умный человек у нас приобретает черты какой-то зловещей антисоциальности: он или жулик, ловко укравший деньги у государства, или кровопийца-чиновник, ограбивший простой народ. Этот антигерой постсоветского сознания вызывает смесь ненависти, зависти, восхищения и желания подражать. Пожалуй, это самая оригинальная из всех известных на сегодняшний день концепций ума»[10].

Не забудьте: все без исключения «трактаты о культуре» отражают представления тех определенных культурных общностей, к которым принадлежит автор.

[10] Цит. по: Коммерсантъ ВЛАСТЬ, 30 мая 2000, с. 42–45.

Совершенно особое представление об уме — в русском фольклоре, в народных сказках. Настоящие герои и героини часто не только не проявляют ума (читай — практицизма), а, наоборот, и ведут себя, и оцениваются окружающими как «дурачки» и «дурочки». Великий и классически русский Иван-дурак, обычно ласково именуемый Иванушкой-дурачком, в отличие от умных братьев, идет ночью сторожить отцовскую пшеницу в «Коньке- Горбунке» Ершова или ночевать на могиле отца в сказках А. Н. Афанасьева; дурочки-героини просят в подарок аленький цветочек или перышко, а не драгоценные ларцы и наряды, как их умные старшие сестры. Их поведение как бы демонстрирует отсутствие ума, но в конце сказки именно они оказываются умными и успешными, именно они женятся на царевнах и выходят замуж за любимых, красивых и богатых.

Дети русской культуры, выросшие на русских сказках, с малых лет познают высшую мудрость: во-первых, ум — понятие глубинное и парадоксальное, во-вторых, не суди об уме по поведению: то, что кажется глупым на первый взгляд, может оказаться подлинным умом.

Анна-Наталия Малаховская проводит интересное исследование представлений о жизни, смерти и человеке в русских сказках и об их проявлениях в русской классической литературе.

Понятие «ум» в своей книге «Наследие Бабы-Яги» она разделяет, как сейчас модно говорить, по гендерному принципу: ум героев отличается от ума героинь. Мужской ум в сказках представлен двумя разными, даже противоположными типами.

> «Итак, можно установить **два типа ума** в сказках: ум старших братьев – и «другой», заместительный ум дурачка, восходящий в конечном счете к уму Бабы-Яги («А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам», причем ум старших братьев (и сестер) оказывается недостаточным не только по силе, но и по качеству: он всегда «дает осечку», всегда приводит носителя такого ума либо к моральной катастрофе, либо к окончательной гибели. В пространстве сказочного действия «умники» всегда оказываются в проигрыше, спохватываются ли они, что это значит — ходить ночевать на могилу к отцу («Сивко-Бурко»), изгоняются ли из дому (как в «Сказке о молодильных яблоках») или просто погибают (как в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»).
>
> На самом деле младший брат выигрывает в сказочной борьбе не только потому, что он отказывается от собственного ума и получает «заемный», заместительный ум Бабы-Яги. С этим отказом от своего ума связаны и все остальные его качества (доверчивость, вежливость, способность выражать чувство печали), которые в целом можно определить как **открытость** героя, незамкнутость его на самом себе. Он открыт любому и каждому: от встречной пчелы, как и от прохожего старичка он ожидает любого чуда – и получает от них спасение, выручку на своем пути.

Так его «не-эгоистичность» оборачивается высшей заботой о самом себе: в парадоксальном пространстве сказочного действия самый «не-эгоистичный» приносит самому себе больше всего пользы»[11].

Что же касается ума сказочной г е р о и н и, то он, по мнению Малаховской, заключается в интуитивном **знании** ситуации, в находчивости, догадливости. Героиня знает, что делать, куда идти и какой дать ответ, как бы он ни был неожидан и парадоксален.

«...И Марфуша из сказки «Морозко» почему-то **знает**, что на вопросы Морозка о том, тепло ли ей, следует давать парадоксальные ответы: «Тепло, батюшко!»[12]. Когда героиня литературного произведения в сходной ситуации тоже дает парадоксальный ответ, автор прямо называет ее **умницей**, а испытывающий ее персонаж (Воланд) намекает на то, что этот ответ свидетельствует о ее королевском происхождении («Кровь — великое дело», — неизвестно к чему сказал Воланд»).

Впрочем, «парадоксальные» реакции на ситуацию отнюдь не монопольное «открытие» или «знание» г е р о и н ь. Г е р о и русского фольклора ведут себя (и выражают это словесно) не менее парадоксально: в ситуации с придорожным камнем — указателем судьбы они никогда не выбирают ни выгоды, ни счастливой жизни (это могут делать лжегерои). Илья Муромец в старом советском фильме формулирует это просто и «парадоксально» с точки зрения здравого смысла: «Мне жениться не ко времени, а богатство мне не к радости». Не вдаваясь в глубокие исследования, скажу то, что представляется очевидным. Во-первых, речь идет о фольклоре, о сказках, а сказочные ситуации — парадоксальны сами по себе, по определению, по замыслу. Во-вторых, реакции героев и героинь русского фольклора парадоксальны по отношению к прагматизму, к так называемому «здравому смыслу» (по Козьме Пруткому, «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»).

Все величие, гениальность, высшая мудрость **народного творчества** (не отдельного гениального автора с его индивидуальным набором идей, представлений, созданных его индивидуальными же жизненными обстоятельствами, а целого **народа**) заключается в том, что русские сказки, былины и другие фольклорные жанры учат: «Не все так просто, ребятки, жизнь наша противоречива и парадоксальна, иногда лучше быть бедным и даже больным, чем богатым и здоровым, не судите о людях поверхностно и поспешно». И правда — тот, кто кажется глупым («дурачком», слабым, нелепым неудачником) может оказаться — и оказывается! — самым умным, сильным и ловким победителем. Эта «нелепость», «странность», парадоксальность реакций и поведения, заложенная фольклором в людях русской культуры, и породила миф западной культуры о «загадочной русской душе». Продолжаю настаивать (продолжаю, потому что я это делаю и устно – в лекциях, и письменно - в предыдущих публикациях): **души всех народов** (читай – национальные характеры) **загадочны**, потому что они другие, чужие, чуждые, не такие, как наши. «Другому как понять тебя?» Разница культур...

[11] *Анна-Наталия Малаховская.* Наследие Бабы-Яги. СПб., 2006.

[12] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. М., 1985, т. III, с. 158. В другом варианте той же сказки особо сообщается о том, что испытателю понравился умный ответ девушки: «Мороз хотел ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ее **умные** речи, жаль стало!» (там же, с. 159).

В последнее время в связи с расцветом культурологических исследований проводится много экспериментов, направленных на то, чтобы выявить разницу реакций, разницу поведения представителей разных культур. Вот некоторые из них.

Двум группам мужчин — в Азии и в США — предложили следующий вопрос: Представьте себе, что вы путешествуете по морю с семьей: с матерью, женой и ребенком. Ваш корабль начинает тонуть. Вы единственный, кто умеет плавать, и можете спасти одного члена своей семьи. Кого вы выберете?

> 60% мужчин из США считали, что они выберут ребенка,
> 40% — жену.
>
> В странах Азии все 100% опрошенных мужчин выбрали мать, объяснив впоследствии, что они могут еще раз жениться и завести новых детей, но не могут получить новую мать.

Прочитав об этом эксперименте в журнале «Asia»[13], я в течение многих лет опрашивала студентов МГУ и получила следующие результаты. Разумеется, при их оценке нужно учесть отступления от первичного эксперимента: информантами были молодые люди в возрасте 16–22 лет, в подавляющем большинстве (до 90%) — женского пола, практически все не имеющие детей и супругов, и примерно до 80% — представляющие русскую культуру и русский язык.

[13] «Asia», 1996, January, p. 49.

Ответы очень молодых русских информантов (вернее информанток, поскольку девушки составляли абсолютное большинство), получающих высшее образование в первом вузе нашей страны, распределились следующим образом:

> 65–70% спасали бы ребенка.
> 10%–15% — мать.
> 8–10% — мужа или жену.

Однако русская культура, в отличие от американской и азиатских, преподнесла еще один ответ, не предусмотренный авторами эксперимента: около 7% опрошенных написали, что они предпочли бы утонуть вместе со своей семьей. Все 10 лет эксперимента с 1996 по 2006 год около 7% юных русских девочек из разных уголков нашей страны, не сговариваясь, давали свой ответ, игнорируя предложенный выбор: лучше погибнуть, чем всю последующую жизнь страдать от угрызений совести, так как любой выбор лишает их возможности быть счастливыми в будущем.

Журнал «Ридерз Дайджест» провел культурологический эксперимент в совершенно другой сфере жизни и поведения людей разных стран, разных народов и разных культур. В США, Европе, Азии, России, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америке сотрудники журнала разбрасывали кошельки (всего 1100 штук), в которых было

50 долларов в местной валюте, а также имя и телефон владельца, чтобы облегчить возврат.

Около 44% исчезли навсегда. Однако в разных странах, разумеется, были получены разные результаты. Чемпионами оказались скандинавские страны (особенно отличились Норвегия и Дания, где все 100% кошельков были возвращены владельцам), а также Сингапур, Новая Зеландия, Япония и Южная Корея.

Вот как выглядит рейтинг «честности» разных стран: в процентах возвращенных кошельков[14].

Страны-победительницы		**И остальные**	
Норвегия	100%	Нидерланды	50%
Сингапур	90	Германия	45
Австралия	70	Россия	43
Япония	70	Филиппины	40
США	67	Италия	35
Великобритания	65	Китай	30
Франция	60	Мексика	21

[14] «Ридерз Дайджест», 2001, июль–август, с. 74–76.

В одном ряду с описанными выше экспериментами стоят модные сейчас фильмы, статьи, рассказы и моделированные ситуации под названиями: особенности национальной охоты (рыбалки и т. п.), любовь по-русски (название нового российского кинофестиваля), брак/развод по-итальянски и т. п. Вот как раскрыла «особенности национального отдыха» британская телевизионная компания: Лондонская «Гардиан» рассказывает о снятой 4-м каналом британского телевидения серии документальных фильмов о группах отдыхающих из Германии, США, Англии и Японии, получивших путевки в один из пансионатов Турции. За особенностями их поведения в различных ситуациях следила скрытая камера.

Например, актер, игравший роль водителя автобуса, на котором туристы должны были отправиться на экскурсию, сел за руль в пьяном виде. Англичане, увидев это, отказались садиться в автобус. Японцы оставались невозмутимыми, пока руководитель их группы не указал им на бутылку спиртного, стоявшую у ног водителя. Немцы стали волноваться, что его могут уволить с работы, если они поднимут шум.

Во время экскурсий, в которых принимали участие все четыре группы, актер закурил, хотя в автобусе курить было запрещено. Англичане вежливо попросили его потушить сигарету. Японцы, не желающие нарушать гармонию, предпочли промолчать. Немцы сначала устроили голосование и только потом выразили недовольство, а американцы стали курить сами.

В баре, когда бармен ушел из-за стойки, актер начал брать, не заплатив, бутылки пива. Англичане и американцы радостно последовали его примеру. Немцы воровать пиво не стали, а японцы не только не стали воровать, но еще и сообщили о случившемся администрации пансионата.

Своеобразие казахской культуры по вопросам мировосприятия и миропорядка, во многом обусловленное многовековой жизнью кочевников, основой которой было единение, органическая слитность Человека с Природой, с трудом укладывается в сознание, ограниченное рамками собственной — оседлой — культуры. Как обычно, эти удивительные (для нас) особенности культуры казахов высветились при изучении языка, их отразившего. Особенно важным в этом плане оказалось исследование метафорики цветообозначений, в частности — белого и черного.

«...Нужно иметь в виду еще одну особенность казахского мировосприятия: ощущение взаимосвязанности всех явлений, их взаимообусловленности не позволяет четко делить на «черное» как «злое», «отрицательное» и «белое» как «доброе», «светлое». Разделение невозможно потому, что в мировосприятии казахов действуют несколько иные законы понимания миропорядка: зло невозможно без добра, как и добро без зла, как день без ночи и т. п. Все настолько взаимообусловлено, что для казахов **не существует борьбы противоположностей, есть только единство противоположностей.** Добро и зло, ночь и день есть только взаимопереходные явления, и их взаимосвязь бесконечна, поскольку в мире существует Гармония всего»[15]. В культуре казахов существовало несколько иное отношение к пониманию данных оппозиций: границы между миром живущих и миром духов прозрачны, связь прошлого, настоящего и будущего органична и непрерывна. Экологическое сознание казахов не было склонно к абсолютному противопоставлению полярных сущностей. Для кочевой культуры с ее устремленностью к границам миров чужой мир — столь же реален и досягаем, как и свой.

[15] *Ж. К. Каракузова, М. Ш. Хасанов.* Космос казахской культуры // Евразия, 2001, № 2, с. 112.

«Отсюда проистекает совершенно особое отношение к земле, связанное с понятием родины, своей территории, которую нельзя осквернять (даже пахать), а надо беречь и защищать...»[16].

Ну можно ли представить что-нибудь более далекое от нашего отношения к земле-матушке, кормилице, которая кормит, потому что ее вспахивают?! А для казахов (а также — монголов и вообще исторических кочевников) это значит — совершают насилие, мучают, уродуют, оскверняют.

[16] *Ш. К. Жаркынбекова* Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках. Автореферат докторской диссертации. Алматы, 2004, с. 26.

Еще один пример, поразивший своим «несоответствием» нашей и большинству западных культур, дала страшная трагедия Беслана. Об уважении и почтении к старшим как черте кавказских и многих восточных культур известно давно и широко. Но в том-то и особенность культурного барьера, что даже зная о нем и его характерных чертах, человек как-то не воспринимает до конца то, что не отражено в такой же степени в его родной культуре.

Во время осады бесланской школы произошел такой трагический случай. В числе многих сотен пленников был 74-летний учитель физкультуры Иван Константинович Каниди. По свидетельству прессы, чеченские террористы «готовы были освободить пожилого человека»

(«Известия», 10 декабря, 2004). Люди, не задумываясь убивавшие детей, предложили отпустить 74-летнего мужчину, следуя требованиям их культуры почитать старших, хотя использовать слово «культура» по отношению к зверям и убийцам как-то неловко и неправильно. (Не случайно все 100% мужчин, представляющих культуры Азии, в описанном выше эксперименте выбрали мать, и никто не выбрал ребенка, не говоря уже о жене.) Повинуясь правилам с в о е й культуры, совести и сердца, Иван Каниди отказался покинуть своих учеников, и был убит при попытке обезвредить взрывные устройства.

О языковых проблемах, возникающих в связи с разницей культур, ярко и убедительно говорит профессиональный переводчик Наталья Шахова.

«Из-за культурных различий одна и та же характеристика человека может восприниматься носителями одного языка как положительная, а носителями другого — как отрицательная. (В частности, мой русский знакомый с изумлением узнал, что в Швеции Карлсон считается отрицательным персонажем). Поэтому при буквальном переводе можно, например, исказить отношение автора к своему персонажу. Я вполне допускаю, что Изнуренков из «Двенадцати стульев» со своей бурной жестикуляцией и бесконечными восклицаниями типа: «Ах! Ах! Высокий класс! Этот кот пушист до чрезвычайности!» — вызовет у итальянцев совсем не те эмоции, на которые рассчитывали Ильф и Петров. (Что делать в этом случае переводчику на итальянский – для меня лично большая загадка!)

Вообще разница культур ставит перед переводчиком художественной литературы труднопреодолимые проблемы. Причем если о различии формальных норм мы имеем хотя бы общее представление (допустим, все знают, что при входе в православную церковь мужчина должен снять головной убор, а при входе в мечеть — обувь), то об эмоциональных, этических различиях часто вообще не задумываемся. Ведь то, что служит выражением крайнего негодования у сдержанных англичан, может показаться тем же экспансивным итальянцам дружелюбным комментарием. Цветистый комплимент, который обрадует русскую, может оскорбить американку, а в Саудовской Аравии за него можно и вовсе попасть в тюрьму.

Почему, например, стандартное американское «Shit!» при дублировании фильмов обычно переводят «Черт!»? Кто-то скажет: из соображения приличия. Может быть и так. Но мне лично кажется, что слово «черт», не соответствуя слову «shit» по смыслу, больше соответствует ему по эмоциональному накалу. Никто не скажет: «Дерьмо!», ударив себя по пальцу молотком. По-русски «дерьмо» более грубое и, так сказать, «адресное» ругательство. А вот из книги Линн Виссон о русско-американских браках я

узнала, что наше безобидное «Тьфу ты!» может вызвать семейный конфликт: «Почему ты на меня плюешь?! — с обидой спросил американец свою русскую жену. Понятно, что буквальный перевод ругательств бесполезен. Здесь можно понять эмоции говорящего и найти адекватное им выражение на другом языке.

Подводя итоги, можно сказать, что самым главным в работе переводчика является жизнь на стыке двух (или более) культур. Сталкиваясь постоянно с особенностями этих культур, он должен хорошо представлять себе их различия и уметь максимально точно передать информацию от носителя одной культуры носителю другой. В этом и состоит специфика профессии переводчика»[17].

[17] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr/20000328_shahova.html

Тема различия культур и, соответственно, языков бесконечна и разнообразна. Ниже будут рассмотрены культурные различия в разных социальных сферах (культура и бизнес, культура и время и т. п.). Поэтому здесь ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над явлениями вполне очевидными, но редко осознаваемыми и поэтому почти невероятными.

Действительно, мало кто обращает внимание на удивительные факты: люди смотрят на одни и те же предметы реального мира, но видят их совершенно по-разному, хотя эта разница видения четко и ясно («оче-видно») регистрируется языком. Хрестоматийные примеры: там, где русскоязычные люди видят одно целое, например — ногу, носители английского языка видят два — leg, foot. Русскоязычные люди имеют 20 пальцев — 10 на руках и 10 на ногах, и это не вызывает ни сомнений, ни трудностей. Однако, выучив английский эквивалент или, вернее, «перевод» *пальца* как *finger*, сталкиваются с трудностями, поскольку у носителей английского языка всего 8 *fingers*. У них есть еще 2 *thumbs* (больших пальца) на руках и 10 *toes* на ногах, в которых они отнюдь не видят *fingers*. И ви́дение это навязано им родным языком, создающим таким образом языковую картину мира. Вот к чему привела Вавилонская башня. Мы видим мир по-разному, и разные языки отразили это разное ВИ́ДЕНИЕ. У каждого народа — свой взгляд на мир, свое «воззрение» на мир, свое м и р о в о з з р е н и е и своя картина мира, навязанная родным языком. Вырваться из плена родного языка невозможно, но можно увидеть мир по-новому, изучая другие языки. Это новое видение иногда восхищает, открывая новые грани известного нам мира, иногда раздражает: ну, зачем им этот артикль, мы прекрасно без него живем и создали великую литературу. Англичане наверняка думают: какая нелепость категория рода у неодушевленных существительных: что женского в *ручке* или *табуретке* и мужского в *карандаше* и *стуле*? А мы также не можем без рода (и великая наша литература, особенно поэзия, потеряет душу и величие), как они – без артикля.

Понятие языковой картины, находящейся в сложном диалектическом взаимодействии с реальной и социокультурной картинами мира, упоминалось в Главе I, оно хорошо известно и детально изучается.

Гораздо меньше изучено другое удивительное явление.

Мы не только видим, но и слышим мир по-разному. Нас окружают не только предметы реального мира, которые мы видим, но и звуки, которые мы слышим и которые язык послушно отражает и регистрирует. Иными словами, **наряду с картиной мира, существует и вполне явная и отчетливая симфония мира.**

Интересно отметить, что эти симфонии различаются у разных народов, хотя сами звуки, отраженные соответствующими словами, совершенно одинаковые. Речь идет, разумеется, об ономатопических, или звукоподражательных, словах.

Действительно, животные издают одни и те же звуки, но слова, их воспроизводящие в разных языках, могут различаться очень значительно, иногда — полностью (то есть не совпадает ни один звук).

Приведем примеры из русского и английского языков – иногда с привлечением японского[18], немецкого, французского.

Коровы, кошки и овцы издают одинаковые или очень похожие звуки в этих языках.

коровы: *му-му* (рус.) — *moo* (англ.) — *meuh* (фр.) — *мо мо* (яп.)
кошки: *мяу* (рус.) — *meow* (англ.) — *miaou* (фр.)
овцы: *бе-е* (рус.) — *baa* (англ.) — *bêê* (фр.)

Звуки, издаваемые петухами, собаками, воробьями, лошадьми, свиньями, лягушками, пчелами, звук стука, звук капающей воды, звук колокола — все они по-разному воспринимаются (и здесь нельзя недооценивать активную роль родного языка) разными народами.

Примеры расположены в порядке возрастания различий.

звук колокола: *бом* (рус.) — *bong* (англ.) — *bim bam* (нем.)
петухи: *кукареку* (рус.) — *cock-a-doodle-doo* (англ.) — *кокекокко* (яп.)
воробьи: *чик-чирик* (рус.) — *chirp* (англ.) — *cui-cui* (фр.) – *чун -чун* (яп.)
лягушки: *ква-ква* (рус.) — *coa- coa* (фр.) — *croak* (англ.) – *керо керо* (яп.)
капли воды: *кап-кап* (рус.) — *drip-drip* (англ.) — *поро-ро то* (яп.)
стук в дверь: *тук-тук* (рус.) — *knock-knock, rat-a-tat* (англ.) – *дон дон* (яп.)
утки: *кря-кря* (рус.) — *quack-quack* (англ., нем.)
собаки: *гав-гав, тяв* (рус.) — *woof, bow-wow* (англ.) — *ouah-ouah* (фр.) — *wau-wau* (нем.)
пчелы: *ж-ж-ж* (рус.) — *b-z-z-z* (фр.) — *buzz* (англ.) — *бун бун* (яп.)
лошади: *и-го-го* (рус.) — *neigh* (англ.) — *brrr* (нем.) — *ronron* (фр.) — *хин-хин* (яп.)
свиньи: *хрю-хрю* (рус.) — *groin* (фр.) — *grunz-grunz* (нем.) — *oink* (англ.) — *бу бу* (яп.)

Как могут англичане услышать *oink*, а японцы *бу бу* у так явственно для нас хрюкающей свиньи?!

Во время путешествия в Южную Корею сотрудники телевизионной программы «Вокруг Света» долго хрюкали в ресторане, заказывая обед, но свинину им так и не подали. Конфликт языков...

Итак, мы видим, слышим и оцениваем окружающую нас реальность по-разному, в зависимости от культуры и языка, и родной язык играет здесь решающую роль, услужливо предоставляя или, вернее, навязывая нам именно такое восприятие мира, исторически сложившееся под влиянием самых разных факторов у наших предков.

[18] Японские материалы заимствованы из работы *Т. Г. Орлянской* «Ономатопея и мимесис в японском языке» // Media, Language and Culture. № 41, Institute of Language and Culture Studies, Hokkaido University.

Глава III
В чужой монастырь со своим уставом Конфликт культур

Когда ты в Риме, поступай, как римляне.
Английская пословица

Понять Италию, может быть, до конца и нельзя. Но принять ее со всеми ее загадками, причудами и пристрастиями можно и нужно, ибо знание дает терпимость, облегчает общение и дарит радость.
А. В. Павловская. «Италия и итальянцы»

Очевидно, что культурный и языковой барьеры тесно взаимосвязаны. Почему же культурный барьер опаснее языкового? О первом отличии уже неоднократно говорилось.

1. Культурный барьер, обусловленный различием культур, опаснее языкового, изначально очевидного, потому что он скрыт завесой уверенности, что своя культура — единственно возможная, правильная и нормативная (просто — «нормальная»). Осознание этого препятствия в общении людей приходит в момент столкновения, или конфликта, «своей» и «чужой» культуры.

2. Культурные ошибки, сопровождающие и провоцирующие конфликт культур, воспринимаются гораздо болезненнее и вызывают более негативную реакцию, чем ошибки языковые.

Особенно ярко это видно изучающим иностранные языки.

Носители изучаемого языка обычно воспринимают ошибки «бедного иностранца» вполне добродушно. Неправильное ударение, неверное употребление слова, перепутанный артикль или род существительного, как правило, не вызывают раздражения, негодования, разочарования. Наоборот, обычная реакция носителя языка – ободряющая улыбка, комплимент (*да что Вы беспокоитесь, Вы прекрасно говорите, я Вас прекрасно понял* и т. п.).

А вот яркий пример «из жизни», так сказать «свидетельство очевидца», — студентки факультета иностранных языков и регионоведения МГУ Анны Некрасовой после стажировки в Англии в 2005 году.

Англичане никогда не станут исправлять ошибки в речи иностранцев, даже если те об этом их просят. Это считается признаком дурного тона. Я сама несколько раз просила знакомых исправлять меня, объясняла, что мне нужно будет в университете сдавать экзамен по языку и поэтому мне важно знать свои ошибки. Но меня исправила только одна девочка и только один раз, когда я ее очень настойчиво попросила. Но после этого случая она меня уже больше не исправляла.

Ошибки культурные воспринимаются гораздо более негативно. Обычно родная культура вполне естественно представляется единственно правильной. Этноцентризм (не будем бояться повторений, ведь они — мать учения), определяемый как «склонность человека оценивать все жизненные явления сквозь призму ценностей своей этнической группы, рассматриваемой в качестве эталона»[1], — свойство не только отдельных людей, но и практически всех культур.

Представитель другой культуры, который ведет себя не так, «как надо» (хотя и в полном соответствии со **своей культурой**), — это подозрительный чужак, «ненормальный», опасный, неприемлемый, от него нужно держаться подальше. Культурные ошибки раздражают и возмущают.

[1] Российский Энциклопедический словарь, т. II, М., 2000.

Примеров культурных конфликтов бесконечно много, их последствия варьируются от курьезов, мелких личных обид и испорченного настроения до разрывов дипломатических отношений и вооруженных столкновений.

Приведу примеры конфликтов культур, которые мне описали студенты 1 курса нашего факультета (то есть 16–17-летние девушки и юноши). Привожу их полностью, сохранив стиль и орфографию оригинала. Некоторые из них подписаны, другие — анонимные.

В этом году ко мне в гости приезжал мой брат, и мы с ним, как все культурные люди, посетили Третьяковку. После 3 часов хождения по залам мы очень сильно устали и сели на скамеечку. Тут в этот же зал вошла группа американцев, но скамейки уже были заняты. И, к нашему удивлению, они всей группой спокойно сели на пол прямо посередине зала. Этому поведению совсем не удивились японцы. А вот их поведение нам тоже показалось странным. У японцев был экскурсовод, который много говорил около каждой картины, но тем не менее они все считали своим долгом купить кассету, вставить в проигрыватель и слушать ее, а не экскурсовода.

Гордейчук Ирина

Прошлым летом я отдыхал в Болгарии и столкнулся с интересным нюансом болгарской культуры.

Жители Болгарии, когда говорят «нет» — кивают головой, а когда говорят «да» — мотают головой из стороны в сторону (такие же движения головой, как в нашей стране, только наоборот).

И вот, один московский парень поехал в болгарское село. К нему подошла местная молодежь и спросила у него сигарету.

Он ответил: «нету» помотал головой (что у них означает «да»), развернулся и пошел. Его догнали и сломали челюсть.

Мой преподаватель английского Джон, когда приехал в Россию, был приглашен на день рождения. Когда он преподнес имениннице букет из четного количества роз, она обиделась…

И второй случай, который, может быть, не совсем конфликт культур, а конфликт языков, но очень интересно…

Тот же самый учитель услышал мяуканье в подъезде. Он открыл дверь квартиры, и в тот же момент дверь открыла старушка и позвала: «Кис-кис-кис!» Он подумал, что старушка хотела, чтобы он ее поцеловал, и скорее захлопнул дверь. Через некоторое время я все ему объяснила, и ему было стыдно.

Меня зовут Азиза Рашидова. Я родилась в Таджикистане, г. Душанбе… В прошлом году у меня появилась возможность побывать в США. Мое путешествие продолжалось 11 месяцев. Поначалу меня очень раздражало, что они все постоянно улыбались, и я понимала, что это очень наиграно, неестественно, можно сказать «фальшиво». Как оказалось, у нас это было взаимно: многие люди, с которыми я общалась, в первое время жаловались моей «host» маме, что я очень недовольная, сердитая, даже в какой-то мере невоспитанная (настолько это для них важно).

В дальнейшем же возникали различные проблемы. Например, у американцев хороший, умный популярный, уважаемый тинэйджер должен обязательно быть спортсменом или же участвовать в каких-либо секциях или кружках, а если ты не участвуешь в социальной жизни, то не являешься полноценным человеком.

Также для американцев считается абсолютно нормальным подрабатывать в «школьном» возрасте. Так вот, приехав и прожив пару месяцев там, я получила предложение присмотреть за детьми моей «host» тети. Я была очень рада, что мне доверяли настолько, что я могла присматривать за их детьми. Просидев с детьми около трех часов, мои тетя и дядя вернулись, и, поблагодарив меня, вручили мне 20 долларов. Я сначала не поняла, зачем, но они мне сразу объяснили, что деньги я должна обязательно взять за то, что я работала у них сиделкой. Меня это сначала очень обидело: ведь мне казалось, что они не просто какие-то чужие люди, которые попросили меня присмотреть за детьми, а уже как бы родственники. Но они настаивали на том, чтобы я взяла деньги. После этого я очень переживала, что им, наверное, просто не понравилось, как я смотрю за их детьми, или что они считают меня все той же «a foreign girl from Tajikistan». К счастью, мои друзья мне потом объяснили, что это абсолютно нормально! Что так и надо! Но я почему-то все равно не могла и не могу это забыть.

Наш семейный талисман, или конфликт культур

Известно, что универсального «нормального поведения» не существует. Чтобы понять поведение представителя другой культуры, нужно выяснить, какое поведение традиционно для этой культуры. Иногда получается, что без знания другой культуры мы можем не понять человека, поставить его в неловкое положение или даже оскорбить.

Я бы хотела привести очень интересный (по моему мнению) пример из собственной жизни. Этот пример касается моей семьи. Мы рассмотрим не только столкновения разных культур (американской и русской), но и локальных («диакультур» — это ваш, Светлана Григорьевна, термин).

У нас в семье существует одна очень необычная (некоторые могут назвать ее ненормальной) традиция. Следует сразу же рассказать об ее предыстории.

Дело в том, что мой отец погиб, когда мне было шесть лет, а моему брату два месяца. Моя мама долгое время нигде не работала, потому что в нашем провинциальном городке ей было сложно найти высокооплачиваемую работу, тем более с маленьким ребенком на руках. Так, что в 25 лет моя мама поседела. Вообще, в тот период в ее жизни была настоящая «черная полоса». Еще я решила завести кота.

Случилось так, что мы встречали Новый год (1995) всей семьей (я, брат, мама и этот кот). Вечер был очень скучный и унылый. Все блюли тишину, только наш «питомец» носился из одной комнаты в другую и всех раздражал. И вот куранты бьют полночь… мы поднимаем бокалы… наш кот взбирается на стенной шкаф… и неожиданно спрыгивает прямо на середину праздничного стола! Посуда бьется, еда разлетается во все стороны, все испачканы! Казалось бы праздник испорчен! Но мы все начинаем громко смеяться (это был первый раз после смерти отца, когда мама смеялась). Это не было нервным смехом, это было действительно весело (особенно, когда кот начал жалобно мяукать и стряхивать еду с лап на все в округе). Вы не поверите, но после этого случая наша жизнь постепенно начала налаживаться. Приехала бабушка, которая сидела с братом; мама устроилась на хорошую работу; я начала делать успехи в школе.

И теперь у нас на каждый Новый год на стуле стоит большая корзина, в которой спит наш уже старый, толстый, неповоротливый, полуслепой, полуглухой, полулысый кот. Да, с одной стороны, это очень глупо доверять какой-то случайности. Хотя, с другой стороны, человеку просто необходимо верить во что-то, иметь свой талисман.

Буквально два года назад у нас дома на Новый год собирались гости. К нам приехали две бабушки из деревни, двоюродная сестра из Москвы и тетушка из Америки. Все приготовились есть, как мы вспомнили про наш талисман. Мама взяла отдельный стул и поставила туда корзину со спящим котом. Сначала наступила нелов-

кая тишина. Затем посыпались возмущения со стороны бабушек. Маме пришлось рассказывать всю длинную историю с котом. Но бабушки все равно негативно отреагировали, потому что коты — «нечистоплотные» животные, по их мнению, и что «любому зверю не место за столом», независимо от того, что это наш «талисман» (это слово было произнесено с иронией). Двоюродная сестра сказала, что абсолютно не против присутствия кота (даже погладила его). Тетушка свое мнение за столом не высказала. Меня это крайне заинтересовало, и я спросила ее уже на следующий день. Она ответила, что в принципе ничего отрицательного в кошках не видит. Но добавила, что обиделась на нас за то, что, посадив животное за стол, мы даже не поинтересовались, есть ли у нее аллергия.

Если реакцию первых участников конфликта я смогла угадать, то ответ американки меня очень поразил. И уже позже я поняла ту разницу культур, которая отличает городских людей от деревенских, и русских от американцев. Не буду расписывать эти банальные штампы. Просто в нормы бабушек не вписывалось присутствие кота за столом. А американцы очень трепетно относятся к своему здоровью, к своей личности, к своему «я».

Вот такой необычный конфликт может произойти на Новый год.

Шашкова Марина

Межкультурные конфликты происходят с нами каждый день, я не исключение. Причины межкультурных конфликтов, по-моему мнению, это разные менталитеты, традиции. Так как по национальности я армянка, то межкультурные конфликты со мной происходят часто.

Помню, как в пятом классе принесла моя одноклассница фотоальбом, и мы все с любопытством смотрели фотографии. Моя одноклассница комментировала свои фотографии и, когда на фотографии был ее брат, (который был младше ее на три года) она начала обзывать своего брата, говоря, что он болван, дурак и т. п. Для меня это был шок, так как я не могла понять, как она может назвать единственного близкого, родного человека (среди неблизких людей), который в будущем протянет ей руку в трудную минуту, такими ужасными словами. Не выдержав, я начала ругать свою подругу и сказала, что ей должно быть стыдно.

Второй случай произошел, когда я училась в девятом классе. Девушка, которая училась в параллельном классе, пришла в школу злая на маму из-за того, что она не дала ей деньги. И начала на весь коридор среди нас материть ее. Не побоюсь произнести этого слова, но для меня это было дико! Я не могла прийти в себя очень долго. Придя домой, я рассказала это маме, и моя мама начала объяснять мне, что мы все разные и то, что у нас у всех разные менталитеты, ценности, воспитание. Я очень долго не могла понять, что же тогда для этой девушки ценно, если не мама и семья.

До сих пор я не могу понять, почему мои ровесники не любят пенсионеров и все время жалуются на них, выражаются матом, ругаются с ними. (Меня всегда учили уважать старших и не перечить им.) И всегда, когда мы начинаем обсуждать эту тему, то мои друзья набрасываются на меня. Все, что бы я ни говорила, они не воспринимают.

Таких случаев со мной происходило очень много и часто. Сейчас, понимая и осознавая уже все, я отношусь к таким ситуациям спокойнее.

Мирзоян Элен

Как-то мне довелось побывать на русско-армянской свадьбе (невеста — армянка, жених — русский). Гости, соответственно, были представителями армянской и русской нации. Непониманием двух наций стала музыка. Когда играла русская музыка, танцевали русские. Под армянские песни танцевали только армяне. Таким образом, две стороны не могли придти к обоюдному согласию. К счастью, жених и невеста были счастливы.

Хачатрян Ар.

В Азербайджане не принято молодой влюбленной паре прилюдно целоваться. Во всяком случае, еще нигде на улицах в Баку я не видела, чтобы парень с девушкой демонстративно «нежничали». То же касается и жениха с невестой на свадьбах. Помню случай, как пригласили на азербайджанскую свадьбу одного русского друга. Он был в восторге от всей пышности азербайджанской свадьбы, от того, до чего ее весело празднуют, живая музыка его больше всего впечатлила. Но, видимо, он не мог понять, почему никто не кричит «горько». Не выдержав, наверное, он выкрикнул во время пожеланий у микрофона «А молодым пока ГОРЬКО!!!», что вызвало бурный смех присутствующих.

Но жених невесту так и не поцеловал прилюдно. Не принято это у нас…

Однажды на заре перестройки моей маме с трудом удалось достать летнюю путевку в неведомую тогда и далекую Турцию, куда она отправилась, прихватив меня с собой. Увы! Долгие годы жизни за железным занавесом вместе с провинциальным сибирским невежеством дали свои плоды: о стране, где нам суждено было провести двухнедельный отдых, мы не знали практически ничего. Неудивительно, что культурный шок и столкновение с чужеземным укладом жизни не заставил себя долго ждать. Уже на вторые сутки пребывания за границей наша туристская эйфория заметно спала из-за неприметного происшествия: в рамках экскурсии требовалось зайти в мечеть — мусульманский аналог христианского храма, — но в посещении этого места нам было жестко и грубо отказано. В ответ на наше возмущение разъярен-

ный гид указал на крошечное подобие шорт, в которые мы были втиснуты. Конечно, при сорокоградусной жаре нельзя было придумать ничего удобнее, но тогда нам не пришло в голову, что своим видом мы оскорбляли обычаи чужой страны.
Такова была моя первая в жизни ошибка при соприкосновении с иноземной культурой.

Кузьмина Алена

Пример конфликта культур из моей жизни: жизнь в общежитии

Первые разногласия случились уже на начальных этапах нашего совместного проживания — при совместном приготовлении борща. Казалось бы, мы — жители одной страны, говорим на одном языке, но за эти два часа мы едва не поссорились, так как у каждой из нас были свои привычки и вкусы. С тех пор вместе мы больше не готовим.

Со мной это произошло в Англии. Как все, вроде бы, нормальные люди в России, мы с подругой по прибытии в host-family начали снимать обувь у двери в дом, а наши host-parents очень этому удивились и уговаривали нас не снимать ее. Но нам было неловко в грязной уличной обуви разгуливать по коврам, мы и сняли. В тот вечер шел дождь и поэтому мы в руках несли зонты. Но когда хозяева-англичане их (зонты) заметили, они не позволили занести их в комнату, а вежливо попросили оставить их в прихожей. Мы ради интереса спросили, почему. А они ответили, что заносить в дом зонты – плохая примета.

После того, как мы с подружкой рассмотрели всю квартиру, нам предложили выпить чай с сэндвичем. Чай я люблю, а сэндвичи нет. Я поблагодарила их и спросила, а что делать с несъеденным сэндвичем. Они мне так, в порядке вещей, ответили: «да выкинь его вон в ту корзину!». Но так как мы в России не привыкли выкидывать продукты, к которым даже не прикасались, он был в упаковке, я уговорила подружку, которая и так этого хотела, съесть этот бедный сэндвич.

Вот сколько удивительных вещей, связанных с разными культурами, произошло с нами в один вечер.

Мой опыт общения с иностранцами

Мой самый первый опыт общения на английском был с англичанами в маленьком городке Chichester'e в графстве West Sussex. Приехала я с русской группой на двухнедельный курс в школу для иностранцев. Разместили нас по семьям. Я попала к одной скромной разведенной женщине, которая оказалась очень милой, но по нашим меркам холодной: не было в ней того внимания ко мне как к гостье. Это лишь потом я поняла, что это не в характере и не в традициях европейцев вообще и англичан в частности так «носиться» с гостями, как это принято делать у нас в России;

но на тот момент я хоть и чувствовала себя не в своей тарелке, но была полна решимости приобщиться к английской культуре и «просветить» мою landlady в плане русской культуры.

Хозяйка стойко выдерживала мою самодеятельность, как вдруг в своих сбивчивых рассказах я столкнулась с маленьким препятствием, на которое сначала даже не обратила внимания, но которое стало моим первым опытом различия языковой логики — как выразить по-английски русскую фразу «это не красиво». Трудность заключалась в переводе этого сочетания не как описательной характеристики, а как качественной — в значении «неправильно» («некрасиво так поступать», например). Я, не моргнув глазом, перевела дословно. До этого моя невозмутимо готовящая ужин хозяйка повернулась ко мне и, слегка приподняв бровь, спросила: «What do you mean?» Я подумала, что просто неправильно произнесла какое-то слово, поэтому терпеливо повторила все снова. Когда же выяснилась настоящая причина ее недоумения, я объяснила ситуацию и все прояснилось, то моя хозяйка посоветовала переформулировать это в «it's wrong» или «it is not correct». Так я впервые осознала языковое восприятие того же самого мира другой нацией.

Тем не менее, самое интересное было еще впереди. Дело в том, что я не выдержала тест на английскую погоду: если в Англии светит солнце и все англичане в футболках и шортах принимают солнечные ванны на своей лужайке, то это еще не значит, что на улице тепло. Как уроженка средней полосы России я привыкла считать, что раз на улице лето, светит солнышко, а люди загорают, значит действительно тепло и надо одеваться соответственно. Но я забыла, а тогда скорее не знала, что в других странах не значит «как дома». Поэтому, когда я вышла на улицу, меня просквозил холодный ветер. Куртка ситуации не улучшила: как только я ее надела, мне стало ужасно жарко, а раз жарко, то я снова ее расстегнула, а там опять пронизывающий ветер. Так я и промучилась и в конце концов простудилась прямо в середине поездки.

Что надо было делать мне, заболевшей? Я не намеревалась проводить оставшуюся неделю в кровати, чихая и кашляя, поэтому целенаправленно отправилась в аптеку за лекарствами из-за отсутствия собственных. Кашель был жуткий, и насморк прогрессировал, поэтому я настроилась на сильнодействующие лекарства. Пробежав глазами полки аптеки, я набралась храбрости и подошла к продавцу. Я очень старательно описала все симптомы, тщательно все рассказала, но когда продавец протянул мне Strepsils как самое сильнодействующее средство, я искренне удивилась: «Разве у вас больше ничего нет?» Продавец отрицательно покачал головой и, отвечая на мой недоуменно-вопрошающий взгляд, невозмутимо сказал фразу, которую я скорее почувствовала, чем поняла: «Какая разница, как он (кашель) пройдет: с лекарствами или без? Все равно пройдет ведь!»

Из аптеки я вышла в замешательстве. Но лечиться-то как-то надо! Отменным здоровьем я не отличаюсь до сих пор (не без помощи британского климата, кстати), но даже после такого поражения сдаваться не собиралась! Вспомнив совет из народной медицины, я, по пришествии в дом хозяйки, позвонила ей, спросила, где у нее можно было найти картошку, кастрюли и т. д. Я все нашла и сделала себе ингаляцию. В двух словах опишу процесс: неочищенная картошка кипятится под крышкой с очищенным и крупно порезанным луком с добавлением нескольких капель йода. Когда все это настаивается, то возникают пары, которые помогают очистить дыхательные пути. Я все сделала, как требовалось, и мне даже стало легче, поэтому, когда пришла хозяйка, я ее встретила с хорошим настроением.

Через час после ее прихода подошло время снова делать ингаляцию. Я вновь все вскипятила, а когда все было готово, то пошла в зал, где был единственный удобный стол, за которым можно было нормально посидеть. Процедура на первый взгляд простая: садитесь, подставляете лицо над паром (кастрюлей) и — внимание — накрываете голову полотенцем, чтобы был паровой эффект, ничего не испарялось в воздухе комнаты, а попадало в дыхательные пути.

В этот момент я почувствовала и услышала, так как видеть не могла, что моя хозяйка безмолвно застыла на пороге комнаты и простояла так некоторое время. Я буквально кожей ощутила нелепость сложившейся ситуации, так как поставила себя на ее место. Тем не менее, сделать я ничего не могла.

Когда же я тихонечко проскользнула на кухню, чтобы вылить все то, что находилось в кастрюле, то робко посмотрела на хозяйку. Особых перемен в ней я не нашла, если не считать некоторого молчаливого недоумения на ее лице. Все, что она сказала мне в тот день, было: «Я думала, что картошка нужна для ужина». Я всегда любила и люблю англичан за их невозмутимость, но когда я после этой фразы поднималась по лестнице к себе в комнату, думая о том, что только одной этой картошкой поколебала невозмутимость моей хозяйки и в какой-то степени подорвала некоторые ее жизненные представления, то поняла, что это основано на пропасти культурного непонимания между нами.

Кстати, я на следующий день попыталась объяснить ей ситуацию с народной медициной в России, но прекратила эти попытки почти сразу, так как наткнулась на стену глухого непонимания. И дело не в том, что она не хотела меня понять или я недостаточно старалась, а просто есть некоторые вещи, которые не поддаются объяснению или пониманию. Просто их, наверное, надо принимать такими, какие они есть.

Вот таким было мое первое общение с инородной культурой. А уже в следующие свои поездки я брала с собой лекарства, чтобы больше не попадать в такие ситуации. Но от английской погоды меня это так и не спасло – я очень часто заболевала, как ни старалась этого избежать, и даже перенесла тяжелейший бронхит. Но уже потом наконец-то смогла адаптироваться.

Еще один момент из моего личного опыта, которым я бы хотела поделиться, это моя дружба с одной девочкой. Так получилось, что я два года проучилась в Великобритании в международном колледже, где и подружилась с ней. По национальности она норвежка. Ида прекрасная девушка, невероятно начитанная, очень интересная. Мы прекрасно находили общий язык, пока вдруг не возникли трения. Никаких ссор не было, но возникло определенное недопонимание. Я не могла понять, в чем дело. Дружбу мы разрушать не собирались, поэтому решили просто сесть и честно во всем разобраться.

Все оказалось просто и сложно одновременно. Как выяснилось, наши представления о дружбе не совпадали. У нас в России зачастую принято «плакаться в жилетку», «говорить по душам», что не свойственно норвежской культуре. Нет, свойственно конечно, но это не приобрело такого размаха как у нас. По всей видимости, суровый климат Скандинавии наложил свой отпечаток на национальный характер. А меня наоборот угнетала, как казалось, излишняя сдержанность и дистанцированность Иды.

К счастью, все кончилось хорошо, мы обе приноровились, но прошло время, прежде чем мы достигли желаемого результата, который устраивал и меня, и Иду. Но, пожалуй, главное, что я вывела для себя из этой ситуации, — это то, что не надо сдаваться, опускать руки в таких вещах, так как награда за терпение может быть в несколько раз выше затраченных на это усилий. В данном случае, моя подруга – моя награда, а как известно, настоящих друзей днем с огнем не найти.

Костина Татьяна

Во время весенних каникул мне посчастливилось побывать в Германии, а именно в небольшом городке Штутгарте, расположенном на юге страны. Это была программа школьного обмена, в которой принимали участие школьники 16–17 лет. Согласно программе мы должны были жить в принимающих семьях и посещать с немецкими ребятами школу. На всех нас (русских школьников) эта поездка произвела большое впечатление, ведь мы окунулись в другой мир, другую культуру. У каждого сложилось свое мнение об этой стране, о ее жителях, о том, как вообще живут здесь люди, чем они отличаются от нас… Конечно же, надо учитывать тот факт, что у нас не могло сложиться окончательно объ-

ективное мнение об этом народе, так как их культуру, их мир мы воспринимали через призму нашего, пытаясь противопоставить наш образ жизни тому, который мы наблюдали во время нашего короткого пребывания в Германии.

Живя бок о бок с немцами, мы пытались приспособиться к их ритму, их стилю жизни, мы старались следовать тем нормам, правилам, которые были приняты в их обществе. Никто из нас почему-то не захотел проявить свою яркую русскую индивидуальность, и в большинстве случаев мы просто подражали действиям, манере вести себя и одеваться наших немецких друзей. Интересно, что приехав в Германию в туфлях на каблуках, мы больше их ни разу не одели, так как в Штуттгарте все поголовно ходили в кроссовках. Но, надо заметить, были такие ситуации, когда мы действительно чувствовали себя неловко…

В первый же день, сразу после приезда, нас повели в школу знакомиться с учителями и принимающими семьями. После того, как представили и рассказали немного о нашей стране, нас пригласили в столовую на чаепитие. Мы пришли в столовую, долго не могли понять, за какой стол нам следует сесть, так как ни один из них не был накрыт. И вот неожиданно наши немецкие друзья встали и куда-то пошли. «Наверное, за чайником и чашками», — подумали мы и остались сидеть в предвкушении. Но вдруг через 5 минут прибегает Алис (немецкая девочка) и рассеянно говорит нам что-то (в первый день мы абсолютно не могли понять их немецкий, на котором они в буквальном смысле чирикали, как птички). Оказалось, немцы были сильно удивлены тем, что мы остались сидеть, а не последовали за ними. Ведь каждый обслуживает сам себя, несмотря даже на то, что ты из другой страны и у тебя совершенно другие обычаи.

А вот еще один случай. Однажды мы гуляли по городу, и русская девочка, выпив бутылку кока-колы, бросила ее в урну. Как же нас испугал неожиданно подбежавший пожилой мужчина с криком: «Schreklich!», что значило «ужас!». Оказывается, Кристина бросила бутылку в отделение для мусора из бумаги, а следовало кинуть пластик в специальное отделение для мусора из пластика.

Немцы очень чистолюбивы (так! — *С. Т.*), бдительны и всегда следуют правилам и нормам. Сигаретные бычки у них не валяются, как в России, по тротуарам, мусор всегда лежит в урне, а не рядом с ней. Мы даже как-то видели, что люди мыли снаружи стены своего дома. Такая свежесть и чистота были нам в диковинку. И люди по улицам ходят «одинаковые»: все одеты удобно, без каких-то излишеств (футболка, широкие штаны и кроссовки). И никто никогда не будет коситься в твою сторону, главное, чтобы тебе было хорошо и свободно. В этом плане немцы очень демократичны. Наверное, это положительное качество… Хотя после недели, проведенной в Германии, мы стали почему-то скучать по дому.

Иванова О.

Раньше все истории, которые мне рассказывали мои родители, бабушка и дедушка, я воспринимала как очень смешные и непонятные ситуации. Когда же появился Ваш предмет «Культурная антропология», я поняла, что эти истории, на самом деле, результат непонимания представителей разных культур, одним словом, — конфликт культур.

Когда мой папа ездил в деловую командировку в Японию и Индию, ему посчастливилось на несколько дней оказаться в Малайзии, где собственно все и произошло. Был 1993 год. Мне было тогда 6 лет, брату — 10. Новые знакомые моего папы, Вадима Валентиновича, отвели его в огромный торговый центр. Каждый этаж представлял определенную продукцию: на каком-то только обувь, на другом — одежда для детей, на третьем — взрослая одежда и т. д. И вот папа решил купить мне платья. Спросив у продавца, сколько они стоят, он стал сразу же отсчитывать деньги. Реакция продавца шокировала папу: продавец ругался, махал руками, выражение его лица было очень неприятным. Папа попросил друзей объяснить, что происходит. Оказывается, папа должен был хоть немножко поторговаться (платья же были очень дорогими!), а не сразу соглашаться со стоимостью этих платьев.

Другой интересный случай произошел с моей бабушкой. Где-то в середине 70-х – начале 80-х она должна была ехать в командировку в Италию. Она тогда работала директором Курского трикотажного комбината, известного на весь союз. Там (на комбинате) ей сшили костюм из самого модного у нас в то время материала кримплина (или кримплена). Нельзя представить, как она, Осипова Анна Васильевна — ведущий руководитель одного из мощнейших предприятий СССР, была удивлена и рада одновременно, когда увидела, что в Италии из кримплина делают чехлы для автомобилей! Почему рада? Потому что она передумала брать этот костюм с собой! Представляете, как она бы хорошо сливалась с интерьером итальянского автомобиля?!

Еще один случай произошел со мной, когда я была в Великобритании. Семья, в которой я жила со своей одноклассницей, решила сводить нас на автомобильные гонки. Как я была расстроена, когда увидела, что они (англичане) так безжалостно бьют наши русские автомобили: «Ладу», «Жигули». Да, конечно, они дешевые, запчасти легко достать. Но ведь обидно! Родное все-таки!

Осипова Анна

Ю. Е. Прохоров, директор Государственного Института русского языка им. А. С. Пушкина, рассказал о бытовом «конфликте культур», который он пережил в Германии. Он был приглашен в гости. Ему задали естественный общекультурный вопрос: «Чай пить будете?» Он дал естественный и тоже общекультурный ответ: «Спасибо, да». Следующий вопрос поставил его в тупик: «Сколько чашек?» Юрий Евгеньевич очень удивился: он не может сказать заранее и, главное, не понимает

причину вопроса. А оказалось, что у немцев свое специфически-культурное рациональное отношение к жизни: нечего зря тратить электроэнергию.

Нет сомнения, что дело не в жадности, не в скаредности немцев, а именно в современной культуре, в осмысленном и бережном отношении к природе, к человеческим усилиям, к экологической целесообразности.

Точно так же французы в моем доме были шокированы безумным, «щедрым», а на самом деле — расточительным отношением к воде: я разговаривала по телефону, не закрыв на кухне кран. Гости страдали, потом один из них закрыл кран.

Избалованные нашими богатейшими природными ресурсами, мы льем воду, жжем газ, «уходя не гасим свет» и воспринимаем как конфликт негативную реакцию представителей других культур.

Когда моя английская подруга, узнав, что мы едем на обед к ее родителям не в полном составе (на одного человека меньше), возмутилась и воскликнула: «Но они же купили 4 бифштекса!», — я долго не могла прийти в себя от шока: они же совсем не бедные (по нашим понятиям — очень богатые), что же это за скупость! И получился конфликт культур: я «разочаровалась» в подруге из-за ее жадности, она — во мне из-за пренебрежительного отношения к стараниям стариков-родителей. К счастью, мы слишком любим, уважаем и ценим друг друга, чтобы испортить отношения, но неприятный осадок остался.

Американский коллега Эндрю Коэн (Andrew Cohen) рассказывал, как он в Японии был приглашен на обед. Все было очень хорошо, но когда, уходя, он с чувством начал благодарить хозяев, оказалось, что это культурная ошибка, потому что в Японии в таких ситуациях нужно принести извинения за причиненные неудобства.

Коллега из Бурятского Государственного университета П. П. Дашинимаева прислала описание особенностей бурятской культуры, «которые, возможно, расходятся с другими культурами». Будучи доцентом кафедры перевода и межкультурной коммуникации, она отмечает и языковые аспекты различия культур в языке.

1. **В семейных отношениях** (нижеописанные ситуации больше относятся к семьям среднего и зрелого возрастов):

— Обычно супруги сдержанны в вербальном выражении чувств друг к другу. Если муж часто говорит о том, как он любит жену, это выглядит неестественно. Во-первых, он уподобляется много говорящему мужчине, во-вторых, слово не всегда есть подтверждение любви, так как оно — пустота. Иногда муж может признаться жене в любви, один раз за всю жизнь, а то и вовсе не признается. В результате такого положения вещей слово *дуратайб (люблю)* стало «неподъемным»: произнести его — переступить через себя.

— Не перечить родителям, особенно престарелым, что бы они ни говорили: слушать и молчать. *Урдаһаа дуугарха (talk back)* значит *осмелиться в ответ открыть рот, когда он должен быть закрыт*. Подобное однозначное послушание культивировалось веками, но сегодня взаимоотношения родителей и детей не проявляются в столь крайней форме. Это вызвано, видимо, в частности, низкой рождаемостью (в среднем два ребенка в семье) и тенденцией жалеть своих детей, но в целом обычай почитания родителей остается неизменным.

— Поведение жены: стараться сохранять хотя бы на формальном уровне роль мужчины, которая выше, чем у женщины (подать еду первому, не начинать разговор первой в официальной обстановке, не унижать его достоинство «50 рублями на обед», мытьем посуды или пола при гостях, не повышать голос на мужа и т. д.). Эти правила поведения больше соблюдаются восточными бурятами, которые более консервативны (из-за приверженности буддистским канонам), чем западными (чья вера — шаманизм и христианство).

— К отцу и матери, другим старшим родственникам (включая сестер и братьев) на бурятском языке обращаются на «вы». При переходе на русский язык люди стараются сохранить это «вы», и здесь наступает несоответствие форм и содержания двух языков, поэтому перевод данной ситуации часто бывает неэквивалентным.

2. **В других социальных отношениях**

— Следует усаживать гостя, особенно мужчину, дальше от двери (что значит выше). Обязательно налить чай, но при этом спросить *Сай хэхэмгу? (налить вам чай?)* считается жестом невоспитанности и негостеприимства: следует наливать чай, не спрашивая соизволения. А вошедший поведет себя невоспитанно, если не сядет за стол и не сделает пару глотков чая. Это своего рода ритуал поведения при приходе к кому-нибудь домой (не обязательно в гости).

— Женщине не подобает сидеть «нога на ногу» в формальной обстановке, особенно в буддистском храме.

— При разговоре принято сохранять определенную пространственную дистанцию: буряты предпочитают не иметь тактильный контакт. Смотреть в глаза собеседника — нормально, отвод глаз скорее будет интерпретироваться как неестественное поведение.

— Принцип «молчание — золото» уместен иногда в разговоре с собеседником, находящимся ниже по социальной иерархии, когда участник беседы в ответ на вопрос вышестоящего хранит молчание, не объясняя молчание ремарками типа «не знаю, что сказать», «вы правы» и т. д. Подобное часто наблюдается в учебных учреждениях.

— Такие черты характера человека, как гордость, которая воспринимается как гордыня, и многословность считаются худшими из пороков; скромность и сдержанность (означает, что человек научился обуздывать страсти и эмоции) — первыми достоинствами.

— Стараться не говорить много о достижениях своих детей и внуков; если рассказываешь, тогда делай это в меру, ибо подобное расхваливание считается хвастовством, граничащим с гордыней.

— Принято не отдавать детей родственников, оставшихся без родителей, в дома ребенка, а брать к себе на воспитание: до 1980 года Бурятию называли «краем без сирот». Хотя сегодня есть случаи, когда детей-сирот отдают в приюты и даже родителей – в дома престарелых, в любом случае подобные поступки сильно осуждаются окружением.

А вот как описала свою жизнь во Франции наша выпускница, которая поехала работать в университет в Париже и вышла там замуж. Ее реакции очень типичны для столкновений культур: «*дурь!*», «*чушь!*», «они» — *чудны́е/странные/ненормальные*».

Именно так реагируют обе стороны конфликта: «они» не как «мы», они другие, и это ненормально. Нормальна только наша культура. Все отклонения от нее — чушь, дурь, ерунда или слова похуже.

Во Франции — неимоверная бюрократия. Свидетельства о рождении у них нет! Представляете, какая чушь?! Его нужно получать по мере надобности в том городе, где родился. Если ты француз, но родился за границей, то получаешь свидетельство в городе Нанте. Пишешь туда запрос, потом ждешь 2–3–4 недели. И, действительно это свидетельство только 1 год! Как будто можно потом родиться в другом месте или в другое время?! Дурь какая-то…

Оказалось, что народ во Франции склочный. Я оставила пару раз коляску в коридоре у самой нашей двери — кто-то тут же пожаловался председателю сообщества жильцов, тот сделал мужу замечание.

В квартире, которую мы снимали до того, как купили свою, соседи потребовали, чтобы мы не принимали душ после 10 вечера: шум воды мешает.

Один сосед долго преследовал мужа за то, что якобы наша кошка поцарапала крышу его (соседа) машины. Никаких доказательств, что это была именно наша кошка, у него не было, но он требовал огромные деньги за перекраску кузова. Страховая компания платить, конечно, отказалась, но мы потратили очень много нервов. Какие-то они ненормальные!

Электрик за переделку электричества в новой квартире — очень маленькой! — запросил 5000 евро и представил смету.

Мы обратились в агентство недвижимости, они возмутились: «Надо было смотреть, что покупаете!», но дали телефон электрика попроще. Он попросил 600 евро. (Представляете, какая разница?!)

Украинец Виталий предложил все сделать за 100 евро или дешевле. Он не электрик, а просто «все может». Наш человек!

Живет нелегально и нелегально же снимает комнату-пенал в 7 м² за 550 евро в месяц. Спрашивал, не знаем ли мы француженку, которая за деньги вышла бы замуж. Очень хочет легализоваться. Вот вам жизнь во Франции!

В нашем доме вообще нет номеров квартир: ни на двери, ни на почтовом ящике, ни на домофоне. Везде только имена жильцов. Это странно и неудобно.

Консьержка с семьей живет в нашем доме в отдельной квартире бесплатно. Она из Португалии. Бывает в своей комнате всего 2 раза в день по полчаса: с 11.00 до 11.30, с 19.00 до 19.30. Так написано на двери. Я ее не могу застать уже 3 дня. Мы купили телефонную линию в квартиру, но нам не могут поставить телефон, потому что мы не знаем номера подъезда. Он вообще-то у нас один, но когда-то их было два: А и В. По документам их два, и «Telecom» звонит каждый день, спрашивают, куда подключать линию, а мы не знаем, какой номер уцелел — А или В. Логика: да у нас всего один подъезд! — не работает. По документам-то два. Консьержку застать не можем, а жильцы, которых мы спрашивали, не знают.

Вот такая странная жизнь. Очень хочется домой!

Приведенные примеры «из жизни» иллюстрируют разные виды и степени последствий культурных конфликтов — курьезы, мелкие обиды, испорченное настроение, испорченные отношения (готовка борща в общежитии), сломанная челюсть… В то же время — новый взгляд на мир, на жизнь людей, открытие других отношений, других ценностей, новые горизонты, новые грани общественного поведения и, самое главное, осознание необходимости уважения или, по крайней мере, терпимости к чужому уставу чужого монастыря.

Таких ситуаций очень много, они случаются с каждым человеком, но не каждый осознает их последствия как конфликт, столкновение культур.

Однако в истории человечества много примеров гораздо более серьезных последствий, когда конфликт культур происходит на уровне вождей, правителей, государственных деятелей.

Вот инцидент из истории Англии[2]. Во время правления Елизаветы I (1558–1603) послы правителя Мавритании Мули Хамета произвели крайне негативное впечатление на англичан. Они не привезли даров ни королевскому двору, ни лондонской бедноте, что им следовало сделать в соответствии с этикетом подобных встреч в ту эпоху. Кроме того, они ежеминутно напоминали о своей бедности, а их шестимесячное пребывание в Англии обошлось лондонской казне в немалую сумму. Посланники Мули Хамета «очень странно одеты и не менее странно себя ведут», — писал Роланд Уайт, живший в Лондоне в то время. Елизавете так и не удалось договориться с посланниками Мули Хамета, и, будучи в крайнем раздражении, она приказала изгнать из страны всех «мавров и черномазых» («negars and Blackmoors»)[3].

[2] Из материалов *А. М. Иванова*. Культурные концепты «island» и «moor» эпохи Елизаветы и их отражение в произведениях У. Шекспира. Кандидатская диссертация. М., 2003.

[3] *G. Bullough*. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare, vol. VII, p. 207–208.

А вот более свежий пример (июль 2005 г.) конфликта культур на государственном уровне. В Бельгию приехала правительственная делегация Ирана. Ее визит закончился полным фиаско. Глава иранской делегации отказался пожать руку мадам Лизен, члену бельгийского парламента, и она отменила встречу. А когда иранцы потребовали, чтобы на официальном обеде не было никакого алкоголя, бельгийцы отменили обед. Глава делегации Ирана выразил сожаление по поводу того, что бельгийцы «живут в такой стране, где не знают о разнице культур». На это бельгийцы возразили: «наши гости должны уважать и наши традиции, как мы уважали бы их традиции, если бы приехали в Иран». (Телевизионная передача «Новости», 1 июля 2005 г.). Обе стороны остались очень недовольны друг другом.

Еще пример, на этот раз — из истории современной России.

1 августа 2002 г. в телепередаче, посвященной Джахару Дудаеву, рассказали о том, как Дудаев, получивший военное образование и награды в России, приехал в Москву, чтобы попробовать мирно договориться, но его не приняли, потребовали, чтобы он снял шапку, чем нанесли оскорбление его самолюбию, нарушили каноны и традиции чеченской культуры. Он уехал глубоко обиженный, и его отношение к России резко переменилось. Чем это обернулось для Чечни и для России, хорошо знают и чеченцы, и россияне.

Я не могу судить, насколько верны факты и оценки этого репортажа, но могу себе представить такой вариант этой истории: Дудаева встречают вежливо, внимательно выслушивают, оказывают ему уважение как гостю, учитывая законы гостеприимства его культуры…

Я понимаю, что война с Чечней имеет много разных причин, но не надо преуменьшать и роль Случая и — особенно! — Личности в истории. А вдруг уважение к чужой культуре спасло бы жизни и российских и чеченских мальчиков?! Если бы только государственные чиновники прослушали курс культурной антропологии или хотя бы имели представление о межкультурной коммуникации…

Межэтнические культурные конфликты в молодежной среде — сейчас в центре общественного внимания. Газета «Поиск» поднимает в этой связи следующие вопросы. «Почему возникает ксенофобия? Каковы причины ее распространения в молодежной среде? Насколько сильно средства массовой информации влияют на формирование враждебных стереотипов в обществе? Эти и другие проблемы оказались в центре внимания психологов, социологов, журналистов, собравшихся на круглый стол «Язык вражды в молодежной среде», организованный Агентством социальной информации и Центром развития демократии и прав человека.

Согласно представленным исследованиям, ксенофобия и нетерпимость наиболее активно развиваются в молодежной среде. Ведь в крупные города, где находятся вузы, приезжают учиться юноши и девушки из всех регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Поэтому именно студенчество сегодня можно назвать зоной наиболее интенсивных межэтнических контактов. Кроме того, студенты, по определению, представляют одну из самых мобильных и открытых для новой информации групп.

Директор Агентства социальной информации Елена Тополева считает: то, что делают сегодня некоторые группировки, такие, например, как скинхеды, привлекает даже ту молодежь, которой не свойственны радикальные идеи. Просто многих молодых людей интересует все яркое, эмоционально насыщенное, все, что позволяет выплеснуть энергию. Но последствия этого не просто плачевны — они бывают ужасны. В определенных ситуациях, например, после терактов, «нейтральная молодежь» просто молча соглашается с действиями скинхедов, не осуждает их, тем самым как бы одобряя такое поведение. В ноябре 2003 года во время пожара в общежитии Российского университета дружбы народов погибли несколько десятков иностранных студентов. О помощи пострадавшим сообщали тогда многие СМИ. Но никакого резонанса не было, когда спустя день после пожара к общежитию пришли бритоголовые, избили погорельцев и других иностранных учащихся. Социологи и психологи подчеркивают, что гарантий безопасности для студентов, которые внешне отличаются от «всех», не может дать никто – ни руководство города, ни ректорат вуза. Практически в любой точке России студенческие общежития – мишень для экстремистов, а органы МВД завалены жалобами иностранных и российских студентов, пострадавших от нападений своих же сверстников. Поэтому единственный выход — учить молодых толерантности»[4].

Одной из главных причин межкультурных конфликтов участники форума считают язык. Названия и круглого стола («Язык вражды в молодежной среде»), и статьи в газете («Язык мой — враг твой?») говорят сами за себя. Агрессия формируется, по мнению участников этого круглого стола, уже с детства, со считалочек типа *Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить*.

Действительно, в языках много не всегда осознаваемой их носителями агрессии. Взрослые давно, как правило, утратили способность видеть и слышать слова и словосочетания, но дети, для которых язык нов и свеж, воспринимают его гораздо острее. (Как уже упоминалось выше, та же языковая чувствительность бывает у взрослых по отношению к языку иностранному — он тоже для них нов и свеж.)

Невинная маленькая птичка, живущая рядом с человеком, называется по-русски *воробей*, где явно слышится призыв *бей вора*. Не удивительно, если дети стреляют в нее *из рогаток*. В моем детстве была распространена считалочка *Бей, бей, воробей, не гоняй голубей, гоняй галочек из-под палочек*.

[4] *Олеся Пенкина.* Язык мой — враг твой? // Поиск, 2004, № 41 (803), 8 октября.

Русские пословицы *Снявши голову, по волосам не плачут*, *В доме повешенного не говорят о веревке* звучат стерто и привычно для взрослых носителей языка, но в них — тема убийства проявлена вполне открыто.

О крепко спящем человеке говорят *спит как убитый* или *мертвым сном* (англоязычный человек *спит, как бревно — to sleep like a log*).

Мы говорим *молчит, как убитый*, *ходит, как убитый* (в значении «в состоянии горя, подавленности»), *Богом убитый* (глупый, тупой), *убить время, деньги, здоровье*.

Англо-русский словарь иллюстрирует употребление глагола *to kill — убивать*: *he killed his own brother – он убил своего брата*[5].

В другом, также учебном (!), словаре в качестве иллюстрации речевого употребления этого же глагола разворачивается прямо-таки кровавая драма: *First she killed her husband, then she killed herself. Сначала она убила мужа, потом себя*[6].

Следует отметить, что большинство словарей, особенно учебных, гораздо более осторожны и внимательны к читателю: глагол *to kill* либо вообще не иллюстрируется, либо в качестве примера «убиваются» животные, либо — еще лучше! — приводится библейская заповедь: *Thou shalt not kill — Не убий*[7].

В учебнике английского языка для историков в упражнении на перевод с русского предложение *Он нажал на курок пистолета* надо было не только перевести на английский язык, но еще и дать все три формы времени: настоящее, прошедшее, будущее.

Таких примеров, стимулирующих идеи насилия и агрессии, достаточно много в учебной литературе, создающей негативный образ мира и родного, и изучаемого языка. В этом отношении особенно не повезло России. Может быть, мы не вполне объективны и особенно ранимы, когда дело касается нашей Родины, но, как сказала студентка в своем эссе выше, когда бьют наши машины, «обидно ведь!».

Приведу только два примера образа России в учебниках иностранных языков. Один из учебника английского языка для школьников, сейчас весьма популярного. В нем два текста о России. Один — письмо англичанки из России своей подруге в Англию, в котором она с грустью описывает русский городок, где много церквей, но — увы! — фонари не горят, на улицах ходят гуси и утки, город неухоженный, темный, бедный («Как жаль, что нет денег на его содержание»), и в конце выясняется, что этот несчастный городишко — Суздаль! Второй текст — о семье Лыковых, которые ушли в начале прошлого века в глухую тайгу, где прожили много десятков лет,как на необитаемом острове, в первобытном строе и натуральном хозяйстве, пока их не обнаружили случайно геологи. Лыковы сразу все умерли, кроме одной сестры (приложена ее фотография). Всё. Россия представлена этими двумя текстами.

Еще более странно (мягко выражаясь) выглядит Россия в учебниках русского как иностранного, изданных за рубежом.

Разумеется, эта тема достойна серьезных научных исследований, поэтому здесь, затрагивая ее попутно, мимоходом (какая чу́дная внутренняя форма: *мимо ходом, ходом мимо*, да и *попутно* совсем неплохо: *по пути*) приведем только один пример, не нуждающийся в комментариях.

В парке культуры и отдыха

В парке культуры и отдыха написано:

> Товарищи, лежать на траве в парке культуры и отдыха некультурно.
>
> *Директор парка культуры и отдыха*

Владимир лежит на траве в парке культуры и отдыха. Почему он лежит на траве? Не знает ли он, что лежать на траве некультурно? Он знает, но ему все равно. Он любит лежать на траве и думать о жизни.

Директор парка: Мальчик, почему ты лежишь на траве? Ты ведь знаешь, что тут есть скамьи. Товарищ Бородин сидит на скамье. Я сижу на скамье. Все, кроме тебя, сидят на скамьях.
(пауза, пока Владимир думает)

Владимир: Мне все равно. Я не могу сидеть.

Директор: Почему ты не можешь?

Владимир: Я слаб, товарищ директор, слаб от недоедания.

Директор: Знает ли твой отец, что ты слаб от недоедания?

Владимир: Отец знает, но ему все равно. Весь день он лежит на диване и пьет алкогольные напитки.

Директор: *(с отвращением)* Какой жестокий человек!

Владимир: *(с грустью)* Товарищ директор, никто не любит меня. Никто не понимает меня. Я один. Я один.
Директор плачет[8].

[8] http://funchance.info/quote/1905.html

К сожалению, каждый язык таит в себе определенный запас разного рода средств, некий арсенал оружия, предназначенного для разжигания межкультурных и межнациональных конфликтов, вражды и насилия.

Напомним об обвинении английского языка в расизме, пришедшем в середине прошлого века, когда, в связи с освобождением народов Африки от колониализма и ростом их самосознания, цветообразование *черный — белый* вызвало возмущение африканцев[9].

Отдельная тема, привлекшая сейчас внимание исследователей, — уничижительные, негативные этнонимы, названия национальностей (все эти *хохлы, москали, жиды, китаёзы, япошки, фрицы, хачики* и т. п.).

Еще одна взрывоопасная сфера речевой деятельности — международные анекдоты, где представители разных национальностей представлены стереотипно, но, как правило, далеко не комплиментарно (мягко выражаясь).

[9] См. об этом подробно: *С. Г. Тер-Минасова.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2005, с. 94 и далее.

[5] *Elizabeth Wilson.* The Modern Russian Dictionary for English Speakers. Pergamon Press. «Русский язык».

[6] *Longman.* Active Study Dictionary of English. Еще и Active Study — для активного заучивания!

[7] *A. S. Hornby.* Oxford Advanced Dictionary of Current English.

Сюда же относятся и так называемые этнические анекдоты, в которых высмеивается какая-то одна национальность. При этом у каждого народа свой набор «нелюбимчиков» с одним главным: у французов — бельгийцы, у англичан — шотландцы, у русских — чукчи. В английских анекдотах высмеиваются американцы (невежественные, баснословно богатые и нелепо расточительные), австралийцы (глупые и примитивные), китайцы (либо представители «красного» социалистического мира, либо жадные владельцы китайских ресторанов), ирландцы (агрессивные, недружелюбные). Самые распространенные — это анекдоты о жадных и скупых до глупости шотландцах.

Несколько примеров английских и американских анекдотов.

Техасец умер и попал на небо. У врат рая его встречает святой Петр: «Добро пожаловать. Вы откуда»? — «Я из Техаса». — «Заходите, но вам вряд ли понравится».

В Беверли Хиллз каждый декабрь дети садятся на колени к Санта Клаусу и спрашивают, что он хочет получить к Рождеству.

Америка — единственная страна в мире, где у бедных проблемы с парковкой.

Группа американских туристов на экскурсии в Раннимиде слушает экскурсовода, рассказывающего о том, что здесь была подписана Великая Хартия Вольностей (Magna Carta). «Когда это было?» — голос из толпы. «В 1215» (произносится по-английски как «двенадцать пятнадцать»). «Черт побери! — снова голос из толпы. — На 20 минут опоздали».

Это потрясающий китайский ресторан. За 50 пенсов можешь есть сколько хочешь. Проблема только в том, что они дают всего одну палочку для еды.

Это была шотландская свадьба: конфетти были на резиночках.

Какая разница между шотландской свадьбой и шотландскими похоронами? На похоронах одним пьяным меньше.

Гранд Каньон получился, когда шотландец уронил пенни в канаву.

Парнишка из Глазго убил родителей, чтобы попасть на пикник для сирот.

Шотландский всадник купил себе одну шпору, рассудив, что куда одна сторона лошади пойдет, туда и другая последует.

В наши дни нужно быть осторожнее с шутками о жадности шотландцев. На этой неделе в «Таймс» пришло письмо от разъяренного шотландца, в котором говорилось: «Если напечатаете снова анекдоты про шотландцев, я перестану одалживать вашу газету[10].

[10] Все анекдоты взяты из: The Penguin Dictionary of Jokes. Ed. by Fred Metcalf, 1993.

В России в 1980–1980-х годах очень широкое распространение получили анекдоты о чукчах, в которых представители этого древнего и героического народа высмеивались как глупые, крайне примитивные люди.

Например:

Чукчи убили моржа и тащат его за хвост к своей деревне. Тащить трудно, потому что бивни моржа упираются в землю и тормозят движение. Проходящий мимо русский советует: «Да вы тащите за бивни, будет гораздо легче». Они берутся за бивни, тащат, и один говорит: «Молодец русский. Однако гораздо легче стало». Другой отвечает: «Да, легче, однако теперь назад к океану тащим».

Чукча приезжает в Москву поступать в Литературный институт. Его спрашивают: «Кто ваш любимый писатель?». Он отвечает: «Чукча не читатель. Чукча сам писатель».

Чукча женился на француженке и вскоре развелся с ней. «Почему?» «Шибко грязная. Каждый день моется».

Эти анекдоты были настолько популярны, что некоторые фразы вошли в русский язык: «чукча не читатель, чукча писатель», «шибко грязная» и др.

Совершенно очевидно, что шутки такого рода не только не способствуют толерантности, взаимопониманию, миру и дружбе между народами, а наоборот разжигают вражду и нетерпимость. Стоит привести здесь отрывок из уже цитированной (см. Главу I) статьи Олеси Колесовой «От малого до великого» («Поиск», № 49, 9 декабря 2005).

«Глубоко укоренившиеся в обыденном сознании стереотипы нуждаются в постепенной корректировке. Кто для нас чукча? В первую очередь — персонаж из анекдотов. А ведь история освоения Сибири свидетельствует, что казачьи отряды проигрывали сражения воинственным чукотским князьям. Есть и примеры из современности — на проводившейся недавно в Новосибирске олимпиаде по языкам коренных народов Сибири для школьников первое место заняла чукчанка, потому что грамматика ее родно-

го языка оказалась намного сложнее того материала, который нужно было освоить во время очного тура олимпиады.

Кстати, агглютинативные языки большинства народов Сибири, которые принято считать примитивными, по совершенству устройства и устойчивости превосходят флективные европейские».

Фразеология, пословицы, поговорки часто также оказываются заминированными политнекорректностью и ведут к агрессии и вражде. Чего стоит хотя бы русская пословица «Незваный гость хуже татарина»? В другой популярной в Советском Союзе серии анекдотов об «армянском радио» был задан вопрос об этой пословице как оскорбительной для татар. «Армянское радио» ответило: «Вы совершенно правы, это недопустимо и подрывает нашу национальную политику. Предлагаем изменить эту пословицу на более позитивную "Незваный гость лучше татарина"». Для страны, в которой проживает более трех с половиной миллионов татар, такие пословицы и такие игры с ними действительно мина замедленного действия.

Интересная иллюстрация на эту же тему в цитированной выше работе Натальи Шаховой:

«Недавно посол Финляндии в Осло обратился к норвежским журналистам с необычным ходатайством. Он настоятельно просил тружеников пера и микрофона использовать другое название для шапочек с прорезями для глаз, в которых норвежские грабители имеют обыкновение выходить на промысел. Дело в том, что со времен войны 1939 года такие шапочки называют в Норвегии «финскими капюшонами», потому что в ту морозную зиму сердобольные норвежки вязали финским солдатам — тем, кого у нас было принято называть белофиннами, — шапочки именно такого фасона. «Мы не хотим, чтобы финны ассоциировались в Норвегии с каждым ограблением», — пояснил посол со смущенной улыбкой»[11].

[11] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr / 20000328_shahova.html, с. 4.

Общеизвестная английская детская песенка про валлийца Тэффи, который был вором, пришел в дом англичанина и украл кусок говядины, вряд ли будет способствовать улучшению и без того напряженных отношений между жителями Англии и Уэльса. Во втором куплете англичанин так и не смог ничего сделать с Тэффи, а тот снова пришел в его дом и снова украл – на этот раз мозговую косточку:

Taffy was a Welshman,
Taffy was a thief,
Taffy came to my house
And he stole a piece of beef.
I went to Taffy's house
Taffy wasn't home
Taffy came to my house
And he stole a marrow bone.

А песенка, между прочим, — в категории children's favourite songs. Любимые, значит, песенки.

Профессор Н. Г. Комлев (увы! — покойный) говорил мне, что в одном африканском языке есть пословица *«Если встретишь в лесу змею и эфиопа, убей сначала эфиопа, потому что змея может оказаться неядовитой»*.

Интересный материал разницы и конфликта культур дает сопоставительное изучение пословиц. Приведем примеры из русского и китайского языков[12].

Русская пословица *С глаз долой — из сердца вон* звучит для китайцев очень прямолинейно и резко, на грани грубости.

Ее китайский аналог гораздо мягче и деликатнее выражает ту же мысль: *Когда человек уходит, его чай остывает.*

Русское *Лежачего не бьют* вполне нейтрально и звучит, как выписка из правил боевых искусств. Китайский вариант гораздо более эмоционален: *Настоящий мужчина не поднимет руку на тонущую собаку.* При оценке образности этой пословицы нужно учитывать, что собака — образ отрицательный в китайской культуре, поэтому за внешней жалостливостью и гуманизмом «настоящего мужчины» скрывается издевка над проигравшим, униженным этим сравнением.

Русское *Пьян, как сапожник* соответствует китайскому *Пьян, как мокрая глина.* Здесь разница культур настолько велика, что реакция недоумения одинакова у обоих народов. Русским чужд образ пьяной глины, пусть даже мокрой, а китайцы не понимают, почему именно сапожник, а не кто-то другой.

Кашу маслом не испортишь Цао Юнцзе комментирует в своей работе следующим образом: поскольку в Китае никто не может представить, что в кашу можно или даже нужно добавить масло, если это не плов, то данная пословица дает сложную и непонятную информацию. В качестве эквивалента предлагается: *Много лодок не мешают порту, много автомобилей не мешают дороге.*

Ни пуха ни пера вызывает у китайцев негативную реакцию как пожелание неуспеха. Такого рода парадоксальное напутствие через прямо противоположное (своего рода энантиосемия) вызывает недоумение и возмущение, а ответ *«к черту»* просто шокирует грубостью. Иными словами, имеет место явный и недвусмысленный конфликт культур.

Итак, в результате культурных ошибок (в том числе и тех, которые вызваны различием языков) рушатся личные и деловые отношения, проекты, программы, сотрудничество, возникают этнические и государственные конфликты, а Сэмюел Хантингтон, политолог из Гарвард-

[12] *Цао Юнцзе.* Фразеологизмы как наследие культуры (на материале русского и китайского языков). Кандидатская диссертация. М., 2003.

ского университета США, предсказывает третью мировую войну как войну культур и цивилизаций. И хотя мы все (и Хантингтон в том числе) знаем, что причины любой войны — в первую очередь экономические и политические, эта фраза о третьей мировой войне не только предостерегает от недооценки этой опасности, но и высвечивает особую актуальность проблем межкультурной коммуникации на современном этапе развития человечества с его глобализацией, панмиксией, небывалой ранее миграцией населения, культурно-этническими конфликтами, неслыханным по масштабу терроризмом.

Разумеется, все сказанное выше носит обобщенный характер. Более внимательное рассмотрение и языкового, и культурного барьеров, разделяющих людей, даст гораздо более сложную картину.

Языковые ошибки, как было сказано выше, снисходительно прощаются иностранцам: сам факт этих ошибок невольно вызывает у носителей языка чувство превосходства: *Я-то знаю, как произнести это слово, как употребить эту грамматическую форму, не то что этот бедный (милый/ убогий* — выберите нужное) *иностранец*.

Однако по отношению к соотечественникам в нашей культуре обычно — никакой снисходительности. Овладевшие нормативным литературным родным языком (или хотя бы немного, через среднюю школу прикоснувшиеся к нему) не прощают «неграмотности» других вариантов: диалектов, вульгаризмов, разговорного стиля, жаргонных выражений. Особенно они непростительны для людей «при должности», официальных, вышестоящих. Опять же все эти требования живут **только в соответствующих культурах.**

Например, в современной России, несмотря на стилистический разгул и крушение языковых норм (как реакция на строгость и цензуру стилей в Советском Союзе), по-прежнему массовое сознание требует от вождей «высокого» (хотя бы грамотного!) стиля. Закат и непопулярность М. С. Горбачева начались с его речевых «ошибок», с отклонений от русского литературного языка, с элементов южнороссийского говора (в том числе фонетических). Все это было немедленно высмеяно и юмористами, и народом. Все эти «на́чать», «мы́шление», «ло́жить» вызвали ощущение недостаточной культуры и образованности, несмотря на то что Михаил Сергеевич был практически первым главой СССР, имевшим университетское образование, да еще и получившим его в Первом Вузе страны — Московском государственном университете.

В этом смысле немногословная, грамматически и лексически выверенная, афористическая речевая манера И. В. Сталина идеально соответствовала культурным требованиям народных масс (именно — масс и именно — народных): веско, значимо, грамотно, медленно, понятно. Очевидно, успеху речевой манеры главного советского вождя способствовало то, что русский язык был для него неродной: отсюда и повышенная грамотность, и отсутствие вольностей, и строгая нормативность, и даже замедленность темпа, придающая особую значимость его словам. Идеал речевой манеры русских был сформулирован гениальным А. С. Грибоедовым: говорить надо **«с чувством, с толком, с расстановкой»**, то есть **эмоционально, осмысленно** и... **медленно,** с паузами, чтобы донести каждое слово до слушателей и оказать им таким образом уважение. Именно так может и должен говорить вождь — и шире: представитель государственного управления — в России. У Сталина и легкий грузинский акцент не раздражал, а скорее придавал значимость образу как нечто «иностранное», особенное, не такое, как у большинства. И. В. Сталин в речевом плане оставил за собой не ошибки, не вульгаризмы, а крылатые выражения: его афоризмы вошли в язык: «кадры решают все», «наше дело правое — победа будет за нами», «других писателей у меня нет».

Н. С. Хрущев оставил в народной памяти не так много грубых языковых просчетов («кузькина мать», «педерасы» — о художниках-модернистах), но зато очень «отличился» в плане культурном: ботинок, которым он колотил по трибуне, чтобы привлечь внимание аудитории в США, сделал его посмешищем не только у представителей других культур, но и в первую очередь в родной стране.

Манера Л. И. Брежнева высмеивалась в многочисленных анекдотах из-за невнятности речи, «каши во рту», что, разумеется, отнюдь не способствовало его популярности.

Эпоха Б. Н. Ельцина вызвала поток анекдотов, иллюстрирующих его ослабевшую от возраста и вредных привычек способность понять и словесно выразить что-либо. Слова-паразиты, уродующие устную речь (вроде «понимаашь»), «украсили» бесконечные пародии на Первого Российского Президента.

Надо отдать должное Президенту России В. В. Путину: в плане манеры, формы и содержания речи он выгодно отличается от предыдущих властителей страны: он говорит медленно, лаконично, понятно и грамотно. В первые годы своего правления он строго следил за нормативностью речи. Когда он сорвался в первый раз, его «мочить в сортире» немедленно стало предметом насмешек. Впрочем, возможно, это был популистский прием, имеющий целью показать «близость к народу». В России такие уловки не рекомендуются: вождь не должен говорить, как мы. Юпитеру не позволено....

Эта фраза немедленно стала всеобщим «достоянием» и широко цитируется на самых разных уровнях. Приведу пример из жизни. После одной из лекций ко мне подошла молодая девушка и сказала с несколько кривой усмешкой: «Здравствуйте. Я представительница того народа, который надо мочить в сортире». Это была стажерка из Чечни.

И еще пример и тоже из жизни. На одном из конкурсов на звание «Учитель года» моим соседом оказался экс-чемпион из Брянска Олег П. Он прочитал мне свои стихи, отрывок из которых я хочу привести.

От Магадана до Кремля
В сортирах бредят сатисфакцией
Замоченные учителя

С подмоченною репутацией.
Всем президентам в мире
Давно пора бы знать:
Замоченных в сортире
Непросто отмывать.

После того, всем запомнившегося случая было еще несколько речевых срывов, из них особенно заметные — в Брюсселе «шутка» о мусульманском обряде обрезания и в Петербурге на встрече с Тони Блэром претензия к чеченцам, для которых мы все «козлы». И в том, и в другом случаях международного скандала удалось избежать благодаря некомпетентности (или наоборот — высокому искусству?) переводчиков.

Интересно, что это требование правильности и культуры речи, и строгости поведения руководителя страны, несоблюдение которого немедленно вызывает всеобщие насмешки и, соответственно, падение престижа, типично именно для русской культуры.

Впрочем, «именно», но не только. В январе 2005 года в европейской прессе прошло сообщение о том, что общественность Норвегии была шокирована («audiences in Norway were shocked») тем, что во время инаугурации президент Джордж Буш сделал рукой жест, который у норвежцев считается приветствием дьяволу. Жест заключается в том, что вперед выставляются указательный палец и мизинец, что у скандинавских народов означает дьявольские рога. Этот жест в Америке популярен у рок-музыкантов и их фанатов. Это также жест поддержки любимых игроков у болельщиков команды Техасского университета под названием «Longhorns» (*длиннорогие*).

В американской культуре, ориентированной на демократию (с трудом удерживаюсь от кавычек), вождь — так же как и претендент на эту должность, — должен быть предельно «демократичен», то есть выглядеть как «наш парень»: одеваться в ковбойку (или носить ковбойскую шляпу), джинсы, говорить простым «народным языком», использовать «народные» жесты и обязательно все время улыбаться знаменитой американской улыбкой, показывающей, что он решил все проблемы, у него все окей, он доволен, счастлив и благополучен. В нашей культуре — все наоборот. Он не должен быть, как мы все, он должен быть лучше нас: говорит культурно и правильно, одет в костюм с галстуком и редко (раньше — никогда) улыбается, потому что сознает серьезность ситуации, сложность проблем и свою ответственность за будущее страны и народа. Сейчас, в эпоху медленного, но верного прозападнического движения России (медленно, по мнению Запада) эти требования меняются, и президент появляется иногда в обычной одежде, но только в подчеркнуто неформальных ситуациях: встреча с молодежью, на отдыхе и т. п.

Итак, языковые ошибки прощаются главным образом иностранцам, ошибки культурные не прощаются никому, особенно иностранцам.

Культурный барьер, таким образом, опаснее и труднее языкового: 1) он не осознаваем до момента столкновения, конфликта, войны культур, и 2) нарушение культурных норм воспринимается гораздо более

болезненно, чем языковые промахи. Самое худшее, к чему могут привести ошибки в речи – это насмешки и снижение репутации человека, ошибки же культурного поведения могут вызвать этнические конфликты, насилие, кровопролитие.

Тем не менее человечество, то есть все мы традиционно тратили и тратим массу усилий, времени, здоровья, денег на изучение языков: родного литературного (как бессмертная Элиза Дулиттл — чтобы получить место продавщицы в цветочном магазине) или иностранных. И, «выучив язык», облегченно вздыхаем: начинается Хорошая Жизнь — повышение в должности, более интересная работа, больше денег, больше возможностей всякого рода, в первую очередь — Общения.

Но тут — стоп! О невидимый барьер разбиваются и победы и успехи. Знание грамматики и значений слов, на которое ушло столько сил, не обеспечивает побед и успехов в общении — для этого необходимо **знание культуры своих партнеров,** их общекультурного фона, их образа жизни, их социального устройства, их привычек и традиций, норм поведения, системы ценностей, отношений между собой и восприятия мира. Как же объять это необъятное? Сколько же еще сил и времени надо потратить, чтобы, выучив язык, потом еще выучить и эту самую «культуру», если под ней понимать весь мир и жизнь (а значит, и историю, и географию, и экономику, и психологию и т. п.) людей, использующих этот язык как средство общения? У многих опускаются руки при мысли об изучении нового языка: сколько девушек прожили жизнь уличными торговками, потому что у них не было упорства, амбиций и везенья Элизы Дулиттл. Если всем, взявшимся за язык, объяснить, что одновременно им надо узнать все о том мире, в котором этот язык реально живет и служит средством общения, или коммуникации, смельчаков станет еще меньше.

Все эти грустные выводы — увы! — подтверждаются как научными исследованиями, так и жизненным опытом, который, как известно, есть мерило и проверка всех теорий.

Что касается научных подтверждений, то в последнее время в литературе по проблемам общения, или коммуникации (а количество этой литературы и в печатном, и в электронном виде стремительно растет по понятной причине: никогда ранее, за десятки тысяч лет существования люди не имели ни таких потребностей, ни таких возможностей всемирного общения), приводятся следующие цифры, полученные в результате исследований британских психологов. Общение складывается из:

7% — собственно вербальные средства (слова),
38% — фонетическое оформление речи (интонация, тон, тембр, темы, т. е. понятия так называемого сверхсегментного уровня),
55% — невербальные средства (мимика, жесты, телодвижения, глаза, улыбка и т. п.).

Не будем ставить под сомнение верность этих результатов, чистоту эксперимента, точность оценок. Поверим этим цифрам, не проверяя их. Итак, словам, то есть тому, **что́ говорим**, отводится всего лишь 7% общения. 93% — это то, **ка́к говорим.**

Разумеется, речь идет об **устном** и **визуальном** общении, о прямых контактах. В телефонном, магнитофонном, радио общении исчезают 55% невербальных средств, в письменном — все 93% и 7% вербальных средств становятся 100% общения.

Не проводя никаких специальных исследований, просто на основе 40-летнего опыта преподавания иностранных языков в высшей школе России, можно с уверенностью сказать, что при овладении языком как главным средством человеческого общения 95% времени отводится на изучение слов, их форм, значений, правил их соединения, то есть на 7% вербальных средств общения; 4–5% времени тратится на интонационное оформление, то есть на 38%, и 0–1% времени уделяется 55% невербальных средств. Для наглядности приведем только цифры.

Общение	Время, затраченное на изучение
7% (слова, язык)	95%
38% (интонация)	4–5%
55% (невербальные средства)	0–1%

Получается уже не грустная, а страшная картина, или повесть о потерянном времени: миллионы людей десятками лет «учат язык», а потом оказываются неспособными эффективно общаться, потому что «выучивают» только 7% компонентов реального устного общения.

Так обстоит дело на уровне научных исследований.

Что касается жизненного опыта, то он подтверждает результаты этих исследований, может быть, не вполне точных статистически, не перепроверенных лингвистами и культурологами, но явно отражающих общие тенденции, так как «тому в истории мы тьму примеров видим». В этом плане особенно ярок и показателен опыт современной России.

Как известно, любовь к иностранным языкам — это настолько характерная черта русских людей, что ее можно, по-видимому, рассматривать как компонент национального характера. Именно Россия дала удивительный пример такой глубокой и сильной любви к иностранному — французскому — языку, что в образованных кругах русского общества XIX века родной язык был оттеснен на второй план. Уровень культуры и образованности человека в России того времени измерялся уровнем знания французского языка.

В XVIII веке языком науки и образования в России был немецкий язык. В Московском университете, основанном М. В. Ломоносовым, «профессорско-преподавательский состав» состоял из немцев, и Михайло Васильевич был единственным русским, впрочем, получившим образование в Германии, женатым на немке и общавшимся, соответственно, на немецком языке.

В Советском Союзе ни «железный занавес», ни обвинения в космополитизме, ни угроза лишения свободы, ни риск репутацией, карьерой, иногда – жизнью не смогли истребить интерес к изучению иностранных языков, языков «потенциальных врагов», жителей так называемых «капстран». В условиях полной изоляции, отсутствия всех форм общения и информации, кроме строго дозированной печатной продукции, никаких «культурных» барьеров не было, до них просто дело не доходило: их перекрывали барьеры политические и экономические. Соответственно, ни невербальные средства общения (55%), ни фонетические приемы оформления речи (38%) практически не существовали, потому что в письменной речи нет ни мимики, ни интонации, а непосредственное, устное общение для абсолютного большинства было невозможно.

Несмотря на это, иностранные языки были обязательной дисциплиной в учебных планах и школ, и вузов, в отличие от так называемого «свободного мира» – очередной российский парадокс, загадка русского менталитета. В результате, когда с Перестройкой, в 90-е годы XX века общение с людьми из «капстран» стало реальностью, выяснились, по крайней мере, два важных обстоятельства:

1) что мы лучше всех (включая носителей языка) знаем эти самые «вербальные» 7%: слова и особенно грамматику, поскольку почти все 100% наших усилий и времени были на них потрачены;
2) что мы не умеем общаться и что грамматически правильно употребленные времена и предлоги не спасают от провалов на всех уровнях.

Вот пример из личного опыта (который, разумеется, общественный).

На самой заре Перестройки, году в 1990-м, когда «капиталистический» мир, облегченно вздохнув, в рекордно короткий срок перестроился, и от страха и ненависти к СССР перешел к любви к Горбачеву и — через него — к интересу к его стране и людям, в это самое, тоже рекордно короткое, мгновение жаркого мира после «холодной войны» в Москву приехала делегация Британского Совета — самого высокого уровня. Один из первых своих визитов эта делегация нанесла, естественно, Московскому государственному университету, и в частности руководству совсем еще молодого факультета иностранных языков. Мы готовились к этой встрече очень тщательно, не жалея ни сил, ни времени, ни денег; мы понимали, что этот визит может раскрыть совершенно новые — прямые! — контакты, контракты, обмены, невиданные возможности, неслыханные перспективы.

К приезду делегации все было готово: стол ломился от яств и напитков. Несмотря на период страшных продовольственных дефицитов, как обычно, мы «достали» все: «шекснинску стерлядь золотую», как сказал поэт, и «суп в кастрюльке» — прямо из домашней кухни. В углу лежала прикрытая до времени гора подарков: матрешки, балалайки. Все руководство факультета — профессора, доценты, ученые дамы — блистало лучшими туалетами: оборочки, рюшики, накидки, украшения.

Языкового барьера не было! Все мы окончили английское отделение филологического факультета Первого Вуза страны, все были отличницы и комсомолки, все честно выучили латынь, готский язык, древне- и среднеанглийский, читали — и ставили в студенческом английском театре! — Чосера и Шекспира.

Высокообразованные британцы были в полном восторге. Они были восхищены и угощением, и напитками, и радушным приемом (о, это русское гостеприимство!), и подарками (о, эта русская щедрость!), и — особенно! — образованностью и английским языком дам, действительно приятных во всех отношениях.

Мы тоже были в восторге. Удивляло только одно: наш английский преподаватель Брюс Монк, еще не издавший тогда с Т. Б. Клементьевой прекрасный учебник для русских школьников «Happy English», становился все мрачнее и мрачнее. Гости ушли очень довольные, их следующий визит был в Дипломатическую академию. Мы, тоже очень довольные «настоящим общением» с иностранцами, спросили у Брюса, чем он огорчен. Ответ нас ошеломил: *«Но вы же сорвали переговоры, вам ничего не предложили — ни контактов, ни контрактов, это была гулянка, пирушка, но не деловая встреча». «Но мы же наладили хорошие личные отношения,* — залепетали мы. — *Мы же подружились». — «Да,* — сказал Брюс, — *личные, но не деловые. Развлекаться они теперь захотят только с вами, но делать дела — с другими».* Он оказался прав. В Дипломатической академии на столе были только бутылки с минеральной водой, стаканы, бумага и ручки. После серьезного обсуждения форм сотрудничества были предложены кофе и чай.

Вот тогда мы и поняли, что знание языка, пусть даже очень глубокое, это еще не все. Произошел конфликт культур: мы организовали прием в традициях **нашей** культуры. И знание Шекспира и Чосера не помогло...

Итак, и научные изыскания, и практический опыт подтверждают мысль о том, что знание собственно языка как совокупности слов и правил их соединения не обеспечивает «эффективности» общения, что для этого требуется еще и **знание культурных норм партнеров по общению**, то есть их традиций, образа жизни, ви́дения мира, менталитета, национального характера.

Самым ярким доказательством правильности этой мысли можно считать общение между представителями разных культур внутри одной национальности, одного народа, пользующихся одним и тем же языком как средством общения. Все мы знаем из личного опыта, как часто мы не можем договориться или даже просто общаться с коллегами, соседями, ближайшими родственниками, родителями, детьми, мужем, женой, братьями, сестрами. И общий язык совершенно не помогает. Одного барьера — культурного — вполне достаточно, чтобы

лишить людей возможности общаться друг с другом (и общаются, как враг с врагом).

Картина складывается все более безрадостная, особенно в ситуации международного общения, когда нужно еще и чужим языком овладеть.

Однако не расстраивайтесь. Скажу заранее, не претендуя на лавры О'Генри и других писателей, знаменитых неожиданными развязками: у этой истории должен быть счастливый конец. Мы можем и должны преодолеть и языковой, и культурный барьеры, мы — «человеки разумные» — должны, наконец, воспользоваться разумом, **осознать** разделяющие нас расщелины (лучше избегать слова «пропасти»), научиться строить мосты, перестать оценивать людей в терминах «лучше» — «хуже», понять, что **мы все хорошие, но разные, добиться взаимопонимания и насладиться роскошью общения.**

Хочу сразу же оговориться. Речь уже шла и пойдет дальше как о новых, неизвестных, так и об очень простых и очевидных различиях культур и их отражении в языке. Очевидный значит «видный очам», то есть лежащий на поверхности, видный всем.

Однако именно самые «очевидные» вещи мы и не замечаем, не придаем им значения, не обращаем на них внимания. Выше много раз говорилось о том, что культурный барьер **невидим**, в отличие от языкового. Действительно, он **невидим**, потому что **не осознаваем**. В процессе осознания этого препятствия у нас «открываются глаза». Главная задача этой книги — «открыть глаза» на «очевидные» вещи. Задача трудная и неблагодарная: кто-то скажет: «Но это же и так ясно! (Оче-видно!)».

В свое оправдание скажу, не претендуя на лавры короля парадоксов Оскара Уайльда**: самое трудное — это осознать общеизвестное и увидеть очевидное.** (Оксюморон «Очевидное — невероятное» не случайно стал названием популярной научной телевизионной передачи.)

В подтверждение приведу примеры из нашей речевой практики. Мы каждый день употребляем слова «здравствуйте», «иностранный», «очевидный», «оправдание», «трудный», «безобразный» и сотни, тысячи им подобных. Видим ли мы, осознаем ли их внутреннюю форму: «будьте здоровы», «из иных стран», «видимый очами», «восстановление правды», «требующий труда», «без образа»? Нет, не осознаем, не видим. Это видят только дети, овладевающие родным языком, и некоторые взрослые, особенно изучающие русский как иностранный.

Для того чтобы научиться общаться с людьми других культур и языков, **нужно понять, осознать** и уже **не забывать,** не упускать из виду очевидную вещь: **язык и культура неразделимы, язык — важнейший компонент культуры, культура — обязательный компонент языка.** Изучая язык, нужно видеть его культурный потенциал, заложенные в нем элементы культуры, отражающие внешний и внутренний мир человека и формирующие носителя языка как личность. **Изучение языка как системы возможно и необходимо для специалистов по языкознанию. Овладение языком как средством общения людей возможно и необходимо при условии соизучения языка и культуры.**

Без этого языки умирают и воспринимаются (и изучаются!) как мертвые, то есть как языки умерших культур и цивилизаций. Они хранят память об этих культурах, и их изучение, подобно археологическим раскопкам, свидетельствует о кончившихся мирах и прекративших свое существование народах, помогает составить представление об их жизни и быте.

Культура народа — это непрерывный источник жизни языка. Вот почему искусственные языки, даже такой самый совершенный, самый известный и распространенный из них, как эсперанто, не имеют шанса на существование: за ними не стоит, их не подпитывает реальная жизнь реального народа.

Советский Союз в период «железного занавеса» и «холодной войны» дал пример удивительного исторического эксперимента: важнейшие языки человечества — английский, французский, испанский — оказались отрезанными вместе с их носителями, и они как бы умерли для нас. В течение десятилетий мы преподавали эти языки как мертвые, как латынь и греческий, на основании только письменных, как правило, устаревших текстов.

В наши дни, когда открылись окна и двери, поднялись занавесы, сломались политические барьеры и открытое общение со всем миром стало реальным и массовым, изучение культуры — это та волшебная палочка, та живая вода, которая возвращает к жизни «мертвые» (скорее — убитые) языки.

Итак, для того **чтобы общаться и взаимодействовать, люди должны уметь найти общий язык. Добавим — и уважать культуру друг друга.**

Глава IV
«Я» и «Мы» в культурах и языках
Виды культур

Разница культур в первую очередь ассоциируется с национальными различиями: японцы, англичане, масаи, русские, испанцы, китайцы, эскимосы – все такие разные и физически, и — особенно! — культурно. В этом случае международные, межнациональные различия легко объясняются целым рядом хорошо изученных и описанных в научной литературе причин. Все эти разные народы живут в разных географических зонах, в разных местах нашей очень многообразной планеты, отсюда — различие между культурами Юга и Севера, Запада и Востока, островными и континентальными, равнинными и горными и т. п.

Несомненно, географическое положение местопребывания народа, климат, флора и фауна оказывают влияние на образ жизни людей, на их культуру. Это понимали люди, жившие в очень далекие времена. Еще Геродот, отец истории, в V веке до н. э. писал: «Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям других народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут»[1].

В XVIII веке идею о влиянии географических факторов на то, что мы теперь называем «национальный характер» (а тогда речь шла о «духе народа»), развивали французские просветители, в особенности Шарль-Луи Монтескье. В своем главном труде «О духе законов» он писал, что «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа»[2].

Однако главным фактором, формирующим и культуру, и национальный характер Монтескье считал климат. При этом народы жарких стран робки, ленивы, но эмоциональны, народы холодного климата мужественны, отважны, но равнодушны к удовольствиям. По мнению Монтескье, климат играет решающую роль в начале исторического развития, затем начинают действовать другие факторы: «над дикарями властвует почти исключительно природа и климат», в то время как

[1] *Геродот.* История. М., 1993, с. 91.

[2] *Ш.-Л. Монтескье.* О духе законов. М., 1955, с. 412.

«китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам»[3].

[3] Ш.-Л. Монтескьё. Указ. соч.

География определяет историю, а вместе они формируют культуру: различия климата, растительности, животного мира и, следовательно, способов добывания пищи формируют разные виды образа жизни и, соответственно, разные пути культурного развития. И опять обратимся к нашей поддержке и опоре — к языку. Он подтверждает правоту сказанного. Как уже говорилось (см. Главу I), первоначальное значение латинского слова *cultura* — это обработка, возделывание земли.

Соответственно, исторически культуры разделились по этому параметру на злаковые (рисовые, пшеничные, кукурузные и т. п.) и скотоводческие. Злаковые требуют оседлости: растения не могут следовать за человеком-кочевником. Разные способы добывания пищи требуют разной степени коллективного труда. Рисовые поля, например, можно было обрабатывать только коллективно. Пшеница, кукуруза требуют меньше усилий, и их можно выращивать семьей или даже индивидуально. Робинзон Крузо, как известно, нашел горсть семян пшеницы в кармане и обеспечил себя хлебом. Соответственно, культуры делятся на **коллективистские** и **индивидуалистские**.

В центре внимания первых стоит, как это ясно из названия, коллектив, вторые также явно сосредоточены на интересах отдельного человека. Восточные культуры, как правило ориентированы на коллектив, западные — на индивидуума.

Гирт Хофстеде (Geert Hofstede), голландский ученый, основатель современных теорий по межкультурной коммуникации, так описал разницу между коллективизмом и индивидуализмом в культурах:

> «В индивидуалистских культурах, таких как Германия, США, Австралия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, связи между людьми менее важны, считается, что каждый должен сам позаботиться о себе и своей семье. Преданность индивида группе низка, каждый человек входит в несколько групп, переходя из одной в другую по мере своих надобностей… В этих культурах преобладает осознание своего «Я»; предпочтение отдается соревнованию и конкуренции, а не кооперации и сотрудничеству. Люди не проявляют эмоциональной зависимости от организаций и учреждений. Ценится право каждого на личную собственность, частное мнение, свою точку зрения.

> В коллективистских культурах, к которым относится большинство латиноамериканских и и ближневосточных стран, люди воспринимают мир и формируют свое отношение к нему сквозь призму группы; во главу угла ставится преданность организации, друзьям, семье. Коллективизм характеризуется жесткой социальной структурой, которая разделяет «своих» и «чужих» в группах. Большое внимание уделяется взглядам, целям и потребностям группы, а не индивида и гармонии в группе; социальные нормы и обязанности определяются группой, а личные взаимоотношения всегда считаются важнее выполнения поставленной задачи. Поддерживаются те ценности, которые разделяются всеми, а не те, которые выделяют индивида на фоне группы. Велика готовность сотрудничества внутри группы. С самого рождения человек является частью большой семьи или клана, который защищает и поддерживает его в обмен на верность и преданность. Преобладает самосознание на уровне «мы». Значимость человека определяется не личными качествами, а местом в социальной иерархии. Индивид эмоционально зависим от организаций и учреждений. Культура подчеркивает принадлежность каждого к организации, организация вмешивается в личную жизнь. Решения принимаются коллективом»[4].

[4] Цит. по: *Т. Н. Персикова.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2004, с. 47–48.

Коллективизм и индивидуализм, лежащие в основе культур и определяющие существенные различия между ними, тесно связаны с представлениями о **горизонтальном** (для индивидуалистских) и **вертикальном** (для коллективистских) типах общества.

Горизонтальные общества и культуры заявляют, что они зиждутся на идее равенства всех людей: люди всех возрастов и рангов родились равными, стоят на одном уровне («горизонтальном») и должны иметь равные возможности. Западные культуры и особенно Америка, которую населяют обиженные неравенством на родине эмигранты, считают себя примером горизонтальных общественных устройств.

Вертикальные культуры признают общественную иерархию, разницу в статусе (старшие выше младших, учитель выше ученика, офицер выше рядового и т. п.). Еще Конфуций, величайший философ древнего Китая, развивал эту мысль, считая, что вертикальная, иерархическая система нужна для соблюдения порядка.

Основной принцип японцев и китайцев — быть, как все. Это значит: не выделяться из коллектива ни внешне, ни внутренне, подчинить свои личные нужды, интересы, способности, таланты нуждам и интересам коллектива, не возвышаться над ним ни в коем случае — ни в переносном смысле слова, ни даже в прямом.

Когда я приехала читать лекции в университет Хоккайдо в 2001 году, вошла в аудиторию и начала с обычных вводных слов, меня очень вежливо остановили и почтительно попросили сесть. Я никогда в жизни не читала лекции сидя. На лице моем отразилась такая степень не-

доумения и беспомощности, что мне сразу объяснили: «Если вы стоите, вы противопоставляете себя аудитории, и возвышаетесь над нею, смотрите на людей сверху вниз». Читать лекцию сидя было мучительно: не было визуального контакта с аудиторией, я видела только первые ряды, все было непривычно, а главное, в моем сознании, обусловленном моей родной культурой, стоять перед сидящими людьми означает выказать им особое уважение: они удобно сидят, а я стою перед ними и как бы отчитываюсь, обслуживаю или прохожу испытание.

Вторую лекцию я начала со слов: «Я знаю, что в вашей стране лектор должен сидеть наравне со слушателями, хотя для представителя русской культуры это странно и неудобно». Аудитория реагировала очень одобрительно, и моя надежда на что-нибудь «вежливое» (с **вашей** точки зрения) вроде «Пожалуйста, поступайте, как вам удобно, вы наш гость» и т. п., угасла. Как лингвист я всегда культуру «поверяю» языком (как музыканты алгеброй — гармонию) и после первой лекции спросила у коллег, знающих японский язык, что говорят японские пословицы по этому поводу, так как именно этот вид фольклора особенно ярко представляет культуру, систему ценностей, представления о правильном и неправильном, нормы поведения своего народа.

Японские пословицы «подтвердили» японскую культуру: «торчащий гвоздь забивают», «торчащую сваю волны бьют». Помимо основного содержания обеих пословиц – не высовывайтесь, не выделяйтесь из себе подобных, — обратите внимание на оттенок угрозы в первой из них и на «островное» (или «приморское?») мышление во второй.

Всякое «выпадение» из коллектива, даже по совершенно объективным обстоятельствам, вызывает у японцев негативную и даже агрессивную реакцию. Интересные данные по этому вопросу приводятся в немецком журнале «Wirtschaftswoche» в статье под названием «Чужие на Родине» (Fremd in der Heimat) с еще более откровенным подзаголовком: «С японцами, которые возвращаются из-за границы домой, обращаются, как с прокаженными».

Десятилетняя Шиори Осава вернулась в Японию после шестилетнего пребывания с родителями в Германии. В школе ее восприняли как чужую, как отщепенку, ее «отрезали от коллектива и терроризировали как аутсайдера». Ее перевели в частную женскую школу, но дистанция сохранилась и там. Сегодня 27-летняя Шиори объясняет это с помощью известной уже нам пословицы: «Я приехала из вне, у меня был другой опыт, другие впечатления. Я была гвоздем, выпирающим из стены». Ее положение улучшилось, только когда она стала осторожной и перестала высказывать свое мнение, упоминать Германию и, главное, воздерживаться от оценок.

Другой пример из того же источника:

Парикмахер-стилист Наото Онотош, вернувшийся в Японию после трех лет работы в Лос-Анджелесе. Его раздражает и манера общения («все так неопределенно, все эти «возможно», «наверное»), и открытое предубеждение против мнимых изменников. «С японцами и без того тяжело общаться. Когда же они говорят с людьми, приехавшими извне, то особенно осторожничают. К ним просто относятся с подозрением».

51-летний менеджер крупного японского предприятия, вернувшись в Японию из США, где он провел восемь лет, получил место, где он практически не имел контакта с клиентами: ему прозрачно намекнули, что Америка его испортила. Он отмечает, что ему было очень трудно привыкнуть к когда-то родной культуре общения: «Здесь на совещаниях никто не тешит себя мыслью, что кто-то словесно отреагирует или ответит на вопрос. По крайней мере мне и по сей день трудно молча кивать головой».

Требование японской культуры скрывать свои эмоции усложняет адаптацию возвратившихся домой. Для многих повторное привыкание чревато еще большими конфликтами, чем процесс приспособления к чужой стране. «Давление ассимиляционного процесса в Японии крайне сильно», — отмечает профессор Казухиро Эбихи, занимающийся вопросами культурной антропологии. «Даже люди, хорошо говорящие на английском языке, вынуждены менять свою манеру речи. От них ждут, чтобы они выражали свои мысли на иностранном языке несколько неуклюже, с ошибками на японский манер».

Тем не менее (а может быть — поэтому?) все большее число японцев разъезжается по миру. По последним статистическим данным более 800 000 японцев проживает за рубежом, по меньшей мере по 3 месяца непрерывно[5].

[5] *Angela Köhler.* Fremd in der Heimat // Wirtschaftswoche, 2000, № 37, с. 64–66.

Все это «пробудило воспоминания»: в нашей стране в глухие 40–50-е годы прошлого века было такое же отношение к «чужакам»: к ним относились и те, кто пробыл какое-то время в «капиталистическом лагере». Подозрительность отчуждения, «все это было, было, было», как сказал поэт, правда, по совершенно другому поводу. Отголоски этого отношения и сейчас имеют место в России: идеология резко изменилась, а культура осталась…

Коллективная культура японцев определяет их образ жизни и поведение с самого раннего возраста и до последнего дня.

В японских семьях дети обычно спят в одном помещении с родителями несколько лет: это должно развить у них **чувство зависимости** и тесной связи с семьей. Напротив, в американской культуре как явно индивидуалистически ориентированной дети очень рано отделяются

в другую комнату: это должно развить у них **чувство независимости** и самостоятельности.

В Саппоро где-то около 4 часов вечера в зимнее время и в 5 часов летом на улице раздается мелодичный звуковой сигнал — знак, что дети, находящиеся вне дома (на прогулке, в гостях и т. п.), должны вернуться домой.

Когда в Москве, в аэропорту Шереметьево, девушка из японской туристической группы была задержана для уточнения каких-то деталей в ее документах, вся группа вышла из самолета, чтобы не оставить ее одну. Все проблемы с документами решились очень быстро.

Для представителей индивидуалистских культур западных стран наиболее естественной реакцией было бы «это ее проблемы, меня это не касается». Боюсь, что в такой ситуации представители русской — коллективистской — культуры, травмированные строгостью советского режима, сидели бы в самолете с тайной приятной мыслью: «Слава богу, у меня все в порядке».

Итак, культура Японии — одна из наиболее открытых, прямых и последовательных в плане коллективизма и вертикальности структуры. С ранних лет японцы приучают своих детей к сознанию, что интересы и ценности коллектива, к которому они принадлежат — семьи, школьного класса, группы коллег по работе, — важнее их личных и поэтому они должны вести себя так, чтобы не нарушить гармонию этого коллектива, этой группы. Не нужно выделяться, даже если есть к этому данные, таланты, способности, («торчащий гвоздь забивают») — ни внешним обликом, ни внутренне, ни манерой поведения. Жить правильно означает для японцев жить, как все, неуклонно следуя обычаям, традициям, правилам (**правильно** — значит, по **правилам**), которые твердо установлены для всех моментов жизни: как приветствовать друг друга, как пить чай, как дарить подарки, как писать иероглифы. Грамотный человек (а это, как отмечено выше, признак ума у японцев) — это не просто тот, кто умеет читать иероглифы и даже не тот, кто их умеет писать. Нужно запомнить точно порядок написания каждой черточки иероглифа «канджи». Узнав об этом, я наивно (и в соответствии с родной культурой, допускающей и даже поощряющей ловкие маневры в отношении приказов и правил) спросила: «Ну это же нельзя отследить: как можно доказать, в каком порядке написались все черточки сложных иероглифов?» Оказалось, что можно: каллиграфы пишут иероглифы кисточкой, и толщина черточки немедленно «выдает» ее начало и конец. Однако даже карандаш или ручка часто показывают неправильный порядок написания.

Открытые неравенства иерархического общественного устройства в японской культуре компенсируются относительным равенством ее носителей на каждой ступени социальной лестницы.

Из западных культур наиболее ярким воплощением индивидуалистской культуры являются английская и американская культуры. Если культуры типа японской требуют растворения человека в коллективе, подчинения **своих** нужд и интересов **общественным**, осознания своей полной **зависимости** от общества, то индивидуалистские культуры основываются на противоположном принципе подчеркнутого уважения к **«правам человека»**, к его индивидуальным способностям, потребностям и стараются воспитать независимость.

Английская культура всегда отличалась повышенным вниманием к индивидууму, провозглашая принцип максимальной неприкосновенности его частной жизни и всячески сопротивляясь неизбежному влиянию со стороны общества, его насильственному вторжению в духовный мир человека. Сразу же оговорим очевидную вещь: **обе задачи — и абсолютная свобода, и абсолютная зависимость человека от общества одинаково недостижимы,** речь идет о **тенденциях** культуры и, соответственно, идеологии, общественной пропаганды и т. п.

Яркий пример из ранней истории Северной Америки. Первыми европейскими переселенцами были, как известно, англичане. Все переселенцы ехали в Америку не от хорошей жизни. Для того, чтобы оставить родную страну, дом, друзей, привычный образ жизни и поехать навстречу неизвестным опасностям, должны были быть очень серьезные причины недовольства жизнью. Переселенцы ехали в Новый Свет со своими представлениями о Хорошей Жизни, со своей Английской Мечтой о прекрасном, которая и легла в основу Американской Мечты — стержня культуры и идеологии современных США.

Жажда свободы, понимаемой как свобода от общества, была так велика у первых переселенцев, их стремление к индивидуализму было настолько всепоглощающим, что, по преданию, наиболее ярые защитники своих прав на то, что называется словом *privacy* (уединение, частная жизнь), переезжали на другое место, если они могли увидеть дым из трубы своего соседа. И в современной Америке самое дорогое и престижное жилище — это то, которое дает иллюзию удаленности от других, их как бы полного отсутствия.

Остановимся на особенностях американской культуры и идеологии, потому что именно эта культура, по понятным причинам, будет главным «представителем» западных культур, с которыми полезно сопоставить

русскую культуру. Причины, действительно, понятны, но их можно еще раз повторить, поскольку настоящая работа имеет, главным образом, учебные цели, а повторенье, как утверждает русская народная мудрость, — мать ученья. Эти понятные, очевидные причины следующие:

1. Американская культура, разумеется, представляет собой конгломерат (сначала — «плавильный котел», потом — «салатницу», «мозаику») культур народов всего мира, живущих в США, но первыми переселенцами были европейцы, именно западноевропейские культуры лежат в ее основе.
2. О могуществе современной Америки и ее огромной роли в жизни мирового сообщества не стоит повторять даже в учебных целях.
3. Английский язык как основное средство общения американцев стремительно превращается в главное средство международного общения в большинстве стран мира, и в России в частности.

Итак, индивидуализм — основа западной вообще и особенно американской культуры и идеологии.

Нет сомнения, что ключевое понятие западной культуры — это культ индивидуума, уважение к потребностям и чувствам отдельного человека и игнорирование коллектива. Соответственно, и все системы — экономика, политика, культура — направлены на максимально полное обслуживание индивидуума. В качестве примера — неожиданный (для нас, представителей другой культуры) материал: текст, напечатанный на оберточной бумаге отеля «Хилтон» в Чикаго, своего рода идеологический манифест или даже гимн, ода индивидуальности:

> «Our commitment to diversity. We respect the individuality of all our customers and employees — a fact that guides the way we do business every day. We strive to create a comfortable, welcoming atmosphere for all of our customers, complete with a wide array of quality merchandise and excellent personal service. All of our employees and their individual viewpoints, beliefs, experiences and backgrounds are highly values, and we are dedicated to making the most of each person's abilities» [Наша преданность разнообразию. Мы уважаем индивидуальность всех наших клиентов и работников — вот тот факт, который каждый день определяет принцип нашей работы. Мы стремимся создать удобную, гостеприимную атмосферу для всех наших постояльцев, предлагая им массу качественных товаров и прекрасное индивидуальное обслуживание. Все наши работники и их личные точки зрения, верования, опыт и происхождение очень ценятся, а мы нацелены на то, чтобы извлечь как можно больше пользы из способностей каждого].

Своеобразный манифест индивидуализма, или, вернее, плач по ослаблению культа индивидуума, его права на неприкосновенность индивидуального мира представляет собой статья Уильяма Фолкнера с характерным названием: «The American Dream. What Happened to It? [Американская мечта. Что с ней случилось?]».

Оказавшись в центре внимания «свободной прессы» после получения Нобелевской премии, Фолкнер с горьким разочарованием обнаружил, что Американская Мечта о священном праве на индивидуальность, на личную жизнь, на свой отдельный, индивидуальный мир не сбылась.

Уже первая фраза этой статьи говорит сама за себя: «The American dream was a sanctuary on the earth for individual man» [Американская Мечта была земным убежищем для личности]». Мечта о свободе индивидуума привела в Америку ее будущих жителей: «An individual man… could be free not only of the old established close — corporation hierarchies of arbitrary power which had oppressed him as a mass, but free of that mass into which the hierarchies of church and state had compressed and help him individually impotent» [Индивидуальный человек… мог освободиться не только от иерархического произвола закрытых корпораций, который подавлял его и большинство. Он освобождался также и от этого большинства, с которым его спрессовала государственная и церковная иерархия, лишив его индивидуальности]». Однако мечта эта рухнула под давлением новой силы, а именно: свободы прессы: «We were all victims of that power called Freedom of Press, of that fault (in the sense that the geologist used the term) in our American culture… which is saying to us daily: "Beware"»[6] [Мы все пали жертвой той силы, что именуется Свободой печати, этого недостатка, сдвига (в том смысле слова, в каком его употребляют геологи) нашей американской культуры… которая каждый день напоминает нам: «Будьте осторожны!»].

С самого раннего возраста американским детям внушают мысль о самостоятельности, независимости, ответственности за самого себя, собственной индивидуальности и уникальности. Выше говорилось о том, что их отселяют от родителей в отдельную комнату в очень раннем возрасте — с этой целью. При этом по заведенному порядку (читай: в соответствии с правилами общей культуры) никто не имеет права переступить порог этой комнаты, не постучав в дверь.

Для сравнения: в японских семьях принято, чтобы мать сидела с ребенком, когда он спит. Это высшая форма общения, обеспечивающая их самую тесную связь и взаимозависимость, и это важнее, чем активное общение с ребенком.

Итак, американский ребенок с самого детства знает: он индивидуум, он личность, его право на индивидуальность священно.

Даже маленькие дети в Америке имеют право на собственное мнение. Гари Алтен в своей книге, посвященной американскому образу жизни, приводит следующий пример: родители всегда спрашивают своего ребенка, которому исполнился всего лишь год, какого цвета воздушный шарик он хочет, какую ему купить шоколадку или рядом с кем хочет сидеть — с мамой или с папой.

В сознании американцев индивидуализм напрямую ассоциируется со словом «свобода», свобода же, в свою очередь, значит «независимость», «независимость от диктата государства и какого-либо другого органа власти»[7].

[6] *William Faulkner.* On Privacy (The American Dream. What Happened to It?) In: Essays, Speeches and Public Letters, ed. by James B. Meriwether. N. Y., p. 67.

[7] *G. Althen.* American Ways. Intercultural Press Inc., 1991, p. 4–6. Цитируется по материалам исследования А. В. Трепаковой.

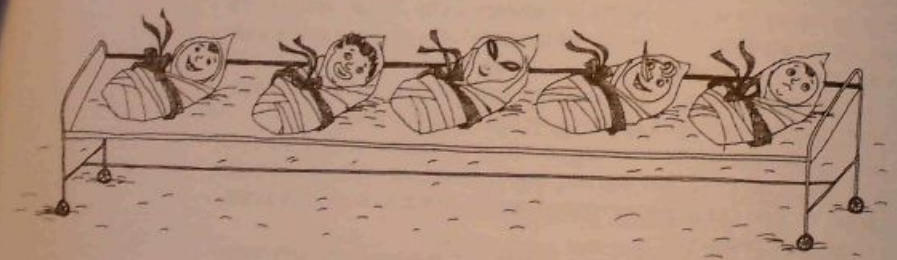
Лиза Вершбоу, дизайнер ювелирных украшений, супруга американского посла в России в начале XXI века, в лекции, прочитанной на факультете иностранных языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, так объясняла основную концепцию своей работы. Ювелирные изделия — это тоже форма языка, вид коммуникации, так как они передают информацию о том, кто их носит; они сообщают о материальном состоянии, о национальности, религии, семейном положении, социальном статусе и т. д. Однако сейчас развивается новая тенденция, когда в ювелирных украшениях дизайн и искусство ювелира больше ценятся, чем стоимость материалов, из которых сделаны эти украшения. «Я хочу, чтобы люди, которые носят мои ювелирные изделия, сообщали миру не "Я могу позволить себе купить бриллианты", а "Я индивидуальность"»[8].

[8] *Lisa Vershbow. Communication Through Art, or Contemporary Jewelry as Language. Russian-American University Forum // Moscow State University. 2003, February 25.*

В отличие от, например, русского миропонимания, американцы воспринимают общество не как взаимосвязанную, взаимоответственную и взаимозависимую систему, а как некий конгломерат индивидуумов, где каждый ответственен за себя.

Идея «защиты прав отдельного человека», сосредоточие внимания на индивидууме, казалось бы, должна хорошо сочетаться с такой составляющей Американской Мечты, как равенство возможностей для каждого американца: все рождаются равными и имеют равные права на жизнь, на счастье, на воплощение своей мечты.

Однако люди рождаются не только **равными**, но и **разными**. Равенство людей предполагает равные права и возможности для всех. Однако равенству противостоит «разность» людей, их разнообразие, отдельность, **индивидуальность**.

Идея равенства людей, таким образом, **противоречит идее их индивидуальности**, их разнообразия. Одно из неразрешимых противоречий американского общества и американской культуры — это то, что Американская Мечта, предполагающая, что все люди будут иметь равные возможности ее осуществления, находится в противоречии с индивидуалистской культурой, культом отдельного человека, индивидуума, требующего от общества своего особого внимания, ухода, особых прав, соответствующих его уникальному «Я».

Равенство предполагает нивелирование, усреднение людей, подчиняющих свои желания и нужды требованиям коллектива, растворяющим свое «Я» в «Мы».

Советский Союз был гигантским историческим экспериментом равенства, «Мы» всячески вытесняло «Я», на это были направлены огромные усилия идеологии и государства. Как продукт советского общества могу свидетельствовать, что мы росли с мыслью: подчинить желание и нужды личности коллективу, обществу, «стране героев, стране мечтателей, стране ученых». За нас решали, как нам жить, мудрое правительство, могучая Партия, великий Вождь — отец, пекущийся о нашем отечестве. Мы получили многое: бесплатное образование для всех (как оказалось в последствии, одно из лучших в мире, что доказала, в частности, интенсивная «утечка умов» — brain drain), бесплатную систему здравоохранения, статус супердержавы, наконец.

Мы потеряли, вернее, не получили многое: личную свободу, стремление к инициативе, способность принимать самостоятельное решение, что вылилось в равнодушие к общественным проблемам и бездействие. Этот «крен» советского менталитета отлично выразил Булат Окуджава в известной песне:

А если что не так — не наше дело,
Как говорится, Родина велела.
Как славно быть ни в чем не виноватым
Совсем простым солдатом, солдатом.

У каждой медали своя оборотная сторона...

Все мы были совсем простые солдаты, независимо от должности и социального статуса, все боялись быть в чем-то виноватыми, все были равны перед неумолимой государственной властью.

В нашем случае идея равенства не только не противоречила коллективизму культуры, а наоборот, соответствовала ему, что и было, по-видимому, одной из причин, побудивших русский народ так массово и так быстро принять идеи коммунистического (то есть общинного, от латинского слова *communis — общий*) будущего.

Культуре России в этой работе будет уделено особое внимание по вполне понятным причинам — личным, научным и общественным.

Личная причина очень простая и очень важная. Это моя **родная культура**, я ее продукт и соответственно знаю ее лучше всех других культур.

Научная причина тоже вполне ясная: Россия уникальна не просто своими размерами, но и тем, что это одновременно и Восток, и Запад, и Азия, и Европа. Как ее география повлияла на ее культуру? Что представляет собой эта удивительная комбинация, этот единственный и неповторимый сплав?

Общественные причины также очевидны:

1. Россия — огромная, богатая и сырьем, и интеллектуальными ресурсами, и культурой, и искусством страна, которая сейчас проходит сложнейший этап своего развития.

2. После нескольких десятков лет строгой изоляции России от мира, внезапные возможности широкого общения с другими народами создали эффект «запретного плода» и приводят сейчас к столкновениям, конфликтам культур, культурному шоку, вызванному неожиданной невидимой преградой — культурным барьером. Русские люди (имеется в виду язык и культура, а не этническая национальность) должны осознать и разницу культур, и возможность конфликта, и место своей культуры как одной из многих. Это важнейшее условие эффективного и безопасного общения с другими народами.

3. Россия, внезапно открывшаяся всем ветрам международного общения, всем сферам финансового, промышленного, торгового, культурного влияния, раздираемая и внутренними, и внешними противоречиями, находится на перепутье. Открылось много дорог, и наша страна, как богатырь из русских былин, стоит в раздумье: налево пойдешь — западный путь развития (Восток будет против), направо — восточный (Запад не простит), а прямо — свой собственный, уникальный и поэтому вызывающий раздражение и Запада, и Востока.

Как тут не вспомнить Илью Муромца, который без долгих колебаний отверг и благополучие (направо пойдешь — богатым быть), и личное счастье (налево пойдешь — жену найдешь) и выбрал прямой путь, обещающий гибель в борьбе с врагами своего народа. И объяснил свой выбор очень просто: «Мне женитьба не ко времени, а богатство мне не к радости». Всё очень понятно для человека русской культуры: какая уж тут личная жизнь, если враги на Родину напали, а богатство («Ну, купишь дом, машину») само по себе не сделает человека счастливым. Сначала надо врагов победить, хоть бы и ценой собственной гибели. Вот чему русские сказки ненавязчиво своих детей учат.

И еще о русских сказках. Ведь фольклор – это самый объективный и самый надежный источник информации о национальном характере, о системе ценностей народа.

Основания для такого категоричного заявления очевидны и давно известны[9]:

1. Автор фольклорных произведений — сам народ, а не отдельный, пусть даже гениальный писатель, это **народное, коллективное творчество.**

2. Фольклор прошел испытание временем дольше, чем любой классик: все эти сказки — былины — частушки передавались из уст в уста всем народом из поколения в поколение — это **устное народное творчество.**

[9] См.: С. Г. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004, с. 168–182.

Обратимся же в свидетельству фольклора по вопросу коллективизма русских. Его своеобразный манифест — это самая широко известная и самая «фольклорная» сказка, которую знает каждый русский ребенок с самого раннего возраста, — сказка о репке. Это такой гениальный «добрым молодцам урок» коллективизма: только все вместе, общими усилиями, к о л л е к т и в н о можно добиться успеха в деле. И коллектив включает всех, нельзя полагаться только на сильных умных и взрослых — им (дедка — мужчина! бабка — взрослая опытная женщина) не удается вытащить репку, надо объединить все усилия, все должны участвовать: и внучка (детей приучать и привлекать к общей работе), и жучка, и кошка (домашние животные — значит, члены общего дома, общего коллектива) и, наконец, главное — самая маленькая, самая слабая, самая ничтожная, не домашняя, но живущая в доме — мышка. Никем нельзя пренебрегать: коллектив — это все: и сильные, и слабые, и великие, и ничтожные.

В этой великой русской сказке — великий смысл: именно мышка, ее помощь, ее усилия решают дело, приводят к успеху — репка побеждена. И общее дело в сказке — простое и полезное, необходимое для поддержания жизни: репа была на Руси главным продуктом питания, пока много позже ее не вытеснил картофель. Это вам не башню до неба строить…

Не случайно и не удивительно, что в наши дни сказка о репке стала необыкновенно популярна в Японии: издаются книги, продаются игрушки, сувениры.

Сейчас в Японии широко известны два российских шедевра: сказка о репке и история про Чебурашку Ю. Успенского. В этой истории есть общая с Репкой идея: маленькое, слабое, нелепое безымянное существо тоже ищет друзей, находит их, получает смешное имя — Чебурашка и **становится членом коллектива**. Чебурашка оказывается для своих больших и сильных друзей нужным, прекрасным помощником, важным и преданным членом их компании. И они все вместе строят Дом Друзей. И опять: не башню до неба, а Дом, где будут жить друзья. Герои Репки и Чебурашки — на японских веерах, в японских интерьерах, на картинках, их истории читают японским детям.

Вернемся от сказок к реальным проблемам: для того чтобы сделать правильный выбор, нужно, во-первых, как можно больше знать о различиях между культурами и, во-вторых, научиться принимать другие культуры и уважать право их носителей на свой образ жизни, свою систему ценностей и т. п.

Русская культура, как и можно было предположить, исходя из ее географического положения, находится на перепутье между Западом и Востоком, но в базовых своих чертах — коллективистской направленности, в частности, — тяготеет к Востоку.

Русская культура по параметру ориентации на коллектив или на отдельного человека тяготеет к культурам восточным, то есть коллективистским. По свидетельству историков, коллективизм, общинность — исконные черты русского народа. Не потому ли так триумфально у нас шествовали идеи социализма и коммунизма?

А. В. Павловская в книге «Как иметь дело с русскими» пишет:

> «Русский характер, как и любой другой, был преимущественно сформирован временем и пространством. История и географическое положение наложили на него свой неизгладимый отпечаток. Века постоянной военной опасности породили особый патриотизм русских и их стремление к сильной централизованной власти; суровые климатические условия вызвали необходимость жить и работать сообща; бескрайние просторы — особый российский размах»[10].

[10] А. В. Павловская. Как иметь дело с русскими. М., 2003, с. 16.

Исконная склонность русских к коллективизму, обусловленная и географией, и историей народа задолго до революции 1917 года и последующего периода «строительства коммунизма», проявилась в крестьянский общинах, где коллектив решал судьбу индивидуума.

> «Столетиями русские крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения России до начала XX века, жили общинами. Община объединяла крестьян, являлась их защитой от внешнего мира — иноземных захватчиков, разбойников, помещиков, государственных чиновников и т. д. Все важнейшие вопросы решались сообща, на общей сходке. Вместе решали, кому сколько выделить земли, чтобы соблюсти принцип справедливости, кому сообща оказать помощь, кого послать на войну, как платить налоги, кого и как наказать за проступки. Даже семейные вопросы в случае конфликта выносились на всеобщее обсуждение. Такая система не давала упасть слабым (русская деревня не знала нищеты), но и не давала подняться сильным. Таким образом, вопреки распространенному убеждению, система коллективизма, социального равенства, уравниловки была распространена в русском обществе задолго до установления социалистического строя и вошла в плоть и кровь. В этих условиях принцип взаимной поддержки становится даже более важным, чем инстинкт самосохранения»[11].

[11] А. В. Павловская. Указ. соч., с. 16.

Л. В. Лесная пишет о коллективизме как о важной составляющей менталитета россиян.

> «Особое значение в российском менталитете имела сообщность… Нельзя не учитывать и того, что Россия выработала общинную форму землепользования и артельную форму труда. К 1917 году в России насчитывалось 63 тысячи артели с 24 млн артельщиков. В этих артелях существовал своеобразный коллективизм. "Русский народ, — заметил Николай Бердяев, — всегда любил жить в тепле коллективизма"»[12].

[12] Л. В. Лесная. Менталитет и ментальные основания общественной жизни. Социально-гуманитарные знания. М. 2001, с. 139.

Об этом же свидетельствует следующий бытовой пример из современной жизни, подчеркивающий разницу менталитета России и Запада:

> «Картина чисто русская: по шоссе на огромной скорости несутся автомобили, значительно превышая допустимый лимит скорости. Встречные машины вдруг начинают мигать фарами. Русский автомобилист реагирует сразу: надо сбавлять скорость, так как впереди дорожный контроль. Чинно проезжает мимо гаишника и… несется дальше, в свою очередь предупреждая встречные машины. Для представителя законопослушного западного мира — это хулиганство и потенциальная опасность для окружающих. Для русского человека — естественное проявление дружеской солидарности, взаимовыручки, групповой поруки.
>
> Чувство братства, присущее русским людям, вызывало восхищение иностранных наблюдателей во все времена. Американский сенатор в самом начале XX века писал: «Individualism… may be an ineradicable part of the Anglo-Saxon nature… the racial tendency of the Russian (is) to do business of the communistic principle. Where like undertakings by Americans, or Englishmen, or even Germans, would first be interrupted by contention and then distracted by quarrels, and finally break down by the inability of the various members of the association to agree among themselves, the same number of Russians get along very well together, and practically without antagonism» [Индивидуализм — может быть, неискоренимая часть англо-саксонской натуры… национальная тенденция русских — вести дела по коммунистическому принципу. Если предприятия американцев, англичан и даже немцев пошатнутся из-за раздоров, затем из-за ссор, а потом разрушатся из-за неспособности сотрудников ассоциации договориться между собой, то такое же количество русских прекрасно ладит между собой, практически без всякого антагонизма.]
>
> И сегодня врожденное чувство солидарности русских подчас сводит на нет некоторые западные приемы ведения бизнеса. Яркий пример: в рамках рекламной компании напитка «Фанта» был объявлен розыгрыш призов, к которому допускались только те, кто собрал пробки от фанты с определенным набором рисунков на внутренней стороне пробки. В Москве, Петербурге и ряде других городов немедленно стихийно сложились своеобразные рынки, где владельцы пробок объединялись в союзы, чтобы сообща попытать счастья в борьбе за желанный приз»[13].

[13] А. В. Павловская. Указ. соч., с. 15–17.

Рекламные кампании типа «соберите пробки», по-видимому успешно работающие на Западе, у нас идут плохо: вырезание купонов, собирание фантиков не в ладу с привычной культурой — несерьезное занятие, детский сад. И в богатый выигрыш никто не верит. Как это

принято в нашей культуре, народ отреагировал на эти рекламные предложения анекдотом. Диктор телевидения объявляет: «Соберите пробки от пива «Балтика», обертки от шоколадок «Марс», пустые пачки сигарет «Кент» и вообще приберитесь в доме».

Сейчас все случаи «отказа» от индивидуальности воспринимаются как пережитки советского, коммунистического прошлого, хотя корни этого явления уходят в далекое прошлое русского народа и русского национального характера. Так, описывая Неделю Российской моды в Москве, автор газетной статьи жалуется на ее (моды) безликость, безымянность, на отсутствие индивидуального подхода и индивидуальной ответственности: «Неделя собрала коллекции по большей части строгие, добротные, хорошо отшитые. Жаль, что безымянные. Скромность наших модельеров — похоже, очередная национальная загадка. Имена их иностранных коллег — везде крупно, золотом, да так, чтобы в каждый кадр попадали. Наши — скрываются за разными АО и ТОО, названия которых скучно даже перечислять»[14].

За 10 лет, прошедшие с опубликования этой статьи, менталитет российских предпринимателей сильно изменился в сторону «иностранных коллег», особенно как раз у модельеров: и крупно, и золотом, и в камне, и на клумбах — все это в центре столицы.

Эту же черту как тяжелое наследие недавнего прошлого отмечает писатель Андрей Битов в статье «Повторение не пройденного»: «Именно неотъемлемость имени от творчества, т. е. личность, т. е. индивидуальность, в малом случае осуждалась как пережиток, в крупном — каралась приговором»[15].

Прекрасное — и по художественной форме и по содержанию — разъяснение сущности и корней различий между русской и американской идеологией, менталитетом, культурой находим в пьесе современного американского драматурга Ли Блессинга «Прогулка в лесу» (Lee Blessing. «A Walk in the woods»). В пьесе всего два действующих лица, два профессиональных дипломата: русский Андрей Ботвинник и американец Джон Ханимэн. Их беседа во время прогулки в лесу на окраине Женевы как нельзя лучше проливает свет на то, о чем мы только что размышляли.

[14] Аргументы и факты, 1996, № 17.

[15] Знамя, 1991, № 6, с. 195.

Botvinnik. *(With a sudden formality.)* I will now present to you my serious thoughts of the subject of … Let's see… the character of the Russians and American people.
Honeyman. I don't think that's…
Botvinnik. That's my topic. It is fundamental. Do you object?
Honeyman. Not as long as you're serious.

Botvinnik. Deadly. *(A beat. Honeyman nods.)* Good. There is a great difference between Russians and Americans — yes or no?
Honeyman. Well… yes, if you…
Botvinnik. There is no difference. I will prove it. If the Russians and not the English had come to America, what would they have done?
Honeyman. They would have…
Botvinnik. They would have killed all the Indians and taken all the land. See? No difference. Americans and Russians are just the same. But their history is different. What is history? History is geography over time. The geography of America is oceans — therefore no nearby enemies. The geography of Russia is the opposite: flat, broad plains — open invitations to anyone who wants to attack. Mongols, French, Germans, Poles, Turks, Swedes — anyone. Do you agree with this? Of course you do — it is obviously true.
Honeyman. Andrey…
Botvinnik. Quiet, I am being serious. So, what is the history of America? Conquest without competition. What is the history of Russia? Conquest because of competition. How best to be America? **Make individual freedom your god.** This allows you to attack on many fronts – all along your borders, in fact – and maintain the illusion that you are not attacking at all. You don't even have to call your wars. You call them "settling the west".
Honeyman. That's a gross misreading of…
Botvinnik. Don't interrupt. How best to be Russia then? **Fight collectively.** Know that you are trying to crush those around you. Make control your god, and channel the many wills of the people into one will. Only this will be effective. Only this will defeat your neighbors (Выделено мною. — *С. Т.*).

[Ботвинник. *(с неожиданной формальностью)*. А сейчас я вам представлю мои серьезные размышления на тему… ага… характеров русских и американцев.
Ханимен. Я не думаю, что это…
Ботвинник. Это моя тема. Она фундаментальная. Вы что-то имеете против?
Ханимен. Если вы серьезно, то нет.
Ботвинник. Абсолютно серьезен. *(Бит [музыкальный ритм]. Ханимен кивает.)* Хорошо. Между русскими и американцами существует огромная разница — да или нет?
Ханимен. Ну что ж… да, если вы…
Ботвинник. Нет никакой разницы. Я это докажу. Если бы русские, а не англичане прибыли в Америку, что бы они сделали?
Ханимен. Они бы…
Ботвинник. Они бы убили всех индейцев и забрали бы всю землю. Видите? Никакой разницы. Американцы и русские одинаковы. Но их история различна. Что такое история? История —

это география во времени. География Америки — океаны, значит, никаких врагов поблизости. В географии же России все наоборот: плоские, широкие пустыни — открытое приглашение для всех, кто только хочет напасть. Монголы, французы, немцы, турки, поляки, шведы — все. Вы согласны с этим? Конечно же, да — очевидно, что это правда.

Ханимен. Андрей...

Ботвинник. Постойте, я серьезно. Ну, а что там в истории Америки? Завоевание без борьбы. А что в истории России? Завоевание из-за борьбы. Как лучше всего поступить Америке? **Сделай своим Господом Богом индивидуальную свободу.** Это позволит нападать сразу на многих фронтах, на всех границах фактически, и создавать иллюзию того, что нападения нет. Нет даже необходимости называть войны войнами. Можно называть их «наведением порядка на Западе».

Ханимен. Это совершенно неверное толкование...

Ботвинник. Не перебивайте. А как же лучше всего поступить России? **Сражаться коллективно.** Знать, что пытаешься сокрушить тех, кто вокруг тебя. Сделай своим Господом Богом контроль и сведи волю многих людей в одну. Только это окажется эффективным. Только это позволит одолеть соседей].

Обратимся к свидетельству языков и посмотрим, что нам дает языковой материал, если сопоставить английский и русский языки по тем базовым принципам культуры, которые сформулированы выше: коллективизм против индивидуализма.

Вместо того чтобы погрузиться в океан лексических единиц, посмотрим на грамматику. Гораздо более компактную, формализованную, построенную по принципу «да — нет», «правильно — неправильно», навязывающую носителю языка свои строгие законы, обязательную для всех (*ars obligatoria, обязательное искусство*, как ее называли в античности), категоричную и категориальную.

Грамматика действительно зиждется на категориях. Грамматическая **категория артикля**, имеющаяся в английском, немецком, французском и других европейских языках, по-видимому, отражает повышенный **интерес** этих речевых коллективов **к отдельной личности или предмету.** Действительно, носитель английского языка (как и всех других, имеющих категорию артикля) категоризует мир по такому параметру, как «один из многих» (людей или предметов) или «тот самый», «тот, о котором шла речь», «о котором я знаю». Статус грамматической категории, обязательной и неукоснительно исполняемой, не позволяет назвать ни один предмет или существо окружающего мира без немедленного указания на этот признак, значимый для менталитета и, соответственно, идеологии пользующихся языком. Для носителей русского языка такой подход к реальности абсолютно чужд, чем и объясняются те особые трудности, которые возникают у русскоязычных, изучающих английский язык при использовании артикля.

Категория артикля, таким образом, подтверждает и подчеркивает центральное место отдельной личности или предмета в культуре и идеологии Запада, сосредоточенных на интересе и уважении к индивидуальности.

Маленький, но весьма показательный факт: в английском языке **личное местоимение *I*** всегда пишется с большой буквы. Может ли русскоязычный человек представить себе, что *Я* всегда пишется так, как *I*? Да никогда! Это было бы так нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру — выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение *Вы*, когда оно употребляется в единственном числе, то есть относится к одному человеку. Таким образом, подчеркивается особенно вежливое и почтительное отношение **к другому** человеку — **не к себе,** любимому, а к другому, уважаемому. Не *ты*, а *Вы*, да еще с большой буквы — двойная уважительность. Если бы русские писали *Я* с большой буквы, это был бы совершенно другой народ.

Сравнительное изучение антропонимов в итальянском и русском языках, проведенное профессором Воронежского государственного университета Ю. А. Рыловым, убедительно подтверждает культурную разницу в отношении «индивидуум — коллектив».

«Данные антропонимии, в частности, количественный состав имен, позволяет судить также и об особенностях национального характера. Например, словарь итальянских имен Э. Де Феличе, составленный на базе телефонных справочников Италии за 1981 год, содержит около 18 тысяч имен (De Felice E.); реальный же русский именник этого периода вряд ли насчитывает 500 единиц. Нами были проанализированы список студентов отделения славистики Римского университета «La Sapienza» за 1996 год и список студентов факультета романо-германской филологии Воронежского университета за 2000 год. Итальянский список состоял из 466 студентов; на этой же цифре мы остановились и в русском списке. В итальянском списке обнаружено 221 имя, в русском — 81. В результате, одно итальянское имя обслуживает чуть более двух человек (2,1), а русское — почти 6 (5,75). Эти факты говорят о том, что итальянские и русские имена имеют различную семиотическую нагрузку и наличие обширного именника свидетельствует о такой особенности итальянского национального характера, как стремление подчеркнуть индивидуальность каждого человека, выделиться из общей массы»[16].

[16] Ю. А. Рылов. Антропонимы в языковой картине мира // Языки и картина мира. Тула, 2002, с. 102.

О пристрастии русского синтаксиса к безличным оборотам написано много. В этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и агностицизм русского народа. Возможно, в этом и есть что-то правильное. Действительно, если европейские сказки начинаются со слов «Однажды король вырастил дерево в своем саду», русский рассказчик начнет сказку словами: «Однажды в королевском саду выросло дерево».

Обычно считается, что богатство и разнообразие безличных конструкций *(светает, мне хорошо, штормило)* отражает тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся человеческому уразумению[17]. Конструкции типа *солдата ранило миной, крышу сорвало ветром* «относятся к фатальным ситуациям войны и бушевания стихий»[18]. Русский язык таким образом подчеркивает действия высших потусторонних сил и скрывает человека как активного действователя за пассивными и безличными конструкциями.

Думается, что одним из объяснений этого синтаксического пристрастия русского языка может быть все тот же **коллективизм** менталитета, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это, кстати, и снимает ответственность за происходящее).

Во всех тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные инфинитивные и тому подобные синтаксические модели, в английском языке имеют место личные формы:

покурить бы — I feel like smoking
думается, что — I think
есть охота — I am hungry
холодает — It's getting cold
мне холодно — I am cold
мне не спится — I don't feel like sleeping
тебя ранило? — are you wounded?

Как известно, наиболее яркая, сразу бросающаяся в глаза разница между научным стилем западных и российских ученых — это то, что первые активно употребляют личные местоимения, то есть пишут «от первого лица», открыто высказывают личное мнение, используют личные истории и личные мотивы, в то время как последние предпочитают строгую, отстраненную манеру изложения научной информации, усиленно используют пассивный залог и употребляют «*мы* скромности», даже когда пишут лично от себя — и скромно, и без выпячивания собственной персоны, и ответственности меньше…

В английском языке человек («Я» с большой буквы) берет на себя и действие и ответственность за него. В русском языке и действия и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах.

[17] Именно так поставил вопрос финский лингвист *А. Мустайоки* в пленарном докладе на тему: «Отражает ли русская грамматика русскую ментальность?», прочитанном на IX Международном Конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе в августе 1999 года.

[18] *З. Трестерова.* Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999, с. 179.

Глава V
Язык на страже родины и родного народа

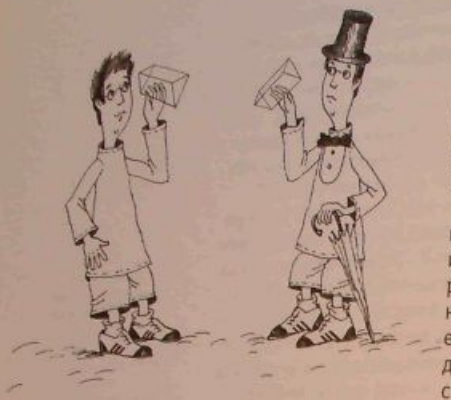
Нет страшнее оружия,
чем слово,
Нет сильнее оружия,
чем слово,
Ничто не ранит
Нас больнее,
Ничто не судит
Нас сильнее…
И иногда не грех
Сказать,
Чтобы час расплаты отогнать —
«Прощай, оружие!»

Нарине Удумян

Со времен все той же Вавилонской башни, когда Господь наказал людей, смешав их языки (а значит и культуры, поскольку они тесно и прочно взаимосвязаны), возникла проблема **общения** или, вернее, **разобщения** народов. Языки не смешались, единый «праязык» разделился — в качестве наказания — на много разных, и общение прекратилось, а без общения построить вместе ничего нельзя. В наши дни эта библейская легенда получила новое, очень острое звучание в связи с также новым и также очень острым стремлением строить вместе глобально. (Об этом см. подробнее Главу X. *Глобальный язык в глобальной деревне: глобальная проблема.*) Наказание продолжается — народы разобщены (то есть им трудно общаться) различием языков и культур. Каждый язык и каждая культура зорко стерегут своих подданных и ставят препятствия разного рода, «воюют» с другими языками и культурами. В этой войне языков и культур носителями мира, пытающимися примирить сражающихся, оказываются преподаватели иностранных языков, переводчики, культурологи.

Однако языковой и культурный барьеры — это не просто заборы, разделяющие людей, мешающие им общаться и вместе работать, решать общечеловеческие и общепланетные проблемы. Можно посмотреть на печальный факт Божьего наказания по-другому: ведь неисповедимы пути Господни, мы можем только предполагать…

Язык и культура, может быть, не только стерегут своих подданных, но и охраняют их, они не только заборы, но и **щиты, спасающие народы от утраты национальной самобытности**, национальной идентичности (сейчас чаще это заимствование — не очень удачное), патриотизма, жизненной энергии. И, может быть, это было не наказание, а Дар Божий: люди получили способность воспринимать мир по-разному через призму разных языков и лучше, многосторон-

нее его оценивать. Может быть, буйное яркое разноцветье лугов и полей лучше, чем аккуратно подстриженная зеленая лужайка? И языки и культуры используют самые разные средства борьбы с теми, кто хочет захватить их, вторгнуться на чужую территорию, не разбирая при этом, кто — друг, а кто — враг.

Соответственно и роль людей, помогающих преодолеть барьеры — преподавателей иностранных языков, переводчиков, культурологов, — оказывается двойственной. С одной стороны, они — борцы за мир, пытающиеся объединить сражающихся, помочь людям достичь единства, столь необходимого для спасения и благоустройства жизни на Земле. С другой стороны, они — «пятая колонна», проводники чужих идей, культур, идеологий, и время от времени и общество и государство относит их к категории подозрительных, «космополитов» и подвергает осуждению, а иногда — и преследованиям.

Вопрос о том, как достичь роскоши и радости международного общения, а через него единства, сохраняя в целости и свой язык, и свою культуру, — сегодня главный вопрос человечества.

Ответ на него должен быть также двуедин: 1) нужно преодолеть культурный и языковой барьеры — это задача экспертов по иностранным языкам и культурам; 2) нужно беречь, сохранять, укреплять и развивать родной язык и родную культуру — это миссия как знатоков родного языка и родной культуры, так и — главное! — всего народа.

Вопросы эти и их решения взаимосвязаны. Для того чтобы решить первый из них — изучение и использование иностранных языков, — нужно, прежде всего, четко осознать те «военные» приемы, которые имеет на вооружении язык для того, чтобы «не пропустить врагов», а вернее даже — не врагов, а просто посторонних. В любой борьбе, как известно, лучший способ победить противника — это превратить его в друга. Овладев иностранным языком (видите: лексика-то изначально воинственная — о в л а д е т ь), человек начинает любить его, а через него — и людей, потому что народ, язык которого знаешь, перестает быть чужим и страшным.

Попробуем рассмотреть виды и способы борьбы языков и культур с чужаками: все эти ловушки, засады, западни, ложные пути, подножки, открытых врагов и ловких шпионов.

Выражаясь неметафорически, определим те языковые и социокультурные сложности, с которыми приходится сталкиваться при общении на иностранных языках. Их можно условно разделить, с одной стороны, на языковые и социокультурные а, с другой, — на открытые, очевидные, и скрытые, невидимые. Деление это, как и все классификации, условно, но удобно для презентации проблемы и материала.

В этой работе главное внимание будет уделено самому хитрому и коварному противнику, а именно — скрытым культурно-языковым трудностям. Однако сначала попробуем дать полную картину оборонительных приемов языков и культур.

Очевидные языковые трудности

Понятно, что языковые трудности (как и различие языков) очевидны и лежат на поверхности. Это не значит, что их легко преодолеть, однако видимый противник лучше, чем невидимый.

1. Разница в грамматическом строе языка

Грамматика, конечно, *ars obligatoria* — *обязательное искусство*, но в крайнем случае, если сказать «моя твоя не понимай», то смысл высказывания будет всем понятен.

Трудности овладения грамматикой лучше всего иллюстрируют наличие и отсутствие грамматических категорий в разных языках.

Так, например, хорошо известно, что в английском языке, в отличие от русского, французского, немецкого и многих других европейских языков, отсутствует грамматическая категория рода. Народам, язык которых имеет эту категорию, кажется странным, нелепым и невозможным отсутствие такого важного аспекта взгляда на мир. Отсутствие категории рода, по нашему (вместе с французами, немцами, испанцами, итальянцами и т. д.) мнению, делает восприятие мира и отношение к нему менее эмоциональным, менее человечным. Нельзя представить себе метафорику русского языка, русскую литературу, особенно поэзию без категории рода[1]. Однако «бедные» англичане создали великую литературу мирового значения без нее. Правда, у них есть, в отличие от русскоязычных, категория артикля, без которого, впрочем, мы тоже создали великую русскую литературу мирового значения. Очевидно, что каждый язык обладает своей системой языковых средств, и она самодостаточна.

Разумеется, разница в грамматических категориях, очевидная с самого начала, представляет особые трудности при общении на иностранном языке. Это понятно: разница в категоризации мира — гораздо более глубинная (чем, скажем, разница в значении слов).

[1] См.: *С. Г. Тер-Минасова.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004, с. 202–204.

Категории — это вехи, закрепленные в сознании, и уложить новые очень трудно. Каждый носитель русского языка, изучавший английский язык, знает, что самое для нас трудное – это артикли.

Но вернемся к категории рода. Наличие рода у существительных определяет наше ви́дение и восприятие этих предметов или явлений и наше отношение к ним.

Интересные эксперименты были проведены в Массачусетском Технологическом институте американской ученой Лерой Бородицки. Суть эксперимента состояла в том, что информантов, носителей немецкого и французского языков, просили описать по-английски предметы, которые в этих языках имели разный род. В результате английское слово *key* — *ключ* немцы, у которых как и у русских, *ключ* мужского рода, описали его как *awkward* (*неуклюжий*), *hard* (*твердый*), *heavy* (*тяжелый*), *lost* (*утерянный*), *metallic* (*металлический*), *secure* (*надежный*), *serrated* (*зазубренный*), *small* (*маленький*), *useful* (*полезный*), *worn* (*старый, стертый*).

Французы описали тот же предмет, но имеющий у них женский род, как *brass* (*медная*), *bronze* (*бронзовая*), *golden* (*золотая*), *little* (*маленькая, но более эмоционально, чем small*), *lovely* (*чудесная*), *magic* (*волшебная*), *practical* (*практичная*), *shaped* (*имеющая хорошую форму*), *shiny* (*блестящая*), *tiny* (*крошечная*). Комментарии излишни.

По мнению Л. Бородицки, с которым трудно не согласиться, языковой факт грамматического рода оказывает влияние на восприятие предмета или явления реального мира.

Эту точку зрения давно обосновали русские лингвисты. Иван Александрович Бодуэн де Куртене, в работах 20-х годов XX века, исследуя индоевропейские и семитские языки, объяснил различия в менталитете пользователей этих языков различиями родополовых признаков, выраженных категорией рода.

Наш современник, профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. В. Колесов связывает разницу менталитетов народов Восточной и Западной Европы (на материале русского и латинского языков) с маскулинной направленностью западноевропейской культуры, высоко ценившей мужские качества, и культом женского идеала у восточных славян. Одно из языковых свидетельств из латыни *vir* «муж» от *vis* «сила», связано с *virtus* «добродетель», тогда как *mulier* от *mollis* «мягкая, слабая», а следовательно (такова логика!), «чувственно порочная»[2].

[2] *В. В. Колесов.* 2004, с. 163.

Сочетание трудностей одновременно и языка и культуры, связанных с категорией рода, тонко подмечены переводчицей Натальей Шаховой, работа которой уже цитировалась.

«Русский человек с детства знает, что нож мужского рода и если нож упал, то, согласно примете, нужно ожидать в гости мужчину. Не будем спорить о достоверности таких прогнозов, но немцу, например, совершенно чужда сама идея о связи между ножом и мужчиной, потому что в немецком языке слово «Messer» имеет средний род. Если бы у немцев подобная примета была, то она могла бы связать падение ножа с приходом ребенка, поскольку слово «Kind» тоже среднего рода (как бы странно нам это ни казалось!). Понимание того, что нож не обязан иметь мужской род во всех языках, ведет к революционному перевороту в голове»[3].

[3] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr / 20000328_shahova.html , с. 10.

Еще более ярко и показательно свидетельство билингва — уже цитированного Андрея Макина. Все в том же — лучшем — романе «Французское завещание» он рассуждает о том, что по-разному видит и чувствует цветок в зависимости от того, называет ли он его по-русски (мужской род) или по-французски (женский род).

В сознании билингва, человека, в совершенстве владеющего двумя языками (в случае Макина — русским, языком родины, и французским, языком французской бабушки Шарлотты), представление об одном и том же предмете или явлении реальности различны, если слова, его обозначающие, имеют разный род как грамматическую категорию.

Enfant, je me confondais avec la matière sonore de la langue de Charlotte. J'y nageais sans me demander pourquoi ce reflet dans l'herbe, cet éclat coloré, parfumé, vivant, excitait tantôt au masculin et avait une identité crissante, fragile, cristalline, impose, semblait-il, par son nom de tsvetok, tantôt s'enloppait d'une aura veloutée, feutrée et feminine — devenant «une fleur»[4].

Ребенком я не отделял себя от звучной субстанции Шарлоттиного языка. Я плавал в ней, не задаваясь вопросом, почему эта вспышка в траве, это яркое, душистое, живое существует то в мужском роде, в ипостаси хрупкой, хрусткой, кристаллической, заданной, казалось, именем «цветок», то облекается бархатистой, пушистой и женственной аурой, превращаясь в «une fleur»[5].

[4] *Andreï Makine.* Le Testament Français. Mecure de France. 1995, p. 271.

[5] *А. Макин.* Французское завещание. Пер. Ю. Яхниной и Н. Шаховой // Иностранная литература. 1996, № 12, с. 104.

Один и тот же предмет реального мира часто имеет разный грамматический род в разных языках — и, соответственно, воспринимается по-разному и имеет разный культурный образ в менталитете народов.

Солнце имеет женский род в немецком языке, мужской — в французском и испанском и средний род в русском языке.

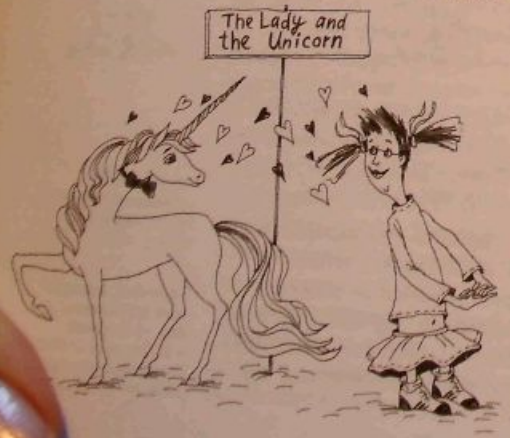
Как обычно, «свое» кажется логичнее и разумнее, чем «чужое». Солнце — вне рода, вне пола, не женское, не мужское. Правда, луна, звезда, планета — все женского рода, и это тоже кажется логичным, потому что — свое, родное.

Стоит привести в пример эмоциональный всплеск под лозунгом «наша система грамматического рода — лучшая в мире».

«Среднего рода в романской группе… нет. Очень странная эта модель мироздания, привязанная только к женскому и мужскому началу, не допускающая чего-либо, стоящего если не выше этих начал, то хотя бы вне их: *озеро, благородство, отечество*»[6].

[6] *Маргарита Сосницкая. На каком языке говорим // Москва, 2002, сентябрь, с. 203.*

В сказке Оскара Уайльда «Счастливый принц» одушевленные, очеловеченные персонажи получают род в виде личных местоимений. В оригинале ласточка это «он», а тростник «она». Их любовный роман и мысли о замужестве соответствуют роду/полу. Вот размышления мужчины-ласточки (для русского уха звучит очень странно такое сочетание) о тростнике-женщине: «*Боюсь, что она кокетка, постоянно флиртует с ветром. И слишком привязана к дому, а я люблю путешествовать*». «Оригинальные» (в смысле: в оригинале произведения) нежные отношения мужчины-ласточки с Принцем видоизменяются при переводе на русский язык и, по-видимому, одновременно искажается и замысел Оскара Уайльда. В русском варианте реализуется традиционная ориентация: Принц — мужского пола/рода в обоих языках, а русское слово *ласточка* — не только женского рода, но еще имеет в своем составе уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* и часто употребляется как ласковое обращение. В русском языке дружба Принца и маленькой ласточки (*Swallow, Swallow, Little Swallow*) имеет естественные дополнительные коннотации любви, симпатии, сочувствия.

Интересные проблемы в связи с отсутствием категории рода в английском языке возникли при переводе романа «Дама с единорогом» («The Lady and the Unicorn») современной английской писательницы Трейси Шевалье (Tracy Chevalier). «Воссоздав» в романе историю знаменитых французских средневековых гобеленов с таким названием — жемчужину музея средневекового искусства Клюни в Париже — автор развивает версию, согласно которой Единорог — это возлюбленный Дамы. В английском языке нет рода — и нет

проблем: как автор пожелает, так и увидит читатель — тростник ли, ласточку или Единорога. В русском языке все в порядке — *дама*, естественно, женского рода, а *единорог*, спасибо русскому языку, мужского. А вот во французском переводе романа произошел сбой в коммуникации автор — читатель, поскольку и *La Dame* и *la licorne* — женского рода. Из-за грамматики у французской Дамы изменилась ориентация. В наши дни это все политкорректно, но опять идет вразрез с замыслом автора.

Такой грамматический аспект, как система предлогов, также раскрывает различие восприятия мира у разных народов, отраженное в их языках.

«Крона дерева в английском языке видится как некоторое трехмерное пространство и поэтому положение любого объекта (например, птицы) будет осмысливаться как нахождение внутри него и передаваться с помощью предлога *in* (русский предлог «в»). Русский язык выбирает другой путь, когда поверхность ветки осмысливается как часть общей поверхности дерева и использует в данном случае предлог "на"»[7].

[7] *М. М. Роевская. Испанский язык XI–XII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие. Докторская диссертация. М., 2007, с. 25–26.*

2. Разница в фонетике и орфографии, разрыв между произношением и написанием

В этом отношении печально знаменит английский язык. Известная шутка «англичане пишут *Манчестер*, а говорят *Ливерпуль*» удачно иллюстрирует эту ситуацию. Другой общеизвестный и вовсе не шуточный факт — сочетание английских букв *ough*, которое дает 14 вариантов произношения.

Примеров сбоя коммуникации, разобщения людей из-за разницы в произношении и просодии (интонации, ударение, тембр и т.п.) очень много.

Приведу несколько, особенно меня поразивших. Я была свидетелем того, как прекрасные российские ученые-естественники (то, что по-английски удобно называется одним словом *scientists*) провалились на тесте аудирования/понимания языка на слух и не смогли поехать на стажировку в Великобританию из-за того, что услышали слово *patient* (*пациент*) как *patent* (*патент*) и «подогнали» вопросы здравоохранения под проблемы с патентованием технических достижений. Они же рассказ о том, как проходит *rush hour* (*час пик*) в Лондоне, превратили в приключения иностранцев в России, приняв *rush hour* за *Russia*.

Моя знакомая англичанка Пиета Монкс (Pieta Monks), специалист по переводу, прекрасно знающая русский язык, сказала в автобусе

стоящему перед ней мужчине *Вы выходи́те* вместо *Вы выхо́дите?*, что он и окружающие восприняли раздраженно: что это за повелительное наклонение?! Вот такие нежности: ударение перепутали — и конфликт!

В столовой университета Валенсии, Испания, в обеденный перерыв, то есть в «час пик», все говорили так громко, стоял (по мнению нашей делегации) такой крик, что невозможно было не только общаться, но даже есть расхотелось. Тоже конфликт культур — на почве тембра и громкости.

В Берлине во время автобусной экскурсии по городу 5–6 экскурсантов слушали гида через наушники. На одной из остановок в автобус вошла большая группа итальянских женщин. Они очень громко и оживленно что-то кричали друг другу и замолчали только, когда у одной из них зазвонил мобильный телефон. Она долго кричала по телефону, а потом на том же уровне громкости пересказывала приятельницам телефонные новости. За окном проплывал Берлин, уплывали также и деньги, заплаченные за экскурсию. Ничего не поделаешь: конфликт культурно принятых норм уровней громкости.

И еще один, ранее — в других публикациях — упомянутый мной случай. Тайские студенты отказались ходить на уроки к учительнице русского языка, «потому что она на нас кричит». А она не кричала, а говорила, как положено говорить русской учительнице: четко, внятно и громко, чтобы всем было хорошо слышно. Но это была наша — не тайская — громкость.

Скрытые языковые трудности

Главные трудности, скрытые, «не видимые очам», то есть не очевидные, начинаются с разницы в лексике. Это самая коварная западня, так как это связано с понятием значения слова, с соотнесением звукового (устная речь) или графического (письмо) комплекса с предметами и явлениями реального мира. Это означает выход из мира системы языка, то есть определенного порядка — в хаос, безбрежность и бесконечное разнообразие реального мира, который мы видим, членим, категоризуем и именуем по-разному, что лишает нас возможности иметь «общий, или обоюдный, код» (shared code) и, следовательно, общаться.

Соответственно слова, соотносимые с одними и теми же предметами/явлениями реального мира, могут различаться следующими характеристиками.

1. Объем семантики

Если, используя уже известную метафору (см. Главу I), представить языковую картину мира в виде мозаики, а слово (так же как и его эквиваленты) – кусочком этой мозаики, то ясно, что эти разные мозаичные картины состоят из разных кусочков. Перевод с одного языка на другой предполагает попытку вынуть кусочек — слово (или его функциональный эквивалент) из одного языка-мозаики и вставить в другой. При этом следует быть готовым к тому, что, как правило, эти кусочки мозаики не совпадают по размеру. Иными словами, объем их семантики может быть различен. Например, русское предложение *Они такие же, как мы: две руки, две ноги* было переведено на английский язык как *They are just like us: two hands, two legs*. Этот хрестоматийный и, следовательно, избитый пример ярко и убедительно показывает, что объем семантики русских слов *рука* и *нога* шире, чем у английских эквивалентов, то есть они покрывают больший кусочек реальности, в то время как английский язык навязал своим носителям иное видение и членение мира: там, где русскоязычные видят **один** предмет *(руку или ногу)*, англоязычные видят **два** совершенно разных предмета *(hand, arm — рука; foot, leg — нога)*. Главная ошибка приведенного примера — то, что *hand* и *leg* нельзя сочетать в данном контексте. Должно быть или *hand — foot*, или *arm — leg*.

Значит, простое русское предложение *У нее в руках был букет цветов* нельзя перевести на английский язык, не зная размера букета: если он маленький, то она держала его в кисти руки (то есть *in her hands*), если большой — то *in her arms*.

Таких случаев очень много в любых двух языках — и чем больше языков вовлечено в перевод, тем больше разница и тем труднее.

Русское слово *переводчик* — это и *translator*, и *interpreter; политика — policy, politics; наука — science, humanity, a branch of knowledge; ученый — scientist, scholar, academic; управление — management, administration. Water* в английском языке это не только *вода*, но и *слезы*, *clay* — это и *глина*, и *прах*.

В американской комедии герою не хватает денег на чашку кофе и он говорит официантке: *Sorry, I don't have the money*, — на что она отвечает сочувственно: *What a shame!* Русский переводчик, игнорируя и тон, и ситуацию, переводит *«Какой позор!»*, так как не знает полного объема семантики слова shame, включающего наряду с *«позором»* и значение *something that ought not to be* и в этом *What a shame* соответствует русскому *«Как жаль!»*

Переводы фильмов изобилуют нелепостями: очевидно, что их делают поспешно и/или люди, плохо знающие язык-источник.

В американском фильме «Путешествие в глубь земли» (по Ж. Верну) герои едут в тележке, за ними — солдаты с ружьями. Шотландец кричит *«Duck!»*, то есть укройтесь, ныряйте на дно тележки, так как глагол *to duck* имеет значения *увернуться, укрыться, нырнуть, пригнуться, чтобы избежать удара*. Разумеется, переводчик кричит — *Утка!*, невзирая на грамматику (отсутствие артикля) и контекст ситуации.

— *Sit down and tell me about your sister and Jon. Is it a marriage of true minds?*

— *It certainly is. Young Jon is a pretty white man*

[— *Сядь и расскажи мне о своей сестре и о Джоне. Это союз верных сердец?*

— *Конечно же. Молодой Джон — приятный белый человек.*]

Нелепый перевод маленького диалога из «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси вызван неполным знанием всего объема семантики слова *white*, которое в царстве представителей белой расы приобрело дополнительное значение *приличный, порядочный*. И *pretty* не прилагательное *приятный*, а наречие *вполне*. Поэтому молодой Джон — *вполне приличный* (а не *приятный белый*) *человек*.

Заметим в скобках также, что там, где «у них» действует разум, у нас — сердце (*a marriage of true minds — союз верных сердец*). Здесь перевод правильный!

Еще один пример из перевода кинофильма — вершина нелепости. Здесь ловушка синтаксическая, а не семантическая. Героиня уходит от мужчины, с которым прожила несколько лет, и оставляет ему записку: *I am not a woman you can trust*, которую голос за кадром переводит: *«Я не женщина. Можешь мне поверить»* вместо *«Я не та женщина, которой можно доверять»*.

На одном из сайтов Интернета, где критически описывается традиция празднования Хэллоуин (Halloween), приводится совершенно нелепый перевод традиционной формулы, связанной с главным обрядом праздника:

> В настоящее время мы являемся свидетелями активного распространения в учебных заведениях европейских государств и России практики справлять целый ряд праздников американского происхождения; Halloween среди них является, наверное, самым популярным. В этот день (31 октября) американские школьники, нарядившись ведьмами, чертями и подобными малоприятными персонажами, носятся по школам и домам и кричат «Trick or treat!» (один из вариантов перевода: Наряди и угости!) требуют себе сладостей. Кроме того, на Halloween принято устраивать розыгрыши, нередко достаточно сомнительного характера.

Откуда мог взяться такой «вариант перевода», совершенно непонятно. Это вопрос: тот, кому адресовано *trick or treat!*, должен выбрать между как бы кнутом и пряником: или угости (treat), или мы тебе устроим этот самый розыгрыш (trick). *Наряди и угости!*, да еще и с восклицательным знаком, совершенно извращает смысл игры.

Русский переводчик, который перевел на английский язык подпись *Молодежные балы в разгаре* под фотографией в газете, изображавшей выпускной бал, как *Young men's balls in full swing* явно не был осведомлен о существовании омонима *balls* в значении *testicles* — *яички* (мужской орган).

Неправильный перевод из-за недостаточного знания полного объема семантики английского глагола *to look* играет важную роль в интриге романа Бориса Акунина «Коронация».

Встреча героя-рассказчика Зюкина, камердинера царской семьи, с дворецким (Батлером) мистером Фрейби повернула развитие сюжета в неблагоприятную сторону.

«— *Good news?* — спросил Фрейби, кивнув на газету, и выудил из кармана словарь. — Хороший… новость?

У меня словаря при себе не было — остался в ливрее, поэтому я ограничился простым кивком.

Внимательно оглядев меня, англичанин произнес какую-то фразу из четырех коротких слов. Снова зашелестел лексиконом.

— Ты…смотреть…лучше…сегодня.

Я встрепенулся и испуганно уставился снизу вверх на его румяную физиономию. Откуда он знает о нашем плане? Что он вообще знает?

Батлер благожелательно улыбнулся и с поклоном прошествовал дальше».

Потерпев неудачу во всех своих планах и расчетах, знаменитый акунинский сыщик Эраст Петрович Фандорин пытается понять причину провала их с Зюкиным действий.

«— Я вот все думаю про мистера Фрейби. — Эраст Петрович поднялся по ступенькам и открыл дверь. — Что-то здесь не складывается. Если он, действительно, человек Линда, то зачем бы ему предупреждать вас про шпиона? И зачем г-говорить, чтобы вы смотрели за его господином в оба? Что-то здесь не так. Не могли бы вы припомнить, какие именно слова он произнес?

— Очень хорошо запомнил. «Вы смотреть лучше сегодня». Каждое слово по очереди выуживал из лексикона.

— Хм. А как это было по-английски? *You…watch out today?*

— Нет, как-то по другому. – я нахмурил лоб, роясь в памяти. – Что-то такое на букву «б».

— На «б»? *Better?*

— Да, именно так!

— Ну-ка, попробуем восстановить английскую фразу. «Вы» — это *you*, «смотреть» — это *see* или *look*, потом *better*, «сегодня» — это *today*. *«You see better today»* — это бессмыслица. Стало быть, получается *«you look better today»*.

— Да, правильно! Те самые слова! — обрадовался я.

Эраст Петрович развел руками:

— Тогда, Зюкин, вынужден вас разочаровать. Это вовсе не рекомендация получше следить за Линдом, а выражение, означающее «Сегодня вы выглядите лучше».

— Всего лишь? — разочаровался я.

— Увы. Вы с мистером Фрейби стали жертвами буквального перевода.
...Нельзя чересчур доверяться словарям».

Наконец, известный пример из перевода «Гамлета» Шекспира, внесший сумятицу и в облик, и в образ главного героя. Имеется в виду реплика матери Гамлета, королевы Гертруды:

He's fat and scant of breath,
Here, Hamlet, take my napkin, rub thy brows.

Михаил Лозинский переводит ее так:

Он тучен и одышлив. —
Вот, Гамлет, мой платок, лоб оботри.

Одна неудачно переведенная строка, и Гамлет из благородного юного мстителя превращается в толстого, страдающего одышкой немолодого человека. И от любви к нему сходит с ума и кончает жизнь самоубийством прекрасная юная девушка?

Однако семантика слова *fat* шире, чем просто *жирный, тучный*, и допускает вариант *блестящий от пота*. И *scant of breath* — это задыхающийся (от волнения), запыхавшийся человек, которому не хватает дыхания, в то время как одышливость — это медицинский термин, признак хронической болезни. Это позволяет Б. Пастернаку спасти образ Гамлета, оставить его романтическим, избежав прямого перевода слова *fat*, но при этом передав общую ситуацию:

Дай, Гамлет, оботру тебе лицо.
Вот мой платок. Как ты разгорячился!

2. Стилистические коннотации

Эта скрытая трудность тесно связана с предшествующей — разницей в объеме семантики.

Действительно, коннотации представляют собой дополнительные оттенки значений, некие «созначения». При этом стилистические коннотации — это либо знак отнесенности к различным стилевым разновидностям языка, либо выражение отношения к высказыванию (то есть вид модальности): положительного, отрицательного или нейтрального — следовательно, не имеющего коннотаций.

Хрестоматийный пример из русского языка: *глаза* — нейтральный стиль, *очи* — возвышенный и позитивный, *зенки, гляделки* — сниженный и негативный.

Стилистические коннотации — также западни и ловушки, но также и оборонительные приемы языка в его войне с «захватчиками» — с иностранцами, пытающимися вторгнуться в его пределы.

Проблема в том, что в разных языках слова, эквивалентные по номинативному значению, то есть соотносимые с одним и тем же предметом или явлением (кусочком) реальности, могут различаться как принадлежностью к разным стилям, так и позитивными и негативными оттенками и, соответственно, употреблением в речи.

Развивая метафору с мозаичной языковой картиной мира, можно сказать, что единицы языка, слова и их эквиваленты — кусочки мозаики — могут различаться не только размером (объемом семантики), но и оттенками: яркие, блеклые, глянцевые, матовые, вызывающие радость или грусть и т. п.

Сюда же следует отнести и использование диалектизмов, жаргонизмов (слэнга), то есть все виды территориальных, социальных, профессиональных расслоений национального языка.

Великий Бен Джонсон имел в виду именно этот аспект употребления речи, когда сказал свою знаменитую «крылатую» фразу: «Language most shows a man. Speak that I may see thee» [Язык лучше всего раскрывает человека. Говори, и я тебя увижу].

Много позже Бернард Шоу воплотил эту мысль в образе профессора Хиггинса в бессмертном «Пигмалионе».

Вопрос о стилистических коннотациях хорошо известен и представлен достаточно широкой научной литературой, поэтому ограничимся несколькими примерами.

Итальянский преподаватель русского языка прислал письмо по-английски, в котором просил подтвердить возможность его поселения в общежитии, и приложил собственный перевод на русский язык. *I would be very pleased if you could confirm the availability of accommodation...* в русском переводе выглядело так: *Я вас просил бы о подтверждении ночлегов в общежитии...* Слова *accommodation* и *ночлег* принадлежат к разным регистрам речеупотребления, имеют разные стилистические коннотации.

Китайские коллеги прислали приглашение на конференцию в город Hangzhou, столицу провинции Zhejiang, представив это по-английски как *Hangzhou, Zhejiang Provincial capital*. Однако словосочетание *provincial capital — провинциальная столица* имеет иные стилистические коннотации, чем *capital of the Province — столица Провинции*.

В этом же письме описывается красота и величие места проведения конференции: *With its picturesque landscape, Hangzhou has ever been praised as "Paradise on the Earth". In 13 century, Marco Polo, a famous Italian tourist praised Hangzhou as "The most beautiful and magnificent city in the world".*

Номинативное значение слова *tourist*, возможно, соответствует факту визита Марко Поло в Китай, однако, с точки зрения стилистических коннотаций, оно в этом контексте не приемлемо и вызывает неожиданный комический эффект.

Замечательный переводчик и лексикограф Роберт Даглиш, работавший в Советском Союзе, говорил о стилистических трудностях перевода советских клише, возвышенных и пафосных, на английский язык, тяготеющий к understatement — недосказанности, недооценке.

Так, например, в публичной лекции для переводчиков он говорил, что перевод на английский язык словосочетания *нерушимое единство* как *an unbreakable and indestructible unity* звучит совершенно не по-английски, так как нарушает стилистические каноны английского языка, требующие избегать резко категорических суждений, «громких» слов, излишнего пафоса и высокого стиля.

Его замечательная метафора **английский язык предпочитает тихо свистнуть в темноте, а русский язык кричит при ярком дневном свете** раскрывает различия стилистических характеристик этих языков.

Эти особенности чрезвычайно важно учитывать в рекламе — тем более в наше время, когда реклама — в том числе и переводная — стала играть такую важную роль в жизни современной России.

Роберт Даглиш привел пример разного восприятия одной и той же рекламы на русском и английском языках.

> Речь шла о рекламной статье о Грузии, где упоминалось замечательное грузинское гостеприимство. Дальше следовала фраза: *Каждый, кто хоть раз побывал в Грузии, подпишется под этими словами!*
>
> Сочетание *хоть раз* усиливало экспрессивность высказывания, подчеркивая, что даже одного раза достаточно, чтобы оценить необыкновенное грузинское гостеприимство.
>
> В переводе на английский это звучало так: *Everyone who visited Georgia at least once would subscribe to these words.*
>
> Вот как комментирует Роберт Даглиш этот перевод: *«It is a very close following of the Russian again. But it's not English at all. And when you come to think of it, it's too much of an absolute statement for an English journalist piece of writing. The basic idea that you're trying to convey is that "most people who've been to Georgia would subscribe to this view". You can't say more than that. The "at least once" stands out like a sore thumb in the English. It starts you thinking: what about twice, or will two visits to Georgia create a different impression; it just diverts the reader, you don't make your point. You have to make a simple and a clear point, not too exclusive, not too absolute. And once you get that sentence right, our find that the next sentence flows on almost automatically — "and Georgia has many visitors", and so on».*

Использование диалектизмов, жаргонизмов, историзмов также вызывает недоразумения, часто нелепые, вызванные, главным образом незнанием или, вернее, н е о п о з н а н и е м этих нестандартных единиц языка, выходящих за рамки нормативного, литературного языка. Это не мины, не бомбы, это мелкие виды языкового оружия: пули, гранаты, а может быть и просто кулаки. Но они тоже успешно «разят врага».

Известный зоолог и путешественник Николай Дроздов в книге об Австралии[*] приводит материалы русского эмигранта Игоря Ивановича Межакова-Корякина по переводам англоязычными переводчиками поэмы Евгения Евтушенко «Братская ГЭС»:

> «Я вбирал, припав к баранке» — «жевал калач», «листами под покрышками шурша» — «под крышами шуршала листва», «по фене ботают ножи» — «девушки танцуют с ножами», «и плывут струги» — «стружки плывут по реке».

[*] См.: Н. Н. Дроздов. Полет бумеранга. М., 1988.

3. Лексико-фразеологическая сочетаемость

Как известно, под лексико-фразеологической сочетаемостью понимается способность одних слов легко и естественно сочетаться, «дружить» с одними словами и «отталкивать» другие, «не дружить» с ними. Лексико-фразеологическая сочетаемость национальна, специфична для каждого языка, поэтому она создает дополнительные и очень серьезные трудности как для общения на иностранном языке, так и для его изучения и преподавания. Можно выучить значения слов и таким образом быть в состоянии «узнать», о чем идет речь в созданном кем-то тексте (recognition skill), но для того чтобы самому создать текст — письменный или устный — знать значение слов недостаточно: нужно еще знать их сочетаемость в данном языке. Можно посмотреть значение английского слова *flat — плоский, ровный* и перевести с его помощью русского словосочетания *плоская поверхность — a flat surface*. Но на этом совпадение с русской моделью сочетаемости слов *плоский, ровный* закончится. Все остальные варианты естественной сочетаемости слова *flat* непредсказуемы, их можно только отдельно специально заучивать: *спущенная шина — a flat tyre, туфли без каблука — flat shoes, мелкая кастрюля — a flat pan, расстроенная скрипка — a flat violin, батарейка села — the battery is flat*. Обе стороны этих пар — и русская, и английская — представляют собой образцы сочетаемости соответствующих языков, обе требуют специального внимания, отдельного заучивания и осложняют общение.

Лексико-фразеологическая сочетаемость — это колючая проволока, натянутая поверх языкового барьера, чтобы сделать его еще неприступнее.

Яркий пример опасностей, вызванных неосознанием устойчивой сочетаемости в сфере научной терминологии, приводит Наталья Шахова:

> «...Даже если неспециалист за счет здравого смысла и хорошего знания грамматики разберется в совершенно новой для себя ситуации, то не зная нужной терминологии, он не сможет передать свое понимание читателю-специалисту. И последствия при этом могут быть самыми плачевными. Ведь если "hard disk" при переводе назвать вместо "жесткого" "твердым диском", то это всего лишь вызовет улыбку, но если в алгебраической статье перевести "prime ring" словами "примарное кольцо", а не "первичное", то это (поверьте мне на слово!) сделает неверным утверждение

теоремы, поскольку "примарное кольцо" тоже есть, но соответствует английскому "primary ring"»[9].

Наиболее распространены ошибки в переводах словосочетаний с родного языка на иностранный. В этом случае обычные словари, дающие значение слова, но не его сочетаемость, не только не помогают, но и запутывают пользователя, создающего переводные сочетания по образцам родного языка. Ошибка заключается в том, что, вместо того чтобы искать эквивалентное словосочетание в языке иностранном, переводят слово за словом.

Работать над собой — to work at oneself (вместо to develop one's abilities)
Создавать комиссию — to create a commission (вместо to set up…)
Государственные работники — state workers (вместо state officials)
Крытая арена — closed arena (вместо canopied…)
Посещать уроки — to visit lessons (вместо to attend classes)
Опера, написанная Моцартом — an opera written by Mozart (вместо composed by Mozart)
Представлять на рассмотрение — to set for consideration (вместо to submit to consideration)
Бег с препятствиями — running with obstacles (вместо steeplechase)
Наша страна — our country (вместо this country)
Постоянное место жительства — constant residence (вместо permanent residence)
Простое совпадение — simple coincidence (вместо mere coincidence)
Ошибки повторяются — mistakes repeat themselves (вместо mistakes recur)
У него золотые руки — He has golden hands (вместо he has golden fingers)
Требует усилий со стороны переводчика — requires efforts on the side of an interpreter (вместо on the part of…)
Мыть голову — to wash one's head (вместо *to wash one's hair*)
Легкая атлетика — light athletics (вместо track-and-field athletics)
Хоккей на траве — grass hockey (вместо field hockey)

Аналогичные ошибки встречаются при переводе с английского языка на русский.

Лебеди-кликуны летят в Исландию, за арктический круг (вместо *полярный круг*) [передача BBC-Wildlife на русском языке].
Япония — страна распустившейся вишни (вместо *цветущей вишни*) [телевизионная передача].

Госпожа Г., первая скрипка Кёльнского оркестра радиовещания, всегда успешно справлялась с поставленными перед ней артистическими задачами (вместо *художественными задачами*).
«…Шофер, человек с большими моржовыми усами, казался угрюмым» (вместо *с усами, как у моржа*) [Розамунда Пилчер. В канун Рождества. М., 2002. Rosamunda Pilcher. Winter Solstice].
I am out of the question — Вопрос не во мне (вместо *обо мне и речи быть не может*) [английский фильм «Мэнсфилд Парк» по роману Дж. Остин].
В. В. Путин в своей речи на Совещании ректоров говорил о «*дефиците кадров в сфере государственных и публичных услуг*». Публичные услуги — не очень удачное словосочетание, что лишний раз показывает, насколько трудной, сложной и тонкой является проблема лексической сочетаемости не только для иностранцев, но и для носителей языка, даже вполне грамотных и образованных.

И, наконец, в качестве оптимистической концовки — пример абсолютно правильного перевода словосочетания, когда одно и то же русское прилагательное *вечный* передано двумя различными английскими эпитетами — в соответствии с сочетаемостью существительных *beauty* и *land*:

Вечная красота вечной земли — the timeless beauty of an eternal land [Юлия Марьяшкина. Страна говорящих камней. АЭРОФЛОТ, октябрь–ноябрь 1998].

В этом случае отличный переводчик справился с военными уловками иностранного языка, и «победила дружба».

4. «Ложные друзья»

Еще одна коварная западня, еще один прием «войны» языка против «чужих» и в защиту «своих».

В лингвистической литературе есть такое понятие, как «ложные друзья переводчика» (калька с французского языка «faux amis du traducteur»). Так называют слова, которые выглядят обманчиво знакомыми, фонетически и/или орфографически близкими или идентичными словам и выражениям родного языка, но отличающиеся от них либо значением (полностью или частично), либо коннотациями. Однако, поскольку обманчиво знакомые слова обманывают не только переводчиков, можно назвать это языковое явление просто: «ложные друзья».

В метафорике военных действий вспоминается Иван Сусанин.

Вот как описала мне моя молодая коллега визит своей бабушки в Украину (да-да, это не описка, сейчас нужно говорить ***в*** Украину, а не ***на*** Украину, потому что последнее – политически некорректно и умаляет государственный статус Украины: со всеми остальными странами ***в***, зна-

[9] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr / 20000328_shahova.html, с. 3.

чит и с Украиной, как со всеми. И артикль, всегда стоявший перед словом в английском языке *the Ukraine* больше не употребляется как политически некорректный — по той же причине).

Итак, бабушка в Украине пошла в магазин и спросила, есть ли перчатки. Продавщица ответила по-украински, что есть, но только «чоловічьи». Бабушка испугалась: *Как это человечьи?* — и решила, что продавщица над ней издевается. А чоловік — по-украински не только человек, но и мужчина, что очень политически некорректно, прямо как в английском языке. Учились бы у русского языка: человек — это человек, женщина — тоже человек, потому что для мужчины — свое отдельное слово. Очень культурно и политкорректно. А перчатки были только мужские, и продавщица не издевалась, но «ложный друг» оказался непреодолимым препятствием.

На другой день та же бабушка пошла бутылки сдавать, а приемщица ее спрашивает: «У Вас богато?», что значит «У Вас много?» Нормальный, вполне законный вопрос, но бабушка возмутилась, сказала, «Какое Вам дело, богаты мы или нет!» и ушла расстроенная. Украина ей не понравилась, а виноват был только языковой барьер и коварные «ложные друзья».

Про английское слово *nationality* много писали как о «ложном друге»[10]. Как понять в японской визовой анкете графу *former nationality*, которая идет сразу за *nationality*? Как может быть у человека «бывшая/предыдущая национальность»? В другом мире, в другой инкарнации, что ли? *Национальность* не может быть бывшей, а *nationality* как *гражданство* вполне может быть. И *address* тоже ложный друг *адреса*, так как включает в себя только улицу и номер дома, квартиры, да и то в обратном порядке: сначала дом — квартира, потом улица. А город и страну — не включает, это отдельная новая строка в анкете. А выглядит все обманчиво похоже.

[10] См. *С. Г. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004, с. 75–79.*

Английское слово *nationalism* пишется точно как русское *национализм*, только латинскими буквами. Однако нужно быть с ним осторожными — оно «ложный друг», и все словари современного английского языка определяют его как патриотическое стремление добиться независимости своей страны или народа. То есть там, где у нас большой минус, в английском языке большой плюс. То же самое относится и к словам *nationalist* и *националист*.

«Ложные друзья» — трудность гораздо серьезнее и неприятнее безэквивалентной лексики, всех этих *мачете* и *матрешек*.

Английское слово *ideology* и его русский «друг» — *идеология* различаются коннотациями: английское слово имеет явно выраженный (отмеченный словарями) негативный оттенок.

«Слово *professionals* может означать не только *профессионалов, людей занимающихся чем-либо профессионально*, но и *лиц свободной профессии или интеллигентного труда*, поэтому при переводе важно учитывать контекст, чтобы не допустить ошибки…

…Хорошо известны следующие примеры: перевод английских слов *dramatic, routine, academic* как *драматический, рутинный* и *академический* соответственно. В переводах часто появляются *драматические изменения* вместо *значительные, огромные изменения, рутинный отчет* вместо *стандартный отчет*; *revolutionary changes* — *революционные изменения* (вместо *существенные* или *радикальные изменения*); *marginally larger* — *маргинально больше* (вместо *немного больше*) и т. п.»[11].

[11] *М. В. Умерова. Указ. соч., с. 45.*

Название *Государственный музей-заповедник Кижи* было переведено с помощью очень ложного друга: *State Air-Open (так! — С. Т.) Museum Preservative Kizhi.*

К «ложным друзьям» относят также устойчивые словосочетания и фразеологизмы, близкие по структуре, по лексическому составу, но имеющие разные значения. Иногда их называют псевдосинонимы. Например:

To keep one's head [сохранить хладнокровие] # *To keep up one's head* [не падать духом, не вешать нос]
To lose one's head [потерять контроль над собой] # *To lose one's mind* [сойти с ума, потерять рассудок]
To wash one's hair [мыть голову] # *To wash one's head* [«освежить мозги» выпивкой]

К этой же категории «ложных друзей» можно отнести и такие выражения, которые, исходя из их лексического состава или образности, могут быть осмыслены как противоположные по значению, каковыми они на самом деле не являются (псевдоантомимы); *absence of mind* [*рассеянность*] # *presence of mind* [*присутствие духа*]; *in low water* [*страдать от безденежья, сидеть на мели*] # *in deep water* [*в затруднительном положении*]; *find oneself* [*очутиться, оказаться*] # *lose oneself* [*затеряться, погрузиться*]; *snap to it* [*давай, жми!*] # *snap out of it* [*освободиться, избавиться*].

Все перечисленные выше трудности, ловушки, препятствия на пути поиска преодоления языковых и культурных барьеров, мешающих единству людей, относятся к категории **собственно языковых**. Это язык своими силами защищает себя и идентичность созданной им нации от пришельцев, захватчиков, оккупантов, не разбирая, кто друг и пришел дружить, делиться, обмениваться, а кто — враг и хочет украсть, испортить, обмануть, ограбить, убить.

Однако, наряду с собственно языковыми факторами, есть еще и внеязыковые, экстралингвистические аспекты использования языка как средства общения.

Язык неотделим от Человека, его носителя, пользователя, одновременно хозяина и слуги. Человек же неотделим от окружающего его мира, продуктом и пользователем которого он является. Соответственно, язык неотделим от Человека, его внутреннего мира и мира внешнего, реального. Язык отражает этот мир и формирует Человека, а через него — и мир, его окружающий.

Основная и очевидная связь языка с внеязыковой реальностью осуществляется через лексику, через **значение** языковых единиц, из которых главная — это **слово**.

Значение — это нить, связывающая мир языка с миром реальности, или тропинка, соединяющая эти миры.

Значение родного слова ведет в родной мир, в свою картину мира, отраженную языком и навязываемую всем его носителям. Значение иностранного слова ведет, соответственно, в иностранный мир, чужой и чуждый, в чужую и чуждую культуру в самом широком, антропологическом смысле этого слова.

Это положение хорошо иллюстрирует писатель Андрей Макин, неоднократно цитированный. Б и л и н г в, с детства владеющий французским языком своей французской бабушки и русским — языков родины, он был м о н о к у л ь т у р е н, так как вырос в культуре российской глубинки. Для таких, как Макин, тропинки значений обоих языков ведут в один и тот же мир, в его случае — русский. В своем романе «Французское завещание» он раскрывает процесс своего познания единого русского мира через два разных языка, растущее с годами недоумение, неудобство, осознание своей раздвоенности, непохожести на окружающих его людей, у которых один родной язык, одна родная культура, один родной мир.

С возрастом герой романа ощущает все больше неудобств от двойного видения мира, от раздвоения личности, от постоянного своеобразного конфликта языков внутри одной культуры.

Так, в его сознании происходит столкновение двух разных образов при употреблении русского слова *царь* и французского заимствования из русского языка — *tsar*. Слова абсолютно эквивалентны в языковом плане, но за русским словом стоит кровавый тиран Николай II из советского учебника русской истории. Французское же слово вызывало у мальчика ассоциации с элегантным молодым царем Николаем II и его красавицей-женой, приехавшими в Париж на закладку моста Александра III, с атмосферой праздника, балов и банкетов в честь августейшей пары, то есть тот образ, который был создан рассказами французской бабушки.

Именно на слове *царь* герой романа Макина осознает свою «особенность», отличность от окружающих, в частности от агрессивных и ненавидящих его товарищей по школе.

> «Вопрос, на первый взгляд, был очень простым: «Ну да, я знаю, это был кровавый тиран, так сказано в нашем учебнике. Но что тогда делать с тем свежим, пахнущим морем ветром, который веял над Сеной, со звучностью уносимых этим ветром стихов, со скрипом золотой лопатки по граниту – что делать с тем далеким днем? Ведь я так пронзительно чувствую его атмосферу!»
>
> Нет, я вовсе не собирался реабилитировать Николая II. Я доверял своему учебнику и нашему учителю. Но тот далекий день, тот ветер, тот солнечный воздух? Я путался в бессвязных размышлениях, полумыслях, полуобразах. Отталкивая расшалившихся товарищей, которые осыпали и оглушали меня насмешками, я вдруг почувствовал к ним жуткую зависть: «Как хорошо тем, кто не носит в себе этот ветреный день, это прошлое, такое насыщенное и, судя по всему, бесполезное. Смотреть бы на жизнь единым взглядом. Не видеть так, как вижу я…»
>
> Последняя мысль показалась мне такой диковинной, что я перестал отбиваться от зубоскалов и обернулся к окну, за которым простерся заснеженный город. Так, значит, я вижу по-другому? Что это — преимущество? А может, ущербность, изъян? Я не знал. Но решил, что двойное видение можно объяснить моим двуязычием — в самом деле, когда я произносил по-русски «царь», передо мной возникал жестокий тиран; а французское *«tsar»* наполнялось светом, звуками, ветром, сверканьем люстр, блеском обнаженных плеч — неповторимым воздухом нашей Атлантиды. И я понял, что этот второй взгляд на вещи надо скрывать, потому что у других он вызывает только насмешки»[12].

[12] А. Макин. Французское завещание. Пер. Ю. Яхниной и Н. Шаховой // Иностранная литература, 1996, № 12, с. 36.

Огромную, «непереводимую» разницу этих двух языков раскрывает одна лишь фраза, сказанная мимоходом его французской бабушкой Шарлоттой (следовательно, по-французски) в ответ на вопрос о судьбе президента Франции начала XX века: *«Le President est mort a l'Elysee, dans les bras de sa maitresse, Marguerite Steinheil…* [*Президент умер в Елисеевском дворце в объятиях своей любовницы, Маргариты Стенель…*]. Оказалось, что эту фразу нельзя «перевести» на русский язык, потому что за ней стоит совершенно иная — не русская — культура.

> «Феликс Фор… Президент Республики… В объятиях любовницы…» Атлантида — Франция, больше чем когда бы то ни было, представала передо мной terra incognita, где наши русские понятия уже не имели хождения.
>
> Смерть Феликса Фора заставила меня осознать мой возраст: мне было тринадцать, я догадывался, что означает «умереть в объятиях женщины», отныне со мной можно было говорить на эти темы. Впрочем, смелость и полное отсутствие ханжества в рассказе Шарлотты подтвердили то, что я уже и так знал: Шарлотта не была такой, как другие бабушки. Нет, ни одна русская бабуля не решилась бы вести со своим внуком подобный разговор. В этой свободе выражения я предощущал непривычный взгляд на тело, на любовь, на отношения мужчины и женщины — загадочный «французский взгляд».
>
> Утром я ушел в степь один, чтобы в одиночестве поразмыслить об удивительном сдвиге, который произвела в моей жизни смерть Президента. К моему великому изумлению, по-русски сцена плохо подавалась описанию. Да ее просто нельзя было описать! Необъяснимая словесная стыдливость подвергала ее цензуре, странная диковинная мораль оскорбленно ее ретуширо-

вала. А когда наконец слова были выговорены, они оказались чем-то средним между извращенной непристойностью и эвфемизмом, что превращало двух возлюбленных в персонажей сентиментального романа в плохом переводе.

«Нет, — говорил я себе, лежа в траве, колеблемой жарким ветром, — умереть в объятиях Маргариты Стенель он мог только на французском…»[13].

[13] *А. Моким.* Указ. соч., с. 52.

Те трудности общения на иностранном языке, которые связаны с культурным фоном языка, с оттенками значений, напрямую обусловленными культурой, можно назвать культурно-языковыми. В таких случаях и языковой и культурный барьеры держат двойную оборону, — иногда явно, чаще тайно, — и поэтому их преодоление требует особых усилий.

Глава VI
Союз нерушимый языков и культур Враг не пройдет

Мысль изреченная есть ложь.
Ф. И. Тютчев

Очевидные культурно-языковые трудности

Безэквивалентная лексика

Самая яркая иллюстрация различия миров, отраженных разными языками, принадлежащими разным народам, — это так называемая безэквивалентная лексика.

Действительно, различия в реальном мире, окружающем разные народы, приводят к образованию в каждом языке некоторого слоя лексики, обозначающего предметы и явления действительности, специфические только для данной языковой общности и поэтому не имеющие эквивалентов в других языках. Иностранец, изучающий русский, не поймет значения таких слов, как *самовар, большевик, матрешка*, если не сталкивался со стоящими за ними предметами или явлениями. И русский человек, встретив слово *мачете*, заимствованное из испанского языка, не поймет его значения без специальных разъяснений, так как в России нет ни сахарного тростника, ни, соответственно, ножей для его рубки.

Перевод безэквивалентной лексики представляет определенные трудности. Один из наиболее распространенных его видов — заимствование с комментариями в форме внутреннего перевода.

Грубые, нелепые ошибки часто связаны с переводом слов, которые обозначают предметы или явления, не известные носителям языка перевода, отсутствующие в их социокультурном опыте.

Так, вопрос о шоколадке «Марс» *What is Mars really like?* российские студенты 1960-х годов переводили как *Есть ли жизнь на Марсе?*, поскольку конфеты с таким названием тогда не существовали (из материалов проф. Л. В. Полубиченко).

В американском фильме девушка предлагает герою на завтрак кукурузные хлопья: *Cereals?* Перевод за кадром: *Сюрреализм*, — и девушка насыпает хлопья в тарелку. 15 лет назад, когда этот фильм показывали по нашему телевидению, в нашей жизни не было хлопьев на завтрак.

Boxing day переводится иногда как день бокса, поскольку в нашей культуре нет представления о следующем дне после Рождества, когда открывают коробки с подарками.

В американском английском много слов и выражений из терминологии бейсбола, который в нашей стране практически не известен, что создает трудности в общении с американцами.

К безэквивалентной лексике следует отнести национальные фразеологизмы, крылатые выражения, литературные аллегории.

Словацкий русист Йозеф Сипко из Прешовского университета сетовал в своем докладе на Конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе, что аллюзии и реминисценции, широко используемые сейчас (часто в деформированном виде) в газетных заголовках (такие, как «Ты все пела...», «А вы, друзья, как ни садитесь, все в диссиденты не годитесь» и т. п.) при переводе на словацкий язык умирают[1].

Такие английские выражения, как фразеологизм *keep your fingers crossed*, связанные с отсутствием в русской культуре обычая скрещивать средний и указательный пальцы, чтобы пожелать кому-то успеха, также могут быть отнесены к безэквивалентным, поскольку у нас такого обычая не существует. Нет реалии — нет словарного выражения.

[1] *Й. Сипко.* Этнокультурные коды языковых реминисценций и проблемы их перевода. IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Братислава, 1999.

Скрытые культурно-языковые трудности

Итак, за словами разных языков — разные миры. Слова — как вуаль над реальной жизнью, некая паутина, занавес. Главная задача пользующегося иностранным языком — не забыть заглянуть за вуаль, за занавес слов, понять, куда, в какую внеязыковую реальность ведут тропинки значений слов.

Особенно ярко это проявляется в практике перевода. Переводчик переводит не слова, он должен «перевести» миры, слить их. Никогда миры не подходят так близко друг к другу, никогда они не связаны так тесно, как при переводе.

В этой связи стоит привести слова замечательного русского лингвиста академика О. Н. Трубачева, так определившего свою задачу перевода этимологического словаря Макса Фасмера с немецкого на русский (160 печатных листов!): «Доставляло истинное удовольствие переодевать труд Фасмера по-русски. Задача понималась так, что нужно было не только перевести немецкие партии текста (читай — слова. *С. Т.*), но и привести все целое в соответствие с современным русским советским узусом (культурно-языковой контекст...».

1. Обманчивая эквивалентность

Итак, процесс общения на разных языках, сложнейший творческий процесс соединения разных миров, культур, менталитетов, нельзя свести к изучению грамматики и значений слов с целью замены слов одного языка на «эквивалентные» по значению слова другого языка.

Слово «эквивалентные» приходится ставить в кавычки, поскольку слова могут быть эквивалентны при условии эквивалентности миров, связанных с ними через значение слов. Но миры очень различны (внешние, окружающие человека, и — особенно! — внутренние, то есть взгляды разных народов на мир), различно мировоззрение, различен образ жизни, различны картины, созданные разными языками. Таким образом, вопрос об эквивалентности сомнителен и условен.

Соответственно, мы подходим к самому трудному препятствию — к объединенным оборонным усилиям языка и культуры; к необходимости преодолеть уже не один барьер — языковой, но два, слившиеся воедино: языковой и культурный.

Это препятствие — **обманчиво эквивалентные слова разных языков**. Их обманчивость глубоко спрятана и заключается в том, что они принадлежат к разным, далеко не эквивалентным мирам, речевым коллективам и их культурам.

Возьмем, к примеру, английское слово *home* и его русский эквивалент *дом*. Как известно, семантика русского слова *дом* включает два английских слова *home* и *house*. *Home* (в отличие от *house* — *дом как жилище, постройка*) обозначает *дом как домашний очаг, семья* (известный пример, объясняющий разницу: *They have a beautiful house but it doesn't feel like home* [*У них прекрасный дом, но чувствуешь себя там как-то неуютно*][2]. Или популярная в Британии реклама вещей для дома: *Make your house a home* — что-то вроде: *Сделайте Ваш дом уютным*. В обоих языках много поговорок и пословиц, воспевающих родной дом: *Home, sweet home; East or West home is best* [*В гостях хорошо, а дома лучше; дома и стены помогают*].

Однако в плане культурном отношение к дому/*home* у русских и американцев различное. Русские — домоседы, для них родной дом — это место, где родился и вырос, или там, где живешь долго, создал семейный очаг, пустил корни. Для американцев же характерна быстрая и частая смена «домов»: они переезжают с места на место много раз в течение жизни, и это нормально для их образа жизни.

Разумеется, русские тоже переезжают — в силу обстоятельств, но отношение и к дому, и к разлуке с ним совершенно иное.

У англичан понятие родного дома, как и у русских, — одна из главных жизненных ценностей, но они не так сентиментальны в отношении дома и не так к нему привязаны.

[2] Elizabeth Wilson. The Modern Russian Dictionary for English Speakers. Pergamon Press, 1981.

Брюс Монк, 9 лет преподававший в Московском университете от Британского Совета, говорил нам: «Мы любим Англию, но мы можем годами путешествовать или жить и работать за границей и не страдать по поводу «разлуки с родным домом», а ваши люди, поехав в Англию на трехнедельные языковые курсы, через две недели начинают «скучать по дому». После России Брюс, блестящий преподаватель английского языка и автор школьного учебника Happy English, уехал преподавать в Японию, где работает уже тринадцатый год…

Таким образом, значения слов *home* и *дом* совпадают в том смысле, что они соотносятся с одним и тем же кусочком реальности, но культурно детерминированные понятия (концепты) того, что стоит за «вуалью слов» — различны по ряду признаков.

Итак, если принять во внимание все факторы — включая экстралингвистические, внеязыковые, лежащие за пределами языка, — определяющие реальное функционирование единиц языка в речи, то оказывается, что все (или почти все) языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определенной социокультурной общности в определенное время и в определенном месте, отражают и формируют культуру и общественное устройство этой общности и поэтому наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу оттенками значений, коннотациями и особенностями речеупотребления.

Это положение подрывает идею эквивалентности языковых единиц и раскрывает огромные скрытые трудности общения на разных языках.

И снова подтверждается мысль о том, что самые коварные обманы, ловушки, и западни языка связаны именно с понятием значения слова.

Наиболее известное определение **значения слова** — это соотношение звукового (в устной речи) или графического (в речи письменной) комплекса с предметом или явлением реальности. Иными словами, значение, как уже говорилось, это ниточка, связывающая мир языка с реальным миром. Или тропинка, ведущая из мира языка в реальный мир. И к миру реальности и, наоборот, к миру языка эта тропинка ведет не прямо, а через «засаду» из мышления, где живут обусловленные и стреноженные культурой представления и понятия о предметах и явлениях реальности. Эта засада может изменить посланную информацию, добавив/отняв оттенки, коннотации, обусловленные культурой данного народа. У каждого языка — своя засада, своя культура, он навязывает свое ви́дение мира. Поэтому значение как бы одно, то есть соотносятся слова разных языков с одним и тем же предметом реальности, но различие культур изменило ход тропинки, окрасило в другие цвета, подготовило еще одну яму-западню для пытающихся договориться.

Ситуация с понятием з н а ч е н и я слова еще более осложняется, если принять во внимание не только особенности общенациональной культуры в представлениях о «предметах мысли» (things meant), к которым ведут тропинки значений, делающие на этом пути общую для всего народа, пользующегося данным языком как средством общения, извилину или яму-западню для иностранцев, пытающихся вторгнуться в язык

и мир этого народа, но и особенности индивидуального представления об этих предметах или явлениях реального мира. Это — еще один зигзаг, еще одна извилина, но в этом случае это яма, скрытая не только от «чужих», но и от «своих» тоже, поскольку речь идет об индивидуальных оттенках значения, индивидуальных особенностях ви́дения мира.

Значение слова, так же как и культура, сочетает коллективное, национально обусловленное (навязанное) языком представление о реальном мире с индивидуальным, личным, обусловленным (навязанным) социокультурным опытом отдельного человека.

Следующая цитата отлично раскрывает и иллюстрирует это положение:

> «Многие считают, что смысл слова «значение» очевиден. Можно сказать, например, что слово «табуретка» означает стул без спинки, т. е. это слово символизирует разновидность мебели. Подобное соответствие требует отельного исследования. Действительно, каким образом слово ассоциируется с предметом?
>
> Что происходит, когда вы смотрите на табуретку? Невидимые волны, отраженные от предмета, воздействуют на зрение и вызывают появление электрических сигналов, поступающих в мозг по нервным волокнам. И то, что мы обладаем способностью видеть, является результатом функционирования не глаза, а мозга. Если оптический нерв будет оборван, то глаз становится абсолютно бесполезным. Мы «видим» нашим мозгом всего лишь часть образа реальной «физической» табуретки, и при этом весьма субъективную часть. Люди, которые создавали наш язык, не знали этого. Они «верили в то, что видели», и глаз для них был важнейшим инструментом восприятия окружающего. О том, чего глаз не мог видеть, можно было только догадываться. Но сегодня вы уже знаете, что даже самое острое зрение не способно дать информацию ни о структуре клетки, ни о пространственном расположении и движении частиц, из которых эта клетка состоит. Что еще останется «за кадром», зависит и от остроты зрения, и от ваших знаний об окружающем мире.
>
> *Примечание переводчиков:*
> *Знаменитый испанский философ Ортега-и-Гассет в эссе «Мысли о романе» так пишет об этом: «…Знание, определение предмета — всего-навсего ряд понятий, а понятие, в свою очередь, только умственная отсылка к предмету. Понятие «красный» не содержит ничего красного; это движение мысли по направлению к цвету, который так называется, т. е. его знак, указание на него».*

Представьте себе, что плотник и машинистка (у каждого стопроцентное зрение), находясь в кафе, разглядывают табуретку. Плотник обращает внимание на структуру дерева и на то, каким образом перекладина соединена с ножками. Машинистка же сов-

сем не обращает внимания на эти детали, но она увидит заусеницу, которая может повредить ее колготки и которую плотник вообще не заметит. Оба человека видели табуретку целиком, но заметили только отдельные детали. Можно сказать, что некоторые детали им не удалось зафиксировать.

...Даже простой акт рассматривания предметов совсем не прост — включается вторая сигнальная система человека, которая неизбежно влияет на формирующуюся мысленную картину. Так как действие второй сигнальной системы зависит от предыдущего личностного опыта человека, то именно поэтому плотник и машинистка видят табуретку по-разному.

Предмет, который видит машинистка, по крайней мере, слегка отличается от того, который видит плотник, потому что ее органы чувств и ее предыдущий опыт также отличны. В действительности наши нервные системы имеют и сходства и различия. И, если прошлый опыт разных людей также имеет сходство, то они могут различать предметы, которые практически одинаковы. Но даже два «одинаковых» человека не увидят абсолютно одинаковых предметов»[3].

[3] *Л. М. Майерс.* Пишем по-английски. Перевод В. В. Сидельникова, А. Н. Мамонтова // Метроном Аптекарского острова, 4/2005, СПб., с. 92–93.

Если два человека не могут видеть одно и то же одинаково, то что же говорить о целых народах?! Значит, изучая чужой язык, вторгаясь в чужой мир, нужно суметь «увидеть» не только новые, неизвестные («безэквивалентные») предметы и явления, но и — самое трудное! — «старые», «знакомые», нужно суметь понять и увидеть эти извилины и ямы-ловушки, какими бы нелепыми, чуждыми, странными и страшными они ни казались. И все это так очевидно и так невероятно...

Попробуем увидеть эти нюансы, оттенки, коннотации значений слов, обусловленные общенациональным социокультурным опытом.

Понятно, что внеязыковые, социокультурные трудности, мешающие общению на разных языках, связаны, в первую очередь, с социокультурными коннотациями слов. Поскольку это самое мощное тайное оружие языка и культуры, на нем следует остановиться подробнее.

2. Социокультурные коннотации

Имеются в виду те дополнительные оттенки значений слова, которые обусловлены особенностями культуры (культурные коннотации) и общественной жизни (идеологические, политические коннотации).

Яркий пример наличия социокультурных коннотаций представляют названия животных (зоонимы).

Хорошо известно, что в разных языках и в разных культурах названия одних и тех же животных (то есть эквивалентные по номинативному значению) имеют разные коннотации, то есть их черты и свойства оцениваются по-разному.

Так, в русском языке слово *собака* имеет обычно положительную коннотацию и символизирует преданность, трудолюбие, доброту (*предан, как собака; собака — друг человека*), тогда как в китайском образ собаки всегда отрицательный. *Заяц* ассоциируется в русском языке

и культуре с трусостью, а в китайском — с хитростью. Русская *рыбка* — добрая и могущественная, помогает героям сказок, а китайская — олицетворение глупости. Русские *баран* и *козел* — упрямые и глупые, а китайские — беззащитные, жалкие.

Казалось бы, все очень просто и понятно, но это — конфликт, война языков и культур, это ловушка, в которую попадают даже самые сильные мира сего. Во время встречи Президента России и Премьер-министра Великобритании в Петербурге в марте 2000 года В. В. Путин возмущенно сказал Тони Блэру об оскорблениях, наносимых россиянам чеченцами, и привел в качестве примера плакат, обнаруженный в чеченском лагере: «Над нами Аллах, под нами козлы». Действительно, в современном русском языке «козел» — очень распространенное грубое ругательство.

Ситуацию «смягчил» переводчик: «Above us is Allah, under us are goats». Но в английском языке слово *goat* — нейтрально (оно имеет только устаревшее значение *любвеобильный мужчина*), поэтому в английском варианте чеченцы никого не оскорбляли, а просто, живя высоко в горах, романтически констатировали, что над ними Аллах, а под ними — горные козлы. Произошел сбой коммуникации, что всегда опасно на столь высоком уровне общения.

В современном русском языке слово *козел* в применении к человеку характеризуется именно этими свойствами: широким распространением и частотной употребительностью, с одной стороны, и грубостью, вызывающей самую негативную реакцию, что можно проиллюстрировать двумя фактами из жизни современной России.

1. Широко известный анекдот:

> Приходит муж домой и говорит жене: «Напрасно новых русских ругают за грубость и бескультурие. Я сегодня переходил улицу, а водитель «мерседеса» крикнул мне из окна машины — уважительно так, на «Вы» и по фамилии: «Для Вас, Козлов, подземные переходы построили».

2. Заметка Андрея Гречанника (в газете «Комсомольская правда» 25 июля, 2007 г.) под заголовком «Чиновника оштрафовали на 42 тысячи рублей ЗА РУГАНЬ на подчиненного» о решении суда по вопросу о наказании начальника, обозвавшего сотрудника *козлом*:

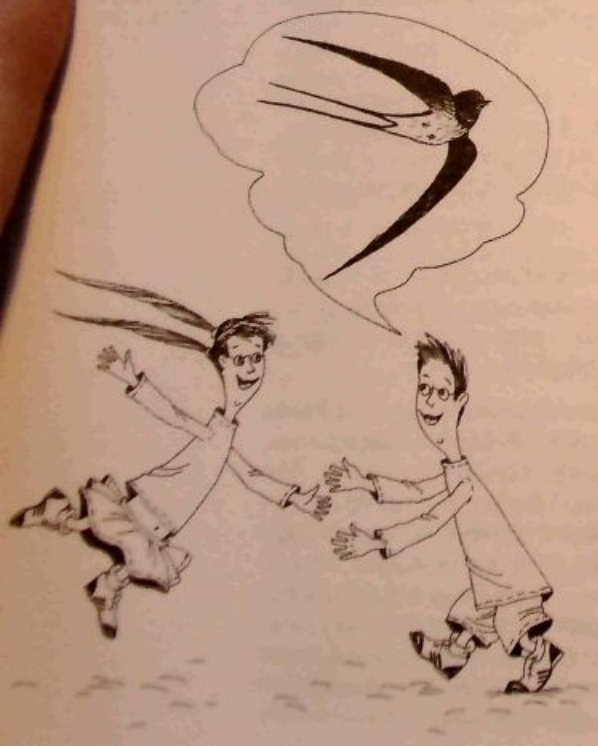
> «Мировой суд рассмотрел дело главы Калманского района Александра Перная и постановил: виноват! Виноват в оскорблении представителя власти. Значит, должен платить.
>
> Так завершилось во всех смыслах громкое дело на Алтае, начало которому было положено еще 1 декабря прошлого года. Если верить протоколам прокуратуры, тогда Александр Пернай на общерайонной планерке, видимо, желая оценить работу одного из своих подчиненных, а может быть, даже простимулировать ее, назвал главу Калманского сельсовета Владимира Никифорова «одним из сельскохозяйственных животных, имя которого носит явно оскорбительный оттенок».

На совещании присутствовали около 50 человек — руководители почти всех служб района, директора школ, сельских администраций. Выругался Пернай нецензурно, так сказать, по-мужицки. Сельский глава оскорбления не стерпел и подал заявление в прокуратуру.

...Суд поддержал Никифорова. Его обидчика осудили. Помимо штрафа в 20 тысяч рублей, с него взыскали судебные издержки в размере 7200 рублей и 15 тысяч рублей компенсации морального вреда. Итого 42 тысячи!»

Как именно обозвали пострадавшего, у читателя не вызвало сомнений, тем более что газета не поленилась и задала вопрос видным деятелям России: «А вы как сотрудников стимулируете на хорошую работу?» Приведу только один ответ — Евгения Ясина, научного руководителя Высшей школы экономики: «Стараюсь всем хорошо платить и поддерживать в коллективе «семейную» атмосферу. А «козлами» — даже публично — называю тех, кто у меня, слава богу, не работает».

А вот пример «конфликта» зоонимов на очень «низком» уровне. Маленький мальчик кричал на обидевшего его англоязычного мальчика *You are a puppy!*, «обзывал» его щенком, но английское *puppy* либо нейтрально, либо имеет ласкательный оттенок, и ссора улеглась (рассказала Ю. Собещанская).

Интересные наблюдения из той же сферы зоонимов приводит Марина Лапшина. И снова — ласточка. На этот раз — русская. Так получилось, что из известных в России птиц, пожалуй, самые нежные, трогательные чувства вызывает именно она. Подтверждением служит переносное значение слова *ласточка* в русском языке: это может быть ласкательное, приветливое обращение к близкой женщине, ребенку. О том, что образ ласточки важен для мировосприятия русского человека, говорят русские пословицы и поговорки, а, как известно, этот пласт языка фиксирует многовековой опыт жизни народа, наблюдения, оценки, согласующиеся с образом жизни и мыслями множества людей.

Вот лишь некоторые примеры из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля: *Кто при первой ласточке умоется молоком, белым будет; Гнездо ласточки разорять грех; Где ласточке ни летать, а к весне опять прибывать; Голубь и ласточка — любимые богом птицы; Благовещенье без ласточки — холодная весна* и др. Для сравнения скажем, что в английском языке только одна пословица с образом ласточки: *One swallow does not make spring*, — и слово *swallow* лишено ласкательной эмоционально-оценочной окраски. В англоязычной картине мира ласточка ассоциируется только с высокой скоростью полета, что закреплено шекспировской фразой *Do you think me a swallow, an arrow, or a bullet?*

Ласкательные нежные ассоциации связаны у англичан с другой птицей — уткой. Существительное *duck — утка* имеет переносное значение *голубушка, дорогуша*. И в этом случае перед нами снова не совпадение, и довольно существенное, двух языковых картин. Русское слово *утка* лишено ласкательных коннотаций, оно, наоборот, сопровождается довольно уничижительными коннотациями, что видно из выражений *глуп/прожорлив, как утка, ходить уточкой* (переваливающейся походкой).

Интересно задуматься над вопросом, почему такие разные ассоциации вызывают слова, обозначающие одни и те же сущности. Ответы на подобные вопросы можно найти, только обратившись к историческим, культурным, религиозным истокам. Может быть, особое отношение русских к ласточке испокон веков было связано с христианской традицией, в которой именно ласточка была той птичкой, которая кружила над головой Христа на Голгофе.

Согласно другой христианской традиции, принятой в англоязычном мире, колючку из тернового венца поднимавшегося на голгофу Христа выхватила другая птица — малиновка, по-английски *robin*. Изображение этой птицы с красной грудкой (кровью Иисуса) — неотъемлемая часть английских рождественских открыток. Таким образом, за языковой картиной всегда стоит иной культурный (в широком смысле слова) опыт[4].

К этому интересному и убедительному описанию можно добавить только одно соображение. Вероятно, позитивные коннотации слова *ласточка* в русском языке и их отсутствие у английского слова *swallow* можно объяснить также и чисто языковыми моментами: *ласточка* имеет в своем составе уменьшительно-ласкательный суффикс, а *swallow* — омоним отнюдь не ласкового, а скорее физиологического глагола *глотать*. Если бы *ласточка* называлась *глоталка*, вряд ли русский мужчина называл бы так любимую женщину.

Русское слово *курица* наделено негативными социокультурными коннотациями, так принято называть глупую, неловкую женщину (*куриный ум; глупа, как курица; мокрая курица; слепая курица*). В китайском языке курицами называют проституток. Перед словом *цзи — курица* «обычно добавляют некий эпитет для усиления степени оценки, например *е цзи* (дикая курица — уличная проститутка), *чу цзи* (цыпленок — молодая проститутка), *лао цзи* (старая курица — пожилая проститутка)»[5].

В нашей культуре дракон — это страшное, жестокое существо, убивающее все живое, поедающее прекрасных девушек, монстр, которого все боятся.

[4] *Мария Лапшина.* Что такое «языковая» картина мира? // STUDIO. СПб., 2000, № 3. Университет, с. 35–37.

[5] Цун Япин. Национально-культурная коннотативная ситуативная лексика в русском и китайском языках // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, № 1, с. 189–190.

Китайский дракон — это блистательный и могущественный властитель, это солнце, символ доброй силы.

Сказать о человеке по-русски *овца* — отнюдь не значит сделать комплимент, потому что это в нашей культуре характеризует (обычно женщину) как тупую, глупо покорную, следующую за стадом.

В китайской же культуре и, соответственно, в языке овца — символ красоты и совершенства, особенно большая и жирная: она послушная, у нее вкусное мясо, она воплощает лучшие добродетели — доброту, коллективизм, самоотверженность, скромность (по материалам доклада профессора Jia Yuxin на конференции по вопросам межкультурной коммуникации. Харбин, Китай, июль 2007).

Еще пример различий в названиях животных, обусловленный культурой. По-русски *бык* — это мощный, сильный, упрямый (*упрям/силен/здоров, как бык*) «муж коровы». Испанское слово *toro* благодаря корриде как неотъемлемой части национальной культуры превратило «мужа коровы» в бойца, героя романтического и прекрасного, которого воспевают поэты, рисуют художники, ваяют скульпторы.

В сонете Мигеля Эрнандеса борьба за любимую женщину метафорически представлена как коррида, где влюбленный мужчина погибает от женщины-тореадора.

Como el toro he nacido para el luto
y el dolor, como el toro estoy marcado
por un hierro infernal en el costado
y por varón en la ingle con un fruto.

Como el toro lo encuentro diminuto
todo mi corazón desmesurado,
y del rostro del beso enamorado,
como el toro a tu amor se lo disputo.

Como el toro me crezco en el castigo,
La lengua en corazón tengo bañada
Y llevo al cuello un vendaval sonoro.

Como el toro te sigo y te persigo
y dejas mi deseo en una espada,
como el toro burlado, como el toro.

Как toro я рожден для траура
и для горя, как toro
у меня адское клеймо,
я наделен мужским естеством.

Как toro я думаю, что оно крошечное, —
мое неумеренное сердце;

безумно в тебя влюбленный,
я борюсь за прикосновение к твоей любви —
за поцелуй — как toro.

Как toro в страданиях я закаляюсь,
мой язык окровавлен моим собственным сердцем,
и звонкая буря в моем горле!

Как toro я следую за тобой и преследую тебя,
а ты утолишь мои желания одним ударом шпаги,
и я как обманутый toro, и я как toro.

Для нас самое интересное здесь то, что мужчина сравнивается с быком корриды (он и клеймен, и страдает, и обливается кровью, и побежден тореадором-возлюбленной), но в русском тексте переводчик Л. Г. Герценберг оставил слово *toro*, снабдив сонет примечаниями: «слово *toro* оставлено в переводе из-за неуместных здесь коннотаций русского слова *бык*»[6].

Сравнение с быком и сравнение с toro — две огромные разницы, хотя собственно з н а ч е н и е этих слов — одно и то же: оба они соотносятся с одним и тем же предметом реальности.

Итак, самой коварной, трудной и опасной становится комбинация языкового и культурного барьеров, когда их представляют слова «эквивалентные», то есть имеющие одно и то же значение в разных языках и соотносимые, соответственно с одним и тем же предметом или явлением реальности.

Все приводимые выше примеры с зоонимами относились к этой последней категории: они обозначали одно и то же животное, но культурные коннотации были различными, что и приводило к сбою коммуникации, недоразумениям, конфликтам.

Такого рода примеров чрезвычайно много: скрытые силы культуры работают непрерывно, ее невидимые нити опутывают прямое, номинативное значение слова, иногда приводя — через метафору — к омониму.

Название дерева *липа* и его омонимы в значении «фальшивка», «подделка» сплелись социокультурными нитями, и дерево липа звучит негативно. Вспоминается старый анекдот советских времен. Когда Л. И. Брежнев наградил себя очередным орденом Героя Советского Союза, народный юмор немедленно отразился в следующем диалоге из серии «армянское радио».

Армянскому радио задали вопрос: «Почему, когда Брежнев надевает парадный мундир, вокруг него вьются пчелы?» Армянское радио ответило: «Липой пахнет».

Совсем не смешной, а драматический политический инцидент, который сейчас воспринимается особенно остро, описывает Наталья Шахова:

> «Еще при советской власти я была на экскурсии в небольшом закарпатском городке. В числе прочих достопримечательностей нам показали посаженное на вершине холма дерево русско-укра-

[6] Хуан де Диос Луке Дуран, Франсиско Хосе Манхон Посас. Испанский язык и национальный характер испанцев // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998, с. 96–97.

инской дружбы. К несчастью, за несколько лет до этого в дерево ударила молния (а молнии, как известно, любят ударять в одиноко стоящие на холмах деревья), но от погибшего ствола взяли отросток и посадили. Однако упрямая молния снова ударила в то же самое место, поэтому представший нашим глазам саженец имел весьма жалкий вид. С этой историей, помимо очевидных проколов физико-ботанического плана, связан еще и лингвистический конфуз (в сталинские времена все это назвали бы происками врагов народа) — в качестве дерева дружбы была выбрана липа»[7].

[7] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал (вне рубрик). www.russ.ru, 20.03.2000, с. 4.

Социокультурный образ березы — дерева, символизирующего Россию (так же как дуб — Англию, клен — Канаду, а кедр даже украшает государственный флаг Ливана), лучше всего виден в словосочетаниях узуальных, привычных, в основе которых лежит естественная связь реальных предметов мысли (things meant): *белая, нежная, родная, кудрявая береза, березка, березонька.* Для русского человека береза — это образ любимой женщины, по которой тоскуют в разлуке, которой пишут любовные стихи и песни, обнимают, «как жену чужую» (С. Есенин).

Осина в русской культуре — про́клятое, неприятное, дрожащее от своей вечной вины дерево: на осине, по преданию, повесился Иуда. Осиновым колом нужно было пригвоздить грешных покойников, чтобы перестали вставать из могил. Постоянный эпитет: *горькая осина.*

В разных культурах одни и те же представители флоры имеют очень разные социокультурные ассоциации.

Так, социокультурный образ *персика* в русской культуре — это юная свежая прекрасная девушка с нежной кожей, в то время как в Китае *персик* ассоциируется со старухой.

В русском языке сравнить мужчину с *огурцом* или *огурчиком* значит сделать ему комплимент: крепкий, бодрый, моложавый. В армянском языке уподобление *огурцу* — оскорбление для мужчины, поскольку социокультурные коннотации слова *огурец* в таком контексте — тупой, неумный, зануда.

О социокультурных коннотациях, о метафорике цветообозначений в разных языках написано очень много. Термины, обозначающие цвета, как и термины родства, — излюбленный предмет изучения и лингвистов, и культурологов. И все-таки не могу устоять перед искушением привести именно цветообозначения в качестве примеров социокультурных коннотаций — по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, несмотря на многочисленные научные труды на эту тему, в практике общения социокультурные оттенки наименований цветов — это очередная западня, очередной совместный военный оборонительный прием языка и культуры.

В культурных и языковых картинах мира — как и в любой картине — цвета играют очень важную роль, но при этом переливы их оттенков могут значительно различаться.

Во-вторых, на примере цветообозначений особенно ярко видна активная роль языка в формировании нашего восприятия мира, его власть над человеком. Мы смотрим одними и теми же органами чувств — глазами — на один и тот же кусочек реальности, видим весь спектр, но различаем только те его цвета и оттенки, которые имеют наименования в нашем языке. Иными словами, мы видим только то, что нам показывает (или — навязывает) язык: один цвет (blue — для носителей английского языка), два цвета (*синий* и *голубой* для носителей русского языка), четыре цвета (в языке хинди).

Известное изречение великого Иоганна Вольфганга Гёте: «Человек видит то, что знает», — можно модифицировать в нашем контексте: «Человек видит то, что имеет название».

Наконец, в-третьих, цветообозначения особенно хороши для иллюстрации культурных коннотаций еще и из-за их терминологического характера: термины теоретически, по определению, не должны иметь никаких коннотаций. Действительно, ведь по своему номинативному значению названия цветов — это физические термины, регистрирующие отдельные участки спектра. Словари определяют их через соотнесение с окраской реальных природных предметов или явлений.

«Белый — 1. Цве́та снега или мела» *(С. И. Ожегов).*
«Черный — 1. Цве́та сажи, угля» (там же).

Может возникнуть вопрос: а как же с физикой? Как английский язык передает цвета спектра, в которых присутствуют и голубой, и синий (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый)? Не может же у них быть в спектре 6 цветов из-за «нехватки» слова. С физикой в английском языке все в порядке, в спектре 7 цветов: red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet. То есть *голубой* —это

blue, а наш *синий* — это их *indigo*, который определяется разными словарями как *deep blue, blue-violet, dark blue-purple*.

Как уже говорилось, язык способен описать все, даже если в его запасах отсутствуют те или иные конкретные лексические единицы.

Однако важнейшая роль цветообозначений, расцвечивающих яркими красками и языковую, и культурную картины мира, обусловлена не их номинативными, терминологическими значениями, а культурными коннотациями, о которых и идет речь в данном разделе.

И уж что касается социокультурных коннотаций, то здесь (используя подходящую метафору) такая пестрая палитра красок! Итак, социокультурные коннотации цветообозначений в разный языках[8].

[8] Материалы китайского языка — из личного общения с кандидатом культурологии *Цао Юнцзе*, а также из магистерской диссертации Би Юэ (факультет иностранных языков МГУ): Speech Activity as Cultural Phenomena. Речевая деятельность как феномен культуры: концепция речевого поведения в национально-культурном аспекте. МГУ, 2004.

Черный и Белый

В цветовой гамме культурной и языковой картин мира, созданных русским и английский языком, эти цвета играют очень важную роль.

Номинативное значение слова *белый* — цве́та снега или мела *(С. И. Ожегов)*; *white* — of the colour of fresh snow or common salt or the common swan's plumage [*белый* — цве́та свежего снега, обыкновенной соли или обычного оперения лебедя] (The Concise Oxford Dictionary).

Номинативное значение слова *черный* — цве́та сажи, угля, противоположное — белый *(С. И. Ожегов)*; *black* — opposite to *white*, — colourless from the absence or complete absorption of all light [*черный* — противоположный *белому* — бесцветный из-за отсутствия или полного поглощения света] (The Concise Oxford Dictionary).

Оба цвета представляют собой определенное физическое явление реального мира. Например, они могут характеризовать платье: *a black dress, черное платье* обозначает платье черного цвета, а *a white dress, белое платье* определяет цвет платья как цвет снега, соли, оперения лебедя.

Однако в обеих культурах черный цвет ассоциируется с трауром (известно, что во многих восточных странах цвет траура — белый), поэтому черное платье может быть либо траурным, либо официальным вечерним нарядом. Если в художественном произведении появляется ребенок в черном, значит, в его семье кто-то умер, потому что одежды черного цвета в наших культурах дети не носят. И поэтому героиня известной детской повести Э. Портер «Поллианна», приехавшая вскоре после смерти отца в новую семью в красном платье, торопится объяснить, почему она не в черном:

> *«I ought to have explained before. Mrs. Gray told me to at once — about the red gingham dress and why I am not in black. She said you'd think it was queer. But there weren't any black things in the last missionary barrel. Part of the Ladies' Aid wanted to buy me a black dress but the other part thought the money ought to go towards the red carpet for the church»* [*Мне надо было раньше объяснить это. Миссис Грей велела мне сразу это сделать — о красном льняном платье, мол, почему я не в черном. Она сказала, что это может показаться странным. Но в последней посылке от миссионеров не было ничего черного. Часть общества женской помощи хотела купить мне черное платье, но другая часть полагала, что деньги должны пойти на красный ковер для церкви*].

Белое платье обычно в обеих культурах носят юные девушки, это символ невинности, свадебный наряд. Пышное белое платье обычно «выдает» невесту — это культурный знак бракосочетания.

Чтобы осознать все культурные оттенки такого простого сочетания слов, как *белая скатерть*, *white tablecloth*, надо представить себе черную *скатерть*, *black tablecloth*, что достаточно трудно сделать: для обеих культур это искусственное словосочетание, поскольку за ним не стоит «кусочек реальности». *Белая* же скатерть, *white tablecloth* — признак торжественного, парадного события.

Сочетания слов *black* и *white* со словом *man* в значении «человек» заслуживают специального рассмотрения. Социокультурная обусловленность словосочетания *white man* проявляется в его специфической семантике. *White man* — это не просто «человек с белой кожей, представитель белой расы». В следующем контексте *white men* предполагает, по-видимому, только американцев, хотя с антропологической точки зрения испанцы и мексиканцы также являются представителями «белых»:

> *And sometimes her husband brought visitors, Spaniards or Mexicans or occasionally white men* (D. H. Lawrence) [*Иногда ее муж приводил гостей, испанцев или мексиканцев, а порой и белых* (Д. Г. Лоуренс)].

Не случайно и то, что в обществе белых, заявляющих о превосходстве своей расы над другими, данное словосочетание приобрело значение «порядочный, приличный, благовоспитанный человек», в то время как словосочетание *black man* имеет определенный отрицательный оттенок и синонимично со значениями «дьявол», «злой дух», «сатана». Сравним отрывки:

> *The whitest man that ever lived, a man with a cultured mind and with all the courage in the world* (T. Hardy) [*Самый порядочный из всех людей, когда-либо живших на свете, самый образованный и самый отважный* (Т. Гарди)].
>
> *Sit down and tell me about your sister and Jon. Is it a marriage of true minds? — It certainly is. Young Jon a pretty white man* (J. Galsworthy) [*Сядь и расскажи мне о своей сестре и о Джоне. Это союз верных сердец? — Конечно же. Молодой Джон — вполне порядочный человек*. (Дж. Голсуорси)].
>
> *Rich as Croesus and as wicked as the black man below* (G. Meredith) [*Богат, как Крез, зол, как дьявол внизу* (Дж. Мередит)].

Для английского языка вообще характерно традиционное соотнесение черного цвета с чем-то плохим, а белого — с хорошим, причем под влиянием американского варианта английского языка оно получило в британском дополнительную актуализацию. Поэтому атрибу-

тивные словосочетания с прилагательным *black* часто имеют негативные коннотации, а прилагательное *white*, как правило, входит в состав словосочетаний, имеющих положительные оттенки значения.

Действительно, *black sheep* (черная овца), *black market* (черный рынок), *blackmail* (шантаж; букв. черная почта), *Black Gehenna* (черная геенна), *black soul* (черная душа) — во всех этих случаях *black* ассоциируется со злом; к тому же это цвет траура, цвет смерти: *black dress* (черное платье), *black armband* (черная нарукавная повязка). Напротив, *white* — цвет мира (*white dove* — белый голубь, символ мира), цвет свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого. Ср. у Уильяма Блейка в стихотворении «The Little Black Boy» [«Черный мальчик»]:

And I am black but Oh, My soul is white [Я черный, но душа моя бела (пер. С. Степанова)].

Даже когда *white* сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, *white* смягчает, облагораживает негативное значение последнего: *white lie — ложь во спасение*, морально оправданная ложь (ср. русское *черная зависть — белая зависть*).

Вообще метафоры белого и черного цветов в русском языке в большинстве случаев совпадают с английским: *черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг*. Интересно культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное *на черный день*, а англичане — на дождливый: *against a rainy day*.

Специфика употребления словосочетаний *white man* и *black man* в наши дни неожиданно получила весьма острое звучание. В связи с растущей ролью английского языка как международного языка-посредника, а также с освобождением народов Африки от колониализма и ростом их самосознания, специфическая метафорика черно-белых обозначений привлекла к себе пристальное внимание африканцев. Как указывает Али Мазруи, автор работы «Политическая социология английского языка», африканская общественность озабочена «пережитком расизма в современном английском языке» — тем, что, употребляя слово *black* с отрицательными коннотациями, а *white* — с положительными, говорящий не осознает «уходящей корнями в прошлое расистской традиции, которая ассоциирует черное с плохим, а белое с хорошим»[9].

Али Мазруи связывает эту традицию с распространением христианства, изобразившего дьявола черным, а ангелов белыми. Он приводит многочисленные примеры из Библии и классической английской литературы, которые задевают достоинство чернокожих и поэтому представляют особые сложности при переводе на африканские языки. Так, Порция в «Венецианском купце», обсуждая претендентов на ее руку, среди которых, помимо английского барона, немецкого герцога, французского вельможи, был принц из Марокко, категорично заявляет: *«If he have the condition of a saint and the complexion of a devil, I had rather he should shrive me than wive me»* [*Будь у него нрав святого, а лицо дьявола, так лучше бы он меня взял в духовные дочери, чем в жены* (пер. Т. Щепкиной-Куперник)]. Африканский переводчик был вынужден заменить *цвет лица (complexion)* на *лицо*, чтобы избежать обидного намека на цвет кожи.

[9] *A. A. Mazrui.* The Political Sociology of the English Language. Mouton. The Hague, 1975, p. 8.

По мнению автора исследования, необходимо срочно принять какие-то меры в отношении метафорики цветообозначений в современном английском языке, поскольку он является наиболее законным и вероятным кандидатом на универсальное применение, а черные естественные носители этого языка, по-видимому, в ближайшее время количественно превзойдут белых носителей.

В китайском языке и культуре слово и понятие *черный* имеют два разных набора социокультурных коннотаций: 1. Серьезный и справедливый. Например, *Чернобородый Баогонг* — воплощение строгого, но справедливого судьи. Он накажет любого, кто нарушит закон. 2. Злой, тайный, нарушающий законы. *Черное сердце* — злой, жестокий человек; *черный занавес* — тайная, скрытая информация. *Черный список* совпадает по значению с русским словосочетанием.

Слово *белый* в китайском языке имеет ограниченное речеупотребление — в первую очередь из-за культурных коннотаций: это цвет траура, смерти, похорон. Соответственно словосочетания с прилагательным *белый* (как в нашей культуре со словом *черный*) часто имеют негативную окраску:

Белый человек — 1) неграмотный, простой (в уничижительном смысле слова) человек, 2) идиот.

Белая еда — дармовая еда, полученная попрошайничеством.

Белый взгляд — надменный, высокомерный взгляд.

Красный

Русское слово *красный* многозначно, оно имеет, согласно академическому Словарю русского языка 1986 года издания, семь значений:

1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвéта крови.
2. Относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с советским строем, с Красной Армией.
3. Красивый, прекрасный.
4. Радостный, счастливый.
5. Ясный, яркий, светлый.
6. Почетный, парадный.
7. Составная часть некоторых ботанических и зоологических названий.

Культурные коннотации ярко выраженного позитивного характера представлены в значениях 3, 4, 5, 6. Переносное значение *красный* как связанный с советским строем возникло на базе ассоциаций с красным флагом. Сейчас это уже исторический термин. Социокультурные коннотации слова *красный* могут быть показаны на примере стихотворения Николая Асеева «Кумач». Именно в художественном тексте,

ориентированном на эмоционально-экспрессивные реакции говорящего или слушающего, слово раскрывает свои семантические потенции, «обрастает» новыми оттенками — коннотациями, развивает новые значения, полифонически играет сразу несколькими и таким образом представляет собой некий семантический аккорд.

Уже в первой строфе стихотворения Асеева это слово встречается в шести словосочетаниях:

Красные зори,
Красный восход,
Красные речи,
У Красных ворот,
И красный,
На площади Красной,
Народ.

Сочетания *красные зори*, *красный восход* относятся к вполне обычным, узуальным, часто воспроизводимым, однако в контексте художественного произведения в них реализуются одновременно по крайней мере три из семи значений слова *красный*, зарегистрированных в академическом издании Словаря русского языка (М., Русский язык, 1986): «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; «цвета крови», «красивый, прекрасный», «ясный, яркий, светлый», — а может быть и четвертое — «радостный, счастливый». Словосочетание *красные речи* — оригинально, ново, это, в отличие от *красных зорь*, индивидуальное творчество автора. В нем на первый план выступает значение «революционный, связанный с советским строем», однако одновременно присутствуют, несомненно, и значения «радостный, счастливый, красивый, прекрасный», и даже, возможно, «парадный, почетный». В творческом, индивидуально-авторском словосочетании *красный народ*, венчающем строфу, реализуются все значения слова *красный*, к этому приводит постепенное усиление полифонии — от «обычных», клишированных, используемых в названиях колхозов, фабрик, пионерских лагерей и т. п. *красных зорь* до уникального и необычного *красного народа*.

Более того. В контексте художественного произведения под влиянием искусного обыгрывания слова *красный* даже составные географические названия — термины *Красные ворота*, *Красная площадь*, — опять же по определению лишенные всяких коннотаций, оживают, звучат полифонично, реализуя и старые значения «красивый», «праздничный», и новое «революционный».

Все сказанное верно в отношении восприятия данного стихотворения теми, кто был (или есть) на стороне «красных».

В восприятии же сторонников «белых» — и тогда и сейчас — во всех этих словосочетаниях на первое место выдвигается ассоциация с цветом крови и, соответственно, стихотворение получает совершенно другое, зловещее звучание: весь мир залит кровью, это царство насилия и убийства — окровавленный народ у обагренных кровью ворот на залитой кровью площади говорит и слушает красные речи. При этом слово *красный* в сочетании со словом *речь* получает отрицательную коннотацию из-за ассоциации с красноречием, то есть способностью говорить *красиво*, а, значит, неискренне, не от души. Красные (красивые) речи обманывают обагренный кровью народ, над красно-кровавым миром восходит такое же солнце на кроваво-красной заре.

Чрезвычайно любопытна и весьма показательна картина изменений социокультурных коннотаций красного цвета в связи с социальными переворотами (революциями) в России в XX веке, когда именно этот цвет с его дореволюционными коннотациями красоты, праздника, радости стал главным символом Советского Союза, а после его падения превратился для нового режима в знак «проклятого прошлого». Вот как отражают эту эволюцию словари русского языка.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова (под ред. Н. Ю. Шведовой) в 1972 году у слова *красный* 4 значения:

1. Цвéта крови. *Красное знамя. Красная краска. Красное вино.*
2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю, к Красной Армии. *Красные войска. Красные* (сущ.) *вступили в село.*
3. Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-то хорошего, яркого, светлого и т. п. Красный денек. Красный угол (почетный, передний). *Красная девица. Долг платежом красен* (посл.).
4. Употр. для обозначения наиболее ценных пород чего-нибудь (спец.). *Красная рыба* (например, осетр). *Красный зверь* (например, медведь).

В Словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1992 и 1993 года издания эта словарная статья выглядит так:

Красный — 1. Цвéта крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. *Красное знамя. Красный галстук* (пионерский). *Красное вино.*

2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому строю, к Красной Армии. *Красные войска.*

3. Употребляется в народной речи и поэзии как обозначение чего-нибудь хорошего, яркого, светлого. *Красный денек. Красный угол* (в старых крестьянских избах: передний, противоположный печному, обращенный на юго-восток угол, в котором ставился стол и вешалась икона). *Красная девица. Долг платежом красен.*

4. Употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь (спец.) *Красная рыба* (осетровые), *красный зверь, красная дичь, красный лес* (из хвойных пород).

5. Красный. Сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военнослужащий Красной Армии.

Обратите внимание на то, как изменяются и толкования значений, и иллюстративная фразеология. «Цвéта крови» смягчают «политкорректные» невинные «ягодки-цветочки»: земляника и мак. Из второго значения уходит слово *социалистический*. В третьем значении *красному углу* возвращено его происхождение и предназначение, связанное с иконой, не упоминавшейся по политическим причинам («религия — опиум народа», «церковь отделена от государства»). И, наконец, новым, пятым значением оказывается субстантивированное прилагательное, в определении которого слово *диктатура* придает уже некоторую негативную окраску.

Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой (без С. И. Ожегова) 1998 года включает слово *красно-коричневый* — фашиствующий сторонник коммунистического режима. *Экстремистские лозунги красно-коричневых*.

Изменения социокультурных коннотаций слова и, соответственно, его употребительности убедительно показывает специальное исследование синонимов — оттенков красного цвета — «Каталог названий цвета в русском языке»:

> «В начале XX века весьма употребительным было слово *пунцовый (ср. пунцовый ковер, пунцовый закат)*. Характерно, что в одном из недавних телеинтервью певица Алла Баянова, вспоминая о начале своей карьеры, упомянула о преподнесенном ей букете *пунцовых роз*. В эпоху после революции это слово резко сузило сферу употребления (сейчас оно применяется в редких случаях, по преимуществу при описании цвета кожи лица, да и то в поэтической речи). Самыми же популярными словами для называния «модного» революционного красного становятся *кумачовый* и *алый* — именно так назывались цвета многочисленных атрибутов той эпохи — знамен, галстуков, косынок и т. п. Однако в отношении *пурпурный* определенный пиетет сохранялся и в это время. В пурпурный цвет красились занавесы ведущих театров и скатерти, покрывающие огромные столы разнообразных торжественных заседаний. Он присутствовал в официальных мундирах дипломатов. А кто не помнит литературный штамп «склоненный пурпур знамен», традиционно включаемый в описание многочисленных высоких похорон?
>
> В постсоветские 1990-е годы функционирование термина *пурпурный* испытывало влияние двух мощных явлений общественной жизни. С одной стороны, отторжение всяческих атрибутов коммунистической идеологии, включая и господствующий красный цвет. С другой стороны — массовое проникновение к нам западных товаров и рекламы, отражающих, в частности, совершенно новые и иногда чуждые нам цветовые предпочтения и цветовые традиции. Если раньше типично российской цветовой гаммой в одежде считались серо-коричневые тона (известны соответствующие исследования по программе ЮНЕСКО), то сейчас происходит своего рода цветовой «взрыв», буйство разнообразных цветов и оттенков. И все же в каком-то смысле россияне сохраняют приверженность своему традиционному культурно-историческому сознанию, своим привычкам и своему видению мира. Парадокс состоит в том, что они вынуждены пользоваться по большей части импортными товарами. И хотя западное производство традиционно уделяет большое внимание реальному человеку, в данном случае поправок на российского потребителя не делается.
>
> Влияние Запада прослеживается и в области развития русской цветовой лексики. Специфической особенностью западного рынка конца XX века является наличие богатого словаря названий цвета различных изделий. Среди них все чаще появляются слова, выполняющие своеобразную функцию рекламы соответствующего товара. В русском языке процесс словотворчества в области наименования цвета сейчас тоже идет полным ходом. Однако сплошь и рядом приходится наблюдать, как наряду с изделиями импортируются названия цвета этих изделий, иногда без всякого перевода: *санрайз* (в оригинале — sunrise «восход солнца»), *Бернинг роуз* (burning rose — «пылающая роза»), *Паризиан роуз* (*Parisian rose* — «парижская роза») и т. д. Впрочем, как оказалось, русский язык вполне готов к созданию собственных адекватных лексических средств. В созданном нами Каталоге названий цвета современного русского языка мы публикуем несколько тысяч цветонаименований, большинство из которых появилось в последние пять-шесть лет»[10].

[10] См.: *А. П. Васильев, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко.* Каталог названий цвета в русском языке. М., 2002.

Как ведет себя в этом смысле *пурпурный*? Судя по всему, на Западе изначальный ореол слова уже практически исчез. Возможно, это связано с традиционным отношением западных людей к личности. В западном сознании разрыв между королями и подданными никогда не был столь большим, как у нас. На Западе монарх — скорее объект почета и любви, для русского имперская власть — прежде всего, страх и преклонение. Если ценность самого цвета еще традиционно высока (ср. современные мантии епископов или мантии почетных докторов Оксфордского университета), то статус слова *пурпурный* сильно снизился. Сейчас это обычный термин цвета наряду с целым рядом других и поэтому, в частности, он не несет никакой особой функции в языке западной рекламы. В российской среде особый статус этого слова сохраняется. Язык упорно не допускает его низведения до уровня обыкновенного цветонаименования. Оно никогда не употребляется «всуе». Характерный пример — название известной вокальной группы *Deep Purple*, которое не переводится на русский язык и потому фактически теряет для русского потребителя изначальный «цветовой» смысл.

В этой связи уместно обратиться к одному факту современной жизни. В середине 1990-х годов только ленивый не иронизировал по поводу «малиновых пиджаков» новых русских. А ведь цвет этих

пиджаков — своеобразный отголосок «имперского сознания». Подсознательное стремление надеть на себя одежду такого цвета есть не что иное, как выявленное желание приобщиться к власти, если не по существу, то хотя бы по форме. Характерно, что для называния этого цвета из группы близких по смыслу синонимов (*малиновый, бордовый* и т. д.) никогда не назывался *пурпурный*: язык как бы «отказал» новым русским в приобщении к королевскому рангу. Тем не менее, значимость этого цвета в обществе была столь велика, что появился даже специальный термин — *новорусский цвет*, который нашел себе место в упомянутом выше «Каталоге названий цвета в русском языке».

Культурные коннотации красного цвета в Китае — это счастье, удача и все, что им сопутствует. Истоком их было поклонение древних китайцев солнцу как источнику жизни на земле, а солнце — красного цвета. Поэтому красный цвет — это главный цвет китайской культуры, с ним связано все хорошее. Он символизирует успех, богатство, гладкую и сладкую жизнь.

Красный человек — это тот, кого ценит начальство.
Красный певец, художник, артист — тот, кто мгновенно стал известным и популярным.
Красная прибыль — премия, прибавка, дивиденды.
Красной называют молодую изящную девушку.
Красная горошина — символ любви (из романтической поэмы династии Тан. 618–907 гг.).
Красный бумажный мешок — деньги, денежная премия (от традиции в прошлом, когда в конце года было принято давать отличившимся и усердным работникам деньги в красном мешке).

Социокультурные коннотации особенно важны в тех случаях, когда язык становится идеологическим орудием.

Язык постоянно используется в политических и пропагандистских целях. Одновременно он прекрасный индикатор политических и идеологических перемен. Общение может быть подорвано, нарушено неосторожным выбором слова, незнанием его оттенков значения.

Хорошо известно, что одни и те же люди могут быть названы *террористами* и *борцами за освобождение родины*.

Во время Иракской войны 2003 года журналисты, освещающие ход событий, меняли лексику в зависимости от военной ситуации, и противники Ирака имели следующие названия:

25 марта. *Англо-американские войска, войска коалиции, анти-иракская коалиция, оккупационные войска.*

28 марта тональность изменилась: *союзные войска, войска союзников.*

Комментарии излишни.

Несомненное различие культур отразил следующий факт. В память о погибших в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года на месте взрыва был воздвигнут памятник с надписью «The Heroes of 11 September, 2001». В русском варианте это был бы памятник «Жертвам 11 сентября 2001 года».

В своей речи на Совещании ректоров России в МГУ 6 декабря 2002 года В. В. Путин сказал: «...Мы по праву считаем себя европейцами, наша культура сформировалась под влиянием европейской культуры». Не вдаваясь в содержание этой фразы, остановимся на слове *европейцы*. В нашей культуре этот географический термин имеет явно позитивный оттенок, в отличие от, например, слова *азиаты*, имеющего некие скорее негативные коннотации. Это становится особенно ясно, если в данный контекст поставить слово «*азиаты*». И хотя культуры стран Азии гораздо древнее, ярче и богаче, чем европейские, в нашей культуре у слов *европеец* и *азиат* именно такие культурные коннотации.

В Пекине в большом отеле для иностранных гостей на стойке администратора было объявление: *Question authority*. Этот призыв *сомневаться в авторитетах* был распространен в Америке несколько лет тому назад и отражал социокультурный контекст этой страны, одной из важных составляющих которого было стремление внушить гражданам идеи «настоящей демократии», «настоящей свободы», реализованных в возможности подвергать сомнению всякую власть.

Этот призыв настолько не соответствовал социокультурному контексту Китая, что я спросила у проходящего мимо работника отеля, что это значит. Он ответил сразу и без тени сомнения: «Это значит, если у вас есть вопросы, спрашивайте у управляющего».

Вот и пример «перевода» в свою культуру, свой менталитет, свою идеологию, в свой мир.

Приведем пример правильного перевода, учитывающего социокультурный аспект, в данном случае — исторический.

Указатель в заповеднике Кижи:
Братская могила советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной Войны.
The common grave of Soviet soldiers who died during the world war II.

Оставляя на совести переводчика ошибки в грамматике и орфографии, отдадим ему или ей должное: именно так следует переводить историзм *Великая Отечественная Война*, только писать слова английского эквивалента World War II нужно с большой буквы и без артикля.

Обратите внимание и на непереводимое словосочетание русского языка *братская могила* (то есть общая могила нескольких или многих солдат). Для русского менталитета и русской культуры люди, погибшие за Родину, все равны, все объединены служением Отечеству, все родные, все братья.

Коллега из лондонского университета Метрополитэн, знаток русского языка, переводчик и преподаватель Пиета Монкс рассказала, как ее подруга англичанка упала в обморок, физически потеряла сознание, когда знакомый Пиеты представился ей как коммунист, выполняющий поручение Компартии. Слово *communist* для англичанки было равнозначно слову *devil* (дьявол). Вот такими культурными коннотациями обросло

слово *communist* для определенных слоев английского общества. В то же время китайский студент МГУ, выполняя задание дать определение некоторым русским словам, определил *коммуниста* одним словом — *солнце*.

Дьявол и *солнце* — трудно придумать более яркий пример полярного различия культур и идеологий.

Русское слово *боевик* в последнее десятилетие борьбы с терроризмом и чеченцами приобрело такие мощные негативные культурные коннотации, что улица Боевиков в городе Иваново вызывает недоумение и призывы к переименованию. В то же время сам факт названия этой улицы свидетельствует о том, что эти коннотации возникли сравнительно недавно.

Социокультурные коннотации — самая многочисленная и самая тайная армия языков и культур, надежный заслон от желающих проникнуть «за барьеры, за границу», поскольку все реальные речевые единицы социокультурно обусловлены в том смысле, что созданы и функционируют в определенном времени, месте, с определенными целями — все это «определенное» определяется культурой данного социума в данное время. Проникнуть во все тонкости культуры и ее отражения в языке практически невозможно, но стремиться к максимально широким и глубоким фоновым знаниям всем, кто хочет общаться — международно и межкультурно, — необходимо.

3. Социокультурная обусловленность речевого общения, или особенности вербального коммуникативного поведения

Речевое общение — понятие широкое, в него входит, помимо собственно языковой коммуникации, мощный — и по объему, и по разнообразию, и по эффективности — набор невербальных средств, включающих жесты, мимику, улыбку, позы, взгляды, одежду, украшения, внешний вид и многое другое. Как мы знаем, при прямом, визуальном, «личном» общении именно эти факторы выходят на первый план и часто играют решающую роль.

Однако, поскольку «никто не обнимет необъятное», как сказал бессмертный Козьма Прутков, в этой работе представлены только языковые трудности общения — очевидные, скрытые, внутри- и внеязыковые. Их тоже очень много, они все разные и сложные и к тому же, я уверена, несмотря ни на какие проценты (55 — невербальные, 7 — вербальные и т. п.), что «последнее слово — за Словом». Вот такой получился случайно афоризм.

Поэтому задача этого раздела — показать, что, помимо перечисленных выше языковых уловок, обманов и капканов, есть еще одна область, требующая внимания, осторожности и знания: речевое общение (или — речевая коммуникация), то есть употребление языковых единиц в реальной речи. Поскольку, сочетая слова разных языков в речи, мы сочетаем разные миры, лежащие за словами, для того чтобы общение было адекватным и эффективным, нужно привести в соответствие разные социокультурные контексты, определяющие разные **узусы.** Узус (англ. usage) подразумевает «реальное употребление языковой единицы в речи, которое может отличаться как от нормативных предписаний, так и от окказионального (индивид) употребления»[11].

Таким образом, для достижения правильного, адекватного общения, для того, чтобы привести в соответствие разные узусы, разные социокультурные контексты, необходимо принимать во внимание различие культур, различие миров, в которых живут и функционируют соответствующие языки.

[11] Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Под ред. А. Н. Баранова., Д. О. Добровольского. М., 2001.

Иными словами, **эффективность речевого общения и, соответственно, коммуникативная компетентность межкультурного общения в значительной степени определяется знанием особенностей вербального коммуникативного поведения членов данного речевого коллектива.**

Самые простые примеры: разница в цифрах, датах, мерах (длины, веса и т. п.).

Одно и то же число — например, 1800 — представлено в русском и английском языках по-разному, в соответствии с культурной традицией узуса — реального употребления в речи: в русском языке *(одна) тысяча восемьсот*, в английском *eighteen hundred* (восемнадцать сотен). Русскому ребенку исполняется *полтора года*, а его английскому ровеснику — *eighteen months* (восемнадцать месяцев).

В мае 2005 года, когда Аль Хасан бин Талал, принц Иордании, дядя короля, был гостем МГУ, его переводчик сказал по-русски: *После девятого одиннадцатого*... Русскоязычная аудитория далеко не вся и далеко не сразу поняла, что имеется в виду одиннадцатое сентября 2001 года, день теракта в Нью-Йорке.

Сбой коммуникации произошел сразу по нескольким причинам: во-первых, в устной речи у нас не принято заменять названия месяцев

цифрами, во-вторых, это был американский вариант представления даты, когда цифра месяца предшествует цифре дня. Перевод шел с арабского на русский, но дата была представлена по американскому образцу.

Интересно, что на такой же встрече в МГУ в 2000 году принц говорил только на английском — абсолютно безупречном, а спустя 5 лет он же в той же ситуации говорил только по-арабски. Может быть, английский язык за эти годы стал языком агрессора, и говорить на нем стало политически некорректно?

«Американский образец», впрочем, уже пробил себе дорогу и в русскую речь: *Сейчас у нас на слуху «Голос Беслана», а в США комиссий по проблеме 9/11 было около десятка. И сайт «Правда Беслана» — не изобретение Беслана, аналогичный сайт «Правда — 9/11» был в Америке, когда погибло большое количество людей (Независимая газета, 27 октября 2005 г.)*.

Вот такая неожиданная «проблема 9/11». Американский документальный фильм «9.11» был показан в России под этим названием, его почему-то не представили переводом «11 сентября», что было бы понятнее массовому зрителю, так как соответствовало бы речевому узусу русского языка (вербальному коммуникативному поведению говорящих на русском языке).

Вопрос о переводе миль, ярдов, футов, фунтов и т. п. в километры, сантиметры, килограммы, граммы и т. п. кажется настолько очевидным, что, казалось бы, и не стоит упоминания.

Однако трагический случай с казахским самолетом, разбившимся когда-то при посадке в Дели из-за того, что индийские диспетчеры давали координаты в английских мерах длины и высоты, а казахские летчики не «перевели» их в свои меры, принятые в их мире, напоминает, что в процессе межкультурного общения не бывает мелочей, не бывает ничего простого, легкого и очевидного. Все сложно, важно и нужно.

Интересные данные на эту же тему приводит Н. Шахова в неоднократно цитированной статье «Кому дано предугадать», посвященной трудностям перевода:

> «Надпись на банке с белилами, гласящая, что содержимого хватает на покраску 5 квадратных футов, ничего не скажет российскому потребителю, а предупреждение о том, что незамерзающую жидкость для протирки стекол автомобиля в зимнее время нельзя употреблять при температуре ниже нуля, повергнет его просто в шок. Мою знакомую несколько раз оштрафовала милиция, прежде чем она поняла, что на российских дорожных знаках ограничение скорости задано числом километров в час, а спидометр ее заграничного автомобиля указывает скорость в милях. Хорошо еще, что мили были американские (они чуть больше 1,6 км), а не датские (равные семи с половиной километрам) или — того хуже — шведские (равные десяти километрам)!

Однако суммы, потраченные впустую любительницей быстрой езды или незадачливым покупателем иностранных белил, не идут ни в какое сравнение с убытками, понесенными НАСА по причине все той же несогласованности в единицах измерения. Один из полетов на Марс потерпел неудачу из-за плохо налаженного международного сотрудничества.

Оборудование для этого полета готовили в Европе, используя метрическую систему мер, а программное обеспечение — в Америке, где в ходу исключительно футы. В итоге космический корабль, приближаясь к Марсу, стал менять курс, оценивая расстояние в футах, в то время как приборы выдавали данные в метрах. Можно себе представить, что из этого вышло!

...Как пользоваться рецептом выпечки пирога, если количество продуктов в нем указывается в фунтах, а температурный режим — по шкале Фаренгейта? Можно ли считать такой текст переводом? Разумеется, все зависит от определения. Поэтому в последнее время на смену переводу пришло более широкое понятие: локализация. Чаще всего его применяют в отношении компьютерных программ. И действительно, в этой области необходимость некоторых дополнительных изменений — помимо перевода слов с одного языка на другой — особенно очевидна. Простейший пример: слова русского языка в среднем длиннее английских, поэтому при локализации англоязычной программы (адаптации ее к российским условиям) приходится прежде всего увеличивать поля, предназначенные для ввода слов, или уменьшать шрифт. А при локализации программы-ежедневника часто нужно изменять шаблоны для записи времени (13:45 вместо 1:45 p. m.) и телефонных номеров (123-45-67 вместо 123-4567), иначе такая программа окажется неудобной для русского пользователя. Потом нужно убрать все эти бесчисленные «пожалуйста»: ну не используют их в наших инструкциях! (А при переводе в обратную сторону «please» надо добавить, иначе получится слишком грубо)»[12].

[12] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал (Вне рубрик) www.russ.ru. 28 марта 2000 года.

И у цифр, конечно, тоже бывают культурные коннотации. В русской культуре 13 — несчастливое, 7 — счастливое, 666 — сатанинское, 5 — хорошее, потому что это высший балл в российской системе оценок успехов в образовании.

В китайской культуре[13] четные числа приносят удачу, а нечетные — несчастье. Это связано с тем, что в системе ценностей китайской культуры «образовать пару» — это хорошо, это счастье. Нечетные числа символизируют одиночество. Впрочем, некоторые нечетные числа, в виде исключения, имеют положительные коннотации. Обычно это связно с их произношением. Иногда они входят в состав позитивных, приятных по смыслу фразеологизмов и поэтому воспринимаются положительно. Например, 9 — хорошее число, потому что оно произносится так же, как *вечный, постоянный*. В нем всегда содержится пожелание: «Пусть всегда все будет хорошо!»

[13] По материалам *Би Юэ.* Речевая деятельность как феномен культуры: концепция речевого поведения в национально-культурном аспекте. Магистерская диссертация. МГУ, 2004.

1 — хоть и нечетное, но также обозначает хорошее, поскольку его значение — *от всего сердца*.

10 и 100 обычно употребляются в значении *весь, целый, все вместе*. Это очень положительные цифры, поскольку китайская культура — коллективистская, китайцы любят жить всей семьей, работать все вместе. Интересно, что иероглиф, обозначающий эти числа, входит в состав таких слов и словосочетаний, как *энциклопедия, универсальный магазин, сундук* (букв. ящик с сотней сокровищ). Число 8 приносит богатство, 6 — успех, 2 значит «только ты и я». Это число влюбленных.

Наличие социокультурных нюансов — это свойство живого, развитого языка: все самые «сухие» единицы языка (термины, грамматические служебные слова, цифры, даты и т. п.) в реальной речи, в речевом узусе обрастают, расцвечиваются культурными коннотациями. Культура — как волшебная палочка: под ее магией оживают и покрываются цветами сухие поленья…

«Западни» английского речеупотребления, обусловленные социокультурно, создают большие трудности для всех, кто пытается преодолеть двойной барьер языка и культуры: изучающих язык, переводчиков, учителей.

Широко известна такая особенность английского речевого общения (или вербального коммуникативного поведения), как так называемая «недооценка», «недоговоренность», *understatement*. Действительно, эмоциональная сдержанность англичан, проявляющаяся и в поведении, и в речи — всем известный стереотип, отраженный, в частности, в «международных» анекдотах. Т. В. Ларина, изучив коммуникативное поведение англичан, считает, что «коммуникативная неимпозитивность», «под которой мы понимаем недопустимость оказания прямого воздействия на адресата, соблюдение его коммуникативной неприкосновенности, формируется в результате использования стратегий негативной вежливости, нацеленных на социальное дистанцирование, на соблюдение интерперсональных границ между собеседниками, на уважение личной автономии окружающих, на смягчение воздействия на адресата (*don't impose* — одна из важнейших коммуникативных установок)»[14].

[14] *Т. В. Ларина.* Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения // Филологические науки», 2007, № 2, с. 72.

Остановимся подробнее на этой особенности английского речевого узуса, который представляется особенно ярко в сопоставлении с русским.

How are you? [*Как поживаете?*]. Ловушка заключается в том, что, по требованиям английской культуры, единственно возможный и ожидаемый ответ на этот вопрос может быть: *fine / very well, thank you* [*спасибо, очень хорошо*]. Так отвечают при любых обстоятельствах. В русской культуре принято отвечать «честно», описывая реальное состояние дел.

Варианты ответов:

Спасибо, хорошо; спасибо, нормально — вежливый, формальный ответ, показывающий дистантность отношений с собеседником и нежелание давать реальную картину «поживания». Почему-то распространены ответы-жалобы: на здоровье, на начальство, на семейные обстоятельства.

В ответ на формальный привычный вопрос *как поживаете?* в России можно услышать целые грустные мини-повести:

Да голова трещит, мучаюсь с давлением, Колька плохо учится, не знаю, что с ним делать, учителя жалуются.

Разве это жизнь? Работаю с утра до ночи, света белого не вижу.

Потихонечку, тянем лямку.

Ничего, но мама все время болеет, и папа что-то плохо себя чувствует.

В последнее время тенденция «ругать» свою жизнь настолько усилилась, что бодрые оптимистичные ответы типа «Отлично!», «Лучше всех» воспринимаются с удивлением, и часто и недоверием как ирония или энантиосемия (то есть способность слова выражать противоположное значение. Например, «Хорошенькая история!»).

В варианте английских ответов — нежелание посвящать собеседника в свои дела, нагружать его своими проблемами, хранить свою личную жизнь и свои проблемы при себе. Поэтому — *fine, thank you* хоть на смертном одре.

В русской культуре — наоборот: если человек интересуется, как же ему не рассказать о делах, но хвалиться «очень хорошо» — не надо, можно вызвать зависть, сглаз, да и не гуманно это: а вдруг у него/нее все плохо? Лучше немного сгустить краски и вызвать сочувствие.

У каждой культуры своя логика. Но русскоязычных учащихся приходится специально учить, как ответить на очень распространенный, обязательный вопрос *How are you?* по-английски, имея в виду не столько язык, сколько культуру.

Случай из жизни, иллюстрирующий социокультурный «конфликт узусов», привела Ольга Суворова, аспирантка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, работающая в компании «Русский алюминий»:

> Недавно я разговаривала с одной из своих новых коллег, русской девушкой, которая работает у руководителя-австралийца. Сотрудница жаловалась: «Он каждый день спрашивает меня «Как дела?», и у меня уже не хватает воображения давать ему каждый

раз новые ответы». А ведь австралийский босс, задавая типичный вопрос-приветствие, скорее всего, и не собирался вслушиваться в проблемы подчиненной.

Англичане избегают категорических заявлений, любая категоричность, даже на уровне оттенков значения, может помешать нормальному общению. Показателен в этом смысле пример с таким вполне невинным на первый взгляд словом (вернее словосочетанием), как *of course*.

Это очень коварное «слово-ловушка». Перевод на русский язык *конечно* правилен в отношении языка, но не в плане реального культурного речеупотребления.

Дело в том, что *конечно* по-русски звучит нейтрально или дружески. *Ты мне поможешь? Конечно! Ты знаешь эту тему? Конечно!*

В английской речи *of course* имеет негативные оттенки вызова, упрека, порицания. *Did you know this? — Of course. Ты знал об этом? — Разумеется/Конечно*. В ответе есть некоторый вызов: либо «*все это знают, кроме тебя*», либо «*знал, но тебе не хотел говорить*».

Of course звучит резко, категорично, имеет оттенки «ты что, не понимаешь?», «наконец до тебя дошло» и т. п.

Я была свидетельницей неприятного инцидента, вызванного употреблением *of course*.

В юности, студенткой, я работала летом на переводческой практике в бюро молодежного международного туризма «Спутник». Первая группа студентов из Великобритании была очень большая — 52 человека, и я работала в паре с молодым человеком, студентом другого вуза, которого звали Николай.

Его английский был гораздо лучше моего, и я старалась держаться в тени, когда мы были вместе. Он чувствовал себя очень уверенно (может быть, и поэтому тоже — на моем скромном фоне). Через несколько дней юные британцы стали избегать его, затем — еще хуже — корчить недовольные гримасы и просить меня им переводить. Николай, разумеется, был расстроен, хотя продолжал внешне держаться уверенно и старался не показывать своего огорчения. В конце концов, я решила спросить у одного из наших «клиентов», в чем дело. Ответ меня ошеломил: «Он говорит *of course* на все наши вопросы».

Оказалось, что, когда кто-то из них спросил во время экскурсии по Москве, указывая на памятник, «Это Пушкин?», Николай ответил: *Of course!* В английской культуре речевого общения, в узусе английского языка (т. е. не «по английскому языку», не по «значению» слова) это подразумевало: «Что же вы, такие дураки, такую простую вещь не знаете?» Ну, может быть, чуть вежливее, без «дураков», но смысл был именно такой. А Пушкина знают на Западе мало, очень понаслышке, поэтому, чтобы опознать его в памятнике по внешнему виду, нужна была эрудиция, и ответ *of course* удивил и обидел. Кстати, в этой первой группе был студент Энтони Бриггс (Anthony Briggs), который стал впоследствии профессором, зав. кафедрой русской литературы в Бирмингемском университете, крупнейшим знатоком и переводчиком Пушкина. В Советскую

Россию ехали туристами, в первую очередь, интересующиеся Россией, русским языком и культурой, и это было время хрущевской оттепели.

Еще пример «ловушки-западни».

Английская привычная фраза, очень любезная и крайне позитивная *We must have a drink* [*Давайте выпьем*] в некоторых культурах (например, немцами) воспринимается негативно из-за слова *must*, которое превращает дружеское предложение выпить в приказ.

Англичане же, наоборот, плохо воспринимают очень распространенное вежливое американское пожелание *Have a nice day!* [*Удачного вам дня!*]. Но часто отвечают: *Thank you, I have other arrangements* [*Спасибо, у меня другие планы*]. Для многих неприемлемым и раздражающим фактором оказывается грамматика, а именно: повелительное наклонение. Моя английская подруга, адвокат и знаток многих языков, закончила как-то свое письмо словами: *Let me finish my letter with an American command: Have a nice day!* [*Позволь мне закончить письмо американским приказом: Имей удачный день!*].

В современной России, в связи с все возрастающим влиянием Америки и американцев, русский эквивалент американского пожелания все больше входит в речеупотребление. Студенты и аспиранты все чаще используют в речи *Желаю вам удачного/ приятного дня* и просто: *Удачного дня*. Совсем сокращенный вариант *Удачи!*, родом, по-видимому, от *Have a nice day*, получил широкое распространение и в средствах массовой информации, и в повседневном общении.

Приказы, команды (императив!), инструкции, призывы — все эти «вторжения в личную жизнь» *(imposing on one's privacy)* не приемлемы для английского речевого общения.

Эта особенность остро контрастирует с русской манерой вербальной коммуникации. Мы привыкли к императивам настолько, что не осознаем: наши родные общественные приказы *Не курить!, Не сорить!, По газонам не ходить!* используют инфинитив — самую грубую форму повелительного наклонения, нормативную только для обращения к солдатам или собакам: *Лежать!, Стоять!*

Т. В. Ларина справедливо отмечает стремление к сдержанности и некатегоричности — неимпозитивности в ее терминологии — как ведущую характеристику английского речевого общения.

«Неимпозитивность в общении проявляется на уровне использования языковых средств, коммуникативных стратегий и целых

речевых актов: англичане не дают непрошеных советов, не задают личных вопросов, не критикуют, не делают замечаний. В случае необходимости сделать замечание, они оформляют его в виде просьбы: (учитель обращает внимание на шум в классе) *Would you stop that noise, please?* [букв.: Вы бы перестали шуметь, пожалуйста?] или *Are you with me?* [Вы со мной?] / (водитель автобуса — закурившему пассажиру) *Would you kindly stop smoking, please? Thank you* — букв.: *Вы бы любезно перестали курить, пожалуйста. Спасибо.* Ср.: *Перестаньте разговаривать / Слушайте внимательно / (Немедленно) Прекратите курить*».

Различие культур и языков ярко проявляется в словах и выражениях, сопровождающих расставание.

У многих языков форма прощания, особенно разговорная и поэтому наиболее употребительная, связана с глаголом *видеть* и выражает надежду снова увидеться: *до свидания, auf wiedersehen, au revoir, see you (later),* многочисленные славянские *до видзенья*.

Еще один распространенный вариант вверяет уходящего Господу:

Англ. *Good bye — God be with you*

Фр. *Adieu*

Исп. *Adios*

Более продолжительная предполагаемая разлука предваряется пожеланием хорошего пути (англ. *farewell*) или хорошей жизни (нем. *lebewohl*).

Как обычно, японцы и русские создали нечто уникальное для расставания надолго. Они не желают ни хорошего пути, ни хорошей жизни. Японцы философски говорят *sayonara* (*если так должно быть*), а русские просят уходящего простить их, если что было не так: *прощай(те)*.

Разговор по телефону тоже культурно обусловлен больше, чем мы обычно сознаем. В американской культуре, например, где одна из главных ценностей — это время, которое — деньги, принята прямая, деловая, рациональная манера разговора по телефону и «без лирических отступлений». Позвонив по телефону коллеге или другу, следует сразу объяснить цель звонка. Если же цель «не деловая», а просто — поддержать дружеский контакт (*to say hello*), об этом тоже надо сразу сообщить[15].

В восточных культурах такая манера немыслима, невозможна и неприемлема. Даже если у вас пожар или очень экстренное дело, сначала нужно спросить о здоровье собеседника, всех ближайших родственников, обязательно — родителей и только потом приступать к делу.

Во всех приводимых ниже примерах конфликтных речеупотреблений «ошибки» вызваны различием культур.

Итальянские студенты думали, что если человека зовут Иван Иванович, это значит, что его отец умер, так как в итальянской традиции новорожденных нельзя называть именами живых родственников[16].

Советник Посольства Сингапура в России сказал мне: *Russian colleagues are very rude because they ask «why?»* [*Российские коллеги очень грубы, потому что они спрашивают «почему?»*]. Я ужаснулась: сколько же нужно знать нашим дипломатам, чтобы не вызвать негативной реакции, не сорвать переговоров, не испортить международных отношений! И тут же стала настойчиво спрашивать: ну почему же, почему это так грубо — спросить, «почему»?!

[15] Newcomer's Almanac. A Newsletter for Families New to the United States. March, 1996

[16] *Ю. А. Рылов. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж, 2003.*

Англичанка в Германии мучалась в автобусе: пробиваясь к выходу, она повторяла *Excuse me* (*извините*), и немцы возмущались. Когда же она догадалась спросить по-немецки: *Вы выходите на следующей?*, — все любезно расступились.

Англичане и американцы говорят на одном языке, но реальное речеупотребление, речевой узус у них может быть очень разным. Яркую иллюстрацию этого дает Гай Браунинг (Guy Browning) в статье «Как жаловаться» («How to Complain»).

> There are two styles of complaining: the American which is «Give me exactly what I want now or I'll sue your nuts off», and the British style which is: «Sorry, that was probably my fault» [Есть две манеры жаловаться: Американская — «Дайте мне сейчас же точно то, что я желаю, а не то я затаскаю вас по судам до потери пульса» и Британская: «Извините, это, во-видимому, была моя вина»][17].

[17] The Guardian Weekend. August 14, 1999, p. 52.

В некоторых культурах нельзя задавать вопросы:

1. Как вас зовут?
2. За какую партию вы голосовали?
3. Сколько вам лет?
4. Сколько вы зарабатываете?

В Египте нельзя хвалить одежду своих партнеров по речевому общению: согласно требованиям их культуры, они должны подарить то, что вам понравилось.

В некоторых культурах (Иран, например) нельзя делать комплименты по поводу внешности жены вашего собеседника.

В Британии невежливо начинать разговор с незнакомыми людьми в поезде.

В Китае невежливо *не* начать беседовать в такой же ситуации[18].

Известно, что в английской речи очень часто используются слова *please* и *thank you*. В русском языке их эквиваленты используются реже. Соответственно, в параллельном русско-английском тексте в английском варианте нужно усиленно вставлять *p's and q's* (детский вариант *please and thank you*), а из русского — выбрасывать. Такой вот разный узус…

[18] Newcomer's Almanac.

4. Социокультурные коннотации имен собственных

Собственные имена — антропонимы (имена людей), топонимы (географические названия) — составляют заметную часть социокультурного контекста языка и языковой картины мира уже потому, что они — с о б с т в е н н ы е, то есть обозначают «индивидуальные предметы безотносительно к их признакам»[19].

При общении на иностранных языках имена собственные, как бы это ни показалось странным, требуют большой осторожности, больших усилий и очень большого знания культурного фона вообще.

[19] *О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, 2004., с. 175.*

Необходимо узнавать, выяснять и соблюдать традиционные наименования и традиционное произношение (для устного общения) исторических личностей, географических названий, библейских персонажей и т. п. — то есть все то культурно значимое поле фоновых знаний, которое покрывают имена собственные.

Имена собственные — важнейшая национальная составляющая и языковой, и культурной картины мира, и поэтому они — тоже очередное мощное оружие обороны, защиты национальной идентичности.

Небрежное обращение с собственными именами — и антропонимами, называющими людей, и топонимами, географическими названиями — может нанести значительный урон и смыслу, и исторической истине, и картинам мира, и в целом — общению. Неузнавание или неверная передача имен собственных может вызвать сбой коммуникации и вместо того, чтобы сблизить людей, их разобщит.

В переводной с английского языка журнальной статье читаем: *Первой женщиной, игравшей в гольф, была Мэри, Королева Шотландии*[20]. Переводчик прочитал в английском оригинале *Mary, Queen of Scots*, заменил *шотландцев* на *Шотландию* и получилась эта самая Мэри, в которой культурный русский человек должен опознать *Марию Стюарт*.

Или — перевод в американском фильме *Это сказал Джон Баптист* уводит зрителя довольно далеко от нашего Иоанна Крестителя.

Проблемы имен собственных блестяще раскрыты академиком О. Н. Трубачевым в его критике перевода на русский язык Карманной энциклопедии Хатчинсона (The Hutchinson Pocket Encyclopedia. Helicon, Oxford, 1992, 1993, 1994, 1995).

Это поразительное по неграмотности, невежеству и бескультурию издание дало такое огромное количество ошибок, погрешностей, неточностей, нелепостей перевода, что может служить отличным материалом для научных исследований по переводоведению в разделе «Как нельзя переводить, или Куда ведет дурной перевод».

По мнению О. Н. Трубачева, перевод этой «карманной энциклопедии» «...ярко свидетельствует о скверном знании всего, что надлежало знать — английского языка, английской истории и культуры, европейских языков, истории и культуры, не говоря о полном неведении того, пожалуй, главного для русского издания, что определяется как русская языковая картина мира»[21].

Из несметного количества ошибок в передаче имен собственных — и не вообще, а имен людей, оставивших след в культуре, истории, — географических названий мест — свидетелей исторических событий, то есть высшего культурного слоя, удостоившегося чести войти в энциклопедию, приведем только некоторые (все привести невозможно):

Бид — это (сюрприз, сюрприз!) *Беда Достопочтенный*
Кроесус — Крез
Карлеман — Карл Великий
Джордж Сейрат — Жорж Сера
Евгения О'Нил — Юджин О'Нил
Ингрес — Энгр

[20] Второй паспорт. Ноябрь, 2002, с.12.

[21] О. Н. Трубачев. Русская энциклопедия и ее антиподы: Хатчинсоновская карманная энциклопедия // Русская словесность, 1997, № 3.

Гаулы — галлы
Хитттиты — хетты
Лоу кантриз — Нидерланды
Нижние страны
Колон — Кёльн
Брюнсвик — Брауншвейг
Озеро Сьюпериор — озеро Верхнее
Черный лес — Шварцвальд
Остров Эторофи — остров Итуруп
Лоррен — Лотарингия

Этот длинный список можно продолжать очень долго, но приведенных нескольких (по сравнению с оставшимися) примеров достаточно, чтобы понять, что подобного рода ошибки в именах собственных, связанных с мировой историей и культурой, отнюдь не курьезы, не смешные нелепости. Они наносят серьезные удары и по читателю, и по общему уровню культуры в нашей стране, и по русской языковой и культурной картине мира.

Об этом замечательно говорит сам О. Н. Трубачев:

> «Здесь приведены, так сказать, отборные ошибки перевода рассматриваемого «карманного» издания. Их в нем гораздо больше, и это не может не тревожить. Но еще больше тревожит просматриваемое за ними намного более важное общее явление, важность которого уже была указана вначале, когда был поставлен вопрос о русской языковой картине мира, феномене, тесно связанном с русской культурой в широчайшем смысле слова. Обратная сторона вопроса проявляется в том, что современные переводчики «с одного языка» имеют слабое понятие об этом феномене и низким уровнем своей работы наносят вред тому, что нуждается в бережном отношении. В этом расшатывании и размывании целого своего фонда традиций повинны кроме переводчиков «с иностранного» также политики и либеральные интеллектуалы, чьими объединенными усилиями насаждаются бездумные новшества вроде пресловутого «Таллинн» через два н, «как в эстонском», названия Балтия вместо Прибалтика или Центральная Азия вместо привычной Средней Азии, вдруг исчезнувшей со страниц книг и газет («Хатчинсоновская карманная энциклопедия» тоже содержит статью «Центральноазиатские республики» с перечнем пяти бывших советских среднеазиатских республик). Но ведь в русской географической науке и терминологии существовали два совершенно самостоятельных понятия и термина — Центральная Азия, которую, например, исследовал Пржевальский, и Средняя Азия, названного выше объема...
>
> ...С редким, даже для нашего времени, невежеством трактуются элементарные понятия священной истории, ср. с. 133: «Гефсиманский сад... на горе Оливес» (с. 133), надо: на горе Олив, или на Масличной горе. Вместо укоренившегося в нашей письменности

и культуре выражения царица Савская читаем Королева Шеба (с. 623), живьем переписанную с англ. queen of Sheba. Вместо имени Св. Иеронима, как принято именовать переводчика латинской Вульгаты, встречаем неприлично англизированного Св. Джерома (с. 66). Неудивительно после отмеченного выше, что вместо Хлодвига нашей исторической традиции мы дважды встречаем Кловиса, рабски списанного с англо-французской нормы имени этого короля франков (с. 256, где еще стоит, по недоразумению, «король Салиана», потому что переводчик не понимал, что англ. Salians — это «салические франки»). Но это еще не предел невежества, ибо на с. 168 упоминается английский король Джон Лекленд, подписавший документ под названием Магна Карта, ср. и с. 314, как если бы не существовало отечественной, русской англистики, излагающей на протяжении многих поколений этот эпизод в нескольких иных терминах, а именно: в 1215 г. король Иоанн Безземельный (англ. John Lackland) был вынужден подписать Великую хартию вольностей (лат. Magna Charta liberatium)! Это, возможно, наиболее поучительный пример на тему, что такое «русская языковая картина мира»: она включает устоявшуюся русскую терминологию реалий всего мира».

Возможность самого появления переводов такого нижайшего уровня наводит на грустные мысли о том, что переводоведение развивается, пишутся умные и правильные книги по теории и практике перевода, но уровень и качество переводов в наши дни снижается. Алчность, погоня за прибылью случайных издателей и таких же случайных, никем не контролируемых «переводчиков» приводят к тому, что бедный обманутый читатель, для которого все и пишется, и переводится, и издается, вместо того чтобы повысить свой культурный уровень, погружается в невежество.

Таким образом, из-за пренебрежительного отношения к именам собственным снижается общий культурный уровень, наносится ущерб национальному языку, ухудшаются языковая и культурная картины мира, и соответственно, понижается престиж страны и народа.

К сожалению, «процесс пошел», и он продолжается.

В книге, посвященной творчеству сестер Бронте, весь текст которой представляет собой не вполне удачный перевод с английского без ссылок на источники (жанр «художественной литературы» позволяет...) находим следующие примеры искаженных до неузнаваемости имен собственных. Описывается визит Шарлотты Бронте в Лондон.

> *На следующий день ее повезли посмотреть Кристаллический Дворец* (вместо: *Хрустальный Дворец*).
> *В воскресенье Шарлотта с удовольствием послушала речь французского протестантского проповедника Д'Обигна* (вместо: *Д'Обиньи*).
> *Французская актриса Рейчел* (вместо: *Рашель*) *ее потрясла.* (*Ирина Ярич*. Бронте. Одесса, «Друк», 2004, с. 192–193).

В переводе сведений, почерпнутых из английского путеводителя, читаем:

> *Власть Архиепископов в городе Мэйфилд была сломана королем Генри во время роспуска монастырей в 1539 г. ...они встретили свой конец в Льюисе в 1556-1557, во время правления дочери короля Генри, Мэри.*

В «короле Генри» с трудом узнается знаменитый английский король Генрих VIII, а в дочке Мэри — королева Мария I, или — чаще — Мария Кровавая.

Перевод, опубликованный в рекламном издании престижной школы, сделан старшеклассницей, детям — простительно, но тенденция укрепляется и, следовательно, продолжается процесс небрежного отношения к именам собственным и, соответственно, обеднения и искажения культурной картины нашего мира.

О трудностях перевода имен собственных — и антропонимов, и топонимов, об отсутствии «логики» или хотя бы устойчивых традиций в этой сфере общения и войне языков и культур говорит переводчица Наталья Шахова:

> «Когда я переводила книгу с большим количеством имен реальных людей, то безуспешно добивалась от автора расшифровки инициалов. «Какое второе имя у этого John C. Brown?» — спрашивала я. «Не знаю, им никто не пользуется», — отвечал автор. Ему была совершенно чужда мысль о том, что Clifford и Charles должны быть по-разному обозначены в русском переводе.
>
> Кстати, о Чарльзах! Знаете ли вы, как будут называть в России многострадального принца Чарльза, если он все-таки станет королем Великобритании? Королем Карлом Третьим! Это типичная ситуация, когда одни и те же слова, путешествуя извилистыми путями по миру, превращаются в результате в разные. Далеко не все англичане могут правильно назвать реку, на берегу которой стоит Кремль. Знают, что Кремль в Москве, а как река называется — не помнят. Почему? А потому что город они называют Moscow, а реку — Moskva. Не так уж много общего у этих слов! А почему мы New Orleans называем Новым Орлеаном, а New York — Нью-Йорком? Какая тут логика? Вот, например, страна Кот-д'Ивуар раньше называлась Берегом Слоновой Кости, а потом вдруг взяла и потребовала у международного сообщества, чтобы ее название перестали переводить на другие языки. И переименовали — куда денешься.
>
> Вообще мне кажутся совершенно противоестественными попытки директивного управления заграничным языком. После развала СССР многие бывшие республики пытаются навязывать русскому языку свои правила: то Таллин требуют писать с двумя «н», то сменить предлог перед Украиной (мол, форма «на Украине» является выражением великорусского шовинизма!), то заставляют, ломая язык, выговаривать «Кыргызстан» или «Ашгабат».

Прямо, как подростки в переходном возрасте: не зови меня больше Машей, я — Мария. Хорошо, что не все страны обладают таким болезненным самолюбием. Французов, например, не трогает вставленная нами в название их столицы буква «ж» (а ведь тоже могли бы стать в позу: вы на что, мол, намекаете?), а Новая Зеландия, к счастью, не требует, чтобы ее называли Нью-Зиланд»[22].

[22] *Наталья Шахова.* Кому дано предугадать // Русский журнал / Вне рубрик / www.russ.ru/ist_sovr / 20000328_shahova.html. с. 11.

В устном общении с иностранцами имена собственные часто бывают камнем преткновения (булыжник — оружие пролетариата и языка тоже). Особенно коварны имена и слова родного языка: они с трудом узнаются в «иностранном» произношении, с неверным ударением и т. п.

Вот пример из моей юности. В конце 1950-х годов, во время хрущевского потепления, меня, студентку филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, неожиданно послали в журнал «Новый мир» переводить встречу главного редактора Александра Твардовского со шведским журналистом, приехавшим для переговоров о сотрудничестве. Тогда такие визиты были редкостью, международное общение только-только пробивалось в щелку приподнявшегося железного занавеса.

Беседа была длинной и профессиональной, подали чай с дорогими конфетами и печеньем «московские хлебцы» (бывшие «турецкими» до борьбы с космополитизмом), я освоилась и довольно сносно переводила. Речь шла о писателях — советских и шведских, о том, кого бы можно было рекомендовать к печати в «Новом мире» и, соответственно, в шведском журнале, редактором которого был гость Твардовского. Имена писателей непрерывно мелькали, и наступил момент, когда швед спросил Твардовского, что он думает об Отто Пэл? Я сказала: «Он спрашивает Ваше мнение об Отто Пэле». Твардовский растерялся: «Я первый раз слышу. Откуда нам современных шведских писателей знать. Спросите, кто такой, скажите, что мы готовы его напечатать, если он рекомендует». Я все честно перевожу и вижу, что у шведа от изумления глаза на лоб лезут: «You don't know Otto Pal?» [Вы не знаете Отто Пэла?] Я объясняю: «Мы же за железным занавесом, не знаем Ваших знаменитостей». Не знаю, сколько времени прошло, пока, наконец, я поняла, что знаменитый шведский писатель Отто Пэл — это «Оттепель» Ильи Эренбурга, которая дала название важному периоду нашей истории.

С тех пор я боюсь имен собственных: не сразу в фамилии *Катату́рьен* узнаешь знаменитого композитора Арама Хачатуряна, и это тоже со мной было…

Собственное имя обладает некоей магией; многим культурам свойственна вера в особую связь между именем (антропонимом), человеком и его судьбой. Очень ярко иллюстрирует это положение материал, который аспирантка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ О. С. Сирота приводит в своем реферате «Педагогическая культура Алтая: пути возрождения» (Барнаул, 2003).

Вот что рассказывает писатель-этнограф Афанасий Коптелов об именах алтайцев:

«Родился у охотника Чечуша первый сын белолицый, на алтайца непохожий. Ему дали имя Казак-Уул — Русский Парень, — русских тогда все звали казаками. Второму сыну дали имя — Шонкор — Сокол. Оба ребенка умерли. Родители испугались: злые духи — кермесы умертвили у них детей. Умертвили потому, что дети носили хорошие, красивые имена. Считалось, что кермесам нравятся младенцы с такими именами. Когда у них родился третий сын, они прокололи ему ухо и в ранку вложили — на счастье! — пучок собачьей шерсти. Младенца стали звать Ит-Кулак — Собачье Ухо. Какой кермес позарится на ребенка с таким именем? Это даже не человек, а — собачье ухо. И мальчик стал жить…»

Имя человека, как известно, в разных культурах имеет разные формы, и система имен меняется с течением времени и изменением культуры.

Фамилии как родовое имя появляются значительно позже личных имен. В Европе они возникли в X веке в Венеции, а затем — в Болонье в начале XIII века. Фамилии возникли в связи с укреплением государственной власти: инициаторами введения фамилий как способа дополнительной идентификации личности стали нотариусы[23].

[23] См. об этом: *Ю. А. Рылов.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж, 2003.

В некоторых странах — и в восточных и западных — фамилии в нашем понимании так и не возникли: у этих народов есть как бы только «отчества», то есть к имени отца прибавляют либо слово *сын* (*-оглы*, *-son* и т. п.), либо *дочь* (*-кызы*, *-dotter* и т. п.)

Ситуацию с фамилиями в Исландии описывает путешественник, корреспондент журнала «Вокруг света» А. В. Фатющенко:

«Как известно, у исландцев нет фамилий. Был даже издан специальный закон в 1925 году, запрещающий исландцам иметь фамилии. У исландцев есть только отчества, которые образуются путем прибавления к имени отца либо son (сын), либо dottir (дочь), например сына Йона Петурссона будут звать Арни Йонссон, а его дочь Агнес Йонсдоттир! Выходя замуж, исландки не берут фамилию мужа (ввиду ее отсутствия). В наше время это, конечно, вызывает некоторую путаницу — в телефонном справочнике, например, всех пишут по первым именам, если учесть, что набор исландских имен ограничен (их количество строго ограничивается, и вы не можете быть исландским гражданином с неисландским именем — говорят, что, когда бывший советский дирижер Владимир Ашкенази получил исландское гражданство, исландское правительство даже ввело новое исландское имя в официальный список — «Владимир Ашкенази»), то определенные трудности начинают возникать и для самих исландцев и сейчас начинают звучать голоса, что хорошо бы что-нибудь в этом вопросе изменить»[24].

[24] *Андрей Фатющенко.* Воюющий остров // Вокруг света», 2003, № 10.

В Росии фамилия окончательно сформировалась лишь в конце XIX века, после отмены крепостного права в 1861 году, то есть когда гражданин получил полное право вступать в отношения с государством, минуя феодала.

Вплоть до XVII века на Руси было принято использовать два имени — крестильное и мирское: в крещении Иосиф, в миру Остромир. Мирские имена уходят корнями в глубокую славянскую древность, против них боролись как церковь, так и государство: Петр I, как известно, запретил их использовать в официальных документах. Наличие двух имен создавало своеобразную картину мира, обеспечивавшую связь индивида как с христианством, так и с отголосками древнеславянских верований[25].

Имена собственные особенно ярко раскрывают и саму картину мира, и ее изменения. Как много говорит о социокультурном положении женщины на Руси тот простой факт, что ее обычно называли по отчеству: *Ярославна*, жена князя Игоря. Князь был Игорь, а жена его — дочь Ярослава.

Разные социокультурные контексты определяют разницу в узусе, то есть в реальном, традиционном употреблении в речи имен собственных.

Например, в качестве признака демократичности в западных странах, особенно в США, принято использовать просто имена по отношению к старшим, к вышестоящим, причем часто это могут быть краткие, ласкательные, детские формы. Профессоров в университетах Англии и США студенты и коллеги называют, к удивлению иностранных стажеров, не только *Роберт* или *Ричард*, но и *Боб*, и *Дик*. Да что там профессоров, к президентам и премьер-министрам вся страна тоже обращается: *Билл*, *Тони*. Никому в голову не придет назвать Клинтона Вильямом, а Блэра — Энтони. А в нашей культуре нельзя представить, чтобы Путина кто-то назвал Володей или Вовой, Ельцина — Борей, Горбачева — Мишей.

Такого рода «демократичность» — фамильярность в обращении настолько чужда нашей традиции, что даже когда дело касается юной героини фильма «Уимблдон», российский кинокритик отмечает этот странный факт: «*Семнадцатилетняя теннисистка Лиззи (за весь фильм никто, включая судей и спортивных комментаторов, ни разу не назвал ее полным именем) Брэдбери даже ножкой от досады притопывает...*» («Коммерсант», 2004, № 213, 13 ноября).

Для того чтобы понять социокультурные оттенки таких собственных имен, как *Вовочка, Василий Иванович, Абрам, Сара, Гоги, Хачик*, нужно знать целый пласт русских анекдотов.

Географические названия также требуют фоновых знаний. Сказать о ком-то «он/она из Одессы» значит дать вполне конкретную характеристику человеку, в которой одной из обязательных составляющих будет чувство юмора.

Вот как описывает Виктория Мусорина героев своего очерка «Ах, картошка — объедение!», преуспевающих бизнесменов, выходцев из Одессы:

> «Рабочие столы Андрея Коннончука и Виталия Науменко стоят друг напротив друга. Впрочем, наши герои за ними появляются редко. Застать их, зарывшихся в бумаги, в тридцатиметровом кабинете практически невозможно. Чаще всего они энергично перемещаются по офису, решая проблемы на бегу. Да еще с юмором, добавляют сотрудники. Которые, кстати, тоже очень часто улыбаются. Вот такой веселый бизнес. Одним словом, одесситы» (Прямые инвестиции. 2006, № 01 (45).

Недавно по телевизору была передача о хорошей жизни в городе Урюпинске. Нормальный город, много достижений, расцвел там малый бизнес, люди живут вполне прилично, довольны. Однако социокультурное клеймо, лежащее на названии этого городка, ставшего символом глухой провинции, настолько негативно, что его нельзя воспринять без насмешки.

Итак, имена собственные в плане социокультурных коннотаций практически не отличаются от имен нарицательных: тропинка знания слова делает такой же зигзаг на пути к реальности. Отличие только в том, что их коннотативность более очевидна, более явственна из контекста, более открыто требует культурных знаний от воспринимающего речь.

Так, для того чтобы понять, что имеется в виду, когда городок Тарусу в Калужской области называют «русским Барбизоном», Санкт-Петербург — «северной Венецией», Москву 1990-х — «Чикаго 1920-х годов», Шанхай — «китайским Парижем», горные или холмистые пейзажи — «настоящей Швейцарией», нужно иметь культурные знания о Барбизоне, Венеции, Чикаго в 20-е годы XX века, Париже, Швейцарии, и даже не вообще по истории, географии и т. п. этих мест, а стереотипное о них представление.

Точно такие же знания требуются для понимания социокультурных коннотаций таких выражений, как *Бухенвальд для русских банков, Мещера, воспетая Паустовским как рыбный и ягодный клондайк*.

В газете «Аргументы и факты» (2005, № 31) я прочитала трогательную статью Ольги Костенко «Ищите Италию в России. В Венецию за 1000 рублей», раскрывающую значение всех этих топонимических перифраз. Трогательная она потому, что адресована тем жителям России, которые не могут побывать ни в Венеции, ни в Париже, ни в Швейцарии по очень простой и распространенной причине — у них нет средств. Газета предлагает очень легкий выход. Стоит привести эту небольшую заметку полностью.

> «Лето в разгаре, и на нас отовсюду — из телевизора, газет и, кажется, уже из унитаза — обрушиваются рекламные призывы немедленно посетить «дешевую» Италию за восемьсот евро или «смехотворно недорогую» Францию долларов эдак за семьсот.
>
> А что делать тем людям (а их в России — большинство), которым такие цены кажутся не смешными, а фантастическими, потому что семьсот долларов — это полугодовой бюджет семьи? А в Париж тем не менее хочется... Журналисты «АиФ» попытались отыскать аналоги жемчужин мирового туризма у нас в России, куда можно съездить совсем незадорого. Мы нашли Венецию, Ибицу и даже Барбизон — знаменитый французский городок художников!
>
> Старинный городок Вышний Волочок так и называют — «русская Венеция», тут даже есть несколько ресторанов с таким названием. Со всех сторон его окружают реки и озера, а центр живо-

[25] *Ю. А. Рылов.* Антропонимы в языковой картине мира // «Языки и картина мира». Всероссийская научная конференция». Тула 2002.

писно обвит несколькими каналами, образующими семь островов. Хочется «еще немножко Италии» — пожалуйста! Музей-усадьбу «Архангельское» (15 минут от московской станции метро «Тушинская») Александр Бенуа так и назвал — «русская Италия». Кружевные кованые каменные решетки, амуры с дельфинами, церковь, как будто облитая взбитыми сливками, и, наконец, великолепный дворец на берегу Москвы-реки — белиссимо! Некоторые экскурсоводы, впрочем, сравнивают дворец в Архангельском с «парижским» Версалем, так что, погуляв вокруг него по парку со скульптурами, вы убьете двух иностранных зайцев — как бы побывав и в Италии, и во Франции.

Закрепить «французскую» тему легко можно в Тарусе. Помимо своей пряничной красоты этот зеленый городок на Оке известен еще и тем, что его называют «русским Барбизоном». Напомним, Барбизон — это знаменитый городок во Франции, где в XIX веке обосновалась колония художников, писателей и поэтов. В Тарусе их, похоже, жило не меньше — Цветаева и Паустовский, художники Поленов, Борисов-Мусатов, Крымов, Ватагин и др.

Страсть как хочется в Швейцарию? Да ради бога! Запасаетесь швейцарскими шоколадками — и вперед на Алтай. Удивительное по красоте Телецкое озеро, окруженное многовековыми кедрами и снежными вершинами, уже давно зовут «русской Швейцарией».

Русская Германия — это, как известно, Калининград и Светлогорск, еще недавно бывшие Восточной Пруссией и прямо-таки утыканные резными, как шкатулочки, немецкими церквями-соборчиками. Русский Иерусалим — он в трех шагах от Москвы, так и называется — Новый Иерусалим, и храм в нем не менее удивительный, чем знаменитый храм Гроба Господня, только, ясное дело, поменьше раз в пятьдесят. Поездка в Петербург вообще фантастически экономична, потому что вы как бы побываете и в Амстердаме, и в Стокгольме, и опять же — в Венеции, ведь нашу красивейшую Северную столицу с чем только не сравнивают. Геленджик, обрастающий аквапарками и дискотеками с космической скоростью, все чаще сравнивают с культовым молодежным островом Ибица. В Выборг ездят любители «финского колорита», в Севастополе копаются в руинах Херсонеса поклонники Греции, а в Коломне по улицам пыхтят старинные трамвайчики, сильно похожие на своих знаменитых «товарищей» из Лиссабона. Европа рядом!»

Особого внимания заслуживают названия стран, принятые в китайском языке. Они имеют открытую внутреннюю форму, это не просто географический ярлык, прицепленный к участку земли, исторически сложившемуся как дом какого-либо народа и чаще всего образованному из названия этого народа (*Нидерланды* как *Нижние земли*, *Кот д'Ивуар* — *Берег Слоновой Кости* — другой вариант наименований, менее распространенный). Китайцы пошли своим оригинальным путем. Они дали странам название-характеристику и при этом, что особенно важно и правильно — почти всегда положительную и даже комплиментарную[25].

Элемент *Го* — значит *государство, держава*.
Англия — *Ин Го* — *государство выдающегося таланта*.
Франция — *Фа Го* — *государство логики закона*.
Германия — *Дэ Го* — *государство нравственного примера*.
США — *Мэ Го* — *прекрасное государство*.
Индия — *Тянь Чжу Го* — *государство небесной веры*.
Тайланд — *Тай Го* — *цветущее государство*.
Тибет — *Си Цзян* — *кладезь истинных ценностей*.

[25] Далее: из материалов В. А. Кузнецова, заслуженного профессора МЭИ, неоднократно работавшего в Китае.

Такие «возвышающие», комплиментарные названия — замечательный дипломатический прием. Неважно, что *государство нравственного примера* развязало все страшные мировые войны, а *прекрасное государство* сбросило атомную бомбу на мирное население — название прощает любой исторический грех и взывает к миру и дружбе, пробуждая «чувства добрые». Тут и очень тонкая политкорректность, и толерантность, и дипломатичность. В конце концов, если очень много раз повторять «халва», во рту может стать сладко.

Свою страну китайцы назвали скромно, без пышных эпитетов: *Чжун Го — срединная страна*. *Срединная* значит *центральная*, центр земли, центр мироздания. Очень дипломатично. Народ (больше миллиарда уже, между прочим…), не искушенный в дипломатии, «себе позволяет» и все чужие страны и их народы называет *ян гуй* (или *вай гуй*) — *заморские черти*.

Страны — ближайшие соседи получили как бы нейтральные, но отнюдь не открыто восхваляющие названия: Россия — *Э Го — государство неожиданностей (затягивания решений и внезапных перемен)*. Монголия — *Мен гу — темная старина*.

Комментарии излишни.

Впрочем, на самом деле собственные имена — топонимы, антропонимы и др. — составляют обязательный компонент комментариев к литературным произведениям, особенно — переведенным с иностранного языка.

При этом один из важных параметров хорошего качества комментирования — это раскрытие социокультурных коннотаций.

Иллюстративным материалом послужили комментарии к «Повестям Белкина», изданные в учебных целях для англоязычных учащихся, изучающих русский язык:

1. В Оксфорде (A. S. Pushkin. Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin. Oxford, 1947).
2. В Москве, издательством «Русский язык» (А. С. Пушкин. Повести Белкина. М., 1975.

Приемом социокультурного комментария, раскрывающего национальные особенности восприятия географического названия, могут послужить пояснения к названию Разгуляй (повесть «Гробовщик»). В московском комментарии они носят чисто энциклопедический характер: «The name of square in Moscow» [название площади в Москве]. Оксфордский же комментарий к тем же, но уточненным данным (не площадь, как в современной Москве, а квартал в Москве пушкинских времен) — «a quarter in Moscow», прибавляет контекстуально-ориентированное: «close to the Basmannaya where Adrian used to live» [недалеко от Басманной, где раньше жил Адриан].

В пояснениях к реальным фактам фразы, с которой начинается «Гробовщик» («Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую»), читателю важно узнать не только то, что имеются в виду Басманная и Никитская (затем улица Герцена, сейчас Большая Никитская) улицы, расстояние между которыми равно 3 милям (московский комментарий), сколько то, что эти две улицы были в те времена крайними точками Москвы — одна на северо-востоке, другая на юго-западе, то есть дроги тащились с одного конца Москвы на другой (оксфордский комментарий). В современной Москве оно было бы как от Бусиново до Бутово.

Для более полного понимания характера будочника Юрко («Гробовщик»), которого автор сравнивает с «почтальоном Погорельского», важно знать не только, что это герой повести «Лафертовская маковница» (1824) писателя Антония Погорельского (псевдоним Алексея Перовского, 1787–1836) — эти сведения дают все комментарии, но и социокультурные коннотации — то, что это образ верного слуги (московский комментарий)[27].

Из приведенного материала видно, что незнание социокультурного фона языковых явлений, неспособность заглянуть за занавес слов, проследить путь — через два зигзага — от реальности к понятию, от понятия — к слову, недооценке «сил противника» — чужого языка и культуры — ведет к невозможности преодолеть языковой и культурный барьеры, подрывает мечту людей о единстве, о сотрудничестве, о мирной и дружной жизни.

Главное — осознать эти трудности, а тогда можно все преодолеть.

[27] См. подробнее об этом: С. Г. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

Глава VII
Культура и время

Если меня об этом не спрашивают,
я знаю, что такое время;
если бы я захотел объяснить
спрашивающему — нет, не знаю.
Августин Блаженный

У разных народов — разные культуры. Банальнее и проще этой навязчивой фразы только знаменитое чеховское «лошади кушают овес и сено». И все-таки.

Разница культур не только в том, что одни пьют из чашек, а другие — из пиал, одни живут в избах, а другие — в юртах, чумах, иглу и кондоминиумах, одни сидят на стульях, а другие — на полу. Это как бы понятно, хотя и все равно вызывает недоумение: «Ну что они мучаются с палочками, взяли бы ложку или вилку!» Гораздо менее понятно, а вернее — осознаваемо, когда разные народы по-разному воспринимают, членят, категоризуют, оценивают совершенно объективные внешние явления и понятия, не зависящие от человека, его национальности, языка и культуры — например, такие, как **время**.

Словарь Даля дает следующее определение времени:

> Время — длительность бытия; пространство в бытии, последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками *(Время, сила в своих развитиях, пространство в ея сочетаниях.* (Хомяков) *Время летит. Время за нами, время перед нами, а при нас его нет.* (*Время на дудку не идет*). Время года (весна, лето, осень и зима). Время дня (утро, полдень, вечер, полночь). // Пора, година, срок, спопутный или противный чему случай (*Придет время, будет и пора. Знай время и место. Невовремя гость хуже татарина*). // Погода, состояние воздуха (*Каково вре-*

мя? Ясно, дождь, снег). // Счастье, земное благоденствие, благосостояние (*Будешь во времени́ и нас помяни. Время красит, безвремянье старит, чернит. Время на время не приходит. Всякой вещи свое время. Время деньгу дает, а на деньги времени не купишь. Бедный времени не ищет. Дурак времени не знает. Времени нужно пождать: у Бога есть что подать...*)

А вот основные значения, которые выделяет С. И. Ожегов у данного слова:

Время 1. В философии: одна из основных объективных форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи (*Вне времени и пространства движение материи невозможно*).
2. Продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами *(Солнечное время. Среднее суточное время)*.
3. Промежуток той или иной деятельности, в который совершается что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет (*Отрезок времени. Хорошо провести время. Время не ждет* (надо торопиться). *Время терпит* (еще можно ждать). *Время покажет* (будет видно в будущем). *Время работает на нас. Продолжительное время. На короткое время. В последнее время. Выиграть время*).
4. Определенный момент, в который происходит что-нибудь (*Назначить время заседания. Время обеда. В любое время дня*).
5. Множественное число в одном значении с единственным числом — период, эпоха (время / времена года: весна, лето, осень, зима. *Во времена Петра I. Суровое время / времена. С незапамятных времен*).
6. Пора дня, года (*Вечернее время. Дождливое время*).
7. Подходящая, удобная пора, благоприятный момент (*Не время сидеть сложа руки. Всему свое время. Самое время обедать*).

Теперь рассмотрим определение слова *time*, предложенное Оксфордским словарем:

Time **1(a)** all the years of the past, present and future: *past/present/future time (The world exists in space and time)*. **(b)** the passing of these taken as a whole: *As time passed they saw less and less of each other. Time has not been kind to her looks* (ie She is no longer beautiful as she was). *(old) Father Time* (ie this process represented as an old man). *Time heals all wounds.* **2** time measured by a conventional standard: *Greenwich Mean Time. Time in California is eight hours behind London.* **3** a portion or measure of time: That will take time (ie cannot be done quickly). *We have been there fore some time* (ie for a fairly long time)...

Словарь издательства Лонгмэн дает 50 значений слова *time*, из них 31 — в составе устойчивых выражений и фразеологизмов. Приведем

первые три: 1. a continuous measurable quantity from the past, through the present, and into the future: *The universe exists in space and time;* 2. the passing of the days, months and years, taken as a whole; 3. a system of measuring this: *British Summer Time* (Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995).

Интересно, что во всех определениях такого абстрактного в н е ч е л о в е ч е с к о г о, то есть никак не зависящего от человека явления, как время (именно Хронос, великое Время, был отцом «всемогущих» богов античной Греции), с которым давно и очень прочно сросся эпитет *неумолимое*, то есть неподдающееся мольбам человека, присутствует именно человек, его взгляд на время, его отношение, его возможности им управлять. Действительно, философская «длительность бытия» у Даля — чьего бытия? Вселенной, космоса, материи? В первую очередь, конечно — ч е л о в е к а, нашего с вами бытия; когда нас не будет — какое нам дело до времени? «Measurable» может быть измерено — кем? Человеком. Все эти *дни, сутки, века, часы, days, months, years* придумал, чтобы управиться со временем, человек. В человеческом обществе все от человека и для человека — и время не исключение. Человек осмысляет время, оно — важнейшая часть его бытия, его жизни и деятельности.

Время — понятие многоплановое, человек им занялся серьезно: его изучают философы, астрономы, физики, психологи, историки, лингвисты, культурологи. Да, его движение не зависит от человека, его нельзя остановить (как бы прекрасно ни было мгновенье!), нельзя повернуть вспять, нельзя обогнать, оно н е у м о л и м о, но вполне предсказуемо: скорость его течения измерена с научной точностью.

И все таки человек, это удивительное, своевольное создание — то ли от глупости-наивности, то ли от высшей мудрости «укротил» время, разбил на отрезки, сделал его субъективным и обращается с ним с разной степенью вольности — в разных культурах.

Субъективная оценка времени зависит от разных факторов: от физического и/или эмоционального состояния человека, от ситуации, настроения, компании и т. п. Соответственно, один и тот же «объективный» отрезок времени может быть долгим (*время тянется, time hangs heavily, on one's hands*), коротким (*время летит, time flies* — библейское выражение), приятным (*приятно/хорошо провести время, to have a good/nice/lovely time, the time of one's life*) или неприятным (*плохо проводить время, тяжелое/ужасное время, to have a bad time, hard time*)[1].

Отношение ко времени может служить культуроразличительным признаком.

[1] См. об этом: *И. П. Кудрявцева.* Фразеологические единицы современного английского языка с компонентами, обозначающими время: *time, hour, minute, second.* Кандидатская диссертация. М., 2007.

Культурные различия проявляются в двух планах:

1. Исчисление времени, членение его на отрезки.
2. Отношение ко времени.

Следует сразу же оговориться, что эти две характеристики взаимосвязаны и взаимообусловлены, невзирая на «объективность» первого параметра и «субъективность» второго.

Научное исчисление времени, основанное на астрономических явлениях, у большинства народов совпадает: сутки — это оборот Земли вокруг своей оси, в них 24 часа, в каждом часе 60 минут и т. д. Год — это время оборота Земли вокруг Солнца, в нем 365 дней и т. д. и т. п.

Однако более свободное, условное и менее научно детерминированное деление времени на отрезки — например, части суток: утро, день, вечер, ночь — может значительно различаться в зависимости от культуры.

Как всегда, обратимся к свидетельству языков.

Если сравнить русский и английский языки, сразу бросается в глаза отсутствие в английском языке эквивалента русскому слову *сутки*. Можно сказать *a day* (*день*) или *24 hours* (*24 часа*), но отдельного слова для суток в английской языковой картине мира нет! Не увидели, не придумали, не понадобилось. Части суток есть, а самих суток нет. А ведь такой умный, изобретательный народ…

Прежде всего — свидетельство словарей.

Русский язык: *С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Утро 1. Часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня. *На следующее утро. С самого утра. Под утро, к утру* (перед рассветом). *Утра́ми* (по утрам). *От утра до утра* (круглые сутки). *С утра до ночи* (весь день). *В одно прекрасное утро* (однажды утром). *Утро вечера мудренее* (пословица). *С утра пораньше* (рано утром; разг., часто ирон.). *Утро жизни* (перен.: детство, юность, высок.) *Утро года* (перен. весна).

День 1. Часть суток от восхода до захода солнца, между утром и вечером. *Ясный день. В середине дня. И день и ночь* (все время, постоянно). 2. То же, что сутки. *Отпуск на 4 дня. Остались считанные дни* (несколько суток). *Растет не по дням, а по часам* (очень быстро).

Вечер 1. Часть суток, сменяющая день и переходящая в ночь. *Поздний вечер. Пришел домой под ве́чер* или *(устар.) по́д вечер* (близко к вечеру). *Вечер жизни* (перен. старость, высок.). *Еще не вечер* (также перен.: еще не старость, будет еще что-то хорошее впереди).

Ночь 1. Часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром. *Темная, глубокая ночь. До́ ночи* и *до но́чи. Уехать в ночь* (ночью). *На ночь* (перед тем, как лечь спать). *На́ ночь глядя* (поздно вечером). *Спокойной* (или *покойной, доброй*) *ночи!* (пожелание спокойно спать ночью).

Английский язык: Longman Dictionary of Contemporary English.

Morning 1. the first part of the day, from the time when the sun ruses, usually until the time when the midday meal is eaten: *She goes shopping on Tuesday and Friday morning. / I must go to the shops some time during the morning / I don't want to telephone him so late at night; can't it wait until morning? The people next door play their radio from morning till night/ in the morning/ on the morning of the first of June.* 3 the part of the day from midnight to midday: *He didn't get home until 2 o'clock in the morning.*

Day 1. a period of light. *I can see by day, but not by night. He worked all day.* 2. a period of 24 hours: *There are 7 days in a week./ the day before yesterday./ the day after tomorrow.*

Evening the end of the day and early part of the night, between the end of the day's work and bedtime: *a warm evening/ By the time he gets home there won't be much evening left.*

Night 1. the dark part of each day when the sun cannot be seen. *last night / tomorrow night/ Sunday night / higher pay for work at night / The Moon gives light by/ at night / Night begins to fall* (= it starts to get dark). */ a few nights ago* (esp. not fml. AmE) *Mary works night.* 2. any of various parts of this period, such as a the evening: *This evening is my night off* (= I don't have to work this evening) b the period after bedtime: *sleep well all night* c the period before midnight: *(on) the night of May 5th.*

Язык, как обычно, многое проясняет. В словарных определениях, правда, много круговой тавтологии. Дело в том, что язык к о н с у б с т а н ц и о н а л е н, то есть ему приходится объяснять самого себя. Во всех других науках предмет их изучения — *не* язык — определяется с помощью языка; а с языком дело гораздо сложнее: приходится словами описывать слова же.

Определения частей суток в русском языке даются через части же суток: *утро* — часть суток между ночью и днем, переходящая из ночи в день, *вечер* — сменяет день и переходит в ночь. Если бы мы не знали сами, что такое *утро* и *вечер* в русском языке, понять было бы сложно.

Ночь и *день* более определенны: ночь от захода до восхода солнца, день — наоборот. Ясно, что определение ночи и дня связано со светлым и темным временем суток. Светло (есть солнце) — день, темно (нет солнца) — ночь. Но и это не вполне точно: здесь не определено место вечера и утра: солнце — а значит, — светлое время — может быть и утром, и вечером.

По параметру света в сутках есть еще и время до темноты — рус. *сумерки* — перед мраком и англ. *twilight* — между светом, так сказать.

Русский язык, таким образом, связывает части суток со световым днем, и это проясняет многое, как это ни звучит парадоксом по отношению к только что описанной неясности и тавтологичности определений.

Проясняется следующее. В русском языке, в отличие от английского, деление суток на части имеет нечеткие границы, поскольку оно зависит от света — тьмы, а световой день в России, стране огромной по протяженности и с запада на восток, и с севера на юг, имеет огромные колебания в зависимости от географического положения и от времени года. И, разумеется, в этом плане сильно отличается от других стран, более компактных географически.

В английском же языке части суток строго фиксированы по часам. Среди них царицей и отправной точкой является *morning*.

Отправной точкой потому, что это начало суток, начало дня, а «царицей» (или вернее «королевой» в английском контексте) потому, что ему принадлежит половина суток, и английское определение строго фиксирует *утро*: от полуночи до полудня (см. значение 3. From midnight to midday). Утро (а с ним и день) в англоязычном мире начинается в полночь.

Таким образом, русское *утро* — примерно от 4 часов до 10–11 — гораздо короче английского *morning*. Соответственно, загулявший сын приходит в час ночи, если он русскоязычный, и в час утра (one o'clock in the morning), если он англоязычный.

Ночь, наоборот, длиннее, чем *night*. Английское слово *night* вообще соответствует больше нашему *вечеру*, потому что время *night* — примерно от 8 вечера до полуночи. Поэтому *last night* — это обычно вполне невинное *вчера вечером*, а не *прошлой ночью*.

Дэвид Вонсбро (David Wansbrough), австралийский писатель, поэт, художник и общественный деятель, удивил наших студентов, сказав им: *When you are going home late at night, in the West it would be early in the morning* [*Когда вы возвращаетесь домой поздно ночью, на западе это было бы ранним утром*].

Как же мы определяем в русском миропорядке границы частей суток, конец ночи и начало утра, и т. п., если наши части суток не фиксированы часами? Есть разные параметры (об этом ниже), но главный и самый «подручный», потому что «под рукой» у каждого, — это язык, традиции речевого употребления. Носители русского языка без колебания скажут: *час ночи, два часа ночи, три часа ночи*, но с 4 часов — и *ночи* и — чаще — *утра*: в зависимости от контекста и ситуации. Так, жена может сказать мужу с упреком и возмущением: *Явился в 4 часа ночи!*, но она же скажет в другой ситуации: *Я встала в 4 часа утра, все приготовила, все успела сделать*. (Вот он — еще один дополнительный параметр — начало деятельности. Но об этом чуть позже.)

Очень важный языковой показатель — приветствия *Добрый день, доброе утро, добрый вечер* и их эквиваленты. *Доброй ночи* стоит особняком: это пожелание перед сном.

Поскольку световой день в России гораздо длиннее летом, чем зимой, мы говорим летом *Добрый день* и в 6, и в 7, и в 8 часов вечера и даже позже: солнце-то светит и в 10 часов! Наоборот, зимой, в 4 часа, когда уже стемнело, можно услышать *Добрый вечер*.

Если судить по приветствиям, то у французов и итальянцев вообще нет *утра* — у них только *день* и *вечер*: *bonjour* и *buon giorno* говорится все светлое время — и утром, и днем, и пока не стемнеет, а темнеет в этих странах поздно. Когда стемнело, приветствие меняется на *bon soir* и *buona sera*. Деление суток на части зависит, таким образом, от смены светлого и темного времени.

Эта система проста и логична: светло — *день (bonjour)*, темно — *вечер (bon soir)*. *Доброй ночи (bon nuit)*, как и везде — только пожелание перед сном. *Доброго утра* нет из-за неопределенности утра в оппозиции *свет — тьма*.

В англоязычном мире посложнее, но четко, просто нужно посмотреть на часы. Входя в класс на урок английского языка, я смотрю на часы и без пяти минут двенадцать говорю *Good morning!*, а в пять минут первого говорю *Good afternoon!*

Все строго, четко, по порядку: noon — полдень, 12 часов — граница: конец утра и начало дня. По-английски *afternoon* — буквально: *после полудня;* в русском языке было то же самое слово *пополудни*, определяемое словарями как «после 12 часов дня», но оно устарело и практически вышло из употребления, хотя все еще живет (доживает...) в словарях. Но в словарях есть даже и слово *пополуночи*, хотя оно уже давно вышло из употребления.

Слово *day* представляет большие трудности. Кусочку русской языковой мозаики *день* соответствуют два английских слова *day* и *afternoon*. *Good day* — это вовсе не *добрый день*, как можно было бы предположить по аналогии с *good morning* — *доброе утро* или *good evening* — *добрый вечер*. *Добрый день* — это *good afternoon*, а *good day* употребляется только при прощании, причем звучит резко и раздраженно, даже грубо и может быть переведено как *разговор окончен, до свидания!* Кроме того, *day*, как уже говорилось, означает *сутки*, а также *a good day* может, в зависимости от контекста, означать хорошую погоду *(it's a good day today)* или *удачный, подходящий день (it's a good day for fishing)*.

Из других параметров деления суток на части оправданным представляется также наблюдение о том, что языковое обозначение времени суток связано (в русской культуре — в особенности) с началом (утро) и концом (вечер) деятельности человека[2].

Особенности отношений с частями суток в русской культуре и русском языке хорошо иллюстрирует студентка Ольга Петрухина:

> Приведу пример из своего личного опыта. Летом на даче я проснулась в десять часов утра. Вышла в сад. Мимо калитки проходила соседка, она отгоняла своих коз в поле. Я поприветствовала ее: *«Доброе утро! — Да ты что, милая! Какое утро! Я уже и огород полила, и коз подоила, и на базар сходила,* — ответила мне соседка». Для русского человека совершенно нормально пожелать другому «Доброе утро!» даже в два часа дня, если он в это время только встал. Или наоборот, помните? «Встала в 4 часа утра, все сделала!»
>
> Связь утра с идеей начала деятельности, а вечера — с ее концом проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского

[2] См.: *А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев.* Время суток и виды деятельности. Логический анализ языка // Язык и время. М., 1997.

языка. Мы говорим *рано утром, поздно вечером,* но не говорим *рано днем, рано ночью.* Такое же восприятие отражается в сочетаниях *утреннее заседание, вечернее заседание* (и крайне редко — *дневное заседание*), использующихся в программах конференций, симпозиумов.

Именно на этом аспекте утра как начала рабочего дня основано юмористическое определение: *утро — это такая часть суток, когда завидуешь безработным...* («Московский университет», 2005, № 33, октябрь).

Итак, деление на части суток в русской культуре и, соответственно, в русском языке — не фиксированное по часам, как в некоторых западных культурах, а примерное, приблизительное, меняющееся в зависимости от времени года и солнечного времени. Сами части суток имеют неотчетливые границы, восприятие их достаточно субъективно: у меня еще утро, у соседа уже день.

Это отражено в языке: *позвоните мне часов в 8* (а не *в восемь часов*), *около/в районе* (разг.) *восьми, часа через два*[3]. Еще бóльшие сомнения (но одновременно и бóльший выбор) доставляют фразы типа: *позвоните вечером.* Это что — 5, 6, 7, 8, 9, 10 часов (все это по-русски — *вечер*) или может быть просто — когда стемнеет?

И совсем уже трудно (а для иностранца — невозможно) определить время звонка, если это — *позвоните в обед.* Но об этом позже.

Несомненно, на отношение России ко времени, на «скользящий график» частей суток, зависящих от светлого/ темного времени и, соответственно, от начала/ конца деятельности, повлияли географическое положение и — особенно! — размеры страны: Россия расположена в 11 часовых поясах. Не случайно в современном русском языке центральной части России распространилась шутка *А в Петропавловске-Камчатском — полночь.* Именно так — с паузой перед словом полночь, с особым ударением, подчеркивая значительность сказанного, объявляют по радио и телевидению о событиях в стране, растянутой на 10 000 километров с запада на восток. Поэтому западная Россия шутит *А в Петропавловске-Камчатском всегда полночь.* И слово *полночь* говорится с придыханием и ударением, имитируя манеру дикторов СМИ.

Западноевропейская модель дня более четко детерминирована, чем русская, что связано, во-первых, с географической компактностью внутри одного часового пояса, во-вторых, с определенными границами частей суток по часам, а в-третьих — новый параметр — с жестким расписанием приема пищи. Эти отличия особенно ярко проявляются в связи со временем обеда. Обед в западной культуре четко обозначен промежутком с 12.00 до 14.00. После этого времени многие (а в Италии и Франции — практически все) места общественного питания — кафе, рестораны, закусочные и т. п. — просто закрываются до 6–7 часов вечера.

Русский *обед* не так жестко расписан по времени и имеет очень широкий временной диапазон, особенно в семьях. Положение осложняется и языковой ситуацией: русскому слову *обед* соответствуют в английском языке два слова: *lunch* — с 12 до 14 и *dinner* — с 19 или 20 часов и далее. Поэтому, если вам сказали по-русски *Давайте встретимся после обеда* — это очень неопределенно. Это может быть и после обеда в *обеденный перерыв* на работе — с 12 до 14 часов дня, и после обеда дома в семье — в 15–16–17 часов по выходным дням, и в 18–19 часов по будням после работы.

Привычный «эквивалент» из школьных учебников и англо-русских словарей *dinner — обед* вводит в заблуждение, потому что это по времени в русской культуре скорее *ужин.* Привычный же перевод слова *ужин — supper* отличается от русского эквивалента составом, так сказать, наполнением трапезы: *supper* — это легкая еда (стакан кефира, йогурт) перед сном, а *ужин,* как и *завтрак,* в России может варьироваться от стакана чая/кофе с бутербродом или без до 3–4 блюд, включая 1–2 горячих, а если в гостях — то количество блюд неопределенно велико.

Остроумные и наблюдательные И. Ильф и Е. Петров устами своего героя, тоже остроумного и очень наблюдательного Остапа Бендера, отметили: *В некоторых странах так поздно садятся за обед, что нельзя понять, обед это или ужин.*

А вот как решили эту проблему переводчики инструкции к японскому прибору по измерению артериального давления:

> График измерения в пределах нормы:
> *Завтрак (7–10 часов)*
> *Ланч (12–14 часов)*
> *Вечерний прием пищи (18–20 часов)*

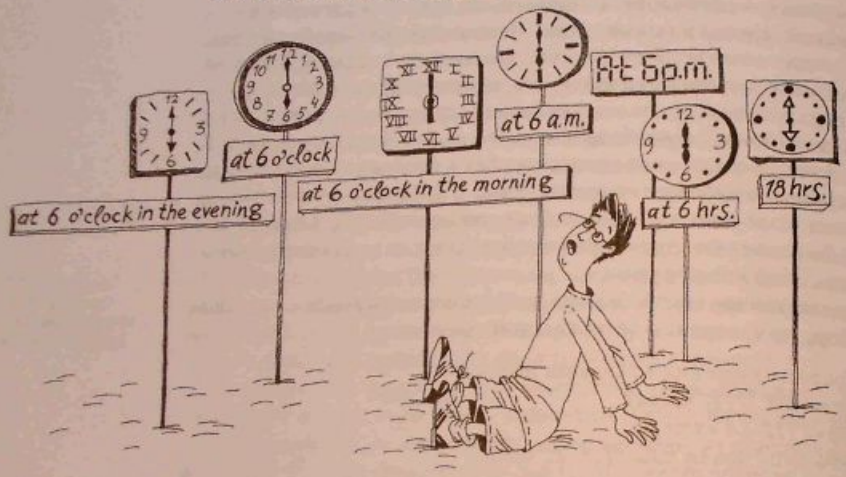
Интересная ситуация сложилась в России с суточным счетом часов. Великий западник Петр Первый ввел в 1706 году вслед за Европой суточный счет часов от 0 до 24 вместо существовавшего до этого раздельного счета дневных и ночных часов. В настоящее время обе системы сосуществуют: рабочее время и все официальные события и расписания исчисляются суточным счетом от 0 до 24. В повседневной, обыденной жизни распространен раздельный счет: *в 6 часов вечера, в 9 утра, в 2 часа дня* и т. п. По меткому замечанию шутников, служба у нас кончается в 18.00, а досуг начинается в 6 часов вечера.

В английском языке ситуация несколько иная: там также сосуществуют обе системы, но их языковое выражение различно. Если в русском языке в обоих случаях употребляется слово *час (в 18 часов, в 6 часов вечера)*, то в английском языке слово *hour* («эквивалент», «перевод» слова *час*) используется только в условиях суточного счета от 0 до 24 часов: *The event will start at 18 hours/hrs.* Эта система также используется для обозначения рабочего и официального времени. В английском языке есть даже фразеологизм *after hours — later than the usual times of work or business* (Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995) — *после работы/школы/занятий/закрытия учреждения (магазина, ресторана и т. п.).*

В случае раздельного счета в английском языке, в отличие от русского, связанного со всеми частями суток (*9 часов утра, 2 часа дня,*

[3] *О. Е. Белянко, Л. И. Трушина.* Русские с первого взгляда. М., 2001.

7 часов вечера, 3 часа ночи), все часы обычно делятся на 2 равные части: до полудня — *a.m.* (от лат. *ante meridiem*) и после полудня — *p. m.* (от лат. *post meridiem*). Но это еще не все. В английском языке в этом случае с цифрой часов употребляется *o'clock*. Таким образом, в английском языке есть следующие выражения времени суток по часам: *at 6 o'clock, at 6 o'clock in the morning, at 6 a. m., at 6 p. m., at 6 hrs, at 6 o'clock in the evening, (at) 18 hrs*

Это языковое разнообразие выражения времени очень осложняет жизнь иностранцев. Вот какая глупая история случилась со студенткой МГУ в летние каникулы 2005 года:

> «Этим летом я была в Америке со своими друзьями. Мы работали в ресторане быстрого питания и ездили на работу на велосипедах. Каждый день мы смотрели свое расписание и приезжали в соответствии с ним. В одно прекрасное утро, посмотрев на доску, я увидела цифру "2 p. m.". Очень удивившись, я сообщила своей подруге, что завтра мы работаем с двух ночи. Мы приехали домой, сказали друзьям, и они принялись нас активно убеждать, что такого быть не может и мы все перепутали. Но нас, ответственных работников, ничего не сломило. Снарядившись, мы взяли свои велосипеды и поехали на работу. Дорога казалась какой-то незнакомой и страшной — вокруг лес, тишина и никого. С горем пополам и с проглянувшей проседью мы очутились у закрытого заведения, еле видного в темное время ночи. "Наверное, наш менеджер ошибся", — подумали мы и вернулись домой» (Московский университет, 2005, № 44, декабрь).

Различия культур проявляются даже в таком, казалось бы, простом и универсально-общечеловеческом явлении, как деление календарного года на сезоны, или времена года. У русскоязычного человека сомнений нет: четыре времени года — зима, весна, осень, лето — представлены по три месяца каждое. Двенадцать месяцев, четыре времени года — очень простая арифметика: три зимних месяца, три весенних и т. д. Английский год, то есть те же 365 дней в английском календаре, делится также на четыре времени года (*seasons*), однако на зиму и лето приходится по четыре месяца, а на осень и весну — по два. Русский весенний месяц *май* в английском календаре считается летним. Русский *ноябрь* — осенний месяц, а английский *November* — зимний.

Если же сопоставить климатические условия жизни этих народов, то тем более непонятно, почему короткая и очень мягкая английская зима (цветы цветут круглый год: в декабре еще стоят розы, в январе вылезают крокусы, а трава зеленеет весь год) длиннее русской — целых четыре месяца, а в России, где с ноября (а иногда и с октября) по апрель, то есть шесть месяцев, полгода снег лежит, зима короче на месяц.

В тех странах, в которых, как в России, год делится на четыре времени года по три месяца в каждом, различия могут касаться начала сезона. В Голландии наша студентка Даша Шмаринова сказала 25 июня: «Лето холодное: целый месяц прошел, а тепла не было», — и услышала в ответ: «Почему месяц? Всего два дня прошло». В Голландии, как и в Америке, начало времен года связывают с равноденствием и с самым длинным и самым коротким световым днем: весна — с 21 марта, лето — с 22 июня, осень — с 24 сентября, зима — с 22 декабря.

Приведенный материал свидетельствует о том, что даже объективное, астрономически обусловленное, совпадающее во всем цивилизованном мире деление времени на отдельные отрезки оказывается культурно специфичным, «субъективным» для каждой культуры.

Таким образом, мы подошли к такому явному проявлению различия культур, как отношение ко времени.

> «В Швеции люди абсолютно пунктуальны. В Мексике всегда найдется сначала время на выпивку. В Африке люди, которые торопятся, вызывают подозрения и недоверие. В Малайзии время — как и главный предмет экспорта этой страны — "каучук": 10 часов означает промежуток времени от 10.15 до 11. Филиппинцы называют свою версию гибкого времени встреч "Филиппинское время"»[4].

[4] *Dr. Michael Loh.* Culture Shocks and Aftershocks // Asia, 21 January 1996, p. 49–50.

Культурологические справочники, которых сейчас очень много, обязательно отмечают разницу отношения ко времени в разных странах. Это действительно важно, поскольку культурные промахи воспринимаются болезненно.

В рубрике «пунктуальность» обычно сообщается, в каких странах опаздывать нельзя, в каких — можно, и в каких — нужно.

В качестве иллюстрации сопоставим снова *час* и *hour*, эквивалентность которых, казалось бы, абсолютна, так как их значение терминологично: *час, hour* «единица времени, равная 60 минутам». Однако если вы скажете в международной компании *Встретимся через час*, то вполне обычным может быть вопрос: *Русский час или английский*

час? При этом все понимают, что час в любом языке это ровно 60 минут, но речь идет о различии культурного отношения ко времени. В отличие от русских, в культуре которых нет подчеркнутой пунктуальности и опоздания не только возможны, но и часто культурно обязательны (в гости, на приемы и т. п.), англичане знамениты своей точностью и бережным отношением ко времени. Мы знаем по своему опыту, что в российских учреждениях один час обеденного перерыва может затянуться на неопределенное количество времени.

Вот свидетельство российской прессы на эту тему:

> «Сегодня, 20 ноября в 10.30 "ровно" (как обычно пишут в аукционных каталогах чопорные англичане, и, кстати, они действительно в отличие от своих российских коллег начинают все свои мероприятия "минута в минуту") — так вот ровно в 10.30 в Лондоне на Кинг Стрит, в главном офисе Дома Кристи стартуют очередные торги "Императорское и послереволюционное искусство и иконы"» (Независимая газета. 20.11.1997).

Отношение ко времени — важный параметр различия культур.

Известно, что русские, как и многие другие народы, относятся к понятию «время» вольно, не утруждая себя чрезмерной пунктуальностью.

Это отношение — как часть культуры — складывалось веками и, разумеется, социально-исторически обусловлено. А. В. Павловская, с 1992 года читающая на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова курс «Русский мир», объясняет и причины, и реальную ситуацию отношения русских ко времени влиянием культурных, исторических и географических факторов:

> «...Размеренная неторопливость деревенской жизни, когда обычно некуда спешить, бескрайние просторы — торопись, не торопись, все равно никуда быстро не доедешь, климат, когда внезапная метель может спутать все планы.
>
> Еще в XIX веке иностранцы много иронизировали по поводу легкомысленного отношения русских ко времени. Особенно раздражало это свойство русского характера деловитых американцев, уже тогда твердо знавших, что время — деньги. Удивляла и неспешность русского человека в работе: «...Воскресенье это праздник, когда нельзя работать, накануне он к нему готовится, на следующий день — трезвеет, а так как обычно во время рабочей недели есть еще по крайней мере один праздничный день и та же история повторяется, для работы остается совсем немного времени».
>
> Отсутствие привычной «американской» пунктуальности в русских раздражало и сбивало с толку. Русский человек «не имеет чувства времени и пространства. Для него один час похож на другой, и если он обещал починить ваше пальто к десяти часам утра, он не увидит большой беды, если пришлет его вам к 11 часам ночи». Отражение непунктуальности русских находили в языке. «Путешествующий по России слышит «Si chass» по несколько раз в день... Дословно перевод «Si chass» — «этот час», и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выполнение самого простого требования нередко уходит действительно час».
>
> И сегодня со временем у русских отношения очень свободные. Заглянув на 5 минут в гости, русский знакомый может спокойно просидеть до позднего вечера, если сложился душевный разговор. А опоздание на 15 минут и вообще за опоздание не считается. Сегодня, когда к климатическим, природным и географическим трудностям добавились еще и автомобильные пробки, время рассчитать действительно довольно трудно.
>
> Для русского человека трудно представить, что если в приглашении на прием указывается, что встреча состоится с 5 до 8 вечера, это так и есть. Для россиянина важна начальная строчка отсчета — сбор в 5, но то, что, например, те же американцы действительно в таких случаях расходятся к 8 часам, когда настоящее общение только начинается, выйдя из стадии «светского», не может не удивлять. В России во время приемов редко представляют, что есть такое понятие — регламент. Общение продолжается до тех пор, пока есть желающие общаться»[5].

[5] *А. В. Павловская. Русский мир. Рукопись, 2007.*

Не удивительно, что любимые пословицы русских *тише едешь — дальше будешь, поспешишь — людей насмешишь, поспешай, не торопясь, кто медленно запрягает — быстро едет* одновременно отражают и определяют отношение ко времени.

Испанцы, как и русские, не любят спешки, относятся ко времени свободно в том смысле, что время служит им, а не они — времени.

Как показало специальное исследование О. А. Гецман, изучающей языковую реализацию концепта времени в русском, английском и испанском языках, «в испанском языке выражения о потере времени, трате его на пустяки и развлечения не имеют негативных коннотаций. Время понимается испанцами как нечто более глобальное: как погода, эпоха, возраст. В их миропонимании время не принадлежит человеку, так как отсутствует компонент концепта «время» — обладание. Оно движется само по себе, и к нему можно только приспосабливаться, приноравливаться. Возможно, поэтому и кажется, что в Испании время течет медленнее, ибо человек не торопит его, не подгоняет»[6].

[6] *О. А. Гецман. Концепт «Время» в фразеологизмах английского и испанского языков. Дипломная работа. МГУ, факультет иностранных языков и регионоведения, 2005.*

Соответственно и в испанском языке есть пословицы, иллюстрирующие данное правило культуры и миропорядка: *cada cosa en su tiempo (каждому делу — свое время), quien echa agua en la garaffo de golpe, mas derrama que ella coge (поспешишь — людей насмешишь).*

Вольное отношение ко времени, разумеется, нашло отражение в языке. При этом, как обычно, язык одновременно и отражает, и формирует культуру своего народа. Вот как это иллюстрирует студентка нашего факультета Анна Шманова в своей курсовой работе на тему «Особенности национального характера в испанских пословицах и поговорках» (2007г.):

«Самое главное слово в лексиконе испанцев — это «маньяна» (обычно сопровождаемое пожиманием плечами), что означает «завтра» или «как-нибудь завтра», или «послезавтра», или «после-послезавтра», или «на следующей неделе», или «через неделю», или «в следующем месяце», или «может, в следующем месяце», или «в следующем году», или «может, в следующем году», или «позже», «как-нибудь», «никогда» или «ни за что».

Испанскую культуру (то есть культуру самой Испании и испаноязычных стран Южной Америки) часто приводят в качестве иллюстрации *полихромной* системы времени, когда на один и тот же отрезок времени могут быть назначены несколько дел или встреч. Человеческие отношения в таких культурах важнее расписаний, графиков, точно обозначенных сроков выполнения и т. п. Все эти временные установки нарушаются легко, без извинений или чувства вины, если семья или друзья требуют в этот момент внимания. Разумеется, это вызывает конфликт с представителями *монохромных* культур (Северная Америка, большая часть Европы), которые придерживаются системы: одно дело в одну единицу времени, четко разделенного на отдельные точные сегменты. Символом монохромной культуры можно считать деловой дневник, где точно расписаны встречи, дела, часы, минуты, место и участники».

Еще более «вольная» модель обращения со временем действует в культуре Армении (кавычки на слове «вольная» подчеркивают, что нельзя оценивать и судить другие культуры: для армян это норма, а все остальное — вольное, невольное — отклоняется от нормы).

Описывая процесс адаптации представителя русской культуры к жизни в Армении и поняв многое, автор с удивлением обнаруживает, что главный камень преткновения — это отношение ко времени.

«Единственное, к чему мы долго не могли привыкнуть, это Армянское время. Эта штука сложная и никаким логическим измерениям не доступная. Выглядит это так. Ты назначаешь встречу на три, а человек приходит в пять и не сегодня, а завтра, и не один, а с друзьями, и вообще не по этому делу. Поначалу я думал, что сойду с ума, но потом решил присмотреться внимательно, как с этой проблемой справляются местные жители, и перешел на их систему. Система проста. Нужно договариваться вообще. То есть, случайно столкнувшись где-то с кем-то, обсудить дела (по-местному «сделать бан-ман»), наметить планы, дальнейшие перспективы, пожать руки и забыть об этом тут же до следующего случайного столкновения. Это нормально — «проблем чка» (проблем нет)»[7].

[7] Ромэн Смирнов. Бан-ман // Ереван, январь–февраль 2007, с. 28.

Очень показателен «культурный шок», который знаменитый французский комик Пьер Ришар получил во время съемок кинофильма в Грузии:

«Мы снимали фильм в невиданных для Франции условиях, которые мне, в сущности, очень нравились. Вначале эти условия меня немного дестабилизировали, ибо у нас кино — это индустрия, очень отлаженная, точно расписанная, с жестким графиком работы. А в Грузии все наоборот. Съемки могли начаться в любое время и соответственно закончиться в любой час. Я никогда не знал, в какой сцене буду сниматься на следующий день. Иногда работа неожиданно останавливалась в разгар дня, и все начинали петь. У них нет того понятия о времени, какое существует на Западе, когда директор картины все время следит за режиссером и требует от него «быстрее, быстрее». И если во Франции работаешь как бы с кинематографическими муравьями, то в Грузии — со стрекозами. Должен признаться, что я гораздо лучше себя чувствую в компании последних»[8].

[8] Известия, 1998, 21 марта.

А вот свидетельство Т. Богдановой, коллеги и друга из Калмыкии:

«Одно из преимуществ калмыцкого мировоззрения, которым я сейчас с удовольствием воспользуюсь, — это неспешность и необязательность календаря. Так, праздник Зул, т. е. Новый Год, у нас празднуется в течение месяца по крайнем мере. Другой праздник Цаган Сар, т. е. опять-таки Новый Год, мы собираемся праздновать только в феврале».

Судя по справочникам, чем дальше на север, тем больше ценится и требуется пунктуальность. Скандинавские страны, Германия, Австрия, Англия любят точность. Италия, Испания, Греция, Юго-Восточная Азия, Африка, Южная Америка не только допускают, но и ожидают опоздания. Интересно, что внутри одной страны различия могут быть именно по этому параметру:

Италия. Пунктуальность ценится, особенно в Северной Италии.

Австрия. Австрийцы, как и германцы, строго придерживаются пунктуальности. Только на юге Австрии вам простят опоздание более чем на 15 минут.

Разницу культур в отношении ко времени иллюстрирует следующая история:

Студент факультета иностранных языков МГУ Сергей Цингаленок пригласил к себе на день рождения к 7 часам вечера своих друзей по студенческому общежитию. Вот как он описывал «съезд гостей»:

«Немцы пришли в 6.55 и удивились, что никого нет. Китайцы пришли в 7.05, долго извинялись за опоздание и объясняли причины. В 7.30 пришли русские и венгры и сказали: "Давайте начинать". Корейцы пришли в 8.30 и очень кратко извинились. Американцы пришли в 9.15, были очень рады, что вечеринка в разгаре и не сказали ни слова об опоздании. Остальные русские друзья потом шли всю ночь».

Запад и Восток, по наблюдениям американских лингвистов, различаются в отношении ко времени, осмысляя его в терминах горизонтали или вертикали. Очень интересные исследования Леры Бородицки в Массачусетском Технологическом Институте, проведенные с группами билингвов, одинаково владеющими китайским и английским языком, показали, что на английском языке принято говорить о времени в горизонтальном плане (т. е. точки времени прошедшее — настоящее — будущее расположены горизонтально). А для говорящих по-китайски — в плане вертикальном — например, в английском языке: *The meeting was moved forward/ back* [*Встречу перенесли вперед / сдвинули назад*]. Для говорящих на китайском языке (вариант мандарин) следующий месяц будет *низ / внизу*, а предшествующий — *верх / вверху: next month is down the calendar and last month is up*[9].

[9] *JR Minkel. A Way with Words. Scientific American. March 25, 2002.*

Разумеется, говоря о культурных особенностях того или иного сообщества, нужно помнить, что все эти положения основаны на обобщениях и представляют собой обычно лишь определенные тенденции, обусловленные различными географическими (климат, длина светового дня, географического положения и т. д.) и социально-историческими факторами (идеология, религия, историческая ситуация и т. п.). Соответственно, с изменениями этих факторов изменяются и особенности культуры, в том числе и отношение ко времени. Особенно быстро и радикально могут изменяться именно социально-исторические условия.

Так, в России один из переломных поворотов истории, радикально изменивший развитие страны во всех отношениях, в том числе и в культурном, это эпоха реформ Петра I. Ее ознаменовал, как известно, крутой переход от старых традиционных устоев к новым, открыто западноевропейским.

Не избежало реформ и время: специальным указом исчисление Нового года было сдвинуто на 3 месяца на 1 января, а летоисчисление переведено на принятое в Европе христианское (от Рождества Христова).

Вот как описывается этот перелом в российской культуре в современном историческом романе:

> «Итак, в торопливой Европе шел к исходу семнадцатый век, в неспешной Московии не столь давно начался семьдесят третий.
>
> …Царь Петр сидел на престоле уже семнадцатый год, а единолично правил почти целое десятилетие, и многое уже свершилось, доселе небывалое, однако настоящий слом всего уклада старомосковской жизни пока не произошел.
>
> Прежняя Русь, Третий Рим и Второй Цареград, по-прежнему стояла на фундаменте, заложенном Владимиром Красно Солнышко и Ярославом Мудрым, но этот год был для нее уже последний. Семь тысяч двести восьмого уже не будет, Петр удавит его в колыбели трехмесячным, повелев вести счет с 1 января — и не тысячелетьями, а веками. Впредь все будет по-другому: язык, одежда, людские отношения, представления о добре и худе, о вере и неверии, о красе и о безобразии. Скоро затрещит по всем швам и рассыплется древний терем. Подстегнутое петровским кнутом, Русское Время, испокон веку неторопливое, обстоятельное, вдумчивое, вскрикнет и понесется дерганой припрыжкой догонять европейский календарь, роняя с себя лоскуты кожи, куски окровавленного мяса и людские судьбы. Догнать не догонит, но от себя самого убежит, да так далеко, что пути домой никогда больше не сыщет»[10].

[10] *А. Брусникин. Девятный Спас. М., 2008, с. 94–95.*

Отношение автора романа к петровским реформам вполне очевидно.

Интересно, что оценка этого времени и этих перемен стала значимой на протяжении последующих эпох. Например, оппозиция славянофилов и западников, сотрясавшая русское общество в XIX веке (особенно в 30–40-е годы), так и не затихшая до конца, а периодически вспыхивающая в новой силой и в новых формах, в большой степени связана с вопросами времени, с прошлым, настоящим и будущим вообще и с оценкой петровских реформ, в частности.

Интересные сведения по этой тематике приводит Л. Г. Чапаева в своей статье «Пространство и время в идеологическом дискурсе славянофилов и западников 30–40 годов XIX века»:

> «Категория *времени* как одна из форм восприятия пространства также оказывается по-разному структурированной в славянофильском и западническом дискурсе. Она реализуется в культурологической оппозиции *прошлое ~ настоящее* как отражение более общей контроверзы о *старом* и *новом*. Славянофилы и западники предлагают противоположные смысловые интерпретации одних и тех же исторических периодов.
>
> Для западников время — не застывшее хранилище мудрости, оно необратимо в своем развитии и предстает как процесс замены старого новым, поэтому для них столь важны понятия развития и прогресса: «Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события». «Для кого настоящее не есть выше прошедшего, а будущее выше настоящего, тому во всем будет казаться застой, гниение, смерть» (В. Г. Белинский).
>
> …Западники действительно интересуются больше настоящим, чем прошлым: минувшее закончено, возврат к нему невозможен, а его результаты часто оцениваются как ошибки, требующие исправления.
>
> …Различное отношение к историческому времени нашло отражение в оценке Петровской эпохи, разделившей русскую исто-

рию на две части. Ср. определение славянофильства Ф. Толлем: «Так называется в России партия, не признающая необходимых преобразований России Петром I и видящая идеал русского устройства в допетровской Руси (Настольный словарь справок по всем отраслям знания. СПб., 1863–1864, т. III, с. 479).

...Славянофилы Петровскую эпоху в целом оценивают негативно: «Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой. Вот источник так называемого славянофильства» (В. Г. Белинский). Не считаясь с многовековыми традициями, Петр I реформировал русскую жизнь по европейским образцам, сверг главенство церкви, сделав ее одним из государственных департаментов. Единая культура, существовавшая в допетровские времена, была разрушена реформами Петра и главной задачей современности является возврат к старым добрым временам, к тому единству, к той цельности культуры, которая наиболее полно соответствовала русскому национальному духу...

Впрочем, возврат предполагал не восстановление, а воспроизведение того прошлого в настоящем, которое еще «живет в народе». В статье «О современном литературном споре» (1847), опубликованной лишь в 80-е годы XIX века, К. Аксаков уточняет славянофильскую идею: «Само собой разумеется, что прямой возврат к прошлому невозможен. Дело гораздо сложнее и вместе с тем проще: дело — в жизненности нашего прошлого: оно не прошло, но находится «подле нас». Прошедшая Русь не ушла из жизни безвозвратно, но сохранилась в простом народе. Поэтому не возвращение к тому, что перестало жить, но обращение к тому, что живет и теперь, т. е. к тому же настоящему, но к настоящему, «лишенному места в нашей общественной жизни».

Таким образом, для славянофилов некое идеальное мифическое место связано с *давним*, а для западников — с *далеким*; и время и пространство у славянофилов оказываются ограниченными, замкнутыми, у западников — безграничными, нацеленными в будущее в отрыве от прошлого, но в тесной взаимосвязи с европейским, понимаемым как общечеловеческое»[11].

В английском языке изменения в отношении к понятию «время» хорошо прослеживаются на возникновении и функционировании соответствующих метафор[12].

Основополагающими можно считать те метафоры, которые отражают христианский миропорядок, — время, как и всё сущее, даровано Богом: *time is a gift of God, time is God's creature, lifetime is a journey to the Kingdom of Heaven.*

Однако «все течет, все изменяется», ход истории приносит новые идеи, новые ценности, новое отношение к окружающему миру. Англоязычное сообщество резко расширяет свои границы, Британская империя захватывает все новые территории: от Северной Америки до Индии. Расколы в христианском мире приводят к пересмотру основ христианства, к переходу на иные позиции.

[11] *Л. Г. Чалоева. Пространство и время в идеологическом дискурсе славянофилов и западников 30–40 гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2007, № 2.*

[12] *См. по этому вопросу интересное и фундаментальное исследование М. Н. Конновой «Концептуальные метафоры времени в современном английском языке». Кандидатская диссертация. М., 2007.*

«С отходом от христианства постепенно изменяется понятие о цели человеческого существования. Новое, эгоцентричное отношение к жизни предлагает вместо блаженства вечного «блаженство» временное, земное, быстро преходящее. Центром становится человек, стремящийся к самоутверждению, которое возможно, прежде всего, за счет «правильного» использования времени. И если первоначально рачительное использование времени имеет моральный смысл, то впоследствии на первый план выдвигаются экономические соображения, которые стимулируют увеличение ценности времени сугубо в денежном эквиваленте на производстве, а вскоре и во всем сообществе»[13].

[13] *М. Н. Конновa. Указ. соч., с. 13.*

Концептуальная метафора, представляющая время как Божий дар, уступает место новым: *time is a resource (время — это ресурс), time is a commodity (время — это товар)*, а отсюда уже совсем рядом до великого «открытия» американцев: *time is money (время — деньги)*.

Наконец, современный этап развития общества — эпоха повсеместной (чтобы не сказать «повальной») компьютеризации, эпоха царства Интернета породила новый взгляд на время: *time is a virtual entity (время — виртуальная сущность)*.

Вот как этот процесс представлен в работе М. Н. Конновой:

«Представление о времени как способном подвергаться внешнему воздействию, прежде всего, уплотнению и деформации, становится концептуальным основанием для формирования во вто-

рой половине XX века нового техноцентричного образа времени. Использование множества компьютерных систем приводит к резкому сокращению, «сжатию», компрессии времени и пространства. Процесс виртуализации времени усиливается растущей глобализацией сетевого сообщества, в котором происходит преодоление реального времени. Глобальные сети безвременны, время в них отрицается, поскольку отрицается само прошлое, настоящее и будущее.

Возникает новая концептуальная метафора TIME IS A VIRTUAL ENTITY, в которой на концептуальную область времени проецируются свойства и характеристики, присущие области компьютерных технологий»[14].

[14] *М. Н. Коннова. Указ. соч., с. 17.*

Несомненную, вполне объективную, глубинную разницу в отношении ко времени проявляют культуры, ориентированные на прошлое, и те, которые ориентированы на будущее. Первые наиболее ярко представлены культурами Англии и Японии. Вторые — России (особенно Советской) и Соединенными Штатами Америки.

Формулируя кратко разницу в этих двух подходах, можно сказать, что нации, ориентированные на прошлое, считают, что их жизнь в прошлом была лучше, чем сейчас, и что именно там следует черпать и энергию, и стимул к развитию.

Отсюда — особое, внимательное, даже трепетное отношение к традициям, обычаям, принципам, которые прошли испытанием временем. Это касается и системы ценностей: предметы искусства наравне с самыми простыми предметами быта (в Англии это могут быть пустые бутылочки из-под лекарств, корзины для грязного белья и т. п.) ценятся за возраст: чем старше, тем лучше и дороже.

Народы же, которые смотрят в будущее, наоборот, думают, что жизнь в будущем будет лучше, чем сейчас, и нужно скорее ее построить любыми способами, так как цель — прекрасное, светлое будущее (Американская Мечта, Коммунизм) — оправдывает средства.

В философии и культуре Англии — вера в то, что самое страшное, что может случиться со страной и народом, — это великое шекспировско-гамлетовское «*Порвалась связь времен!*» Без связи с прошлым — нет будущего. В современной Англии эти настроения не просто живы — они очень сильны.

Исследования Е. И. Сухиной концепта времени в современном британском самосознании на материале крупнейших газет «The Times» и «The Daily Telegraph» подтверждает это богатым и убедительным материалом, поэтому не будем скупиться на цитирование.

«В британской прессе звучит открытое признание в любви к векам минувшим — к неопределенным *старым добрым временам* (*unspecified good old days*, по заключению "The Times" от 14 августа 1999 года), к конкретным страницам истории и, наконец, к прошлому в целом как к абстрактной окрыляющей идее. Язык

сердечной привязанности начинается со сдержанных заверений в своей сопричастности и заинтересованности: *consciousness, consideration, concern, keen interest*, и кончается страстным провозглашением чувств: *commitment, eagerness, desperate attachment, appetite, balm, consolation*. В подобных словах и выражениях передается неотразимое очарование воображаемого "золотого века", притягательная сила отдельных исторических периодов и действие прошлого как неиссякаемого источника энергии, вдохновения и надежды: *remembering better times, returning to good old Blighty* ("The Times", 14 и 17 августа 1999 г.); *commitment to the Saxon period* ("The Daily Telegraph", 17 августа 1999 г.); *the appetite for the past, the balmy heritage is still potent, consolation to be found… living in the past* ("The Times", 14 августа 1999 г.). Примечательно, что преклонение перед былым подразумевает чувство, просветленное знанием; поэтому как тяжкое преступление в любви расценивается неведение, невежество *(historical amnesia, tabula rasa)*.

О привязанности к прошлому можно со значительной долей уверенности судить и по тому, куда направлен вектор духовного движения. Так, в британском космосе, представленном на страницах "The Times" и "The Daily Telegraph", человеку внутренне необходимо все время оглядываться назад, чтобы удостовериться: прошлое все еще там, незыблемо, нетленно: *looking back through our history* ("The Daily Telegraph", 17 августа 1999 г.), *looking over our shoulders at a way of life fast disappearing* ("The Times", 14 августа 1999 г.). Более того, нужно постоянно переноситься в мыслях во времена минувшие — во имя поддержания живительной связи между поколениями и придания настоящему блеска и великолепия. Отсюда и рубрики в "The Times": *В этот день, Столетие в фотографиях (On this day, A century in photographs)*. Вследствие обращения к былому и движения в этом направлении развивается специфическая форма существования — жизнь в прошлом: *…living in the past is all rather jolly* ("The Times", 14 августа 1999 г.).

Заслуживает внимания и тот факт, что минувшее до последнего своего проявления оказывается не менее реально, чем настоящее. В британской прессе оно обретает особую интенсивность бытия — нечто наподобие второго дыхания. Насущные вопросы, неразрешенные дилеммы, незабытые обиды прошлого властно вторгаются в современную действительность — происходит мощный прорыв былого в настоящее и наоборот: *…we will be left with another source of cross-Channel insults, along with Waterloo, Joan de Arc and turkeys* ("The Daily Telegraph", 28 октября 1999 г.).

Феномен, по сути своей непростой, представляется еще более загадочным, если упустить из виду следующий важный момент: время, повернутое вспять, невозможно понять без учета

его особого характера, связанного с "постощущением", переживанием империи. В роли ключевого слова выступает при этом "ностальгия" (nostalgia), что подразумевает неутолимую тоску о безвозвратно ушедшем и мысленное возвращение в эпоху процветания и славы — "золотой век" британского народа. Для идеи империи характерно особое бытование в контексте современной жизни: она предстает перед мысленным взором как прочувствованная, одухотворенная параллельная реальность, а отнюдь не абстракция. В этом случае вновь проявляется одна из особенностей британского мировидения (в трактовке "The Times" и "The Daily Telegraph") — ощущение некогда существовавшего как до сих пор актуального: *Even the Isle of Wight, hardly fashionable since Queen Victoria spent half a century at Osbourne House in mourning for Prince Albert, is rapidly changing...* ("The Sunday Times", 15 августа 1999 г.). Кроме того, внутренняя форма "имперской метафоры", преломляясь в действительности конца XX – начала XXI века, переносится на другие сферы жизни. В терминах прошлого осмысляются, в частности, события на политической арене: *The fact that Mr Blair ... might conceivably be the most powerful politician in the European empire if Britain is part of it...* ("The Times", 6 сентября 1999 г.).

И, наконец, на страницах "The Times" и "The Daily Telegraph" возникает образ очаровательной спящей красавицы ("a sleeping beauty" в "The Times", 6 января 2001 г.). Он позволяет подвести итог рассуждениям об исключительной жизненности прошлого — уже в общем контексте национального самосознания. А именно: основной пафос взаимодействия двух измерений состоит в том, что время на территории Великобритании движется по-особому (подразумевается тот мифологически-условный вариант, который предлагают "The Times" и "The Daily Telegraph"). За пределами Британских островов незримо разворачивается другое, "континентальное" временное измерение: суть его — действенное пребывание в настоящем, сотканном из эфемерных, призрачных мгновений, и страстная направленность на будущее. Все это — в противовес живительному упоению прошлым, неторопливому и плавному течению времени и созерцанию громады веков. Достаточно покинуть территорию островов, ступив за сокровенную черту, — и человек тотчас же попадает в чуждую эпоху, подчиняясь несвойственному для британцев внутреннему ритму. И, наоборот, принятие иного, "европейского" времяисчисления — духовной ориентации на существующее и грядущее, на бурное, стремительное движение — приводит к нехарактерному для Великобритании членению и восприятию пространства. То же самое верно и в отношении противопоставления: Британские острова — Новый Свет»[15].

[15] *Е. И. Сухина. Пространство и время в современном британском и русском самосознании сквозь призму прессы. Кандидатская диссертация. М., 2004.*

Японская культура также обращена в прошлое, которое осмысляется как источник идей, надежды и вдохновения: у предков надо учиться, в прошлом искать правила жизни и поведения.

Это может быть связано и с требованиями религии, провозглашающей обожествление предков, и с учением Конфуция, призывающим изучать классиков. В результате японцы настороженно относятся к переменам и чтут традиции. С ориентацией на прошлое связана и такая черта японцев, как долгосрочность и внимание к процессу деятельности (для представителей культур, нацеленных на будущее, главное — это результат, а не процесс). Главные культурные ценности японцев — терпение, настойчивость, гармония — требуют долгого времени, их нельзя достичь быстро и поспешно. Рабочие заседания в Японии могут быть долгими, потому что очень важно, чтобы все участники добились полного согласия по всем вопросам — иначе не будет гармонии. Сбережение денег на долгое время — требование национальной культуры, ориентированной на долгосрочное, неспешное, но упорное достижение цели.

Соединенные Штаты Америки и Россия устремлены в будущее. В Советском Союзе построение Светлого Будущего Коммунизма требовало непрерывных жертв в настоящем. Утешала мысль: мы мучаемся, но у наших потомков будет счастливая благополучная жизнь.

По-видимому, устремление в будущее связано с христианской идеей о жизни в раю, о вознаграждении после смерти.

Для христианства характерно линейное представление о времени, ограниченном началом (Сотворение Мира) и концом (Конец света, Страшный Суд). На русских иконах часто совмещаются сцены прошлого, настоящего и будущего.

Американцы также ориентированы на будущее, но по иным причинам.

Во-первых, у них все еще очень короткое прошлое, и они все еще очень разнородны как нация.

Во-вторых — и это главное! — эти пришельцы в Новый Свет, эмигранты и их потомки, покинули родные края от неудовлетворенности жизнью, в надежде на лучшее будущее. Все торопятся достичь благополучия, реализовать Американскую Мечту. Скорость достижения цели — очень важный фактор. Соответственно, общество мобильно, изменения, пробы, эксперименты приветствуются; результат, конечный продукт гораздо важнее процесса его получения. Великая цель «погони за счастьем» («the pursuit of happiness» в Декларации независимо-

сти, главном основополагающем документе США) оправдывает средства. Все торопятся стать счастливыми (читай — богатыми), и знаменитая фраза «Время — деньги», которую приписывают самым разным авторам, стала главным девизом Америки.

Отношение ко времени как залогу богатства и поэтому счастья определило во многом и образ жизни американцев. Время приобрело статус конкретной материальной ценности, которой можно обладать, которую нужно иметь как личную собственность. Время можно украсть, потерять, убить. Не удивительно, что оплата труда в Америке почасовая: можно высчитать стоимость каждой минуты.

For Americans, time is a resource that like water or coal can be used well or poorly [*Для американцев время это ресурс, который, как воду или уголь, можно использовать и хорошо, и плохо*][16]. Временем нужно дорожить, его жалко тратить на такую мелкую чепуху, как еда, — и мир покоряют заведения общественного питания типа Фаст Фуд (букв. «*быстрая еда*»): Макдональдс, Пицца-хат, — чисто американское изобретение.

Сюжет американского фильма «Фирма» основан на умышленном раздувании количества отработанных молодыми адвокатами часов и борьбе молодого честного выпускника Гарварда с отмыванием денег, добытых таким путем[17].

Соответственно, поскольку время — это личная материальная ценность, в индивидуалистических культурах — таких, как американская, — опоздание рассматривается как неуважение, личное оскорбление. Опоздать — значит украсть время, которое — деньги.

Не удивительно, что разговорное *half ten* в американском варианте английского языка значит *половина десятого*, то есть полчаса до 10, (американцы торопятся!), а в британском английском *half ten* — это *половина одиннадцатого*, то есть полчаса после 10. Представляете, сколько английских бизнесменов опоздало на час из-за этой неувязки двух главных вариантов английского языка?

Зацикленность американцев на «рациональном» использовании времени начинает уже беспокоить наиболее разумных из них. Свидетельством этого служит фильм «Изгой» (Cast Away) режиссера Роберта Земекиса, очень серьезного и самокритично настроенного по отношению к своему, американскому образу жизни (его же фильмы «Форрест Гамп» и «Что скрывает ложь»). Вот что говорит аннотация к русскому варианту кассеты о герое фильма: «Жизнь Нолана Чака, высокопоставленного инспектора международных отделений экстренной скоростной почты FedEx, расписана по минутам. И этих драгоценных минут катастрофически не хватает ни на личную жизнь, ни на любимую женщину...».

В самом же фильме герой произносит пламенную речь, обращаясь к работникам московского отделения своей фирмы после «инцидента»: грузовик с почтой опоздал на две минуты! «Инцидент» я поставила в кавычки, потому что для русского сознания две минуты — это ничтожное время, и голливудские русские в ушанках стоят недоумевающей толпой: чего это разоряется Том Хэнкс, играющий Чака Нолана, из-за такой ерунды. Но речь героя действительно пламенная, это своего рода манифест: так ярко и точно там сформулировано американское отношение ко Времени.

«Последний грузовик опоздал на две минуты! Сегодня на две, завтра на четыре, а потом мы будем работать, как обычная почта.

Время к нам беспощадно. Ему безразлично, здоровы мы или больны, голодны мы или пьяны; русские мы, американцы или марсиане. Время, как огонь: может нас уничтожить, а может согреть. Вот почему в каждом офисе FedEx есть часы, по которым мы живем и умираем. Мы не можем повернуться к ним спиной и никогда не позволяем себе роскошь не знать точное время. Московское время 13.56. Это значит, что у нас есть ровно 3 часа и 4 минуты, чтобы закончить сегодняшнюю сортировку. Мы должны строго подчиняться времени, если не хотим, чтобы этот проклятый безжалостный надсмотрщик разорил наш бизнес».

По замыслу авторов фильма, жизнь заставляет Нолана пересмотреть свой взгляд на время — и, соответственно, на свою жизнь. Самолет, на котором летит вечно спешащий и считающий минуты (читай: и деньги тоже) Нолан, терпит крушение, и герой, единственный спасшийся, оказывается один на необитаемом острове на долгие годы. У него достаточно времени, чтобы пересмотреть свою жизнь в свете нового отношения к Времени. Вот и получается, как в русских сказках: фильмы — ложь, да в них намек, добрым молодцам — урок.

Несмотря на уроки, американские добрые молодцы продолжают гонку за временем и деньгами, которые оно приносит, если его «рационально» использовать.

Язык, разумеется, зеркало культуры, и все это отражает: в английском языке слово *time* совпадает по сочетаемости со словом *money: to spend / waste / save / borrow / run out / invest / put aside — тратить / экономить / занимать (брать в долг) / истощать запас / вкладывать (инвестировать) / откладывать (копить).*

В русском языке тоже есть аналогичные сочетания, хотя их меньше, чем в английском.

Для русской культуры и языкового сознания также характерно представление о том, что время это ценность, которую можно измерить, это ограниченная количественно (а не бесконечная) величина, рассматриваемая, подобно деньгам, как собст-

[16] *G. Althen. American Ways. Intercultural Press Inc., 1991, p. 14; А. В. Трепакова. Американские ценности в национальном кинематографе Америки.*

[17] *По материалам А. В. Трепаковой «Современное кино в социально-культурном аспекте». Кандидатская диссертация. М., 2003.*

венность, принадлежность человека. *У меня есть время, нет времени, время кончилось, дайте мне время, уделите мне немного времени, мы потеряли много времени, не буду отнимать у вас время.*

Однако, как уже неоднократно говорилось, каждый народ видит мир и относится к этому миру по-разному, что и отражают соответствующие языки. И в вопросе «обладания временем», где и в русском и в английском языках отразилось так много общего, в других языках и культурах картина иная.

Разница в отношении ко времени и понятиям «скоро», «быстро» — «не скоро», «медленно» может быть также обусловлена как жизненным пространством, территорией, так и историческим опытом.

Вот пример из личного опыта. Будучи на стажировке в Англии, я получила приглашение поехать на неделю в Шотландию. Реакция моих английских знакомых была одинаковой: «О, это так далеко!» «Там бывает очень холодно, возьмите побольше теплых вещей». Возникли ассоциации с Сибирью, Камчаткой, Чукоткой. Не могу описать свое изумление, когда, покупая билеты в кассе, я спросила, сколько времени займет поездка на поезде, и услышала значительное: «Не меньше пяти часов». Для России 5 часов пути — это рядом, это соседний город.

А вот как описывает случай из своей жизни уже упомянутая выше Ольга Гецман: «Знакомая англичанка, задав вопрос, долго ли мне ехать до родного города Витебска, была шокирована, услышав: «Да нет, недолго, 8 часов на поезде». Для нее недолго — это 40 минут — час на поезде, а по моим представлениям, учитывая, что до Владивостока 6–7 суток езды, 8 часов — это недолго».

Вольное отношение ко времени в русской культуре уже отмечалось выше. В жизни каждого из нас было много случаев, когда чиновник, врач, продавщица говорили: «минуточку!» или даже «секундочку!» и после этого приходилось ждать неопределенно долгое время. Не случайны шутки наших юмористов: «Бывают такие минуты, когда все решают секунды, и это длится часами»[18].

Академик Ю. С. Степанов назвал такое отношение ко времени «панибратским»[19]. Он имел в виду культуру Советской России, жившей идеей «Мы наш, мы новый мир построим». Понятие нового мира было связано непосредственно со временем. Как и американцы, советские люди, подстегиваемые идеологией, очень торопились осуществить свою мечту и стремились «ускорить время».

В русском языке советской эпохи это нашло отражение в лозунгах: *«Пятилетку в четыре года!»* (иногда в три…), *«Время, вперед!»*. Ю. С. Степанов приводит данные толковых словарей:

> *«В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (1935, т. I, стлб 1072) под словом «зачесть» читаем: «Зачесть пять рублей в уплату долга… Зачесть один год службы за два.* Здесь понятие «зачесть одно время, срок за другое» выступает в сопровождении разъяснительных слов… Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992) подает те же сочетания уже без всяких сопроводительных слов: «Зачесть полгода за год» (с. 229) — как если бы в самом деле каким-то образом «полгода» могли превращаться в год»[20].

[18] Из материалов студентки Ольги Петрухиной. Телевизионная передача «Городок».

[19] Ю. С. Степанов. Словарь русской культуры. М., 1997, с. 173.

[20] Ю. С. Степанов. Указ. соч., с. 173.

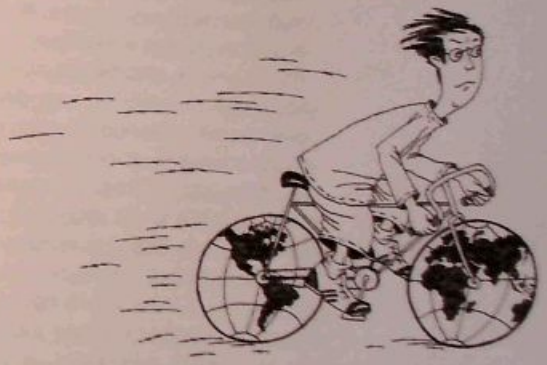
Корни такой вольности и такого панибратства, видимо, можно искать в фольклоре. Судя по русским народным сказкам, традициям русской культуры характерна неопределенность в отношении времени. Действительно, русский фольклор — вне времени: «давным давно», «при Царе Горохе», «в незапамятные времена», «долго ли, коротко ли, но пришел Иванушка…», «скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается».

Однако при всем моем великом уважении к замечательному лингвисту, настоящему Академику Юрию Сергеевичу Степанову, не могу с ним согласиться в том, что это исключительно советско-русское отношение ко Времени.

«Я вам не скажу за всю планету» (извините, но уж очень подошел одесский говор Леонида Утесова в известной песне, строчки из которой вошли в русский язык), но для культур, ориентированных на будущее, это характерно. Не случайно я вставила «Как и американцы, советские люди торопились осуществить свою мечту».

А если американцы «ускоряют» ход истории, то и вся планета идет по этому пути, пути супердержавы, оставшейся единственной и потому самой главной на этой самой планете. В качестве иллюстрации — отрывок из приглашения от МГИМО (Московский государственный институт международных отношений) на конференцию 22–23 сентября 2006 г. «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях»:

> «Объективные и субъективные характеристики пространства и времени подвержены динамике, они меняются в результате мировых процессов. Так, глобализация «сжимает» мировое пространство и «ускоряет» ход времени. Одновременно, в современном мировом развитии рождаются силы, противостоящие этим новым тенденциям и тормозящие их».

Глобализацию во многих странах называют американизацией. Об этом — ниже отдельная глава.

Что же касается исторического опыта культур, обращенных в прошлое, то о том, как формируется отношение ко времени у народов, имеющих многовековую историю, говорит следующий эпизод. Китайский чиновник с деловым и уверенным видом заявил иностранному гостю, что Китай станет нацией № 1 во всем мире. Гость ответил, что

он не сомневается в этом, учитывая как размер и страны, и ее населения, так и огромный рывок прогресса, достигнутый Китаем, но поинтересовался, когда, по мнению этого чиновника, это произойдет. Чиновник ответил: «Через 400–500 лет»[21]. Для страны с историей, исчисляемой тысячелетиями, эта цифра звучит не так, как для молодых наций, реально существующих не более 300 лет.

[21] *Dr Michael Loh.* Culture Shocks and Aftershocks // Asia. 21 January 1996. p. 49–50.

***

Подведем итоги. Даже такая универсальная величина, как **время**, в сознании, в культуре, в мире людей приобретает специфические, свойственные именно данному этническому сообществу черты и характеристики, а слова, покрывающие поле этого концепта, «обрастают» культурными коннотациями. Универсальность понятия времени определяет некоторые общие черты у разных народов в осмыслении времени и отношении к нему, однако имеются и существенные различия.

Национальные языки как свидетели и хранители культуры отражают и регистрируют эти различия в восприятии и внешнего, и внутреннего мира разными народами и разными культурами. Культурно обусловленное отношение ко времени, абстрактному, объективному, независящему от человека понятию, иллюстрирует это положение особенно ярко и наглядно.

Глава VIII
Культура и дело, бизнес, работа

Культура определяет, а язык отражает (и поэтому тоже определяет) жизнь и поведение человека во всех сферах его деятельности.

Очевидно, что такая огромная и наиважнейшая область человеческой жизни, как работа, дело, бизнес, также подвержена влиянию культуры. И сама структура, и механизмы деятельности, и отношение к ней различны в разных культурах, и этот фактор играет решающую роль в достижении максимальной эффективности и самой организации работы, и делового общения.

На эту тему написаны и расходятся огромными тиражами сотни (а может, и тысячи?) книг, статей, справочников и инструкций. Такой интерес не удивителен: возможности международного сотрудничества возросли за последние годы во много раз, особенно в связи с развалом СССР и всего «социалистического лагеря». И опять «человеческий фактор» — языки и культуры — встал на пути экономики и торговли, гигантских международных концернов и несметного множества маленьких совместных предприятий. Просится метафора — киты и планктон: киты-концерны растут и набирают вес, поедая планктон, а он все множится… Но международная торговля, промышленность, финансовая система, весь механизм сотрудничества в самых разных областях часто дает сбои: киты и планктон плавают в минных полях из-за войны языков и культур. Один просчет, одно неверное движение, одно неподходящее слово — и рушатся многообещающие контракты, перспективы, планы.

Примеров столкновений деловых культур очень много — и в жизни, и в специальной литературе. Особенно много конфликтов такого рода происходит сейчас в нашей стране по понятным причинам: они вызваны бурным взрывом зажатой, закупоренной в течение долгих лет деловой энергии и инициативы в сочетании с массовой неподготовленностью к проблемам языков и особенно культур.

Культурные проблемы в сфере делового общения начинаются с самого первого шага — устройства на работу.

Вот как описывают Валерия Булдакова и Ива Бармина («Аргументы и факты», 1997, № 17) ситуацию с набором русских специалистов

в международные компании, работающие в Москве, в статье «Охотники за головами»:

«Еще пару лет назад попасть на работу в западную фирму было большим счастьем по большому блату. Но сегодня классные русские специалисты уже выросли из штанишек дяди Сэма и не прочь уйти на повышение в отечественные фирмы.

Из четырех с половиной миллионов работоспособных москвичей около полумиллиона трудятся в иностранных фирмах или СП: на заводах и в сервис-центрах, в офисах и представительствах. У большинства из этих людей успел уже пройти период умиления перед Западом — как там у них умеют работать. Комплекс по поводу собственной отсталости тоже давно исчез. Стало очевидно, что их экономическая мысль пасует перед нашим законом и беззаконием. И то, что западные «просветители» не учитывают менталитета «слаборазвитых» русских аборигенов, приносит порой фирмам многомиллионные убытки, рассказывает Александр Хананашвили, президент фирмы «Империя кадров».

Большие просчеты в подборе людей были в Москве у известных фирм из Японии и Кореи, занимающихся электроникой. У них там, хотите — верьте, хотите — нет, при устройстве на работу принято честно и объективно рассказывать о своих способностях. В нашем щедром на таланты городе эти фирмы тоже стали набирать персонал, основываясь на том, кто им что о себе расскажет. Откуда японцам знать, что интеллигенция у нас вечно рефлексирует: «А смогу ли я, а сумею ли?» Зато бодрые кретины всегда уверены в себе: «Да вы что, ребята, у меня полгорода пацанов знакомых!» Таких и брали. Бывали уже случаи, когда японским фирмам приходилось полностью менять состав офиса.

...Одна серьезная американская компания прислала руководить своим московским представительством менеджера, до этого долго работавшего в Тайване. Он решил, что Москва — тоже Восток и психология у местных жителей такая же, азиатская. Он ввел казарменную дисциплину. Все должны были приходить на работу ровно в восемь, даже те, у кого в принципе не могло быть жесткого графика. Опоздание на пять минут каралось штрафом в половину заработной платы. К тому же этот руководитель требовал, чтобы даже высшие менеджеры сами убирали помещения, мыли из шланга свои машины на стоянке перед офисом. Раз в месяц устраивались субботники: элитные работники с зарплатой в две тысячи долларов протирали газеткой стекла. Результат трудовых свершений был налицо: коллектив практически развалился, большинство самых ценных сотрудников из фирмы ушло. Когда, наконец, этот «тайванец» был вынужден обратиться к специалистам по кадрам с вопросами «кто виноват?» и «что делать?», ему мягко намекнули: с такими методами лучше вернуться обратно в Азию.

Загадочная русская душа вообще часто ставит в тупик иностранцев, чей опыт построен на пособиях «Двадцать пять шагов к успеху» или «Тридцать три совета по подбору персонала». Западному человеку, например, не объяснишь, что в России работа — как второй дом. Важные вопросы здесь решаются часто не за компьютером, а в курилке или за чашкой чая. Эта манера русских многократно пить чай, теряя драгоценное время, варягам-руководителям особенно непонятна. Один западный менеджер, которому посоветовали не препятствовать чаепитиям, понял все по-своему. Он решил, что русским для разрядки нужны шумные застолья. И стал устраивать «ро-si-del-ki». Через несколько месяцев он прибежал к советчикам: «Почему люди на меня волком смотрят?» Оказалось, он собирал сотрудников после работы. В пятницу. В день выдачи зарплаты. Ставил на стол «колу». И ждал непринужденного общения. Народ, конечно, приходил — неудобно обидеть главного менеджера. Но в пятницу вечером с зарплатой в кармане пить газировку... Фирму спасли, посоветовав отмечать дни рождения русских сотрудников. На счастье подвернулся юбилей главного бухгалтера — тут и была сохранена русско-американская дружба. На радостях незадачливый менеджер пообещал теперь справлять все российские праздники.

Одна из самых трагических ошибок западных менеджеров в России — они не учитывают, что в людях здесь, несмотря ни на что, жива психология гражданина великой державы. Простой пример: замечено, что многие русские испытывают дискомфорт от того, что кнопки факсов, команды из меню компьютерных программ — преимущественно на английском. Это раздражает даже тех, кто отлично знает язык. Тем более неприятно людям, что западные менеджеры «сохраняют дистанцию», пытаясь провести границу между собой и местным наемным персоналом. Существует «потолок», выше которого русский специалист, каким бы хорошим он ни был, подняться не может. Теряя лучших сотрудников, западные компании вынуждены поступиться принципами. В мелких фирмах сейчас обычно иностранец — только шеф, остальные — наши. В средних — русские по-прежнему в основном в низшем звене. А вот крупные компании резко изменили свою кадровую политику. Иностранцы — в высшем эшелоне, да кое-где под ними в конторе разбросаны единицы мелких приезжих клерков. Остальные — наши, в том числе теперь и в руководстве.

Возможность профессионального роста дают «тренинги», американская система постоянного обучения, совершенствования в маркетинге или, например, в языке. Но и тут не обходится без накладок. Специалистам по маркетингу в области тяжелого машиностроения показывают учебные фильмы из жизни захолустного американского городка про то, сколько банок «колы» надо размещать в витрине магазина.

Для одного отличного специалиста последней каплей было, когда его заставили писать объяснительную на двух листах, почему он купил за счет фирмы скрепки и для чего они ему понадобились. Зарплата у этого человека была три тысячи долларов. Наплевав на нее, он ушел в российскую компанию — на четыре тысячи.

Отечественные фирмы, подбирая кадры, уже исчерпали запас родственников и знакомых. И теперь готовы платить немалые деньги, чтобы заполучить классного специалиста. Но тот, кто на рынке труда чего-то стоит: обладает «нужной» специальностью или связями, давно нашел свое место в жизни. Поэтому сейчас и у нас стала распространятся «охота за головами». Появились небольшие компании, часто под видом консалтинговых, которые занимаются тем, что переманивают нужного специалиста. Прежде всего выясняется его зарплата, льготы — чтобы предложить лучшие условия. Потом организуется знакомство — иногда по фантастическим сценариям с участием роковых красавиц. «Окучивают» человека порой до года. На Западе это высокое искусство оплачивается десятками тысяч долларов — отдельно за сбор информации, отдельно за первое собеседование и за конечный результат. Известен случай, когда в Америке за одного специалиста было получено 100 тысяч долларов. В Москве гонорары охотников — за все про все тысячи три. За такую цену один банк переманил у другого высококлассного специалиста по аккредитивам».

В 2001 году в российской прессе для миллионов наших сограждан уже были сформулированы правила работы в иностранных фирмах, и советы начинающим имели форму культурно-антропологических учебных эссе. Статья Киры Бурениной «Игра на чужом поле» (Cosmopolitan, декабрь 2001) содержит много живого, интересного материала, построенного именно по принципу культурно-национальных различий в сфере бизнеса, и поэтому вполне заслуживает того, чтобы привести ее целиком.

«Вчерашний российский студент, попав в иностранную компанию, рад всему: высокой зарплате, бесплатным обедам, продуманным интерьерам, замечательным отношениям в коллективе, демократичности руководства. Спустя месяц он начинает понимать, что плавание в «иностранных водах» не всегда приятный процесс, спустя полгода ему приходится серьезно поразмыслить над проблемой выживания. «Такая проблема в инофирме действительно существует, — говорит Оля, сотрудник западногерманской фирмы BASF. — Мне кажется, что все российские сотрудники иностранных компаний живут двойной жизнью. На работе мы живем по западному, немецкому стандарту. Выходя же за пределы офиса, я становлюсь обычной российской гражданкой. Мы все немного Штирлицы».

Американская компания

Алла Кузнецова очень хотела получить работу в американской компании. Пройдя многоступенчатый конкурс, она получила желаемую должность. Однако вскоре эйфория сменилась разочарованием. «Совершенно напрасно говорят о том, что русские и американцы похожи друг на друга. Да, и те и другие очень общительны, но только потому, что без этого не пробиться в деловом мире. Больше всего меня раздражает показушный оптимизм американцев — у них всегда все ОК и все под контролем. Даже если американец знает, что «миссия невыполнима», все равно скажет боссу, что он берет проблему на себя. Иначе тебя перестанут уважать. Мы-то совсем другие, более скромные, совестливые, что ли. Вот и приходится имитировать чуждый тебе оптимизм, пока однажды с удивлением не поймешь, что это становится твоей второй натурой».

Собираясь делать карьеру в американской компании, учти самое главное: по своему деловому менталитету американцы — индивидуалисты. Собрались, поработали над проектом, получили деньги, проект закрыли — и разлетелись. Этим объясняется высокая текучка в представительствах американских компаний в России. Ирина Замова, директор по маркетингу американской компании — производителя пищевых добавок, считает, что американцы — страшные снобы. «Долгое время разница между руководителями и неруководителями в американской промышленности была очень заметной. Специальные места для парковки машин, отдельные залы для обеда, отдельные входы, другая одежда, различные дополнительные льготы для руководителей — все это говорило о том, что они — особая каста. Это стало почти что национальной чертой: заняв более высокую ступеньку на карьерной лестнице, американец не станет больше общаться с прежними коллегами, какие бы отношения их не связывали».

Весьма необычно для нас и понятие «коллективизма» в американском понимании. В течение жизни средний американец меняет до 30 мест работы, нигде не оседая и ни к кому не привязываясь. Зато в американских компаниях платят именно по труду, по личным результатам, а не по тарифной сетке. Американскими шефами ценятся узкие, как шпага, специалисты. Чем глубже знает сотрудник свой предмет, тем лучше. Для персонала организуются специальные семинары и тренинги, «заостряющие» специализацию, но не расширяющие кругозор. Вот почему менеджер по маркетингу всю жизнь должен заниматься маркетингом, даже если он почувствовал склонность к другому занятию. Слишком дорого стоит переобучение, слишком долго придется «заострять» и завоевывать авторитет.

Типично по-американски. Правило General Motors гласит: «Если компания заключает партнерские отношения с другими фирмами и оказывается, что в одной из них работает член вашей се-

мьи, или родственник, или просто знакомый, вы обязаны сообщить об этом руководству. Если вы это скроете, у вас будут проблемы». Это правило комментирует Галина Сотникова, сотрудник Американского медицинского центра: «В американских компаниях пойти и доложить (проще говоря, стукнуть) — милое дело. Доходит до абсурда: врачам в американских клиниках предписано «стукнуть» на самого себя, если ему понравился пациент или пациентка, а если врач этого не сделает, то обо всем доложит коллега. И при этом «Ничего личного, это просто бизнес», тебе улыбаются широкой улыбкой и похлопывают по плечу».

Японская компания

Японский стиль — это коллективизм. Фирма — дом родной, шеф — отец, коллектив — большая семья. Набор в японские компании происходит по закрытому типу: если в компании оказалось вакантное место менеджера, его стараются воспитать в собственном коллективе и никого не брать со стороны. Карьерный рост происходит по одному сценарию: в компанию приходит вчерашний студент, познает азы, медленно поднимается по служебной лестнице и уходит на пенсию. Вся жизнь — на одной фирме и за одну фирму. В московских представительствах этому правилу следуют не очень строго, но тебя все равно заставят пару лет поработать простым исполнителем, даже если ты имеешь опыт руководящей работы. Чтобы вписаться в японскую фирму, нужно быть очень гибким человеком. Что больше всего ценят японские шефы в своих сотрудниках, так это умение беспрекословно подчиняться, неутомимость, высокую работоспособность, а также отказ от собственной индивидуальности.

Символы высокого статуса, принятые в американских компаниях, у японцев не работают. Все сотрудники одеваются на работу одинаково. Дорогая машина, мобильный телефон «с прибамбасами», норковая шуба, швейцарские часы и обилие золота в ушах и на пальцах — все это неприемлемо для японских компаний. Решения в японских фирмах принимаются коллективно. Личные результаты вливаются в результаты общие, а оплата производится по показателям работы группы (очень напоминает бригадный подряд). Каждый сотрудник должен иметь широкий кругозор, он должен быть готов в любой момент заменить своего коллегу, а это требует обширных знаний из смежных областей.

Типично по-японски. «Мы были поражены одной историей, — рассказывает Лия Ястребцева, сотрудник японской автомобильной компании. — В концерне «Мауусита Дэнкни» рабочего уволили за распространение в цехе газеты коммунистов «Акахата». Он обратился в суд, по решению суда концерн восстановил этого человека на работе, но подверг его общинному наказанию. У входа на завод, рядом с проходной, построили домик — однокомнатную будку. Строптивому рабочему было сказано, что отныне его производственное задание — находиться весь рабочий день в будке и ничего не делать. Зарплату он получал исправно наравне с другими членами его бригады. Через месяц этого работника отправили в больницу с тяжелым нервным расстройством». Этот маленький эпизод очень ярко демонстрирует зависимость каждого сотрудника от коллектива компании, в которой он работает.

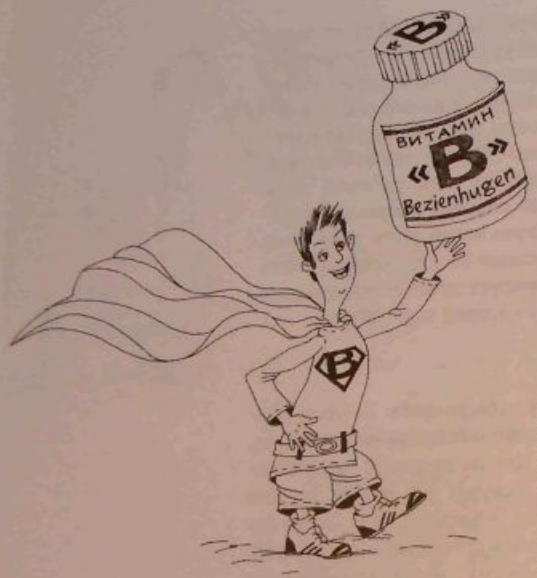
Немецкая компания

Именно немецкий язык породил слово «бюрократ». За этим словом скрывается не служебная волокита с целью вымогательства, а безусловное доверие к документу. Немцы не умеют читать между строк, поэтому каждая бумага говорит им только то, что в ней написано. Никто не в состоянии объяснить немецкому начальнику, что сроки, зафиксированные в договоре, весьма условны, что план конференции, на которой ему предстоит выступать, может измениться прямо в день проведения конференции. Офисная педантичность — характерная черта немецких компаний. Ни один документ не пропадает, даже если бумажные носители уничтожаются (все, что содержится в офисных папках, фиксируется на микропленку).

«Наши шефы обедают в общей столовой, ездят по городу на машинах сами, без водителей, часто приходят на работу в джинсах и пуловерах, — рассказывает Светлана Коптелова, сотрудник немецкой фирмы. — Немцы ценят работу в команде, уважают традиции в коллективе. На персонал тратится немало денег, в немецких компаниях самые продолжительные отпуска».

Крупные корпорации имеют длинную иерархическую цепочку — пока какое-нибудь предложение дойдет до самого высокого шефа, оно может морально устареть. «Я много раз предупреждала наше руководство о том, что компании пора начать рекламировать себя в специализированных изданиях. Наш московский представитель решить этот вопрос не мог, поэтому он составил запрос в штаб-квартиру компании. Там этот запрос рассмотрели по очереди несколько департаментов, пока он не лег на стол президенту. Прошел год, президент разрешил истратить несколько сотен марок на рекламу. Но время было упущено», — жалуется Настя Жихарева, сотрудник компании по производству сварочных электродов.

Немцам не чуждо трепетное отношение к высоким связям. Сотрудник, женатый на дочери крупного промышленника, имеет гораздо больше шансов на служебный рост, чем его коллега.

«Для немцев работа в российском представительстве фирмы приравнивается к работе в опасных условиях. Платится двойной оклад, руководство живет на всем готовом. В общем, довольно теплое местечко. Мы очень долго страдали от некомпетентности нового шефа, пока не узнали, что в России он оказался благодаря протекции своего высокопоставленного тестя. Так называемый витамин «В» (Bezienhungen в переводе означает «связи») очень хорошо влияет на управленческие решения начальства. Это было для меня большим разочарованием», — делится Ирина Вахалина.

Типично по-немецки. Новым сотрудникам германских компаний стоит учесть, что поговорка Ordnung muss sein («Во всем должен быть порядок») до сих пор не потеряла своей актуальности. «У нас любовь к порядку доходит до абсурда, — говорит Лариса, сотрудник компании «Клекнер Шталь». — Каждое утро мы находим на столе листок бумаги, на котором бисерным почерком наш начальник сообщает: «Я был здесь в 9.02» (или 03, или 01, в зависимости от того, кто и на сколько минут опаздывает к началу рабочего дня). Еще один бзик нашего начальника — стол после окончания рабочего дня должен оставаться стерильным. Меня однажды вернули в офис, когда я уже была на полдороге домой, из-за беспорядка на моем столе. Беспорядком оказались пара папок, раскрытых на нужном мне месте, ручки и степлер. Наученная горьким опытом, я каждый вечер запихиваю в ящик стола бумаги и канцтовары, с тем чтобы утром их выудить оттуда снова».

8 золотых правил роста в иностранной компании

1. Перед тем, как проходить интервью в инофирме, узнай как можно больше о стране, которую представляет эта компания, и конкретно о ее деятельности в России.
2. Если тебя приняли на инофирму, как можно скорее выясни ее основные отличия от российской компании (иногда даже жесты могут означать совершенно разные вещи). Спрашивай об этом у более опытных коллег.
3. Приглядись, как приветствуют сотрудники фирмы начальников, а также более опытных коллег. Правила субординации — ключевой момент в понимании особенностей данной инофирмы.
4. Внимательно слушай распоряжения своего непосредственного начальника и наблюдай за его реакцией на твои предложения и отчеты о проделанной работе. Очень важно понять, какие качества и инициативы ценятся в этой компании в первую очередь.
5. Работай, работай, работай. Это ценится в любой иностранной компании.
6. Попроси кого-нибудь из более опытных коллег рассказать, как происходит продвижение по службе. Как часто и по какому поводу сотрудникам повышают зарплату.
7. Обычно очень просто понять, есть ли на фирме дистанция между российскими сотрудниками и их иностранными коллегами. Если такая дистанция существует, выясни, чем она объясняется и бывают ли исключения из правил.
8. Не забывай хорошую африканскую пословицу "В деревне, где живут одноногие, надо скакать на одной ноге"».

Даже люди технических специальностей, инженеры, представляющие разные культуры, подходят к одной и той же технической проблеме по-разному. Это связано и с общей разницей культур, и конкретно — с разницей культурных подходов к образованию. Во Франции и Греции, например, у людей инженерных специальностей превалирует теоретический и материалистический подход. В Канаде, Великобритании, США — экспериментальный. Французский инженер, решая новую техническую проблему, сначала напишет все нужные дифференциальные уравнения и лишь затем попытается, упростив их, найти решение, то есть будет идти от теории к практике.

Инженер из Канады пойдет противоположным путем: от самой простой модели к более сложной. Соответственно, работая вместе, оба будут недовольны друг другом и сотрудничеством[1].

Делегация российских профессоров-экономистов прибыла в американский университет для переговоров о сотрудничестве.

На первой встрече с американскими коллегами на их вопрос: *чем мы можем быть вам полезны?* российские профессора начали говорить о своих достижениях, успехах, количестве печатных трудов, защищенных диссертаций.

Американцы рассказали о своих трудностях и попросили коллег из России описать их проблемы, неудачи, сложности. Русские были неприятно удивлены, и разговор не получился. По-видимому, сработали сразу несколько факторов.

Во-первых, принятая в Советском Союзе позиция «у нас все лучше всех», «советское — значит, отличное» (практически та же, что и в США: «proud to be American» — что-то вроде «Американец — это звучит гордо») не позволяла «сраниться» перед иностранцами.

Во-вторых, не хотелось представителям недавней супердержавы «жаловаться на жизнь» и таким образом просить помощи у бывших противников.

В-третьих, поскольку я услышала эту историю в пересказе, ничего не известно об общем тоне разговора, не показался ли он ученым России снисходительным. При личном общении невербальные сред-

[1] *Lionel Laroch.* Managing Cross-cultural Differences in International Projects. Stainless Steel World. Yearbook 1.

ства (жесты, мимика, выражение лица, интонация) выходят на первый план.

А вот какой случай произошел лично со мной. Ко мне, декану факультета иностранных языков МГУ, пришел на прием представитель американского банка в Москве. Шел 1997 год, время было непростое. Мы говорили о сотрудничестве, о совместной взаимовыгодной программе: о практике наших студентов, об обучении русскому языку как иностранному. Все было очень дружески, мило, у меня осталось хорошее впечатление о встрече.

Через несколько дней пришло письмо, в котором меня благодарили за встречу, говорили о том, что банк подумает о формах своего участия в этой отличной программе, и обещали вернуться к этому вопросу, как только соберут больше информации. Обычное, классическое «деловое письмо», и незачем было бы тратить на него сейчас время и бумагу, если бы не приписка: *«I have enclosed a small donation which may be used either for yourself or for your department»* [*Я приложил небольшой дар, который можно использовать для себя лично или для вашего факультета*].

В конверте лежала стодолларовая бумажка. Как мне было стыдно! Какой у нас был культурный шок, когда я рассказала эту историю коллегам. После всех высоких, важных переговоров о сотрудничестве — жалкая подачка.

Что означала в американской культуре такая странная для нас реакция? Мы так до сих пор этого не поняли. Разница культур? Больше этот банк и его представители на нашем горизонте не появились... Мы были рады.

Реклама — важная и неотъемлемая часть любого бизнеса

Игнорирование культурных особенностей в рекламе часто сводит на нет усилия и деньги, на нее затраченные. Мины взрываются...

В Узбекистане разгорелся скандал из-за иллюстрации в учебниках немецкого языка. Одежды и позы женщин на этих иллюстрациях не соответствовали культурным требованиям узбеков. Фирмы-издатели понесли колоссальные убытки, а спрос на немецкий язык еще больше понизился.

В Венгрии неудача постигла рекламу американской компании по уходу за детьми. Образ идеальной матери с грудным ребенком на руках не удался из-за обручального кольца на правой руке. По венгерским обычаям, женщина носит обручальное кольцо на левой руке.

Шинная фирма «Файрстоун» рекламирует свою продукцию в разных странах по-разному. В Великобритании достаточно изобразить на рекламном щите автомобиль с колесом, «обутым» в шину с различимой надписью «Файрстоун», а на заднем плане поставить элегантных джентльмена и леди. Для Голландии такая реклама оказалась бы непонятной: голландцы слывут тугодумами, поэтому здесь реклама должна быть дополнена крупно написанными фразами насчет того, что шины «Файрстоун» — лучшие в мире. На Филиппинах реклама английского типа вызвала бы тревогу: почему это у машины только муж и жена, наверное, они больны, если у них нет детей? Поэтому здесь в автомобиле должна сидеть дюжина людей, олицетворяющих единую большую семью. В Бразилии же рекламу обязательно надо сопровождать какой-то забористой шуткой, потому что бразильцы считают себя самыми остроумными людьми в мире...[2]

Крупная пивоваренная компания в течение ряда лет применяла в странах Западной Европы такую рекламу. На щитах был изображен мужчина в ирландском национальном костюме, признак которого — зеленая шляпа. Реклама хорошо работала потому, что в Европе ирландцев считают самыми строгими ценителями пива. И уж если ирландцы любят пиво этой фирмы, значит, пиво ее действительно очень хорошее — вот в чем заключался смысл рекламы. Пытаясь выйти на рынок Гонконга, фирма и там решила применить эту уже опробованную и казавшуюся такой надежной рекламу. Но продажи не пошли. Почему? Как выяснилось позже, по местным традициям мужчина в зеленой шляпе означает рогоносца. Из-за того, что фирма не учла этот культурный фактор, она понесла колоссальные финансовые потери.

Дом моделей одного из крупных сибирских городов с восторгом извещал слушателей о том, что ему удалось поучаствовать в выставке-ярмарке одной из стран Юго-Восточной Азии со своей новой коллекцией моделей. В конце же передачи была сделана оговорка, что у них, правда, ничего не купили, хотя модели сами по себе и понравились. А не купили потому, что в отделке этих моделей был использован белый цвет, который в странах Юго-Восточной Азии считается признаком траура. Аналогичный случай... имел место и при попытке одной скандинавской компании продать детскую одежду в Бельгии: оказалось, что в большинстве регионов этой страны одежда для мальчиков отделывается розовым цветом, а для девочек — голубым, то есть совсем не так, как в большинстве стран мира[3].

Роль языка в сфере бизнеса и в деловом общении невозможно переоценить. В этой области его функции особенно разнообразны, и малейшая неосторожность ведет к большим потерям — моральным и материальным.

В 1977 году в Лос-Анжелосе открылась вторая Выставка Советского Союза после 30 лет «холодной войны». Первая была сразу после Второй мировой войны в 1946 году, то есть 30 лет длилась «холодная война» с бывшими союзниками по войне горячей. В 1976 году американцы приехали в Москву со своей выставкой — в честь 200-летия провозглашения независимости своей страны. Это был знак начавшегося потепления, и в 1977 году в честь 60-летия Октябрьской революции открылась советская выставка в США. Это было историческое событие большой политической важности. Интерес американцев к Выставке, где были представлены достижения СССР в разных сферах науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, космических исследований и др., был огромен. Однако успех этого акта, знаменующего начало новых отношений между двумя супердержавами, был

[2] См.: *Т. Б. Посмон.* Дидактические материалы по новейшей истории зарубежных стран. М., 2005.

[3] См.: *В. И. Беляев.* Маркетинг в современном бизнесе: основы теории и практики. Раздел II. Маркетинговые исследования. М., 2005.

омрачен культурно-языковой ошибкой: на тщательно подготовленной Выставке безраздельно царил английский язык. Все подписи под экспонатами были по-английски. В штате выставки, куда вошли лучшие переводчики, гиды, стендисты, ни один человек не знал испанского языка.

Для Лос-Анжелоса, для штата Калифорния это было непростительным промахом. Латиноамериканцы, представляющие как раз самый пролетарский слой населения, многие из которых вообще не знали английского языка, остались за языковым барьером. Они пытались обращаться, задавали вопросы — и никто из 300 человек советской делегации не знал испанского языка... Иногда выручали их дети: они учились в школе, знали английский язык и переводили старшим. Но все уходили обиженные: великая пролетарская страна не подумала о трудящихся Америки.

При установлении международных контактов первая языковая проблема — обращение. В разных странах, в разных культурах — разные формы.

В деловой сфере обращение особенно важно, так как это первая нота: если она фальшивая, может не получиться хорошей музыки.

В таких странах, как Китай, Япония, Тайвань, Сингапур, Венгрия, в качестве обращения употребляется фамилия. Она же всегда предшествует имени. Поскольку в английском языке русское *имя* — это *first name* (букв. *первое имя*), а русское слово *фамилия* — это *surname* или — чаще — *last name (последнее имя)*, то описание формы обращения в перечисленных странах имеет несколько каламбурный вид: *the last name comes first* (букв. *последнее имя становится первым*) или *the first name of a person is his last name* (букв. *первое имя человека — это его последнее имя*). Но, поскольку язык этой книги — русский, никаких каламбуров-недоразумений быть не может: в качестве обращения употребляется ф а м и л и я.

В Бразилии и Португалии принято обращаться к жителям этих стран (имеется в виду все время официальное, деловое обращение) по имени, но с добавлением титула: если человека зовут Pedro, то — Señor Pedro.

На Филиппинах, в Мексике, Италии при обращении к людям разных специальностей к имени обычно прибавляется название профессии: Architect Tee-hankee, Attorney Pedro, Engineer Savinelly[4].

В России традиционная официальная и уважительная форма обращения — по имени и отчеству. В последнее время — как следствие сильного западного влияния — российские деловые круги отказываются от отчества. На визитках все чаще пишут только имя и фамилию. Коллега из провинции подписала письмо именем и фамилией, опустив отчество. Отвечая ей, я извинилась, что называю ее по имени, и просила сообщить отчество. Ответ нас всех удивил и огорчил: «Лучше без отчества, я была 6 месяцев на стажировке во Франции и отвыкла от отчества». За несколько месяцев пребывания в иной культуре «забыть» свою?! Сотрудничества у нас не получилось, хотя предложение было заманчивое...

[4] *См.: Michael Loh. Culture Shocks and Aftershocks // Asia, 21 January, 1996.*

Веками в России уважение к человеку (старшему, вышестоящему, у в а ж а е м о м у) выражалось обращением по имени-отчеству. Для общения в России информация «деловых», западного образца визитных карточек типа *Николай В. Иванов* недостаточна.

Вертишь ее в руках, собравшись позвонить по важному делу, и думаешь: как же сказать — *Здравствуйте, Николай В.*? Или — *Попросите, пожалуйста, Николая В.*? А еще к тому же некоторые буквы русского алфавита имеют негативные социокультурные коннотации... А если он, как я, Григорьевич?

И когда я читаю труды Анны А. Зализняк, то думаю: это мода, поза или какие-то личные мотивы? И представляю стихи Анны А. Ахматовой. И Анна Андреевна была бы другой, и даже стихи ее были бы несколько иными...

А Малаховская, написавшая такую интересную, цитированную выше книгу о русском фольклоре «Наследие Бабы-Яги», имеет два (!) имени Анна-Наталия и абсолютно никакого отчества. Даже инициала не осталось. Вот такие новости в русских традициях.

Вопрос *господин или товарищ?* отпадает в этих случаях сам собой: если без отчества, «западник», значит, *господин*. Впрочем, обращение *товарищ* практически вышло из употребления, а *господин* употребляется в подчеркнуто деловых или «элитных» кругах. Большинство русскоязычного населения избегает и того, и другого, поэтому отчество стало еще значимее — нет ни «левых», ни «правых» социокультурных коннотаций.

В Америке, Англии, Австралии культурной нормой является обращение по имени и даже более того, еще демократичнее: используются уменьшительные, детские имена (Bob, Bill, Betty). И это действительно о б щ е п р и н я т о: студенты — профессоров, младшие — старших, весь народ — Президента называют именно так. *Bill Clinton* — Президент США, его никто и не опознает, если его назвать полным именем — *William Clinton*. Представляете, если бы у нас Ленина или Путина все называли Вовой или Вовочкой? Это была бы другая страна, другой народ.

Многочисленные справочники о том, как успешно сделать бизнес на международном уровне, дают указания относительно языка делового общения. Основное требование: ясность и простота выражения мысли, поскольку главное — это чтобы вас легко и правильно поняли. «Используйте простые слова, которые легко поймут, речь должны быть краткой и логичной. Избегайте синонимов — они могут внести ненужную путаницу, особенно если для ваших собеседников английский язык — иностранный.

По тем же причинам по возможности избегайте технического жаргона, а в тех случаях, когда без него не обойтись, разъясняйте каждое слово»[5].

Здесь уместно сделать оговорку относительно жаргона языка бизнеса. Особенно ярко жаргонизмы представлены в финансовых и биржевых разновидностях делового языка. Большинство из них носит метафорический характер.

[5] *Lionel Laroch. Managing Cross-cultural Differences in International Projects. Stainless Steel World. Yearbook 1, p. 11.*

Приведем несколько примеров:

Рыба на дне океана — экономические шпионы,
Заяц — биржевой маклер,
Бык — тот, кто скупает или сохраняет акции, играет на повышение (рогами снизу вверх),
Медведь — тот, кто играет на понижение (бьет лапой сверху вниз),
Овца — спекулянт, ведущий игру вслепую.

Поскольку важная задача языка делового общения — четко и ясно передать информацию, его характеризует большое количество устойчивых, клишированных словосочетаний, которые облегчают пользование языком для обеих сторон участников общения и оптимально реализуют функцию сообщения[6].

Однако, разумеется, деловое общение не ограничивается только четкой и ясной передачей деловой, конкретной информации. Поскольку его главная цель — добиться успеха и склонить партнера к нужному решению (подписать контракт, купить, продать и т. п.), языковая функция воздействия обязательно присутствует. Реализуется она, разумеется, не клишированными словосочетаниями, а «высшим пилотажем» в использовании языка: тонкими намеками, полутонами, осторожной языковой игрой (не спугнуть!), различными приемами, описанными в работах по языку делового общения. Эти приемы называются на лингвистическом жаргоне *hooks* — *крючки*, которыми «подцепляют» клиентов.

Таким образом, языковые способы воздействия на реципиента (извините, не удалось избежать заимствованного термина: *участник речевого акта* — не так точно, поскольку реципиент — это именно тот участник, который воспринимает информацию) в деловом общении играют не менее важную роль, чем в главном царстве функции воздействия — художественной литературе, где открыто используются самые яркие, броские, очевидные стилистические приемы. В деловом общении главное искусство: затушевать, спрятать воздействие, цель которого вызвать у реципиента нужные оценочные и эмоциональные реакции, и сделать это очень тонко, по возможности незаметно. Интересно, что на фоне подчеркнуто сухого, делового, иногда — глобально клишированного текста (см., например, образцы деловых писем в пособиях по деловой переписке) малейшие отклонения, нюансы, намеки на живое, неожиданное (в некоторых культурах — например, в английской — юмор важен и желателен) действуют вполне эффективно. Так на фоне черного бархата ярко сверкают даже самые крошечные бриллиантики.

Язык рекламы занимает в этом плане промежуточное положение между фейерверком художественной литературы, открыто направленной на то, чтобы вызвать экспрессивно-эмоционально-оценочные реакции у читателя, и тонким искусством «поймать» читателя или слушателя на искусные крючки так, чтобы он ничего не заметил. Реклама, как и художественная литература, не скрывает своих целей, но ее набор приемов ограничен жанром: краткость, доходчивость, с одной стороны, и вполне открытые трюки, крючки или, лучше, магниты, привлекающие внимание.

Реклама — особый регистр сферы деловой деятельности, ей позволено быть яркой, неординарной; в рекламе можно использовать любые способы: языковые, визуальные — лишь бы она выполнила свои функции, лишь бы она работала.

Реклама, ее виды, техника, искусство, язык сейчас в центре пристального и эмоционального внимания ученых и общественности. Особенно это касается нашей страны, где и сама реклама, и ее изучение — дело все еще новое, в Советском Союзе неразвитое и ненужное. Сейчас, в условиях рыночной экономики, реклама — залог выживания и успеха Бизнеса, Дела, поэтому развивается она очень быстро, бурно, активно и скоро, при таких темпах, усердии и энтузиазме, мы, как обычно, будем «впереди планеты всей».

Рекламу как сферу речеупотребления в данном случае следует рассматривать широко — не только как «оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей»[7], но и как использование различных средств — языковых и визуальных — для вывесок, объявлений, плакатов, инструкций, надписей и рисунков, регулирующих поведение людей, дающих им разного рода информацию. Роль собственно языковых средств в этой сфере общественной жизни и деятельности нельзя переоценивать.

О языке рекламы написаны и пишутся бесконечные труды, книги, статьи, диссертации, поэтому здесь можно ограничиться только пунктирным перечислением самых распространенных языковых средств и несколько более подробным рассмотрением тех случаев, когда связь и взаимовлияние языка и культуры в рекламных текстах особенно значимы.

Для того чтобы привлечь внимание адресата рекламы, используются все средства, в первую очередь — открытые «игры» с правописанием, значением слов, графикой.

Англоязычные рекламы изобилуют такого рода примерами еще и потому, что в культурной традиции английского языка игра словами и юмор, часто основанный на этой игре, представляют особую ценность.

Несколько примеров.

Реклама фильма «Русалочка»
The Little Mermaid: Sea it
I like seafood
I eat what I see

Реклама газеты «Daily Mail» в 1970-е годы
Every man knows why every woman needs her daily male

[6] См. об этом подробно: *С. Г. Тер-Минасова.* Синтагматика функциональных стилей... М., 1987; Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 2004, Language, Linguistics and Life, 1996.

[7] *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Часто для привлечения внимания используются языковые «монстры» — нарочитые орфографические ошибки, контаминации (слияние слов), фонетическое письмо, смешение морфем разных языков.

Например:

For the best Chinese food in London WOK THIS WAY (Wok вместо Walk и Wok — сковорода для приготовления китайских блюд).
DRINKA PINTA MILKA DAY (Drink a pint of milk a day)
Petcetera (*pet* — домашнее животное + etcetera — и так далее) — сеть магазинов, торгующих кормом и товарами для домашних животных.
CU in Moscow — реклама зарубежных программ Университета Колорадо CU — Colorado University, поизносится как [si: ju] и таким образом создается фонетическая игра слов: *Колорадский университет в Москве (CU in Moscow)* и *увидимся/ до встречи в Москве (see you in Moscow)*.
Coffейка — название сети кафе в Москве.
Парфюмчик — сеть парфюмерных магазинов.

Рифма — излюбленный прием языка рекламы: привлекает внимание и легко запоминается. Папиросы «Ира» и Моссельпром прочно застряли в памяти многих поколений благодаря рифмованным рекламам В. В. Маяковского:

Нам остаются от старого мира только папиросы «Ира».
Нигде кроме, как в Моссельпроме,
а также гениальная социальная реклама:
Граждане люди! Будьте культурны! Не плюйте на пол,
а плюйте в урны.

Сколько следов истории и революционного пафоса, смягченного юмором: и обращение *Граждане* в сочетании с *людьми*, и призыв отречься от старого мира — только папиросы «Ира» оставим, и покупать все надо в теперь уже загадочном Моссельпроме, а главное — пора отучиться плеваться, а вернее — научиться плевать, куда положено в культурном обществе. Гениальный русский поэт начала XX века писал рифмованные рекламы…

Вспоминается высказывание Тенесси Вильямса: «Единственные настоящие поэты нашего времени служат в рекламных агентствах».

А вот современные рифмовки:

Здоровый кот без лишних хлопот (реклама еды для кошек)
Чисто идеально, и цена реальна (реклама стирального порошка)
Back on the rack — в американских магазинах, где продают одежду, бывшую в употреблении.
Be fair — pay fare — призыв оплатить проезд.
Stop, Revive. Survive, Break the drive, stay alive — плакаты на шоссе Сидней-Мельбурн в Австралии, призывающие водителей остановиться на отдых, чтобы избежать аварий. Дороги у них слишком хорошие: гладкие, ровные, усыпляют водителя положительной монотонностью. Вот у нас хорошо: трясет на колдобинах, водитель не уснет, и аварий меньше.

Игра слов в рекламе привлекает и авторов (мастерское владение языком), и клиентов («здорово придумывают эти авторы, остроумно!»).

Реклама лекарства, помогающего при болезнях сердца:

Альгениум плюс — Ваш надежный сердечный друг (обыгрываются разные значения слова *сердечный*).

Реклама книжной фирмы «Books etc.»:

HARD BACK
or
PAPER BACK
Books etc offer a
MONEY BACK
Guarantee

Как известно, убеждение или, вернее, стремление убедить, лежащее в основе любой рекламы в самом широком смысле этого слова, реализуется в трех категориях: п а ф о с (взывает к чувствам), л о г о с (опирается на доводы разума) и э т о с (апеллирует к нормам культуры).

Все приведенные выше примеры иллюстрируют категорию п а ф о с: они построены на игре — с формой, с содержанием, с тем и другим вместе. Во всех этих случаях игры со словом реклама пытается убедить клиента, развлекая его, создавая положительные эмоции, то есть обращаясь к чувствам.

Многие рекламы строятся на призывах к логике, разуму — это категория л о г о с. Например, реклама лекарств, как правило, серьезно, с оттенками научности, объясняет реципиенту принцип действия, медицинские показатели, преимущества перед другими препаратами и т. п. Реклама автомобилей, бытовой техники часто включает в себя перечисление конкретных технических преимуществ данной марки.

Для нашей темы особый интерес представляет категория убеждения э т о с, поскольку ее убеждающая сила основывается на знании и обыгрывании норм культуры и речи. Иначе говоря, способы убеждения в рекламе этого типа обусловлены национальной культурой.

Для России этот вид рекламы особенно важен, потому что именно он может решить специфически российские проблемы с рекламой.

Отношение к рекламе в России далеко не однозначно. Как обычно, население страны расколото на полярно противоположные лагери. Для одних реклама — это двигатель прогресса (особенно экономического), высокое искусство, которому нам, отставшим за эпоху игнорирования рекламы, надо учиться и учиться у «старших товарищей» с Запада (который, поскольку это политическое понятие, может находиться и на Востоке). Для других реклама — это «опиум для народа», наказание Божье, растлитель умов и душ, орудие массового обмана и оглупления.

Исторически реклама никогда не была в почете у русского народа. Интересно, что самый «народный» из словарей русского языка — словарь С. И. Ожегова к определению рекламы, приведенному выше, комментирует словосочетание *сделать рекламу кому-нибудь*: *перен.* «неумеренно расхваливать, разрекламировать».

Это очень точно проясняет вопрос об отношении к рекламе в России: неумеренное расхваливание, крикливое, настойчивое навязывание товаров или ценностей никогда не приветствовалось. В годы советской власти подозрительное отношение к рекламе еще более укрепилось. И дело было не в том, что это был буржуазный прием, пережиток капитализма и т. д. Вернее, не только поэтому, а еще и потому, что в эпоху дефицита товаров и услуг реклама была не нужна: все хорошее расходилось и без рекламы, а, значит, рекламировать надо было только плохие товары, чтобы сбыть их с рук.

В этом отношении показательно хрестоматийное стихотворение про старика, который пошел продавать свою корову на рынке и, в соответствии с русским национальным характером, честно говорил о недостатках своей буренки: «Да мы молока не видали пока». Когда же его пожалел молодой парень (сейчас это был бы новый русский) и стал делать буренке рекламу, то есть «неумеренно ее расхваливать», реакция старика была искренней и простодушной:

Старик поглядел на корову свою:
«Зачем я, буренка, тебя продаю?
Корову свою не отдам никому;
Такая скотина нужна самому».

Эта простая и общеизвестная история ярко и наглядно показывает и отношение русского народа к рекламе, и природную честность как противовес рекламному нахваливанию, и — очень важно! — отсутствие иммунитета к рекламе.

А вот жизненная история. Профессор В. Д. Ившин, доктор филологических наук, участник Великой Отечественной войны, поехал в Финляндию на научный конгресс. Ему почти все очень понравилось, и свои впечатления он описал в большой заметке в своей родной калужской областной газете «Знамя». Почти — но не все. «Но что же все-таки не понравилось? Во-первых, проявление господства культуры дикого Запада на телевидении, магазин порнухи и огромные газеты. Например, центральная газета «Новости Хельсинки» выходит на 48 страницах широкого формата… Зачем такой объем? Причем на всю ширину и длину первой страницы ежедневно помещаются рекламные снимки автомобилей, мебели, мужских и дамских костюмов и т. п. Невольно спрашиваешь себя: неужели все это так надо рекламировать, когда у финнов все эти предметы и вещи уже есть в личной собственности?» («Знамя», 1996, 22 ноября).

Наивно? Странно? Да, наивно, странно, даже нелепо для деловых людей, но очень по-русски: зачем бумагу тратить на такую ненужную вещь, как реклама?

Резкий поворот к капитализму, к рыночной экономике и рыночным отношениям в начале 90-х годов XX века повлек за собой такой же резкий напор, наплыв, накат рекламы.

Массовая, прозападная реклама, коверкающая русский язык дурными переводами, а души — чужими ценностями чуждой культуры, затопила нашу общественную жизнь, проникла в каждую щель, обрушилась на неподготовленное, не имеющее иммунной защиты сознание. Проникла, затопила, обрушилась, а теперь развивается и распространяется невиданными темпами. В этом вопросе мы, как Монголия когда-то, делаем гигантский скачок, перепрыгивая через формации и, несомненно, достигли определенных успехов, которые радуют сторонников и поклонников рекламы и огорчают ее противников.

Поскольку реклама «делается», в первую очередь, языком, она также оказывается зеркалом культуры, и это зеркало сейчас отражает очень сложное и далеко не положительное состояние современной культуры. И на зеркало, как известно, неча пенять…

Первое, что бросается в глаза в языке современной российской рекламы, — это англицизмы, поток заимствований из английского языка. Это характерная черта современного русского языка, особенно делового стиля, и реклама отнюдь не является исключением, тем более что и предмет рекламы в большинстве случаев — также заимствованный товар.

Язык современной русскоязычной рекламы — это некий коктейль, смесь английского с нижегородским.

Наиболее образованный «элитный» вариант включает английские слова в английском правописании.

Названия магазинов в Москве:

«R-style», «Online Trade», «Compulink»

Реклама холодильников:

ICEBEAM
DOOR COOLING
— охлаждение двери icebeam
— общий объем 590 л.
— без инея. No Frost

Очень много английских слов, написанных русскими буквами:

Дилинговый центр Акмос Трейд
Работаем с 1995 года
— Минимальный депозит $2000
- Комиссионные $0
- Бесплатные учебные счета
- Обучение
- Конкурс трейдеров
Все депозиты застрахованы
Круглосуточно
FOREX

К дилерам, трейдерам, брокерам мы уже привыкли, а вот огромная реклама «ЭКОФЛЭТЫ на Рублевке» многих, даже знающих английский язык (например, автора этих строк), поставили на какое-то время в тупик.

В результате бездумной и поспешной транслитерации английских слов на русский язык получаются неблагозвучные, нелепые варианты, которые становятся отличным материалом для юмористов. В этом отношении особенно знаменит Михаил Задорнов, обладающий тонким чувством языка (наверное, от отца — замечательного русского писателя Николая Задорнова и от жены — доктора филологических наук, профессора Московского университета). Вот его примеры антирекламы:

> «Несколько не по себе бывает, когда русскими буквами пишут иностранные названия. Например, я не могу пользоваться зубной пастой, которая называется «ГЛИСТЕР». Или кремом под названием «КАЛОДЕРМА». Какая-то удвоенная гадость.
>
> А при входе в один из ресторанов висела реклама, на которой был нарисован Микки-Маус, показывающий рукой на вход, и было написано по-английски «Go, Mick». Потом в Москве мэрия издала указ, согласно которому вся реклама должна быть по-русски. То же самое написали русскими буквами «ГО МИК»[8].

[8] *М. Задорнов.* Задорнов энд Ко. М., 2005, с. 257–258.

У него же (и там же) — пример нелепой рекламы:

СОВЕРШЕННО НОВЫЙ СЕКОНД-ХЕНД

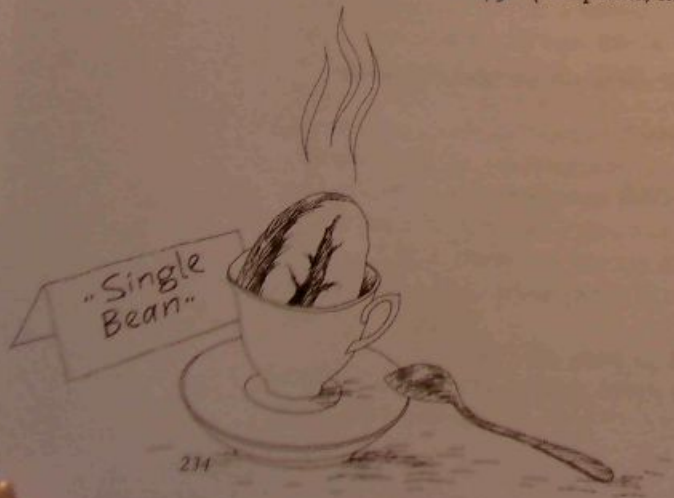
Во-первых, не каждый русский поймет секонд-хенд, во-вторых, и авторы этой рекламы не понимают, что second-hand — вещи, бывшие в употреблении, идущие «во вторые руки», не могут быть новыми по определению.

Реклама знаменитого мюзикла (тоже доброе русское слово...) в Москве выглядела так:

«Моя Fair Леди».

Наконец, «новинка» зимы 2006 года:

«Идите в shopy» (и стрелка, направляющая в магазин).

А вот реклама кофе:

Шедевр купажа с вкусовой доминантой кенийской арабики. Single bean с высокогорных кофейных плантаций.

Понятно, конечно, что шедевр, а вот — чего шедевр и что за арабика с доминантой? И даже знающие английский не понимают: почему *single bean?* Одно зернышко, что ли?

Материалу хватит на много страниц, много книг и очень много диссертаций.

Вторая характерная черта языка рекламы в России — нарушение норм лексической сочетаемости русского языка как следствие плохого, поспешного перевода.

Детский лорейн — целая семья достоинств. — Что это за семья достоинств?

Неповторимо устойчивый вкус. — Словосочетание *Неповторимо устойчивый* долго резало слух, но, в конце концов, из-за бесконечных повторений, в том числе и в пародиях, все потихоньку привыкли.

Блендамед. Пусть улыбка сияет здоровьем. — Может ли русская улыбка сиять?

Сиять улыбкой можно, а вот чтобы улыбка сама сияла — как-то сомнительно.

Модно использовать жаргонизмы. Особенно «полезен» молодежный жаргон — молодежь легче одурачить.

На этом построена реклама:

RC-кола. Кто не знает, тот отдыхает.

Поскольку я уже не молодежь, я никак не могла понять эту рекламу, потому что для меня она звучала так: кто не знает какую-то RC-колу, тот отдыхает, то есть тому хорошо. И объясняла другим представителям молодежи: «Это такой прием антирекламы». А потом оказалось, что это значит по-молодежному: тот, кто ничего не понимает, не наш человек.

Этот же прием: стилизация под молодежный жаргон — в таких слоганах (вот и еще новое русское слово), как

Не тормози! Сникерсни!
Не дай себе засохнуть!

Реклама в России — и как бизнес, и как искусство — развивается, как уже отмечалось, очень стремительно. Теперь уже всем — и авторам, и заказчикам рекламы — становится ясно, что действенная, эффективная реклама должна основываться на знании национальной культуры, системы ценностей, привычных образов.

Поэтому сейчас, наряду с иностранными рекламами иностранных же фирм, появляются и российские образцы, придуманные в России и для России.

Однако дело это тонкое, требующее не только ума — знания русской культуры, но и сердца — тактичного, бережного отношения к тому, что дорого российским «клиентам-реципиентам».

Известно, что народ России гордится — вполне заслуженно! — высоким уровнем культуры и культурными достижениями, особенно в области литературы и музыки.

Соответственно, умные рекламщики принимают во внимание эту национальную особенность и используют ее.

Вот, например, как выглядит реклама общественно-политического журнала «Персона»:

> «Персона» — это журнал для широкого круга читателей, ставящих своей целью *раскрытие качеств*, которые *формируют персону*. «Персона» в переводе с латыни — «личность». У нас это *личность, обремененная культурными традициями*. Герои 96 страниц журнала — те, кто определяет лицо России в XXI веке. Мы рады всем, кому *небезразлично состояние нашего общества вообще и культуры в частности*. Наша задача — *напомнить о вечных ценностях*, рассказать о выдающихся современниках и уже вошедших в историю персонах.

Славянский Банк поместил на своей рекламе фотографию девочки и стихи Осипа Мандельштама без указания автора[9]:

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать…

[9] Из материалов Оксаны Ксензенко.

И всё. Только адрес и телефоны. Согласитесь, довольно неожиданно — для акционерного коммерческого банка.

Разумеется, иностранные фирмы у себя дома, в своем мире также используют рекламу, основанную на фоновом знании национальной культуры.

Так, известная фирма Laura Ashley рекламирует свою продукцию строками Шекспира:

Come home to me and I will wait for you
(на фоне огромного кресла).

В отличие от Славянского банка, Laura Ashley точно указывает источник: William Shakespeare, Julius Caesar, Act I, Scene 1.

А фотография красивой женщины в одежде от Laura Ashley сопровождается цитатой из «Ромео и Джульетты»:

For I ne'er saw true beauty till this night
(William Shakespeare, Romeo and Juliet, Act I, Scene 5).

В Петербургском метро рекламный щит гласил:

Рекламу дай, как истинный мудрец:
Молчание ягнят прерви же наконец.

В тексте — аллюзия на американский фильм «Молчание ягнят».

В Москве на Ленинградском вокзале странная реклама, обыгрывающая, по-видимому, народную пословицу «Лучше синица в руках, чем журавль в небе»:

Лучше пиво в руке,
Чем девица вдалеке.

Использование национальной культуры в рекламе — дело важное и нужное, но это также и дело очень сложное и тонкое. Один неверный шаг, то есть одно неверное слово, и эффект может быть не просто нулевой, но даже полностью противоположный.

Чрезвычайно интересный материал дает Василий Касаркин, специалист по языку и стилю русской рекламы.

К одной из своих статей он взял в качестве эпиграфа слова В. О. Ключевского: «Можно и должно заимствовать изобретенный другими способ вязать чулки; но нельзя и стыдно перенимать чужой образ жизни, строй чувств и порядок отношений». Как хорошо и правильно сказано!

В материалах Василия Касаркина много интересных примеров того, как формальное, поверхностное, бестактное использование фактов и образов русской национальной культуры дает негативный результат и сводит на нет усилия авторов рекламы.

Комментарии Касаркина проникнуты и глубоким знанием русской культуры и языка, и столь же глубокой любовью к русскому народу, его культуре и языку. Я, конечно, могу пересказать его материал «своими словами» (тем более что в плане любви я ему не уступаю), но, после некоторых колебаний, стало ясно, что лучше привести его материал его же словами.

Статья «Осторожно: сознание» стоит того, чтобы ее привести полностью: написанная несколько лет назад, она сохраняет свою актуальность.

> «В последние годы большую известность получил термин-понятие менталитет — «характерные черты национального склада ума». В связи с этим интересно присмотреться к некоторым несуразностям нашей рекламы. Тем более, что языковые ментальные ошибки могут приводить на рынке к уменьшению темпов продаж и даже полному отторжению клиентами товаров и услуг.
> Выведение на рынок новых для нас рекламоносителей — сложное дело. Пример тому — такси с гробоподобными рекламными конструкциями на крыше. Москвичи метко прозвали эти машины гробовозами.
>
> Какие ассоциации вызывает реклама водки «Кремлевская» на «гробовозе»? Упомянутое такси, водка и московский Кремль способны создать следующий смысловой ряд: государственная деятельность, пьянство и похороны. Горькое сочетание, не так ли?
>
> Ментальная «мелочь» подводит и компанию сотовой связи МТС. Она неприятно удивила москвичей такой своеобразной рекламой: на карте Подмосковья (очень похожей на план военных действий) показано расширение зон охвата сотовой связью через взятие Москвы в кольцо. Под стать иллюстрации и слоган: *«GSM-900 наступает. Москва сдается»*.
>
> Оригинально? Чересчур. Авторы рекламы как будто не помнят о попытках вермахта окружить столицу в 1941 году, не думают о москвичах — их чувствах и ассоциациях.

К ментальному беспределу можно отнести и оскорбительные рекламные ролики, показанные по ТВ. Например, рекламируя жевательную резинку «Стиморол», «специалисты» предлагали зрителям за получение бесплатной путевки в Канаду *провыть волком* по телефону — кто лучше. А уговаривая купить стиральный порошок, показывали, как пьяный русский в национальном костюме в гостях пляшет на столе среди водки и еды, давя помидоры, а затем пятна со скатерти легко отстирываются порошком. Смущает нас и самодеятельный слоган: *«Когда соседи начинают завидовать...»* — так АО «Жилреконструкция» продает материалы для строительства и ремонта. Еще пример «соседской» аргументации: в почтовые ящики кладутся листовки с предложением летних душевых кабин, предваряемым фразой: *«А у соседа такого нет»*.

А между тем, по историческим свидетельствам, разжигать в соседе чувство зависти, то есть досады о вашем добре или благе, — мягко говоря, верх недальновидности.

«Марс» — богатырская выгода!» — призывают с уличных щитов покупать шоколадные батончики. Да вот только невдомек пропагандистам заморских сластей, что понятия «богатырь» и «выгода» в России несовместимы. Богатырь в русском национальном сознании — воин, бескорыстно защищающий Отечество. Да и вообще стремление к богатству для русского национального характера не самое главное. И потому не всегда должно занимать первое место в рекламе.

Кстати, совсем недавно коммерческие объявления пестрели унижающими большинство граждан страны слоганами: *«Кристалл — банк для богатых людей!»*, *«Только для богатых!»*, *«Если Вы богаты и респектабельны — Вы наш клиент»*, *«Путевки в XXI век только для богатых туристов»*, *«Наши цены кусают только несолидных людей!»*, *«Водка для богатых!»* и т. п.

Теперь мы видим подобные девизы в более «тонком» исполнении: *«Для тех, кто ценит комфорт»*, *«Для тех, кто не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи»*. Слоганисты, кажется, начинают чувствовать отношение общества к бездумно-безумному рекламному слову.

Привычные слова часто используются без учета их бытования в языке. К примеру, в 1994 г. на стендах в центре Москвы и на ТВ стали рекламировать европейскую обувь с помощью «родного» обещания: *«Мы обуем всю страну!»* Сказано было «в точку». Именно тогда «обутыми» — обманутыми разнообразными ЧИФами, АО и банками — оказались миллионы мечтателей-вкладчиков.

Раз уж мы заговорили об обуви, вспомним еще один лозунг. Фирма «МВ ГРУПП», предлагая весеннюю коллекцию, заявляет: *«Наступление весны ощутите... ногами!»* То, что наша весна — не чета западноевропейской, в расчет не берется. А в России «ощущают» это время года через промокшую обувь, а значит — через простуду.

Нельзя признать нормальным и вопрос: *«Любишь жену?»* Именно так, бесцеремонно «тыкая», вторгается в вашу семью фирма «Стрибог», навязывая американские моющие пылесосы. В этом слогане чувствуется шантаж, стремление поставить мужчину в неловкое положение перед женщиной. Кроме того, у нас не принято говорить кому-либо о своей влюбленности в жену. В России любят не напоказ, не привлекая к своей жене чужого внимания. Это связано с историей и культурой страны: таинством православного венчания, татаро-монгольским игом, крепостничеством и народной верой в действие сглаза и порчи.

Не понимая того, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, английская преподавательская фирма поместила в вагонах метро рекламу с презрительной фразой: *«Будущее за теми, кто говорит по-английски!»* Слоган воспринимался пассажирами как национальное и личное оскорбление. Москвичи этот рекламный листок срывали. Здесь ментальная ошибка приобрела ярко выраженный национально-социальный характер.

Подводя итоги, заметим: многие коммерсанты и рекламисты, похоже, до сих пор не понимают, что они работают не просто в стране, а в ЧАСТИ СВЕТА, развивающейся по особым законам. Здесь находится мощнейший духовный и интеллектуальный источник мира.

Пора понять — будущее в России, несмотря на нынешние невзгоды, за теми, кто говорит по-русски. Наш рынок богат, и без знания русского языка, религии, истории, нравов и обычаев народов, населяющих Россию, в российском социуме делать нечего. Кстати, все больше представителей инофирм начинают это осознавать. Жизнь заставляет» [10].

[10] Рекламные технологии, 1998, № 4, с. 16–17.

В статье «Красная ностальгия» Василий Касаркин анализирует рекламы, бесцеремонно обыгрывающие наше недавнее прошлое. И ее тоже стоит привести целиком, не прибегая к пересказу.

> «Одно время по радио рекламные трубадуры завлекали вкладчиков песней: *«Олби» всегда с тобой, «Олби» всегда живой, «Олби» в тебе и во мне!»*. Теперь на экране ТВ маршируют пионеры-переростки, скандирующие переиначенные строки Маяковского: *«Мы говорим ХЕРШИ, подразумеваем — КОЛА, мы говорим КОЛА, подразумеваем — ХЕРШИ!»*
>
> Или через крышу дымящего устаревшего автомобиля высовывается окарикатуренный Владимир Ильич и характерным жестом указывает покупателям направление на завод имени себя. Над всем этим — красное знамя с девизом *«Автомобили на ЗВИ»*. Интересно, много ли найдется чудаков, которые поспешат за дымящимся авто по указанному адресу?

Возможно, кому-то рекламная насмешка над сложнейшим этапом российской истории и понравится. Но большинство отнесется к подобной рекламе брезгливо, вспомнив поговорку: *Холоп всегда пляшет*

на могиле своего хозяина или еще одну: *О мертвом или хорошо, или ничего.*

«Красная ностальгия» — болезнь серьезная и заразная. Она часто возникает в сознании наших рекламистов в виде своеобразных слоганов-«шуток».

Например, такой девиз фирмы «Лемон'с», предлагающей автомобили:

ЛЕМОН'С жил,
ЛЕМОН'С жив,
ЛЕМОН'С будет
жить!

А на иллюстрации над *красным* автомобилем, в *красном* тексте вместо букв *О* висят лимоны. Кстати, «облимонивание» ассоциируется с глаголом *облимонить*, то есть «обмануть, обворовать».

Очень популярно обыгрывание в рекламе ленинских слов. Фирма «НОВЫЙ БЫТ» пришла к слогану: *«НОВЫЙ БЫТ — это комфорт плюс мебелизация всей страны»*. Ассоциация «Эксодин» поражает утверждением от противного: *«Светлое будущее капитализма — это «Эксодин» плюс «Эксодинизация» всей России»*.

«Есть такая АКЦИЯ!» — по-ленински убеждает в исключительности своих акций Международный Бизнесцентр.

Особой популярностью пользуются знаменитые слова *«всерьез и надолго»*. Их приводят в своей рекламе Финансовая группа «Ялос», АО «Джанго», фирма «Кванта+» и даже солидный «Столичный банк сбережений» (СБС). Да вот беда, — в тексте Ленина есть маленькая хитрая оговорка. Говоря о НЭПе, Владимир Ильич уточняет: «...эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно (внимание! — *В. К.*), ...не навсегда». К тому же, невдомек банкирам, что они с почтением цитируют теоретика и практика экспроприации, причем прежде всего — банков!

К сожалению, не чувствуют отталкивающей «окрасненности» своего девиза в коммерческой рекламе очень многие.

«На гребне «Красной Волны» — к Успеху!» — так предлагает «лучшие компьютеры мира» фирма «Красная Волна». На гребне волны, накрывшей на 70 лет не одно поколение россиян, страна уже побывала. Стоит ли повторять «успешный» опыт?

Своеобразным слоганом *«Революция в цене!»* зазывает покупателей концерн, естественно (!), *«Октябрь»*, занимающийся продажей автомобилей. А фирма «Блик» провозглашает лозунг *«Пора строиться!»* И на иллюстрации строятся по-военному (в фуражках и ремнях под красным флагом) строительно-отделочные материалы, желающие, видимо, что-то снова строить и кого-то «отделывать».

Раздражению предполагаемых клиентов может способствовать и разухабистая трансформация прежнего государственного (!) лозунга. Фирма «Компо», предлагающая замороженное мясо, заявляет: *«Пролетарии всех стран, наедайтесь!»*. Иллюстрируется строка изображениями морд свиньи, коровы и овцы.

Некоторые слоганисты, видимо, рассчитывают на привлечение клиентов через агрессивные ассоциации. Так фирма «Астера» (пистолеты-распылители для нанесения жидких отделочных материалов) зазывает покупателей усеченной цитатой из Маяковского: *«Ваше слово, товарищ!»* и изображением целящегося из револьвера (в кого?) «товарища». А фирма LAMPORT убеждает покупать у нее тонер-картриджи и кассеты с помощью пролетарского выражения времен Гражданской войны — *«В расход!»* — с фотографией жилистого кулака, бьющего по столу.

В «красном» арсенале средств воздействия на человека, кроме угроз и насилия, всегда находился и пряник — обещание прекрасного будущего. Этот пряник часто преподносился людям через массовую песню. *«Другого нет у Вас пути!»* — под стук колес паровоза (на иллюстрации), ставя клиенту ультиматум, поет про свою продукцию салон «Мир паркета». Обыгрывая имя в слогане, «Новый Мир» заявляет: *«Мы наш, мы НОВЫЙ МИР построим!»*. *«Он никогда и нигде не пропадет!»* — заявляет в рекламном объявлении о себе и предлагаемом полисе Генеральный Страховой Пенсионный Фонд, пытаясь играть на ностальгических чувствах пенсионеров.

Серьезную ошибку совершают и зарубежные рекламисты, предлагающие западные товары на российский рынок. Они, к сожалению, часто используют слова, которые не годятся для русской рекламы, так как могут вызвать у многих негативные ассоциации. Одно из таких слов — «революция». Так, например, зарубежные фирмы, производящие губную помаду, используют слоганы *«Революция цвета»*, *«КолорСтэй — революция для Ваших губ»* и другие.

В общем, не стоит ни зарубежным, ни нашим рекламистам задевать через коммерческую рекламу «красных товарищей» с их фразеологией, представлениями, атрибутами и образами. Одним они могут напомнить о гибели и бедах миллионов людей, другим — прожитую жизнь, идеалы (пусть даже ошибочные), историю родной страны, над которой вряд ли стоит юморить. Тем более в наше смутное время» [11].

[11] Рекламные технологии, 1998, № 4, с. 14–15.

Языковые просчеты в рекламе недопустимы, особенно если за ними скрываются культурные западни.

Компания «Дженерал моторс» при выводе своего «Шевроле» на пуэрториканский рынок назвала его, как казалось маркетологам, привычным для местного населения, красивым и звучным, отражающим превосходные качества автомобиля испанским словом «Нова», что в переводе означает «Звезда». Но автомобиль никто не стал покупать. Как выяснилось позже, в Пуэрто-Рико есть жаргонное слово «Но ва», созвучное с названием автомобиля, которое означает «ни за что не по-

едет». Изменение названия с «Нова» на «Карибу» исправило ситуацию, но понесенных потерь было уже не вернуть.

А другая американская фирма пыталась продавать в Японии автомобиль под названием «Рэндан», что на японском языке означает «идиот».

Фирма «Паркер» из-за своей небрежности также пострадала на латиноамериканском рынке, пытаясь выйти на него со своими всемирно известными ручками. Ее реклама, сделанная на испанском языке, гласила: «Избегайте беспокойства — пользуйтесь ручкой "Паркер". Из-за двойного значения слова «беспокойство», под которым в испанском языке понимается также и «беременность», рекламный текст стал двусмысленным[12].

В России рекламная кампания приобрела такой широкий размах, который трудно представить себе в других странах: в Москве, Петербурге и других крупных городах рекламные щиты — буквально на каждом столбе, на телевидении любая передача многократно прерывается долгими «рекламными паузами», причем чем интереснее программа, тем чаще и дольше она прерывается.

Рекламные девизы, слоганы, стихи и песни просто вошли в умы, память и язык россиян, стали главным и самым популярным источником юмора и сатиры. Приведу одну юмореску Всеволода Страмцова с весьма показательным названием «Денек Зомби».

> Утром проснулся, а на душе радость. Вчера поставил по квартире волшебные ловушки. Значит, таракашкам — конец! Вон инфицированный бегает. Ищет последнего, пятидесятого. Настроение — еще выше. А впереди — завтрак — хлебушек с «Рамой»! Ну очень вкусно! Божественно! И дешево. Зачем есть сливочное масло, когда в нем полно холестерина? Жизнь хороша, когда ешь не спеша!
>
> Только перекусил, самое время позаботиться о чистоте дыхания. Привычно вхожу в зону аэроволн. Чувствую обалденно. И — гулять. Со вкусом оттягиваюсь «Мериндой», сникерсну — по-черному. Надо еще испытать райское наслаждение: «Баунти» или «Марс». Смотря кого сегодня по телеку покажут первым.
>
> На обед — святое: кубики «Галины Бланки» и бутылёк «Фанты». Все — в трех экземплярах. Ну и, конечно, - «Эстрелла» с грибами — вкус умопомрачительный. И кишечная микрофлора — в порядке!
>
> Потом чашечка «Нескафе — Якобс-Голд — Нестле — Пеле». Просто восхитительно. Не забыть бы только, кто из них лучше.
>
> После обеда время крышечек от «Фанты» и фантиков от «Галиночки Бланочки». По три штуки в фирмы отправил и дело в шляпе. На днях придут призы. Кухонную мебель и джип «Чероки» я уже получил. Пора думать о путешествии на Багамы.
>
> Потом поправляю свое здоровье. Сначала «Золотой конек». Уникальный «Золотой конек» для всех мужчин. Сила начинает просто переливаться. И потом — к доктору Майорову. Вылечиваю себя за раз от всего. Да и цены такие мизерные, что о них в рекламе даже не упоминают.
>
> И снова поднимается волна радости, потому что вечером жду любимую женщину. Когда она входит, сердце разрывается от нежности. И я ей шепчу: «Больше я не собираюсь скрывать своих чувств, тони, пожалуйста, в пиве «Невское». А она поцелует меня в щеку и скажет: «Любимый, я для тебя помазалась женским «Секретом»! Обнявшись, садимся за стол. Что-то едим и пьем. С аппетитом смотрим по телевизору ревю про прокладки. С тщательной разборкой всех их достоинств. От избытка чувств я дарю ей баночку «Серены». И с ее губ слетает: «Ты мой единственный жаропонижающий жаждоутолитель!»
>
> Ночью я во сне слышу ее голос: «Вовуля! Вовочка! Вова!» И переполненный восторгом, не просыпаясь, я отвечаю: «Кальве!» («За Калужской заставой», 2001, 7 марта).

Пожалуй, эта юмореска дает не менее полное представление о языке рекламы в России и о ее влиянии на умы и души людей, чем многие научные труды по лингвистике и психологии.

В заключение, чтобы не заканчивать этот раздел на такой грустной ноте, приведу пример рекламы, верно и грамотно использующей и культурный фон, и систему ценностей — в общем, просто хорошую удачную рекламу.

Предмет рекламы — проект загородного дома. Уже само название проекта — «Русский дом с мансардой» — импонирует жителям России, заваленным импортными товарами и продуктами и поэтому все больше интересующимся своим, родным, местным, национальным. (Эту тенденцию уловили ведущие иностранные фирмы и всячески рекламируют свою «русскость»: «наш гипермаркет», «Россия — щедрая душа» — слоган Nestle и т. п.)

В рекламе «Русского дома с мансардой» учтено все наше — климат, менталитет, традиции, демография. Вот как она выглядит:

> «С самого начала этот дом был задуман как собирательный образ жилища, отражающий наш российский менталитет, наш уклад жизни, привычки, климат, экономические возможности, наконец. В итоге получился неплохой прообраз современного, удобного, комфортабельного, теплого, уютного и недорогого дома для россиянина. Особый колорит этому проекту придает использование чердака под теплое, светлое, полноценное жилье. Нам, не избалованным солнечным светом жителям средней полосы, наклонные плоскости мансарды, чьи окна обращены в небо, дают возможность ощутить очарование залитого светом пространства. Мансарда способна стать самым поэтическим уголком в доме со своим самобытным, радующим глаз интерьером. Благодаря окнам VELUX небесный свет проникает во все помещения, включая лестницу и холл.

[12] См.: *В. И. Беляев.* Маркетинг в современном бизнесе: основы теории и практики. Раздел II. Маркетинговые исследования. М., 2005; *А. Ижорский.* Маркетинг: ошибки на вес золота // Деловой журнал для всех, 1991, № 4.

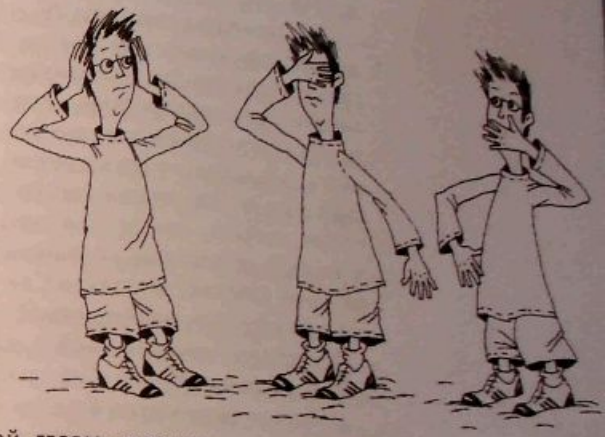
В концепции проекта торжествует принцип разумной достаточности. Не роскошь, а уют, не архитектурные изыски, а целесообразность.

Таким образом, в доме свободно и с удобством может разместиться семья из 5–6 человек с весьма характерным для России демографическим составом — бабушка — дедушка, мама — папа и дети».

Прекрасный русский язык, ненавязчивый тон людей, заботящихся об уюте (а не о роскоши!), о целесообразности (а не об архитектурных изысках). *Окна VELUX*, правда, несколько портят картину русскости, но словосочетание *небесный свет*, который они дают, компенсирует этот небольшой дефект: не просто свет, а свет небесный! Очень грамотно! Хочется сказать что-то вроде: «Ведь могут, когда захотят».

На этой оптимистической ноте и остановимся.

Глава IX
Культура и образование

Итак, совершенно ясно и много раз сказано, что у разных народов, этносов, групп разные культуры, и народы эти, следовательно, по-разному живут, едят, общаются, воспринимают мир и друг друга. И язык, тоже совершенно ясно, отражает и (тоже уже много раз говорено) одновременно формирует все это. Нужно только открыть глаза и уши и снова научиться, как в раннем детстве, слышать, видеть и понимать родной язык. (Например, в скобках заметим, первое предложение этой главы заканчивается словами «воспринимают мир и друг друга». Многие ли, прочитав это, осознали, что в русском языке это не «один/каждый другого/иного», как во многих языках, не враг врага, а ДРУГ ДРУГА? И это уж точно кое-что отражает, если, в связи со стертостью от бесчисленных речеупотреблений, и не формирует.)

В этом разделе остановимся на одной из важнейших сфер человеческой деятельности — образовании.

Очень кратко — о различии культур в сфере образования. Как и в других сферах, эти различия разительны и удивительны: общее дело, общая задача — воспитание и образование нации — и такие разные подходы, методы, традиции. В основном разница обусловлена разницей общей культуры.

Итак, приведем несколько примеров — просто чтобы еще раз напомнить об очевидном — невероятном.

О японской культуре образования. У подавляющего большинства японских студентов полностью отсутствует мотивация при обучении в университете вообще, не говоря уже об изучении иностранных язы-

ков, в частности. Они не знают, зачем им учиться в университете, тем более изучать иностранные языки. Связано это с тем, что при поступлении на работу в фирму или организацию до сих пор ценятся не знания или деловые качества, а способность работать в коллективе, то есть послушность, понимание иерархии, способность подчиняться и быть легко управляемым, организованность, дисциплинированность и т. д. Эта система уходит корнями во времена пожизненного найма, когда японцам в принципе не надо было ничего уметь изначально, поскольку они работали на одном месте всю жизнь и приобретали необходимые навыки в процессе всей жизни. Не нужно и ничего особенно знать еще и потому, что и сейчас при поступлении на работу у каждого новичка появляется сэмпай (наставник), который его учит всему необходимому при работе на этом месте. (Из материалов Т. Г. Орлянской, преподававшей в университете Хоккайдо в 1999–2006 гг.)

Неоднократно описана (и я тоже это испытала, читая лекции в японском университете, — см. Главу IV) сложная для лекторов других культур ситуация, заключающаяся в отсутствии всякой реакции на лекции: бесстрастные лица, часто с закрытыми глазами (то ли заснули, то ли сосредоточились и слушают, как музыку?), ни вопросов, ни комментариев. Объяснение японских коллег: наша культура не позволяет студентам показывать ни согласия, ни несогласия, нельзя перебивать, нельзя спорить, нельзя выражать чувства или отношение к лекции и лектору ни словами, ни мимикой. Соответственно, у японских учащихся не работают ни задания, ни тесты типа *дискуссия* (debate), когда учащийся/тестируемый должен спорить с преподавателем.

Конфликты американской и российской образовательных культур тоже хорошо известны.

Печально знаменитые баталии по поводу списывания, которое считается главным преступлением у американцев (при этом особенно виновны те, кто дает списывать), не находят понимания в нашей культуре, где сейчас использование шпаргалок и списывание с помощью сверхвысоких технологий поставлено на поток и является весьма прибыльным бизнесом[1].

Одна из популярных теорий, объясняющих более низкий коэффициент интеллекта (IQ) у чернокожих американцев (на 15 баллов ниже среднего), — конфликт западной школьной культуры с системой ценностей афро-американской культуры. «В школе детям постоянно внушают, что они должны работать самостоятельно, не пользоваться подсказками, нести полную ответственность за свои успехи и неудачи, не бродить по классу во время урока и рассказывать о своих знаниях, а не о чувствах. Такая комбинация конкуренции и ограничений противоречит духу афро-американской культуры, которой свойственны яркое выражение индивидуальности в сочетании с переживанием социальной общности. В результате возникает отчуждение от школы, которое еще больше усиливается стандартизированной процедурой измерения интеллекта»[2].

[1] См. горько-ироничную статью на эту тему *А. В. Ермаковой*, доцента философского факультета МГУ, «Как сделать бизнес на шпаргалках?» // Московский университет, 2008, № 14, апрель.

[2] Коммерсант «Власть», 30 мая 2000.

В качестве материала из «жизни» — эссе американского студента Даниэла Доунза (Daniel Doans), приехавшего к нам учиться одним из первых — в середине 1990-х годов; о его культурном шоке при знакомстве с нашей системой образования.

«My first «shock» came when I learned how I was to be enrolled in my classes. I wasn't. I was to be placed in a group and take a certain class. I didn't understand this. In America we choose our classes. I later found out a mistake had been made. The College had thought I was a freshman. At the time I thought this mistake was a big deal.

I thought: «How could such a mistake be made»?! (Keep in mind I was still fresh from America). As time went on, I learned this was nothing compared to the other cultural challenges I faced.

The first culture I had to deal with was the student culture. The students and the atmosphere is much different than in an American university. First the students are much younger. It made me feel I was in highschool again. Second, the students all dressed like they were going to a dance. In America the students dress very casually. These two things immediately made me feel out-of-place, because I'm 21 and I don't like to dress-up until I go out in the evening.

The cultural element that was the most difficult for me was simply being in Moscow at this time in history.

It's very strange being in a place that is neither communist nor Western.

Instead it is a mix of the two. Plus you have to figure in the pre-communist Russian culture. It all becomes very complicated and confusing. As a Westerner I've tried to find the western elements of Moscow, such as McDonalds, to make me more comfortable. This worked for awhile, but then I just learned to adapt to this mix culture.

I know this opportunity to be in Moscow has benefited me greatly. I now feel more confident in dealing with different cultures. I really look forward to next semester, when I can further my understanding of Russian culture»

[Первый «шок» я испытал, когда узнал, как я должен был выбрать курсы, которые хотел изучать. Этого я вообще не делал. Меня отправили в группу, и все курсы были уже определены. Я не понял. В Америке мы сами выбираем курсы. Позже я выяснил, что произошла ошибка. В колледже думали, что я первокурсник. В тот момент я считал, что эта ошибка была очень значительной.

Я думал: «Как могли так ошибиться?!» Не забудьте, что я совсем недавно приехал из Америки. С течением времени я понял, что это были пустяки по сравнению с теми культурными проблемами, с которыми мне предстояло столкнуться.

Первая культура, с которой мне пришлось иметь дело, была студенческая. И студенты, и атмосфера — не такие, как в американском университете. Во-первых, студенты гораздо моложе.

Возникло ощущение, что я снова в средней школе. Во-вторых, студенты были одеты так, как будто они пришли на танцы. В Америке студенты одеваются просто и буднично. По этим двум причинам я чувствовал себя чужим: мне 21 год, и я наряжаюсь, если иду гулять вечером.

Элементом культуры, который оказался для меня самым трудным, было просто находиться в Москве в данный исторический момент.

Очень странно быть в таком месте, которое и не коммунистическое, и не западное, а смешение того и другого. К тому же приходится еще осваивать и досоветскую русскую культуру. Все это очень сложно и путанно. Как представитель западной культуры я старался найти в Москве ее черты, такие как Макдональдс, чтобы чувствовать себя комфортнее. Некоторое время это помогало, а затем я научился адаптироваться к этой смешанной культуре.

Я знаю, что возможность быть в Москве принесла мне огромную пользу. Теперь я чувствую себя гораздо увереннее при столкновении с другими культурами. Я с нетерпением жду второго семестра, когда могу совершенствовать мое понимание русской культуры].

Разумеется, культурные различия отражаются в языке, что создает особые трудности при изучении иностранного языка вообще и при переводе — в особенности. Это очень ясно и профессионально формулирует высококвалифицированный переводчик и лектор школы перевода в Университете Северного Лондона (the University of North London) Пиета Монкс (Pieta Monks):

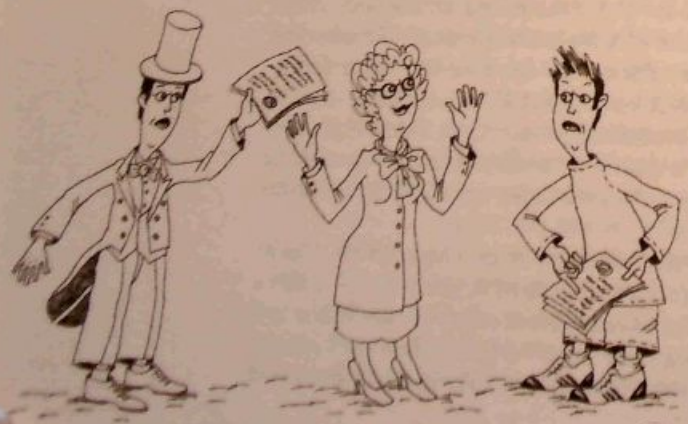
> «Nowadays there is a lot of two-way traffic between the West and the former Soviet Union. And East-West educational partnerships are mushrooming. But there is still a lot of difficulty with translating and interpreting culturally specific terms, where there is non-equivalence: words that designate objects, phenomena or abstract concepts that exist and have specific meaning for the speakers of one language but have quite a different meaning, do not exist at all or have a different significance in the other language. The important process of validating courses as part of the partnership is made infinitely more complex by skilled but culturally unaware interpreters mistranslating so fluently into and out of their native language that neither the eastern nor western side realises that vital elements are being fudged, left out or simply wrongly translated.
>
> Circular, never-ending discussions can ensue. How do you discuss a course on public administration and management in Russian when one word, *upravleniye*, is used for both administration and management? How do you check methods of assessment when methods of assessment and examination are so totally different that there are no equivalent words for them? How do you distinguish between policy and politics when the Russian word *politika* is used for both? And, finally, how do you get anywhere near solving any of these linguistic cultural difficulties when you do not even realise there is a problem until you receive the documentation from the foreign institution and it does not seem to tally with what was discussed, through an interpreter, at countless meetings.
>
> «But we told them that over and over again», you might mutter. But you did not. You told the interpreter, who understood it in her cultural context and translated it into something that made sense to her and sounded fluent to her compatriots.
>
> Education is one of the most culturally specific of all areas of translation. The system of education evolves in a particular culture that moulds and develops it further. Education can present some of the most difficult problems for translators/interpreters — but they and we involved in the partnership are often unaware of this.
>
> The Soviet and British systems of education have had decades of separate development. In Britain, lecturers in higher education have had to retrain ourselves, to teach in a more communicative, transparent, student-centred way. We write lesson plans with aims and objectives on them. We write course outlines where we specify learning outcomes and link them clearly to assessment. We give these course outlines to the students and ask for feedback at the end of the course.
>
> Things in general are not like this in the former USSR. There, the educational system is more stable, albeit bankrupt, and, with some exceptions, continues to be teacher-centred. The ex-Soviet university remains in its structure and its teaching methodologies very much an extension of the ex-Soviet school. There the teacher or lecturer is respected as an expert in the field, and the students are there to listen and take notes. Students are also expected to turn up on time for lectures five and half days a week, for seven hours a day and then go home and do their homework. The method of assessment is normally entirely up to the individual lecturer, who has a bewildering array of various assessment mechanisms at his or her disposal, except for the state exams at the end, which can be taken three times and which are oral (hence in Russian the student gives an exam, he or she does not take it). These differences between East and West have affected the language used to describe the educational process. Equivalence is made especially difficult when discussing a course in a subject that is specific to western culture — such as urban management and public administration and management.
>
> The effective interpreter/translator must know which educational terms are specific only to the British educational system, which terms are general but have different connotations in the two languages, and which terms are specific to the foreign country. They should be aware of the different educational cultures as well

as being linguistically fluent in both the original and target language and we should ensure that this is so, either by bringing our own trained interpreters with us who also have cultural fluency in both languages or by making sure the interpreters of the other side are fully briefed in both educational cultures»[3].

[3] Pieta Monks. Tripped Up by False Fluency // The Times Higher Education Supplement, January, 7, 2000.

[В наши дни мы наблюдаем бурное развитие двусторонних контактов между Западом и бывшим Советским Союзом. Совместные образовательные программы растут как грибы. Однако, все еще существует множество трудностей с переводом культурно-специфичных терминов, для которых нет эквивалентов в другом языке. Имеются в виду слова, обозначающие такие предметы, явления или абстрактные понятия, которые существуют в сознании одного языкового коллектива и имеют определенное значение для носителей этого языка, и не существуют в сознании другого языкового коллектива или имеют для носителей этого другого языка иной смысл. Важный процесс валидизации (взаимного официального признания) курсов как части создания совместных образовательных программ неизмеримо усложняется из-за участия в нем опытных, но не осознающих культурной специфики переводчиков, которые так бегло и уверенно переводят на свой родной и на иностранный язык, что ни участники переговоров с Запада, ни участники переговоров с Востока не осознают того, что принципиально значимые элементы искажаются (fudged), переводятся неверно или просто опускаются.

Это может приводить к бесконечным дискуссиям, идущим по замкнутому кругу. Как можно обсуждать по-русски курс, который по-английски называется *public administration and management*, если по-русски и *administration*, и *management* могут обозначаться одним словом «управление»? Как вы принимаете решения о методах оценки, когда методы оценивания и сами экзамены так различны, что многие слова, их описывающие, не имеют соответствий в другом языке? Как вы проводите различие между тем, что по-английски называется *policy* и *politics*, если по-русски оба понятия передаются одним словом «политика»? И, наконец, как вы можете хотя бы приблизиться к решению этих культурно-языковых проблем, если вы даже не видите этой проблемы, пока вы не получили от зарубежного партнера документацию и она, на ваш взгляд, совершенно не соответствует тому, что обсуждалось — через переводчика — на бесконечных совещаниях.

«Но мы же столько раз им об этом говорили», — можете вы пожаловаться. Но ведь им вы не говорили. Вы говорили переводчице, которая понимала все это в привычном для нее культурном контексте, и переводила в некие высказывания, которые для нее имели смысл в этом привычном культурном контексте и понятно звучали для ее соотечественников.

Образование — это одна из тех областей, где перевод обладает наибольшей культурной специфичностью. Любая система образования возникает в рамках определенной культуры, которая ее формирует и по законам которой она далее развивается. Образование представляет громадные проблемы для устных и письменных переводчиков, но мы и они (те, кто сидят по обе стороны стола переговоров) часто этого не осознают.

Советская и британская системы образования десятилетиями развивались по-разному, каждая в своем культурном контексте. В Великобритании преподавателям высших учебных заведений пришлось перестроиться и перейти на более коммуникативные, открытые, ориентированные на студента методы обучения. Мы пишем планы занятий с указанием их целей и задач. Мы пишем программы курсов, где четко указываем планируемые результаты обучения и увязываем их с оцениванием. Мы раздаем студентам эти программы и просим в конце курса дать свои отклики.

В бывшем Советском Союзе в целом дела обстоят по-другому. Здесь система образования более устойчива, хотя она и потерпела банкротство, и, за редким исключением, ориентирована на преподавателя. Постсоветские университеты остаются в плену у этого подхода, а их методика — это продолжение традиций советской высшей школы. Преподаватель пользуется уважением как эксперт в своей области, а дело студентов — внимать и записывать. Студенты также должны посещать лекции и занятия согласно расписанию по семь часов в день, пять с половиной дней в неделю, а после этого дома выполнять домашние задания. Методы оценки обычно полностью определяются конкретным преподавателем, в чьем распоряжении целый клубок самых различных способов оценки. Исключением являются итоговые государственные экзамены, для которых допускаются 2 пересдачи и которые сдаются в устной форме (как ни странно русские студенты (с)дают экзамен, а не берут его, как английские).

Эти различия между Западом и Востоком оказали влияние на язык, который используется для описания образовательного процесса. Достичь эквивалентности особенно сложно, когда обсуждается курс по предмету, культурно-специфичному для Запада, например, *urban management* и *public administration and management*.

Квалифицированный переводчик должен знать, какая лексика сферы образования характерна только для британской системы, какие единицы являются общими, но имеют разные коннотации в двух языках, и какие относятся к системе образования другой

страны. Переводчики должны осознавать различия в образовательных системах, а также владеть языком оригинала и языком перевода, и наша задача — обеспечить все это, либо привлекая наших собственных профессиональных переводчиков, справляющихся с трудностями межкультурного общения, либо убедившись, что переводчики наших партнеров знают культурную специфику сферы образования двух стран.]*

* *Перевод М. В. Вербицкой.*

Не стоит опять повторять общеизвестное: что образование молодежи — это формирование будущего страны, это уровень цивилизованности народа, это залог процветания и прогресса или, наоборот, путь к деградации и упадку, — это все совершенно очевидно. Мы с вами, дорогие читатели, продукты системы образования, а для меня, как и для очень многих из вас, это еще и главное дело жизни: я преподаю в Московском государственном университете уже около 50 лет. Поэтому этот раздел книги — особенный: личный, выстраданный, исповедальный.

Соответственно, тема «Культура и образование» будет раскрыта на материале, главным образом, филологического и даже специфичнее — языкового образования в России, хотя и, разумеется, с привлечением данных других образовательных систем и культур.

В научном и познавательном отношении нам повезло: именно Россия дает очень интересный и достоверный материал по этой теме и не только по той же причине, что и языковое образование, — знание предмета изнутри, — но и в связи с радикальными и поразительно быстрыми изменениями в системе и культуре, свидетелями и участниками которых мы все являемся.

Процессы эти, в основном, общие для всех уровней образования и для всех дисциплин, поэтому эта тема интересна всем — и учителям, и ученикам, и их родителям, что включает, таким образом, все человечество.

Прежде чем говорить о переменах и в культуре, и в образовании, и в культуре образования в России, надо остановиться на тех традициях, которые сложились и действовали в нашей стране до «перестройки» — такое название получила революция 90-х годов XX века. Без традиций нет инноваций, традиции — основа культуры и ее норм (см. Главу I), они — отправной пункт изучения и описания изменений процессов развития культуры и жизни общества.

Любовь к иностранным языкам в России, лежащая в основе языкового образования, настолько сильна и ярко выражена, что может, по-видимому, претендовать на статус черты национального характера.

Действительно, трудно найти в истории культуры других народов такие примеры, которые дает российская история, а именно: в отдельные — довольно длительные — периоды в образованных слоях общества иностранный язык вытеснял родной.

XVIII век ознаменовался «засильем» (лучше «торжеством» — более политкорректно) немецкого языка и, соответственно, немецкой культуры. В старейшем университете России — Московском, основанном в 1755 году все профессора, кроме Ломоносова, были немцами, да и Михайло Васильевич, «архангельский мужик», получил образование в Германии, женился на немке, и домашним языков у него тоже был немецкий. И хотя языками, на которых велось образование в Московском университете, были — латинский (как во всей Европе) и — революционно и новаторски — русский, языком общения преподавателей был немецкий язык. И соответственно именно «из Германии туманной» привезли «учености плоды» (и как это Пушкин умудрился по всем вопросам русской жизни и культуры так все кратко, ярко и гениально сформулировать…): система образования (до сих пор сохранившаяся, хотя и доживающая, по-видимому, последние денечки…) была заимствована из Германии, о чем свидетельствует и русский язык, заимствовавший образовательную терминологию *(ректор, проректор, декан* и т. п.).

Великий авантюрист XVIII века Казанова (на самом деле, судя по его трудам, выдающийся знаток языков, переводчик, библиотекарь, мемуарист — наш, филологический человек, одним словом), приехав в Петербург, писал: «Я нанял две комнаты в гостинице, окна которой выходили на главную набережную. Мой хозяин был немец из Штутгарта, недавно поселившийся в этом городе. Легкость, с которой он объяснялся со всеми этими русскими, удивила бы меня, если бы я не знал, что немецкий язык очень распространен в этой стране.

Одно лишь простонародье говорит на местном наречии»[4].

Знаменитая княгиня Екатерина Дашкова, образованнейшая женщина своего времени, первый Президент Российской Академии наук, блестяще говорила на всех главных европейских языках, но не могла объясниться по-русски со своей свекровью, не получившей столь блестящего и столь европейского образования.

Александру Сергеевичу Грибоедову, одной пьесой сделавшему более значительный вклад в русский язык, чем многие писатели всем своим творчеством, посчастливилось иметь очень умную маму, которая, наряду с боннами и гувернерами, наняла ему в детстве учителя русского языка.

XIX век ознаменовался торжеством французского языка, и даже война с Наполеоном не смогла остановить «триумфального шествия» французского языка в кругах российской аристократии и интеллигенции.

Наконец в XX веке, особенно после Второй мировой войны, пришло время английского языка, уверенно получающего статус главного средства международного общения.

В XXI веке позиции английского как глобального языка эпохи глобализации продолжают укрепляться (см. Главу X).

[4] *Казанова. Мемуары. Таллин, 1991. с. 139.*

Интерес к жизни иных стран, иных народов и их иных языков был всегда настолько велик, что не ослабевал даже в такие эпохи, когда это противоречило государственной политике и было непрестижно и просто опасно.

Так, в период «борьбы с космополитизмом» в советское время изучение языков так называемых капстран было подозрительно (зачем учат? эмигрировать хотят? шпионить?), а общение с иностранцами — крайне предосудительно.

Когда я в 1956 году, окончив школу, объявила родителям о желании поступить на английское отделение филологического факультета МГУ, мой папа испугался, что я выбрала такую опасную профессию, которая могла привести меня к общению с иностранцами. Он умер в 1976 году, продолжая беспокоиться обо мне и моем будущем. Он и его поколение знали, что владение языками «потенциальных врагов», а тем более общение с носителями этих языков могло закончиться весьма печально.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы воздать должное моим Учителям, людям папиного поколения и более молодым. В условиях политического неодобрения, финансовой невыгодности, опасности быть обвиненными в нелепых и несуществующих провинностях, и к тому же — в полной изоляции от живого слова, — как они знали эти самые иностранные языки! Как вы любили, как ценили Слово чужого языка, как самоотверженно и самозабвенно учили нас! Как стремились помочь людям найти общий язык, как работали на будущее, веря, надеясь и любя! Низкий вам поклон! И Светлая Память.

Вернемся к традициям и культуре образования, с которыми мы пришли к очередному великому перевороту в нашей истории в 90-е годы XX века.

История преподавания иностранных языков в СССР, то есть то время, когда эти традиции сложились и/или укрепились, обусловила необыкновенно интересный и грандиозный эксперимент по обучению иностранных языков в условиях полной изоляции от тех стран и народов, которые пользуются этими языками в качестве средств коммуникации. Этот эксперимент показал, что происходит с языками, если их изучать в отрыве от мира и культуры общающихся на них людей: языки умирают и их преподают как мертвые языки, как латынь и древнегреческий.

В то же время складывается уникальная методика преподавания: односторонняя, развивающая только один навык владения языком — чтение, но по-своему оригинальная, в отдельных аспектах — глубокая, иногда поражающая изобретательностью, энтузиазмом и Учителя и Ученика, удивительной преданностью делу.

Итак, традиции.

1. Основательность, глубина, перфекционизм

Удивительно, но при очень скудных возможностях, в условиях, противоречащих всем канонам изучения языков, развилась именно эта традиция.

«Советское — значит, отличное», и мы стали чемпионами изучения грамматики, морфологии, синтаксиса. Однако, поскольку продолжение наших достижений оборачивается недостатком, оказалось, что в результате похвального стремления изучить все и досконально, как следствие намеренного антипрагматизма, миллионы изучающих язык в неязыковых учебных заведениях не знали ничего или очень мало. Не могу не процитировать профессора МГУ, выдающегося геолога, который упрекнул меня как-то с горечью: «Всю жизнь учил время глаголов и не могу двух слов связать по-английски».

2. Теоретическая база

В основе преподавания лежала (или должна была лежать) лингвистическая теория.

Мы были убеждены, что практические проблемы обучения иностранным языкам можно решить, только опираясь на теорию языка. Особенно интересными оказались труды советских лингвистов в области лексикологии, фразеологии, лексикографии, малого синтаксиса (теория словосочетания) — то есть во всех отраслях языкознания, изучающих семантику, значение слова.

Действительно, мы не были, по словам замечательного американского лингвиста Уриеля Вайнрайха, «парализованы отсутствием интереса к семантике», в отличие от многих западных лингвистических школ.

Недостатком этой вполне позитивной традиции оказалась перегруженность теории и практики преподавания иностранных языков научными терминами, затрудняющими подступы к изучению языка. Это стало особенно ясно, когда мы начали пользоваться учебниками из англоязычных стран, где наше любимое Indefinite Tense оказалось просто Simple, Disjunctive Questions — Tag Questions, General Questions — Yes-or-no Questions и т. п.

3. Ориентация на знания учителя, а не на нужды и желания ученика

Преподавание иностранных языков в нашей стране — это массовое производство. Иностранные языки — это обязательная дисциплина не только в средней школе, но и в высших учебных заведениях. Соответственно, все учащиеся должны изучать иностранные языки. Вот такие парадоксы общественной жизни в СССР: с одной стороны, изучение иностранных языков — подозрительное и опасное занятие, а с другой — обязательный предмет для учащихся всех уровней и всех специальностей! И ни один — самый талантливый! — инженер, медик, химик — не

может заниматься своим делом, не может получить образование, если не сдаст зачет по иностранному языку... Число учащихся в России всех возрастов и уровней составляет примерно 30 миллионов человек.

Разумеется, массовое производство не только требует особых методов, особых учебных материалов, но и полностью ориентировано на учителя.

Стандартное, централизованно управляемое обучение языкам по стандартным учебникам предназначалось массовому однородному «бесправному» стандартному ученику.

Таковы — в самых общих чертах — традиции нашего недавнего прошлого.

Прошлое, действительно, в историческом плане — очень недавнее: всего 20 лет назад, с распадом Советского Союза и восточноевропейского «социалистического лагеря», начались и продолжаются грандиозные геополитические перемены в мире вообще и в России в особенности.

Эти перемены затронули все сферы общественной жизни и главные из них могут быть представлены следующим образом.

В масштабе всего мира

1. Глобализация — «процесс социальной трансформации, происходящий под влиянием передовых стран Запада и влекущий за собой глубинные изменения общественной жизни и выход социальных отношений за пределы национальных государств»[5]. Молодые люди подвержены влиянию этого процесса больше других категорий населения Земли, им легче осознать себя «гражданами мира» и даже «людьми вселенной».

[5] *А. М. Сербиновская.* Влияние процессов глобализации на современное студенчество. Автореферат диссертации. Новочеркасск, 2004, с. 6.

2. Научно-технический прогресс, особенно в области коммуникации. Пришествие Его Величества Интернета. И снова именно молодежь сразу оценила необыкновенные возможности компьютера, именно школьники и студенты стали его наиболее рьяными и умелыми пользователями.

3. Переход к информационному обществу — в результате тенденций первой и второй. При словах «информационное общество» нельзя не вспомнить гениального Питирима Сорокина, предсказавшего в конце 30-х годов XX века, что «мышление заменится "поиском информации", ...подражание вместо творчества, ...операционное "управление" вместо просвещенного знания»[6].

4. Изменение статуса языков. Передел мира после Второй мировой войны привел к переделу статуса языков. На первое место в качестве главного средства международного общения уверенно вышел английский язык. Его «триумфальное шествие» по планете идет с нарастающей — и пугающей! — быстротой. Русский язык после распада СССР потерял свои позиции. Соответственно изменился и социальный и психологический статус носителей этих языков. И снова в первую очередь все эти изменения повлияли на молодежь.

[6] *Питирим Сорокин.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 808.

В России

Формирование наших учеников пришлось на очередную «переломную эпоху» в нашей стране, очень емко охарактеризованную А. В. Павловской в работе, посвященной 250-летию Московского университета:

> «Переломные эпохи всегда имеют двойственную противоречивую природу. Не была исключением и последняя. С одной стороны, свобода, дух обновления, ветер перемен, возможности для творческих экспериментов, отдернутый железный занавес и отсутствие жесткого идеологического диктата. С другой — свобода обернулась катастрофической нехваткой средств, дух обновления — неразберихой и хаосом, ветер перемен принес снижение общеобразовательного уровня учащихся и потерю интереса к образованию в целом, убранный железный занавес обернулся утечкой мозгов, а отсутствие идеологического диктата — упадком нравственности. Традиционные представления на какое-то время потеряли смысл — оказалось, что в деньгах — счастье, бедность — порок, а кто не работает, тот очень даже неплохо ест, и рыбка прекрасно ловится без труда, если ты знаешь в каком пруду и в какой компании ее ловить. Университет, живущий базовыми традиционными ценностями, оказался в крайне сложном не просто материальном, но моральном и духовно-нравственном положении»[7].

[7] *А. В. Павловская.* К Московскому Университету с любовью. М., 2005.

В системе образования, соответственно, также происходят радикальные изменения. Особенно ярко они видны в области языкового образования.

Можно, конечно, предположить, что это «особенно ярко», как уже упоминалось, объясняется просто тем, что это наша, родная сфера и в ней все «особенно».

Однако, вполне объективно, революция как полный переворот (в соответствии с номинативным значением слова *revolution*) коснулась положения иностранных языков в самой полной мере.

«Мертвые» языки превратились в живые и чрезвычайно востребованные. Они стали ключом к заветной дверце (окну не просто в Европу, но и во весь мир), ведущей в мировое сообщество, членом которого неожиданно стала Россия. Подозрительное занятие сделалось престижным и финансово выгодным, если это были языки капстран, особенно английский язык, мир которого охватывает некоторые континенты целиком (Северную Америку и Австралию), а в других представлен отдельными странами и регионами.

Открылись новые — запретные ранее — возможности: передвижение по миру, путешествия, эмиграция, совместные предприятия и здесь и там, международный туризм и многие, многие другие. Эффект запретного плода превратил их реализацию в настоящий бум.

Наконец, мировое сообщество, оказавшееся мировым — глобальным — рынком, диктует свои жесткие — и новые для россиян — законы жизни.

Соответственно, перед нашим народом встали новые задачи: выживание в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка, утверждение политического, экономического, культурного авторитета России в мировом сообществе.

Одно из серьезных препятствий, мешающее выполнению этих глобальных задач, от решения которых зависит наше будущее, — это явно недостаточный уровень знания иностранных языков в нашей стране.

Незнание иностранных языков в условиях роста международных контактов наносит огромный моральный и материальный ущерб.

Предмет «иностранные языки» остается, как и прежде, обязательным компонентом всех поколений стандартов новой эпохи, но отношение к нему учащихся в корне меняется: для миллионов школьников и «неязыковых» студентов из «дорожной повинности» (сдал — поехал дальше), из мертвой абстракции (общаться-то не с кем было) он превращается в насущную реальность, в острую необходимость.

Соответственно меняется и положение учителей.

В постсоветской России преподавание стало еще более массовым, потому что к обязательной учащейся молодежи прибавились новые типы и категории изучающих языки. В новой жизни, в условиях возможностей реального общения появились новые цели, новые задачи, новая мотивация, новые требования.

Осознание важности социокультурного компонента преподавания, необходимости СОИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР сыграло роль живой воды, оживившей «мертвые» языки.

Бум по вопросам культуры и коммуникации, переименование специальности «иностранные языки» в «лингвистику и межкультурную коммуникацию» (приказ № 1305 июля 1996 г.), бесчисленные конференции и публикации на эту тему, «триумфальное шествие» коммуникативных методов, уже иногда доходящее до крайностей, — все это свидетельства новых принципов, новых основ и новых традиций преподавания иностранных языков в России.

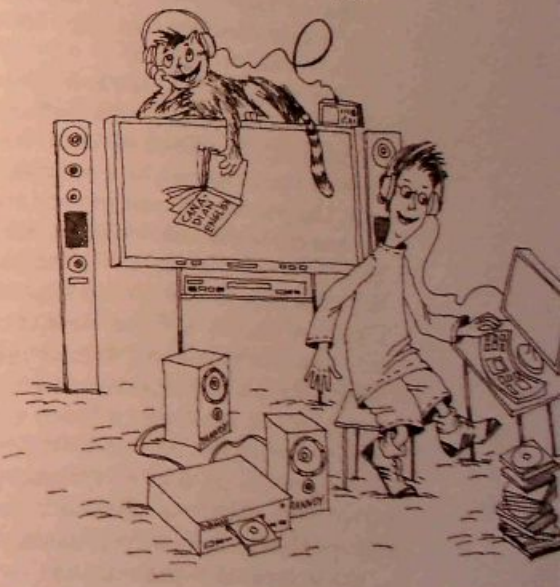
Все инновации подразделяются на две группы: 1) те, которые имеют место во всем мире, и 2) специфичные для России.

Новое в преподавании иностранных языков во всем мире

1. Культурологический бум, который так понятен, когда речь идет о России, охватил весь мир. Действительно, с нами все ясно: Россия внезапно вошла в мировое сообщество после долгих лет изоляции, что привело к усилению конфликтов культур и осознанию культурного барьера, невидимого, в отличие от языкового, и гораздо более опасного. Однако всемирные социально-политические катаклизмы последних десятилетий (в том числе развал СССР и так называемого «социалистического лагеря») привели к небывалой и неслыханной ранее миграции населения, к возникновению миллионов беженцев и, соответственно, к межэтническим и межкультурным конфликтам, с одной стороны, и острой потребности в изучении иностранных языков — с другой.

2. Интенсивно развивающиеся во многих странах (например, во Франции) процессы глобализации, называемой «американизацией», также имеют диалектический характер: с одной стороны, усиливающаяся роль английского языка как средства международного общения и, соответственно, растущий спрос на него, а с другой — все обостряющаяся борьба за сохранение языков и культур народов мира.

3. Внедрение новых технологий (видео, компьютер, Интернет, мультимедийные средства) в преподавание иностранных языков. Новые возможности виртуального, или дистанционного образования.

Основная проблема здесь — недостаточная разработанность новых методов преподавания, малое использование новых возможностей, перенесение старых методов и приемов на новое оборудование и — часто —сведение компьютеров к усовершенствованной пишущей машинке. Впрочем, сейчас этот недостаток стремительно преодолевается.

4. Статус Учителя не-носителя иностранного языка изменяется в сторону повышения.

Выявляются определенные преимущества «местного» учителя, который знает специфические трудности овладения иностранным языком учащимися именно его национальности, лучше осознает проблемы лексико-фразеологической сочетаемости, грамматических различий и т. п. Очень важен и психологический фактор: учитель-иностранец

с одной стороны, лучше понимает психологические барьеры, препятствующие овладению иностранным языком и, с другой стороны, демонстрирует своим примером эту возможность.

Очевидно, что самые трудные проблемы обучения активным навыкам пользования языком — письму и говорению, то есть собственно производству речи, становятся очевидными только с уровня двух и более языков. Это проблемы лексической сочетаемости слов в речи и, соответственно, лексикографии, коммуникативного синтаксиса и многие другие (те самые, преподавание которых было так слабо развито в прошлом в связи с отсутствием реальной коммуникации).

Вот почему **преподавание иностранных языков в России должно быть основано на сопоставлении с родным языком и культурой** и, следовательно, тесно связано с русистикой. Это важнейшее условие оптимизации и развития преподавания иностранных языков, русского языка и русского как иностранного.

Заявления такого рода — о том, что только с уровня знания по крайней мере двух языков и двух культур открываются (как с вершины горы — новые дали и горизонты) некие скрытые свойства и, соответственно, скрытые трудности, которые не видны с уровня одного языка, — позволяют сделать один важный практический вывод: носители языка, преподающие свой родной язык как иностранный и не знающие родного языка учащихся, не видят ни этих скрытых свойств, ни этих скрытых трудностей. И в этом большое преимущество иностранных преподавателей иностранного же языка перед преподавателями — носителями этого языка.

Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны, и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Это создает большие трудности в практике преподавания иностранных языков. Еще раз подчеркнем, что все эти проблемы обнаруживаются только при сопоставительном изучении по крайней мере двух языков (и, соответственно, культур) — иностранного и родного. Они представляют, таким образом, некий подводный камень в практике обучения иностранным языкам, который не в состоянии увидеть преподаватели — носители иностранного языка, не знающие родного языка студентов.

Все новое в преподавании языков во всем мире, разумеется, касается и России, все более и более вливающейся в основной поток мирового сообщества. Однако, по вполне понятным социально-историческим причинам (многие из которых уже упоминались), у России опять «особенная стать», и именно этому вопросу изменения культуры в сфере образования и посвящена, в первую очередь, эта глава книги.

Самая главная и радикальная — конфликтная! — перемена произошла и происходит в положении Учителя и Ученика, и особенно в их отношениях.

Может быть, если об этом говорить и писать, это будет осознано и конфликт разрешится «мирным путем». Для этого и пишутся эти строки.

Очень кратко этот конфликт может быть представлен следующим образом (кратко потому, что чуть позже этот вопрос будет рассмотрен подробно).

Дело в том, что речь идет не просто о конфликте поколений, вечных проблемах «отцов и детей». Этот конфликт культур гораздо глубже и серьезнее. Ученик в большинстве своем родился и уж точно вырос в условиях постсоветской России. Учитель родился и вырос в Советском Союзе. Культурная разница между Учеником и Учителем — именно в этом: Ученик — продукт нового общества, а Учитель — в большинстве своем все еще сформирован предшествующей социальной системой, иной идеологией, системой ценностей, с иными традициями. Отсюда неизбежный — на долгие годы — конфликт культур.

Иностранные языки в современной России по-прежнему одна из самых востребованных дисциплин. По-прежнему преподаватели иностранных языков в центре общественного внимания. По-прежнему мы, выбиваясь из сил, стараемся удовлетворить все растущие спрос и требования желающих общаться и делать дела «в мировом масштабе». (Помните, в фильме «Чапаев»: «Василий Иванович, а в мировом масштабе можешь?!» — «В мировом, Петька, не могу: языков не знаю».)

В условиях такой «гонки за результатом», неслыханной и небывалой мотивации изучения иностранных языков, положение дел с их преподаванием стремительно меняется.

Новое в преподавании иностранных языков в России

1. Появилось и стремительно распространяется платное образование. Идет все более жестокая конкуренция между государственными и коммерческими учебными заведениями. Огромный спрос на иностранные языки порождает очень широкий частный сектор, оттягивающий к себе кадры высокой квалификации финансовыми возможностями.

2. Изменилась мотивация и отношение к изучению иностранного языка у учащихся неязыковых специальностей: как уже упоминалось, иностранный язык превратился из «дорожной повинности» (сдал — поехал дальше) в важнейшее орудие производства, в реальное средство общения.

3. Масштаб преподавания английского языка еще более вырос и продолжает неуклонно расти. Причины этого явления уже упоминались выше.

4. Преподавание английского языка стало престижным и финансово выгодным. Поэтому многие идут преподавать, не имея никакого

специального образования. По данным профессора Е. И. Пассова, в Москве из 9000 преподавателей иностранных языков (главным образом, английского), 4000 не имеют соответствующей квалификации.

5. Появились новые категории изучающих язык, сильно увеличившие этот контингент количественно и весьма разнообразившие его качественно: снялись возрастные ограничения, растет количество людей, готовых платить большие деньги. Их цели: активное общение с иностранцами, карьера, бизнес, эмиграция. Международный туризм вносит свою большую лепту. В результате происходит медленный, но верный поворот от подходов, ориентированных на Учителя, его знания и опыт, к методам, направленным на удовлетворение нужд и потребностей Ученика (в условиях штучного и/или платного образования правильнее уже говорить — клиента).

6. Повышенный интерес к социокультурным факторам, обусловливающим эффективность овладения языком как средством реального общения.

Этот интерес понятен и легко объясним. Неожиданная проблема культурного барьера, препятствующего эффективному общению, открыла глаза: язык — это главное, самое развитое, но **не единственное** средство коммуникации. Поскольку вся эта книга посвящена именно этим факторам, ограничимся здесь лишь их упоминанием.

7. Особое внимание к невербальным средствам общения.

Великий Конфуций — Учитель всего человечества — сказал: «Лучше увидеть лицо, чем услышать имя». И, как всегда, емко, верно и афористично выразил простую мысль: ничто не заменит реального, непосредственного человеческого общения, все остальные виды общения уступают этому.

Как известно, простые мысли оказываются самыми сложными для восприятия: они кажутся настолько очевидными, что над ними не задумываются.

Обстоятельства жизни в СССР привели к тому, что изучение иностранных языков было направлено только на то, чтобы прочитать имя, а не услышать и уж тем более не увидеть лица. Именно поэтому неожиданная возможность «увидеть лицо», возможность прямого общения произвела такую революцию в преподавании иностранных языков в России.

В этой связи особый интерес к невербальным средствам понятен, легко объясним и вполне закономерен — как реакция на долгое отсутствие прямого общения. Иначе говоря, это интерес людей, неожиданно обнаруживающих важный компонент личного («увидеть лицо»), непосредственного общения, о котором раньше не было речи, поскольку не было и массового международного общения.

Разумеется, этот фактор нельзя упускать из виду. Это хорошо понимают профессиональные дипломаты. Вот как говорит об этом посол Китая как верный ученик Конфуция: «Никакие книжные знания и документы не заменяют человеческого общения. Я хочу видеть выражение лица моего собеседника, понять, почему он улыбается или огорчен» (интервью для газеты «Известия»).

Выше, в главе III, приводились результаты несколько загадочных исследований, приобретающих черты лингвистического фольклора (в разных работах даются разные источники). Общение складывается из:

7% — собственно вербальные средства (слова и грамматика, т. е. способы соположения слов в речи),
38% — интонация,
55% — невербальные средства.

Поскольку в доперестроечной школе преподавания иностранных языков невербальным средствам не обучали, получилось, что вся система обучения была неверной из-за неверно распределенного времени: на 7% общения отводилось 95% времени, на 38% фонетических средств — не более 4–5%, а на 55% — от 0 до 1%. Исключением были только спецструктуры, готовившие профессиональных разведчиков-резидентов. Следует отдать должное этим структурам: они всегда знали о культурном барьере, о важности социокультурного компонента но хранили и знание, и методы в таком секрете, что в массовую «открытую» школу преподавания иностранных языков ничего не проникало, да и массово учить разным аспектам реального прямого общения было незачем. Любопытный факт из жизни наших шпионов в советское время: Михаил Любимов, профессиональный разведчик, после разоблачения и высылки из советского посольства в Англии в 60-е годы XX века защитил засекреченную диссертацию на тему: «Особенности национального характера, быта и нравов англичан и их использование в оперативной работе»[8].

Однако не следует огорчаться и жалеть о бесцельно прожитой жизни. Всё в порядке. Невербальные средства хороши, нужны и полезны. Они — часть тех самых фоновых культурных знаний, без которых невозможно эффективное общение. Однако они работают — повторим еще раз — только при личном общении. Все остальные виды коммуникации (через письменную речь, телефон, радио, Интернет и др.) — основаны на вербальных средствах, на Его Величестве Языке. И если бы кто-нибудь посчитал в процентах доли прямого и косвенного общения, я уверена, что превосходство последнего как не-визуального было бы ошеломляющим.

Так что распределение учебного времени и внимания было достаточно правильным.

В условиях современной России, разумеется, будет изменяться процентное соотношение разных видов владения средствами общения. Основная доля по-прежнему должна приходиться на вербальное об-

[8] *Михаил Любимов.* Гуляние с чеширским котом. Мемуар-эссе об английской душе. М., 2004.

щение; несомненно, отдельное внимание должно быть уделено невербальным средствам. Что касается фонетики, то некоторые теоретические знания, традиционно входившие в программу обучения иностранных языкам, в наши дни усиливаются и подкрепляются огромными возможностями слышать аутентичную иностранную речь (фильмы, телепрограммы, видео, песни и т. п.). Новое поколение растет в совершенно новых условиях и впитывает просодические элементы с фильмами и песнями.

Главная задача преподавателя — обеспечить высокое качество, добиться реального повышения уровня преподавания.

Что же мешает повышению качества в преподавании иностранных языков?

1. Конфликт между характерным для нашей школы **перфекционизмом**, стремлением дать и знать всё, и **прагматизмом**, вызванным необходимостью ускорения: все хотят знать всё и как можно скорее. «Дайте нам больше грамматики!» И мы даем. Всю систему времен во всей красе. Неважно, что половина видов и форм в научных, профессиональных текстах не употребляется — мы должны дать «полную картину». Все тот же принцип: «Советское — значит отличное!»

Нужно научиться реально подходить к проблеме обучения иностранным языкам: поскольку «всё» знать и выучить невозможно, нужно четко ставить цели и задачи конкретного курса обучения — лучше скромные! — и стараться их выполнить, отбирая самое нужное, самое учебно-методически целесообразное. Нужно научиться выделять главное, отбрасывать вторичное и реально, на деле пользоваться полученным знанием.

2. Противоречия между традициями и новыми современными теориями, методами и требованиями: как учить. В идеале нужно искать и применять новые методы, сохраняя все положительное от старых, опробованных, испытанных, давших положительные результаты. Это трудно. В нашей сфере, как и в других, прогресс и развитие идут через «проверку крайностями». Мы то вставляем предлоги в сотни и тысячи текстов, то переводим с родного и на родной язык, то играем в ролевые игры, то не отходим неделями и месяцами от компьютеров.

Нужно беречь традиции, не бояться нового, помнить об особенностях национального характера и национально-специфического подхода к преподаванию и изучению иностранных языков.

3. Проблема учебных материалов. Чему учить? Лавина учебников в условиях жестокой (в прямом смысле слова) конкуренции наших и западных издательств.

Преподаватели вузов чувствуют себя неуверенно, поскольку они не в силах ориентироваться в море учебников разных видов. Гриф Министерства образования («допущено» и «рекомендовано») обесценивается. Имеют место попытки вымогательства грифа.

Школьные учителя в растерянности: им даны четкие указания использовать: 1) только учебники иностранных языков, написанные отечественными авторами и выпущенные отечественными издательствами. Это попытка противостоять лавине учебников «универсальных», то есть всему миру предназначенных, без учета национальных традиций, культур, особенностей языковых систем и, соответственно, трудностей — продукции гигантских концернов стран изучаемых языков; 2) только полные «линейки» учебников с грифами. Требования вполне или почти правильные, но растерянность происходит от того, что неожиданно с каких-то классов снимаются грифы и не понятно, что делать: начинать полностью грифованную новую линейку? А где гарантия, что и она не прервется отменой грифа? Результат — обычный для нашего общества: «де факто» берут учебники зарубежных издательств, а в отчетах пишут то, что «велено».

Наиболее верный выход из создавшейся ситуации — готовить новое поколение учебников в соавторстве: англоязычный специалист, знающий как все тонкости языка, так и опробованные методы, и наш эксперт, знающий специфические трудности, которые данный иностранный язык представляет для нашего изучающего, а также — особенности психологии, менталитета, культуры, национального характера учащихся.

Не могу не упомянуть уникальный курс, созданный на нашем факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова по принципу: обучение языку через культуру и культуре через язык. Под общим названием «Страны и народы» (см. сайт www.narody.ru) предлагаются учебно-методические комплексы (УМК), состоящие из: 1) книги о культуре народа, о быте, традициях, системе ценностей, национальном характере, отношениях внутри данного общества и вне его, 2) фильмов, иллюстрирующих эту культуру, 3) методических пособий к каждому фильму. В момент написания этих строк готовы: «Англия и англичане» с 7 фильмами, «Италия и итальянцы» — 4 фильма. Ведется работа над «Россией и русскими».

4. Концентрация внимания на изучении иностранного языка — и игнорирование родного. Да-да, как это ни кажется парадоксальным, но овладение иностранным языком должно сопровождаться **соизучением культуры речи на родном языке**.

Язык — в первую очередь родной, которым владеют, в отличие от иностранных, все, — это, как известно, орудие познания, передачи информации и носитель культуры, он отражает мир, хранит и передает знание об этом мире, его ви́дение данным народом, мироощущение. Одновременно он формирует носителя языка, который получает вместе с родным языком навязанные ему этим языком представления о реальном мире, его категоризацию и т. п.

Владение родным языком, культурой речи, умение четко и ясно выразить свои мысли, передать информацию в устной и письменной форме — одна из важнейших задач образования, которую в нашей стране практически никто не выполняет. Но не случайно, при огромной пестроте учебных планов, вызванной стремлением дать как можно более широкий фон и возможность выбора специальности в первые два года обучения в вузе, в американских учебных планах два предмета (core subjects) являются обязательными для всех, как Закон Божий в дореволюционной России или марксизм в советское время, — это математика и английский, то есть родной, язык. У нас же преподавание русского языка «пропадает» сразу после принятых экзаменов (а сочинение — единственный экзамен, который сдают во всех вузах). Разумеется, повсеместное преподавание русского языка предполагает не глубины теории, а обучение приемам и способам его реального применения (в Америке это исключительно обучение письменному английскому, умению грамотно, ясно и культурно излагать на письме свои мысли. Это вызвано во многом тем, что все экзамены в западной системе образования проводятся в письменной форме).

Такие аспекты, как культура речи, риторика русского языка, должны занять свое место в образовании на всех его уровнях.

Как сказал великий Гёте, «нужно изучать иностранные языки, чтобы лучше узнать, понять и оценить родной». И еще одна полезная цитата — от Джеймса Барри, автора «Питера Пэна»: «Человек науки — это, по-видимому, единственный человек, которому есть что сказать, и единственный человек, который не знает, как это сделать».

5. Наконец, самое главное и самое сложное: перестройка отношений Учителя и Ученика в связи с изменениями культуры.

Коренные изменения общественной жизни после 90-х годов XX века не могли не привести к таким же коренным изменениям в статусе Учителя и Ученика, к радикальным переменам в их отношениях, к серьезному и глубокому конфликту культур.

Что же представляют собой современный Учитель и новый Ученик? Начнем с Учителя.

Как живет современный Учитель? Какие у него психологические, моральные и материальные проблемы?

1. Как и во все времена, у Учителя государственного образовательного учреждения (ГОУ — это и средняя, и высшая школа) низкая зарплата, что вызывает необходимость подработок, отнимающих силы, здоровье и время и мешающих профессиональному росту и повышению квалификации.

О том, что материальное положение Учителя было плохим «во все времена» свидетельствует А. С. Пушкин, наша «энциклопедия русской жизни». Вот как он пишет о своей первой школьной учительнице:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

В трех строчках так много сказано о положении Учителя в пушкинскую эпоху: плохое материальное положение, но незыблемый авторитет, осознаваемый и учительницей, и ее учениками.

В наше время, когда сместились веками признаваемые ценности, и оказалось, что в деньгах — счастье и бедность — порок, авторитет бедного, малообеспеченного Учителя сильно пошатнулся.

В советские времена Учитель также зарабатывал мало, но тогда не было контраста с богатыми учениками, все были примерно в одинаковом материальном положении, не было таких гигантских разрывов между богатыми и бедными, которыми сейчас печально знаменита Россия. И, главное, отношение к деньгам и богатству было совершенно иным, оно соответствовало традиционным моральным ценностям, отраженным в пословицах, фольклоре, языке, в постулатах христианской религии.

Быть бедным было нормально, быть богатым — предосудительно.

Соответственно, авторитет Учителя не страдал от его материального состояния.

Сейчас обстановка в корне переменилась. Платное обучение, масштаб которого непрерывно растет, радикально изменило и положение Учителя, и его отношения с Учеником.

Показательный эпизод: в Екатеринбурге мать выпускницы 198-й школы подала иск на администрацию школы с требованием вернуть ей 28 тысяч рублей, выплаченных за учебу дочери, поскольку, по мнению матери, за выплаченные деньги ее там не научили достаточно. Администрация подала встречный иск и потребовала с родителей еще 13 тысяч рублей — за дополнительные занятия. Вот как описывает это происшествие Марина Прошина в «Российской газете» от 3 марта 2004 года:

> «Решение, которое вынесла судья, удивило обе стороны и наблюдателей: в иске отказать… всем. Еще удивительнее, что обе стороны расценили это решение как свою победу.
>
> Школьный юрист и вовсе торжествует: «Важно, что Власовым отказали. Для нас самое главное — отстоять интересы школы. И образования». Интересное признание: по этой логике получается, что интересы школы и образования идут вразрез с интересами учеников и их родителей…
>
> Вся эта история наводит на невеселые размышления. Прошли те времена, когда авторитет учителя был незыблем. Раз в учебный процесс активно вмешиваются деньги, то и сам он, хочешь не хочешь, приобретает черты товарно-денежных отношений, где «потребитель» — ученик почему-то не всегда

прав. Впрочем, и педагог — «продавец», как выясняется, тоже. Теперь при выборе школы родители вынуждены решать непростую задачку: важно попасть именно в свой, а не чужой «огород». Есть деньги — прикупите для своего чада и малокомплектный класс, и няньку — классную даму, и красивые интерьеры, и особенное отношение, и информатику хоть с первого класса. А нет денег — будет с вас и образовательного стандарта. Попали в школу с уклоном — платите добровольно. Или добровольно уходите в школу без «уклона», чтоб не таскаться потом по судам.

Вопрос о судах вообще отдельный. Если школа и родители в пылу правдоискательства начнут, что называется, ребенком бить по голове друг друга — так можно далеко зайти. Ведь в ходе слушания дела столько «добрых» слов было сказано о Маше и ее родителях. И с этим «багажом» девочке жить дальше».

2. Поскольку система распределения специалистов после окончания высшего учебного заведения больше не существует, учителей в сельской местности не хватает. Соответственно, бесконечные и разнообразные реформы в сфере образования не могут быть осуществлены, потому что они не обеспечены ни научно, ни материально, ни кадрово. Введение иностранного языка со 2-го класса обычной (не специализированной) средней школы — идея прекрасная, актуальная, но реально невыполнимая («ненаучная фантастика», по выражению Е. И. Пассова) из-за недостатка учителей и учебных материалов.

То же самое с Единым государственным экзаменом (ЕГЭ). Его ввели приказом, кто-то кому-то отрапортовал о «выполнении задания», но ни ученики, ни учителя не были к этому готовы, одних не научили, как сдавать этот экзамен, других — как его принимать, как его оценивать. Машина запущена, но работает крайне плохо, со множеством сбоев, огрехов и т. п., а за всем этим — сломанные судьбы молодых, начинающих жизнь людей. Зато расцвели разные платные курсы по подготовке и учеников и учителей. «Молодежь — наше будущее», так зачем же губить свое будущее плохо подготовленными реформами?! (Даже если их и называют политкорректно — модернизацией образования.)

3. Современный Учитель иностранного языка теоретически менее образован, более нацелен на прагматический подход к преподаванию. Материально он (скорее — она) лучше обеспечен, если преподает английский язык. Если это другой иностранный язык, то материальная сторона значительно хуже, особенно со славянскими языками и русским как иностранным (по сравнению с советским периодом).

4. В связи с новыми возможностями передвижения и общения Учитель постепенно, но отнюдь не массово (политические барьеры сняты, но экономические для большинства непреодолимы) получает возможность побывать в странах обучаемого и изучаемого языка, приобретает опыт общения с носителями языка. Однако в престижных учебных заведениях Учитель сильно уступает Ученикам в этом вопросе.

5. Преподаватели иностранных языков для неязыковых специальностей в высшей школе перегружены больше других.

К сожалению, как правило, их нагрузка выше учебной нагрузки преподавателей других дисциплин. Это ошибка и нравственная и юридическая, поскольку таким образом снижается стоимость их труда. Нужно стремиться привести нормы нагрузки преподавателей иностранных языков к уровню преподавателей других дисциплин.

Учителя, зарплата которых зависит теперь от платных учащихся, часто предпочитают закрывать глаза на недостаток знаний и на избыточность развязного поведения и живут и работают по принципу общества потребления «клиент всегда прав».

Потеря авторитета в обществе, положение, зависимое от Ученика, не может не приводить к деградации Учителя.

К сожалению, это имеет место. В прессе все чаще появляются факты пьянства, грубости и рукоприкладства учителей — при этом практически всегда по отношению к «бесплатным» (т. е. государственным) ученикам. Не хочется приводить здесь эти грустные факты, их, к сожалению, много, и они, как правило, документированы: ученики снимают их мобильными телефонами и как фото, и как видео (к вопросу о пользе научно-технического прогресса...). Приведу только один пример — из жизни болгарской школы (факт из британской прессы). С иронией, свойственной английской стилистике, говорится о том, как стало хорошо жить болгарским школьникам, сильно улучшившим свою успеваемость *(who have improved their grades immensely)*, когда в их школе стали использовать прибор для определения степени алкогольного опьянения у учителей (вследствие жалоб учеников). Директор школы заявил, что сначала учителя подумали, что это шутка, но потом привыкли к этому тесту, и это дало прекрасные результаты *(it works perfectly)*: учителя приходят в школу трезвыми, и успеваемость повысилась на 15%.

Обратимся теперь к нашим источникам информации. Вот портрет, образ, «имидж» современного Учителя, который дает современная же российская пресса:

> «Кто сегодня работает в школе? Средний возраст российского учителя 45-50 лет. Каждый шестой педагог — работающий пенсионер. Поколение 30-летних в основном сбежало — не выжить на учительские крохи. Остались — по больше части — «троечники», которым трудно было бы выжить в новое время.
>
> Пусть платят копейки, зато стабильность. И опять же на детях можно самоутверждаться, ведь учитель всегда прав. Мы не говорим обо всех! Но, увы, о многих...
>
> Сегодня быть учителем непрестижно. Потому что педагог не отвечает современным меркам успешного человека. В какой еще

стране мира учитель высшей категории вынужден в свободное время выращивать свиней и полоть грядки?! В глубинке это норма. А не унизительна ли система «деньги за часы»? Перед началом учебного года во многих школах разыгрывается нервная сцена: матерые педагоги вырывают у молодежи уроки, чтобы поднять зарплату…

Собирательный портрет нынешней Марьиванны — замученная бытом и безденежьем женщина старше средних лет. Издерганная, вечно усталая. У Марьиванны: а) старомодное платье; б) маленькая зарплата; в) проблемы в личной жизни. А еще учительница — мелкая сошка. У нее много обязанностей, а прав почти нет. Она зависит от завуча, школьного директора и чиновника в Управлении образования. Тут еще родители свои права качают… Вот и объединяются педагоги, встают на свою защиту. Молчанием. Ни одна из историй, когда педагог обижал учеников, не всплыла по воле педагогов. Никто из учителей не крикнул в голос своему коллеге: «Маша, что же ты делаешь!» А ведь в школе всегда все известно, учителя прекрасно знают, кто как обращается с детьми.

Что тут делать? По мнению министра образования и науки России Андрея Фурсенко, нужно искать способы перевода пожилых учителей на пенсию. Но на пенсию достойную, уважительную, на которую можно прожить. Особо активным предоставлять работу, — скажем, в комиссиях по делам несовершеннолетних. А в классы повышенными окладами, жильем, социальными льготами завлекать молодежь. Звучит красиво. Но ни в каких социальных программах конкретные деньги на существенное повышение зарплат и пенсий учителям не прописаны. Так что пока вопрос остается открытым: воспитывать учеников по системе Макаренко в трактовке озверевших от унылой жизни пожилых учительниц уже нельзя. А новой системы пока не видно…»[9]

А теперь на эту же тему — объективные данные, основанные на научно-статистическом социологическом исследовании, проведенном Центром социологических исследований МГУ. Очень тянет к кавычкам на слове «объективные», потому что всякая наука, делаемая человеком, субъективна, а основанная на статистике — особенно, так как осмысление, трактовка сухих цифр практически всегда тенденциозны.

[9] *Андрей Рябцев. Система своих не выдает // Комсомольская правда, 22–29 марта 2007, с. 15.*

(Не сердитесь, социологи, все науки грешат субъективностью, даже так называемые естественные, но это и есть **человеческий** фактор человеческих наук.)

Итак, «Что мы знаем об учителе?» (заглавие статьи Марины Галушкиной, опубликованной в журнале «Эксперт» от 6–12 ноября 2006 года, с. 106–111):

«Типовое представление о сегодняшнем российском учителе таково: в основном это женщины преклонного возраста; социально и профессионально немобильные; редко путешествующие по миру; мало, на грани прожиточного минимума, зарабатывающие; не особо интеллектуально продвинутые; за пределами школы не уважаемые. Так ли это на самом деле?

Учителей в стране около 1,5 млн. За последние десять лет их стало меньше на 100 тыс. человек. Число школьников за это же время снизилось на 8 млн, то есть один выбывший учитель приходился на восемьдесят выбывших детей. После пика 1997 года, когда в школьных стенах было 22,2 млн учеников и 1,6 млн учителей, все последующие годы образовательная статистика фиксировала лишь отрицательные дельты (только в этом году, впервые за десять лет, первоклашек село за парты на 133 тыс. больше, чем год назад).

Школьный учитель, действительно, женская профессия: 86% профсообщества составляют женщины. «Учительница первая моя» стопроцентно дама, но с большой вероятностью и второй, и третий учитель окажутся женщинами. Для сравнения: во Франции в средней школе 57% женщин, в Великобритании и Гонконге — 53%, в Германии — 46%, в Японии — 32%.

Чуть больше трети наших учителей — селяне (39,3%), треть работает в городах-миллионниках и областных центрах, треть — в более мелких городах и поселках городского типа.

Что касается возраста, то слухи о сильной геронтологизации учительского цеха преувеличены: согласно прошлогоднему исследованию, проведенному Центром социологических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова (ЦСИ), средний возраст учителя — 43 года (директора школы — 49 лет). Эти данные в целом совпадают с официальной статистикой. Пенсионного возраста достиг примерно каждый десятый учитель страны, но нет причин драматизировать ситуацию: возрастная структура показывает, что половина всех учителей (50,7%) — это люди от 31 года до 46 лет, причем почти две трети из них сорокалетия не достигли. На взгляд директоров школ, это самый продуктивный возраст, поскольку период наибольшей эффективности начинается у учителей после восьми-десяти лет работы в школе. Педагогов в возрасте, называемом предпенсионным (от 47 до 54 года), 22,3%. Пенсионеров 13,3%, при этом тех, кого можно отнести к молодым специалистам (до 30 лет), тоже почти 13%.

Конечно, структура была бы идеальной, если бы число молодых учителей выросло в полтора-два раза, но и в нынешнем ее состоянии она вполне состоятельна. И оснований для ее изменения в худшую сторону нет. Резко повысившееся в последнее время внимание государства к образованию если и не улучшило положение большинства учителей, то, по крайней мере, надежду дало, а это явно привлекательный кадровый фактор. Кроме того, на селе профессия учителя котируется достаточно высоко, что, правда, является следствием не столько высокого статуса педагогических профессий, сколько хилого экономического состояния самого села — с большинством других сельских специальностей дела обстоят куда хуже. В любом случае для тех молодых селян, кто не стремится уехать в город, школа — совсем не последнее место работы, а сельское учительство составляет 40% от общего числа учителей.

Образовательный уровень учительского сословия высокий: почти 85% имеют высшее образование, преимущественно педагогическое, 12% — среднее специальное. Ученая степень есть у 0,7%. Собственную квалификацию учителя обязаны повышать, что и происходит, как правило, в отраслевых институтах повышения квалификации.

Средняя зарплата учителя колеблется в коридоре 5–6 тыс. рублей. В категориях социальной если не справедливости, то хотя бы разумности это низкая оплата труда. В категориях рынка труда это нормальная зарплата: учитель — это работник классно-урочного конвейера, а работа по обслуживанию типовых конвейеров нигде в мире к высокооплачиваемой и не относится. В экономических категориях это тоже вполне приемлемый уровень оплаты: если люди готовы работать за такие деньги, то зачем платить больше? С точки зрения эффективности системы школьного образования зарплаты даже завышены. Но в категориях развития государства это недопустимо низкая оплата специалистов, работающих с одним из немногих общественных институтов, формирующих будущее.

Сумма денег, получаемая педагогами «на руки» зависит от нескольких факторов: от региона (местные нормативы и надбавки); от того, государственное это образовательное учреждение или нет; от типа школы (в специализированных школах получают больше, чем в обычных); от классов, в которых они работают (предметники получают больше, чем учителя начальных классов); от степени в коррумпированности школы (теневые бонусы); от менеджерских способностей директора (дополнительные доходы). Но основное, чем определяется уровень зарплаты, — это объем преподавательской нагрузки. Для педагога единственный способ влиять на свой уровень благосостояния — это набирать максимально возможное число часов и у себя в школе, и в школе соседней, и хорошо бы еще репетитором подработать, чтобы хоть как-то

сводить концы с концами. Полуторная нагрузка, будучи нормой для учителя, предполагает четыре-шесть уроков в день, плюс ежедневная подготовка к занятиям, плюс внеурочная работа, плюс совещания, плюс «бумажная работа», плюс дополнительная работа на стороне, коей занимаются не меньше трети всех педагогов.

Сегодняшний учитель, стремящийся провести как можно больше уроков, напоминает промрабочего, замученного необходимостью изготавливать максимальное число деталей на станке. У него почти нет времени и финансовой возможности читать книги, ходить в театры, фитнес-клубы, хорошие парикмахерские (первое, что бросается в глаза на любом педсобрании, — это унылые прически учителей), путешествовать, модно одеваться, иметь хобби. Результаты исследования ЦСИ показывают, что за последний год ни разу (!) не были в театре 34,8% учителей, в кино — 49,9%, на концерте 37%, а в музее или на выставке — 25,5%. В целом эти люди лишены возможности заниматься собой и своим развитием. И какого качества мы от них ждем?»

Статья эта вызвала большую дискуссию на сайте журнала «Эксперт» http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/41. Не навязывая свое личное и, разумеется, субъективное мнение по поводу приведенных фактов, хочу только обратить внимание на точность и незыблемость данных великого А. С. Пушкина: его «одетая убого» фигурирует и в эмоциональном журналистском всплеске, и в результате статистических исследований эксперта. Это осталось. Величавый вид от сознания собственной значимости — уходит…

Что же представляет из себя сегодняшний Ученик?

Какие новые черты, достоинства и/или недостатки он приобрел?

Чем отличается от советского Ученика?

Новый Ученик лучше подготовлен, в смысле больше информирован, в его распоряжении современные СМИ и несметные сокровища Интернета. Он более уверен в себе, гораздо менее скован. Он мобилен, свободно передвигается и по стране, и — часто — по всему миру (тут даже не скажешь «более», потому что мы — советская молодежь — по миру не передвигались вовсе, а по стране — в основном, «по делу»: целина, «картошка», стройки. Хотя туризм внутренний, конечно, существовал и был очень популярен). Он вполне достойно ощущает себя «гражданином мира». А. М. Сербиновская в специальном исследовании посвященному проблемам российского студенчества в эпохи глобализации, пишет:

> «Студенчество в большинстве своем идентифицирует себя с глобальным информационно-коммуникативным пространством, ощущая себя частью глобального мира.
>
> …Студенты считают наиболее значимыми проявлениями глобализации увеличение разрыва между богатыми и бедными, а также всеобщее загрязнение окружающей среды. Третьими по значимости были отмечены экономические проявления глобализации. Молодые люди видят перспективы и развития страны, и своего

личного карьерного роста в приложении к расширению личных возможностей каждого через международный бизнес, многоаспектное мировое сотрудничество, возможность работы за границей и свободного перемещения по всему миру. Примечательно, что почти три четверти опрошенных (69%) считают необходимым для себя знание иностранных языков для возможности работы за границей (разрядка моя. — *С. Т.*).

...В целом студенчество ощущает себя «гражданином мира», частью мирового сообщества, осознает важность проблем общепланетарного масштаба, признает включенность России в глобальные процессы и необходимость этой включенности»[10].

[10] *А. М. Сербиновская. Влияние процессов глобализации на современное российское студенчество. Автореферат кандидатской диссертации. Новочеркасск, 2004, с. 18–19.*

Современный ученик знает свои права, имеет неизмеримо бóльший выбор, то есть гораздо более свободен в удовлетворении своих индивидуальных интересов и потребностей. Мы, его Учителя, в бытность Учениками, были очень скованы, боялись рот раскрыть, опасались задавать вопросы: отмолчаться было проще и безопаснее. В редких случаях дебатов или просто встреч с иностранными студентами наша сторона выставляла аспирантов или молодых преподавателей (выдавая их за студентов), чтобы они, чуть более умудренные годами и опытом, могли хоть как-то противостоять натиску и «коварным вопросам» раскованных «представителей капиталистического лагеря». В Московском университете в мою бытность студенткой филологического факультета (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) мы даже спецкурс и спецсеминар не выбирали: кафедра давала каждому потоку 1 спецкурс и 1 спецсеминар — без всякого выбора. Сейчас это трудно представить.

Преимущества современного Ученика очевидны. Однако, как обычно, преодоление одной крайности привело к установлению другой, прямо противоположной.

Свобода, выбор, осознание своих прав привели к тому, что современный Ученик легко пишет жалобы и доносы на своих Учителей, не прощает ошибок, может вести себя надменно по отношению к Учителю. Соответственно, уменьшается дистанция между Учеником и Учителем, что для нашей культуры никогда не было характерно.

Вот недавний, мелкий, но характерный случай из личной практики. Абитуриентка Е. Н. С-ва приехала по делу в администрацию подготовительных курсов нашего факультета иностранных языков и регионоведения МГУ и не застала там руководителя, доктора педагогических наук, профессора Т., хотя по расписанию та должна была быть на месте. Абитуриентка, не выдержав даже «академической четверти часа», тут же написала на имя декана жалобу:

> «Я, С-ва Е.Н., приехав к 17.00 к Т-вой, не обнаружила ее в отделении подготовительных курсов.
>
> Прошу Вас уделить внимание отделению дополнительного образования и принять все меры для более благоприятного взаимодействия обучающихся на курсах с секретариатом отдела дополнительного образования».

Такое вот деловое замечание абитуриентки «секретариату» в лице профессора Т. и декану факультета.

По сути абитуриентка С-ва права: ее время так же важно и дорого, как и время декана и профессора. Но поучительный и неуважительный («я приехала к Т-вой» — ни титула, ни даже инициалов) тон школьницы и быстрота ее кляузной реакции удивили.

Знание прав приводит к их превышению, к нарушению традиций, осознание личной свободы — к свободе жевать жвачку во время занятий, приносить питье и даже еду в класс под влиянием западных фильмов, носить очень смелые туалеты, никак не подходящие для такого серьезного дела, как получение образования.

Написать жалобу премьер-министру страны, не обратившись к декану и ректору; пригласить Счетную Палату из-за явного финансового неразумения, организовать демонстрацию и пикеты вокруг своего вуза с приглашением прессы, опять же не пробуя решить вопросы непосредственно с руководством; наконец, написать жалобу с требованием «убрать» неугодного учителя — стало угрожающе обыденным делом. А за такими действиями — сломанные души, загубленные карьеры.

Еще одна характерная особенность нашего младого и незнакомого племени — и студенты, и даже школьники работают. Студенты работали и раньше: те, кому не хватало денег на питание, на книги, на билеты в театр и т. п. разгружали вагоны по ночам. Сейчас работают не только и не столько от бедности, сколько от желания поскорее попробовать себя «в деле», заработать «свои» деньги, подчеркнуть свою взрослость и независимость, наконец, найти заранее подходящую работу — распределения-то нет...

Уже с 3-го курса (и раньше) студенты превращаются в «мертвых душ»: их молодой энтузиазм весь отдан работе, они пропускают занятия, кое-как сдают сессии. В ходу сейчас грустная шутка: «раньше студенты учились и подрабатывали, сейчас они работают и подучиваются».

Не будем забывать: это поколение родилось и выросло в условиях глобального рынка — с рыночной экономикой и рыночным менталитетом, согласно которому цель жизни — заработать как можно больше и любой ценой (и снова: бедность — порок, а в деньгах — счастье).

Вот как формулирует это М. Ф. Косилова, доктор педагогических наук, профессор нашего факультета, в статье «Потерянное «поколение?»:

> «Испокон веков считалось, что отцы — носители консервативного начала, а дети, ломающие старое, устремлены вперед... А что теперь, в 2006 году? Дети стали носителями нравственного регресса. Отцы только вступали в фазу молитвенного поклонения золотому тельцу, у детей же это поклонение — жизненная философия»[11].

Соответственно, и цель образования — максимальное обогащение. И уже не удивляешься, прочитав откровения первокурсников Высшей школы экономики: корреспондент Новостной службы портала ГУ-ВШЭ по-

[11] *М. Ф. Косилова. Потерянное поколение? «Alma Mater» // Вестник высшей школы. 2006, № 9., с. 34.*

интересовалась, почему ребята выбрали именно этот вуз. «У нас есть мечта: остров купить на двоих»[12].

А вот два портрета современного Ученика по материалам прессы.

1. Школьник

«Пошла мода ругать пожилых учителей: мол, они наказывают шалунов излишне строго. Да вы посмотрите на этих «шалунов»! Со второго класса курят и сквернословят, с третьего — пьют, из школьных туалетов только успевают бутылки выносить. А в старших классах уже появляется наркота. Детки на уроке могут учителя и матом послать, и пригрозить ему. И это не только в обычных школах, где трудные подростки. Иногда и в гимназиях такого насмотришься — то сексом могут заняться прямо в классе, то на вечере так накурятся всякой дряни, что ничего не соображают. Могут и на учителя с кулаками полезть. Ко мне прибегали молоденькие учительницы в слезах — что им наговорили великовозрастные болваны, не хочу и передавать. А попробуй их наказать — прибегают богатенькие родители: как вы посмели тронуть наших мальчиков! Я считаю, надо ужесточить требования к ученикам. Серьезно напакостил — вон из школы, пусть в платном заведении доучивается. А у нас все болтают про права учеников. А у учителей против их хамства вообще нет никакой защиты!»[13]

2. Студент

Один из феноменов нашего времени — студенты платного отделения, прогуливающие лекции и покупающие оценки во время сессии.

А теперь попробуйте объяснить это европейцам, платную систему образования которых мы пытаемся скопировать.

«Последняя торпеда в борт» ЕГЭ — это приближающийся демографический кризис. В 2003 году школы выпустили 2,2 млн учеников, а в следующем году набрали в первый класс всего 1,3 млн. И это устойчивая тенденция, которая в полной мере скажется через 9–10 лет — выпускников школ станет меньше, чем мест в вузах и техникумах. Начнется действительная конкуренция вузов в борьбе за абитуриентов, которая неумолимо приведет к снижению уровня требований. И тогда рынок может победить высшую школу окончательно — студенты будут делать вид, что учатся, вузы — делать вид, что дают образование.

Уже сейчас резкое понижение уровня общей культуры нового поколения студенчества режет глаз и слух. Развязные манеры, акустический фон ненормативной лексики стали приметой практически любой «альма матер». Порой разница между вузовской аудиторией и тусовкой «сбегавших за клинским» уже неощутима.

[12] *Анфиса Кудрявцева. Без потолка // Поиск, № 36, 7 сентября 2007.*

[13] *А. Стковрын (преподаватель физкультуры с 30-летним стажем). Школе нужна сильная рука! // Комсомольская правда, 22–29 марта, 2007, с. 15.*

И каждый раз, когда приходится окунаться в эту среду, возникает тревожный вопрос: А сможет ли на этот раз вековой университетский уклад образовать «племя молодое, незнакомое»?! Или же его молодой задор, не отягощенный «лишними сущностями», сам того не заметив, поглотит островки университетской культуры?

Думается, так и будет, если вузы по-прежнему останутся в режиме полурыночного выживания и будут лишены возможности самим определять уровень знаний своих же абитуриентов[14].

[14] DUMAEM.RU 08.03.2006

Интересное мнение о студентах высказывают их будущие работодатели. В эпоху все большего сращивания высшего образования с производством и бизнесом, все увеличивающегося и ускоряющегося роста так называемых корпоративных университетов и факультетов мнение работодателей становится решающим.

На Менделеевском съезде заместитель генерального директора по персоналу группы «Лукойл Нефтехим» Альберт Жарков так охарактеризовал среднестатистического выпускника вуза: «Неумение применять знания на практике, необоснованные амбиции, ожидание быстрого карьерного роста, недостаточная дисциплинированность, отсутствие коммуникативных навыков, неумение анализировать информацию, незнание иностранных языков, оторванность от бизнеса»[15].

После столь эмоциональных и столь же негативных образов-«имиджей» молодежи, которая, как известно, наше будущее, обратимся опять к сухим цифрам социологических опросов. Их гораздо больше по понятной причине: проводит эти опросы старшее поколение, которое интересуется своим будущим.

[15] Цит. по: Поиск, № 41 (959), 12 октября 2007, с. 9.

Итак, портрет Ученика в цифрах социологических опросов. Все приводимые цифры отражают только одну категорию молодого поколения — студенческую, и еще к тому же это студенты только одного вуза — Московского университета, первого, главного, самого престижного.

При всей условности этих выборок (слово говорит само за себя), при всей субъективности, а часто и заданности оценок социологов, все-таки цифры, по-видимому, дают более объективную картину, чем эмоциональные оценки, даваемые в прессе, или отдельные факты из личного опыта. А вернее — дело не в объективности (кто и как ее определяет?), а в том, что все эти данные — это разные штрихи к портрету, все равно далеко не полные.

Сначала приведем редкие сведения сопоставительного опроса студентов Московского университета в 1904 и в 2004 годах. Эти уникальные данные больше говорят об изменениях общественной жизни и культуры России, чем о том, как изменились студенты.

Результаты опросов взяты из газеты «Московский университет» (2005, № 7).

Центру социологических исследований Московского университета представилась уникальная возможность сравнить некоторые характеристики студентов университета, учившихся в начале прошлого века и учащихся сегодня.

«100 лет назад, в 1903-1904 гг. академическом году, среди студентов Московского университета было проведено социологическое исследование. Это было единственное социологическое исследование, проведенное в МГУ до революции.

Мы попытались воспроизвести, насколько это было возможно, анкету того времени и с ее помощью в 2003–2004 гг. провели репрезентативный опрос наших студентов. Было опрошенно около 800 человек.

Социальное происхождение студента Московского университета

Изменения, произошедшие за сто лет в структуре населения страны, естественным образом сказались на студенчестве.

	1904 г.	2004 г.
Семья, в которой воспитывался студент, жила:		
в большом городе	35%	59%
в селе, деревне	19%	4%
Имущественное положение семьи:		
выше среднего	13%	25%
среднее	67%	64%
ниже среднего	20%	8%
Единственный ребенок в семье	10%	38%
Есть еще братья и сестры	90%	62%
Мать-домохозяйка	78%	16%
Высшее образование у родителей:		
отец	26%	83%
мать	6%	85%
Студент живет:		
с родителями, родственниками	27%	64%
имеет собственную квартиру	—	6%
снимает квартиру, комнату	68%	4%
в общежитии	5%	24%
Русские по национальности	65%	87%

Родители современного студента МГУ имеют возможность уделять больше времени и средств для его становления и развития, чем родители начала XX столетия. Недаром соответственно 65% и 44% прошлых и нынешних студентов сказали, что их воспитанием занимались оба родителя. Показательно, что телесные наказания испытали на себе 12% нынешних студентов и треть их давних предшественников.

В формировании молодого человека заметно изменилась роль не только семьи, но и школы. Она оказала влияние на нравственное и эстетическое развитие 60% сегодняшних студентов и лишь 30% студентов начала прошлого века. Это касается и сознательного выбора факультета.

Школа повлияла на выбор факультета примерно у 30% современных студентов МГУ. В начале XX века это влияние испытали только 10% молодых людей, учившихся в университете.

Досуг студентов и их привычки

В этом отношении студент меняется, но остается студентом. Вот основные способы его свободного времяпрепровождения в начале XX и XXI века:

№	1904 г.	2004 г.
1.	Общение с товарищами	Компьютер
2.	Чтение	Общение с товарищами
3.	Театр	Чтение
4.	Музеи, выставки	Музыка
5.	Игра в карты	Кино, видеофильмы

Две трети (66%) современных студентов МГУ занимаются спортом. Но и среди их предшественников спортсменов больше, чем можно было ожидать, — 42%.

В 1903 году курил каждый второй (51%) студент университета, сегодня таких лишь 28%. Вдвое уменьшилось и число тех, кто, по их собственному признанию, курит много.

Интерес к спиртным напиткам остается удивительно стабильным: их пили тогда и пьют сейчас 65% студентов. Правда, с 19% до 29% выросла доля тех, кто никогда не брал в рот спиртного. Изменились и вкусы. Сто лет назад каждый третий (30%) студент предпочитал водку всем остальным напиткам. Сегодня любителей крепких напитков в два раза меньше (15%).

Чтение

В детском возрасте сегодняшние студенты читали примерно столько же, сколько и студенты начала XX века.

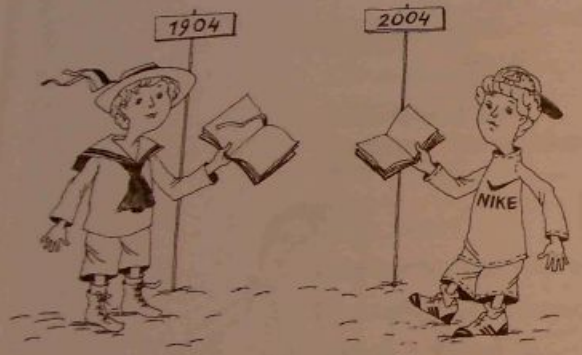
Много читали

	1904 г.	2004 г.
В детском возрасте	58%	61%
В юношеском возрасте	70%	72%

Однако нынешние студенты в значительно большей мере читают с разбором.

Читали с разбором

	1904 г.	2004 г.
В детском возрасте	19%	62%
В юношеском возрасте	40%	82%

Такие различия можно во многом объяснить той ролью, которую играли семья и школа в формировании отношения к чтению.

Современные студенты в два раза чаще, чем их собратья, учившиеся 100 лет назад, говорят, что их чтением в детском возрасте руководила семьи, и в три раза чаще, чем век назад, — что школа. Предпочтения в области чтения сегодня и 100 лет назад выглядят таким образом: до университета нынешние студенты читали, прежде всего, беллетристику, интересовались естественными науками и путешествиями и поэзией. 100 лет назад тоже зачитывались романами и путешествиями, но на втором месте по предпочтениям тогда была поэзия: «Серебряный век», как-никак.

Что, главным образом, читали до университета?

	1904 г.	2004 г.
Беллетристику	27%	39%
Поэзию	15%	10%
Из области естественных наук	10%	12%
Путешествия	11%	10%
Публицистику	11%	9%
Психологические сочинения	6%	9%
Философские сочинения	8%	5%
Социально-экономические сочинения	8%	2%
Богословские сочинения	3%	1%

В студенческие годы предпочтения меняются. Интерес к беллетристике несколько ослабевает, но на ее чтение тратится больше времени, чем на что-либо иное. У сегодняшних студентов пропадает интерес к поэзии, путешествиям, а те, кто учился 100 лет назад, начинают интересоваться социально-экономическими сочинениями и философскими. Наших современников эти предметы интересуют в значительно меньшей степени.

Что, главным образом, читают в университете?

	1904 г.	2004 г.
Беллетристику	25%	22%
Поэзию	10%	4%
Из области естественных наук	18%	17%
Путешествия		4%
Публицистику		9%
Психологические сочинения	10%	19%
Философские сочинения	14%	1%
Социально-экономические сочинения	21%	6%
Богословские сочинения	1%	1%

Исследование проведено под руководством зав. лабораторией изучения общественного мнения Центра социологических исследований А. Т. Гаспаришвили»[16].

[16] Московский университет, 2005, № 7, февраль.

Современное общество — во всем мире — озаботилось тем, что в результате научно-технического прогресса XX века (телевизор, компьютер) пострадал такой важнейший фактор образования и воспитания, как чтение. «Молодежь не любит читать», «они только сидят с компьютером и телевизором» — такие заявления распространены и в быту, и в средствах массовой информации. Конечно, всякие обобщения — особенно в отношении тысяч-миллионов-миллиардов людей — большая натяжка. Вспоминается эпизод из далекого советского прошлого, когда на кафедру английского языка филологического факультета МГУ приехал невиданный гость — преподаватель из Англии, натуральный, так сказать, англичанин, на целый учебный год.

К первой встрече с ним мы тщательно готовились: покупали-«доставали» продукты, стряпали-пекли, наряжались. Когда он пришел — напряженный, испуганный, готовый к худшему продукт антисоветской пропаганды — стол еще не был до конца накрыт, все продолжали суетиться, и «развлекать гостя» поручили самой кроткой женщине, которая не могла никому не сказать «нет». В страшном смущении и растерянности она спросила англичанина, глядя на стол с закусками: *Do English people like tomatoes?* [*Англичане любят помидоры?*]. Он вздрогнул от неожиданного первого контакта в этой странной и опасной

стране и дал ответ, который можно было бы поставить эпиграфом ко всем социологическим опросам: *Some do*. И после короткой паузы: *And some don't* [*Некоторые — да. А некоторые — нет*].

И все-таки опросы помогают увидеть тенденцию.

Корреспондент газеты «Московский университет» студентка МГУ Анна Радченко провела опрос на тему: «Какую прессу читают студенты». Приведем наиболее типичные ответы:

> С в е т а: Я, к сожалению, сейчас никакой прессы не читаю.
>
> С в е т л а н а, 3 курс, журфак: Я для себя открыла такую вещь, что, оказывается, жутко ленива до чтения, поэтому прессу не читаю вообще, кстати, это связано еще и с тем, что отношусь к ней предвзято, не верю. Так уж нас научили, постоянно повторяя: «Отличайте научные данные от журналистских». Могу просмотреть какой-нибудь легкий журнальчик и все. Новости смотрю по телевизору или, если в Интернете какая-нибудь ссылка заинтересует, — могу зайти.
>
> Д м и т р и й, аспирант МИТХТ: Я не читаю никакую прессу. Все, что мне необходимо, я нахожу в Интернете, ну а общероссийские новости смотрю по телевизору за ужином.
>
> В а л е н т и н: Мне нравится журнал «Максим», да и «Men's Life» полезно почитать. Дело в том, что я работаю в очень крупном рекламном агентстве, поэтому должен всегда быть одет по последней моде, соответствовать продвинутому стилю нашей компании.
>
> М а р и н а, филфак: Если мне нужна какая-то информация, я обращаюсь к Интернету или у мамы спрашиваю, что нового творится в мире.
>
> А н д р е й, 3 курс, ФГУ: Мне нравится журнал «Власть» и газета «Коммерсант», из чего можно сделать вывод, что я очень интересуюсь политикой и хочу добиться многого на этом поприще!
>
> М а к с и м, соцфак: «IZone Domino», «Hard'n'Soft», «Хакер», одним словом, те журналы, которые специализируются на компьютерах, компьютерных программах, «игрушках» и т. д. А остальное меня мало волнует, хотя еще нравится «Спорт-Экспресс» просматривать».

И комментарий газеты — краткий и очевидный:

> «Таким образом, на основе полученных ответов можно сделать вывод, что самым распространенным источником информации является Интернет, и это неудивительно. Ведь именно в сети сейчас можно найти все интересующее читателя, не выходя из дома»[17].

[17] Московский университет, 2006, № 12, март.

Результаты опроса студентов нашего факультета в 2007 году. Было опрошено 319 человек. Приведу результаты ответов на некоторые вопросы:

Что для тебя самое важное при выборе профессии:
Ответы распределились следующим образом:

1. 55% — интересное дело
2. 28% — зарплата
3. 12% — хороший коллектив
4. 5% — много свободного времени

Сколько у тебя свободного времени:
1. 44% — немного
2. 41% — мало/почти нет,
3. 7% — много,
4. 5% — совсем нет.

Как ты проводишь свободное время (выбери, сколько хочешь):
1. 67% — музыка и кино
2. 55% — в гости к друзьям и чтение
3. 44% — спорт
4. 41% — свидания
5. 37% — интернет
6. 36% — театр
7. 35,5% — шоппинг

Результаты опроса, проведенного Социологическим центром МГУ в 2007 году относительно роли изучения английского языка в высшей школе (2 таблицы и комментарий социологов):

Таблица 1

Зачем вам нужен английский язык?	**(%)***
Поможет в будущем решать проблемы, связанные с профессиональным, карьерным ростом	66,5
Дает возможность беспрепятственно общаться с зарубежными друзьями	43,2
Является источником профессиональных знаний	43,0
Дает шанс на участие в международных научных проектах	36,4
Дает чувство уверенности в себе, в своих силах	22,0
Является источником знаний о событиях у нас в стране и за рубежом	12,1
Дает лингвострановедческие знания	10,7
Позволяет ощутить себя человеком западной цивилизации	9,7

* Более 100%, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа.

Сегодняшние студенты учат язык не для того, чтобы «стать культурным, образованным человеком», и даже не для того, чтобы «ощутить себя человеком западной цивилизации». Как видно из Таблицы 1, четыре важнейшие причины, по которым английский язык востребован студентами, рациональны и «завязаны» на их будущую профессиональную деятельность.

Вероятно, поэтому второкурсники весьма критично относятся к языковым занятиям, которые не приносят очевидной пользы, в конечном счете не способствуют их продвижению к жизненному успеху. Недаром отмеченная ранее группа «недовольных» чаще, чем по вы-

борке в целом (75,8% против 66,5%), возлагает на английский язык особые надежды в решении проблем профессионального и карьерного роста. Реакция становится особенно острой, если в освоение языка еще на доуниверситетском этапе были вложены значительные усилия и средства.

Рейтинги студенческих приоритетов различаются в зависимости от специфики групп факультетов, на которых они обучаются (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Студенты-естественники*	**Студенты-гуманитарии***
Поможет в будущем решать вопросы, связанные с профессиональным, карьерным ростом (67,9%)	Поможет в будущем решать вопросы, связанные с профессиональным, карьерным ростом (65%)
Является источником профессиональных знаний (48,3%)	Дает возможность беспрепятственно общаться с зарубежными друзьями (49,1%)
Дает шанс на участие в международных научных проектах (43,2%)	Является источником профессиональных знаний (36,8%)
Дает возможность беспрепятственно общаться с зарубежными друзьями (38%)	Дает шанс на участие в международных научных проектах (28,6%)

* Более 100%, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа

Картина складывается, судя по данным опросов, по «сухим» цифрам, достаточно пестрая, но с вполне определенными тенденциями, соответствующими той общественной обстановке, в которой растет и формируется новое поколение.

В последнее время — увы! — все чаще говорят о национализме, ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде. В результате имевших место актов насилия, широко и подробно освещаемых прессой, к нам боятся ехать учиться, особенно представители азиатских стран. Было больно и страшно услышать от наших соотечественников, коллег, замечательных специалистов в области иностранных языков и межкультурной коммуникации, из Якутского государственного университета: «Раньше мы отправляли наших детей и учеников учиться в Москву и Петербург. Теперь боимся. Их там бьют и убивают».

В начале 1990-х идея патриотизма была подорвана, само слово стало политическим термином отнюдь не позитивного свойства — и вот результаты. Великое святое чувство любви к Родине вырождается в национализм, в «бей чужих».

И теперь все громче звучат голоса о воспитании толерантности, патриотизма. Вспомнили, наконец, и о воспитательной работе с молодежью.

Весьма показательна в этом плане речь ректора МГУ академика В. А. Садовничего на X съезде Евразийской ассоциации университетов 19 апреля 2007 года:

«Хочу обратить ваше внимание на ту общую опасность, которая, по моему глубокому убеждению, может оказать, да уже и оказывает, сильное отрицательное воздействие на высшую школу стран СНГ.

Я имею в виду ее заметно возросшую политизацию. Студенты все чаще и во все более массовом масштабе вовлекаются в политический процесс, в том числе и непосредственно в стенах университетов. Политизируется и профессорско-преподавательский корпус. Конечно, я понимаю, что далеко не всегда инициаторами такой политизации являются сами университеты. Однако не могу обойти этот вопрос молчанием, поскольку процессы политизации университетов таят в себе огромные опасности прежде всего на главном направлении их деятельности — качественной подготовке студентов, их гражданском воспитании.

Гражданское воспитание молодежи и студентов, как мне представляется, выдвинулось во всех странах на передний край деятельности систем образования, высшей школы, ведущих национальных университетов в особенности. Гражданское воспитание предполагает не только развитие патриотических чувств и законопослушания, но, безусловно, и уважительного отношения к другим странам и народам. Нисколько не умаляя значения в гражданском воспитании уважительного отношения к Соединенным Штатам Америки, Европейским государствам, Китаю, Индии и другим странам, все-таки осмелюсь подчеркнуть и выделить как особую и актуальнейшую задачу — воспитание в России уважительного отношения к странам СНГ и Балтии, и, соответственно, такого же отношения с их стороны к России.

Ведущие университеты стран СНГ, а они все входят в Евразийскую Ассоциацию, должны взять на себя значительно бóльшую ответственность за гражданское воспитание молодежи и студентов, чем какой-либо другой государственный или общественный институт своей страны. Чтобы и кто бы ни говорил, но именно в стенах этих университетов сосредоточена интеллектуальная элита стран, из которых по преимуществу и выходят общественные и культурные лидеры своего времени».

Одно из обвинений в развитии настроений ксенофобии и нетерпимости предъявляется — и вполне справедливо — к языку.

Справедливо потому, что язык, как хорошо известно, отражает реальность и культуру, формирует личность; он одновременно и зеркало, и орудие культуры.

Газета «Поиск» организовала круглый стол, в котором приняли участие представители разных гуманитарных специальностей, на тему: «Язык вражды в молодежной среде». Внимание общественности было

привлечено к такому очень мощному, но незаметному, неосознаваемому средству воспитания молодежи, как родной язык.

> «Как отметил участник круглого стола, директор Центра социологии образования РАО Владимир Собкин, толерантность проявляется не только в межрелигиозных и межнациональных отношениях, но и в отношении к школе, семье, нищим, бедным и так далее. По его мнению, воспитание толерантности должно начинаться еще в подростковом возрасте, когда происходит социальное самоопределение: молодой человек начинает искать свое место в обществе и пытается отнести себя к определенной группе. Но, к сожалению, часто оказывается в состоянии смыслового вакуума. Молодежь хочет гордиться чем-то своим, но не понимает, чем именно. Она готова выражать патриотизм, но не знает, как это делать. В большинстве случаев молодые люди объединяются, чтобы ненавидеть «чужое», противопоставив ему некое «свое», подчеркнул В. Собкин. Поэтому так необходимо дать молодому человеку знания о разных культурах, которые тоже «имеют право на существование».
>
> Между тем «язык вражды», на котором говорят многие СМИ, играет негативную роль в становлении личности подростка. Например, сотрудниками Центра социологии образования РАО было проведено исследование по выявлению частоты сцен агрессии на телевидении. Выяснилось, что в дневное время сцены насилия появляются в среднем один раз в 12 минут, к вечеру их количество увеличивается в два раза. По мнению В. Собкина, существует прямая зависимость между информацией, которую получают подростки из телеэфира, и проявлениями агрессии»[18].

[18] Поиск, 2004, № 41, 8 октября.

Профессор МГУ А. Асмолов считает, что «жесткие стереотипы формируются школьным сообществом, учителями и особенно школьными учебниками»[19]. Выше, в Главе III говорилось о формировании настроений агрессии и насилия в детских стихах, песенках, пословицах, считалочках, словарных иллюстрациях и т. п.

[19] Там же.

Особый интерес, разумеется, представляет собственно язык молодежи — и просто в качестве языкового явления, и как зеркало культуры.

Современной молодежи России свойственна диглоссия, то есть использование двух разновидностей родного языка: литературного варианта и молодежного слэнга. Собственно, наличие молодежного социолекта — признак любого общества, различие только в степени и масштабах закодированности.

Характерные черты слэнга современного российского Ученика — те же, что и у общенародного языка, только выраженные более широко и ярко, а именно: во-первых, огромное количество иностранных заимствований (почти исключительно — англицизмов) и, во-вторых — вульгаризмы, сниженная и ненормативная лексика (та, что до отмены цензуры называлось нецензурной).

Среди заимствований также много ненормативной лексики. Подъезды и заборы в провинции, даже в российской глубинке часто исписаны английскими ругательствами и вульгаризмами — на русском и английском языках, с ошибками и без. Заимствования, под влиянием СМИ, песен на английском языке, иностранных фильмов и зараженного англицизмами современного общенародного русского языка, происходят на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. (вау!, упс!, «Я в порядке», шузы…)

Очень свежий пример — из студенческой газеты «Лингва» нашего факультета (апрель, 2008 г.). Я читаю ее с удовольствием и интересом, но в последнее время многого не понимаю — и это при том, что иноязычные заимствования я понимаю. Вернее, знаю эти англицизмы как слова иного языка, а не как заимствования русского. Переосмысление, искажение значений иностранных заимствований — общеизвестный факт, на эту тему написано много трудов. И знание языка заимствований далеко не всегда помогает понять смысл современного русского текста (а уж как понимают русскоязычные тексты, буквально кишащие англицизмами, носители русского языка, не знающие английского, я просто боюсь представить).

В последнем номере студенческой газеты нашего факультета я не поняла совсем или не совсем поняла, например, следующие образцы современного «молодежного языка», ярко иллюстрирующие диглоссию молодежи России.

> — …Может быть, ты мечтаешь о теплом хэшбрауне?
> — Толпа, алкавшая мясного отжега, полукружком собралась у сцены и это… да, это-таки началось.
> — Удивил ThefirstMC, не только уверенно зажимающий аккорды на «Фернандесе», но и читающий реп на испанском.
> — Клаббинг. Музыка, дринкс, снова музыка, лица, люди, дрыгающиеся в порыве единого «шоуинг оффа».
> — Я порядком устала от вопросов некоторых моих знакомых «А ччо? А кто поет? ОПС? А скинь мне! По почте, нет… по аське!» «Sorry» затерялась где-то в огромной плей-листе моего айпода…
> — «Точка», конечно, лучший рок-клуб, но звукач так какой-то дурак.
> — А у меня мидтерм завтра!
> — А ты тут?
> — А пофиг.

Поскольку язык неотделим от культуры, вместе с языком проникают элементы западной культуры. Под влиянием английского языка изменяется социальная и языковая идентичность российского общества, и, в первую очередь, — молодежи. Уходят отчества, меняются отношения «ты» — «вы» в сторону большей «демократизации» (иначе говоря, все больше расцветает «тыканье»). Язык — зеркало культуры, а на зеркало неча пенять…

Поспешные непрофессиональные переводы книг и фильмов, подгоняемые жаждой недобросовестных издателей и прокатчиков немедленно поживиться, коверкают оба языка, но особенно страдает русский язык.

В результате затрудняется коммуникация между поколениями отцов и детей, учеников и учителей, увеличивается разрыв между поколениями.

Несколько лет назад группа первокурсников во главе с Мариной Юровской преподнесла мне в подарок самодельный словарик с трогательной надписью:

> «Мы искренне надеемся, что этот небольшой экскурс в мир молодежного слэнга поможет наконец наладить отличное взаимопонимание между родителями и детьми, потому что теперь дети, используя такой словарик, смогут вспомнить нормальный, адекватный русский язык. А их родители, в свою очередь, смогут быстро вникать в суть разговора с любимым чадом.
>
> *Авторитеты — родители*
> *Антиквариат — родители*
> *Блин — компакт-диск, CD*
> *Дирол — директор школы*
> *Женелняк — точно, наверняка*
> *Загнуть — пропустить урок*
> *Кекс — молодой человек, юноша*
> *Кидок — обман*
> *Клёво — хорошо, прекрасно*
> *Конкретный — качественный, хороший*
> *Лажа, мулька — обман, выдумка*
> *Пруха — везение*
> *Спиногрыз — ребенок, учитель, воспитатель*
> *Убитый — старый, ветхий*
> *Фартуха — везение, счастливый случай*
> *Форма — любая*
> *Шуршать — говорить, болтать».*

Их всех этих примеров только *клёво* сохранилось от молодежного слэнга 50-летней давности. Его антоним *лажово (плохой, плохо)*, по-видимому, переосмыслился в *лажа — обман*.

Еще одна иллюстрация — отрывки из подслушанного журналисткой «Известий» разговора студентов:

> — Вау! Вы че устроили тута вертеп культурного разврата?! Зачучки! Поздняк метаться…
>
> — Палево! Палево, братаны! — послышался предупредительных клич одного из ребят. — Препод наш ластами прям к нам подгребает[20].

Чрезмерное увлечение визуальными средствами (телевизор, кино, видео) и компьютером в сочетании с падением интереса к чтению привели не просто и не только к падению грамотности, но и к неумению владеть словом. По свидетельству Юрия Башкирова, ответственного

[20] Мария Бырдина. Препод ластами к нам подгребает // Известия, 17 января 2004.

секретаря приемной комиссии Московского института электроники и математики, «к нам уже стали приходить студенты, которые вообще не умеют говорить. Когда его спрашиваешь: «Что это?» — он какое-то время смотрит недоуменно, а потом выдавливает из себя: «Ну», затем, через минуту: «Эта…» Я спрашиваю: «Какая эта?» Он: «Ну эта… которая…» Они просто не могут не только выразить мысль, но не могут без особых усилий и «думать» ее, ибо человек мыслит словами, а не только «образами». (Известия, 17 января 2004 г).

А вот диалог, услышанный мной в I гуманитарном корпусе МГУ в декабре 2005 года у киоска с напитками и мелкими продовольственными товарами. Пока я разглядывала бутылочки с минеральной водой, подошла юная девушка, красивая, хорошо одетая, вполне осмысленная на вид и спросила неожиданно грубовато-развязным тоном: «Это что за хрен?» Я стала заинтересованно вертеть головой: предновогоднее время, нужно думать о соусах и специях. Даже успела подумать: «Надо же, и хрен здесь продают!» Девушка продолжила: «Кефир, что ли?», на что продавщица очень спокойно и буднично ответила: «Да, кефир с шоколадом». Не успев удивиться новинке кисломолочной гастрономии, я изумленно смотрела на студентку гуманитарного факультета первого вуза страны, храма науки и культуры, и думала: «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Незнакомое племя говорит на незнакомом языке.

Набросав портреты Учителя и Ученика, подведем итоги и сделаем некоторые обобщения (с оговоркой на великое открытие относительно того, любят ли англичане помидоры: *some do and some don't*).

Со времен Пушкина жизнь Учителя мало изменилась в плане недооплаченности («одетая убого» — А. С. Пушкин) и переработанности. Большинство также неизменно обращается с учащимися «командно-тоталитарным» образом, исходя из принципа я — генерал/начальник/царь/знаю все, а ты (именно ты — и школьникам, и студентам) — солдат/подчиненный/раб/не знаешь ничего.

Перемены в Учителе касаются потери статуса и авторитета из-за конфликта культур с Учеником и инерции прошлого, когда традиционно этот статус был очень высок («видом величавая жена над школою надзор хранила строго» — А. С. Пушкин), из-за новых! — отношений материальной зависимости от платного ученика, клиента, потребителя услуг.

Ученик остался неизменным в плане стремления к новаторству, молодого энтузиазма, жажды знаний и острых ощущений (адреналин!), но — в новых условиях, родных и единственных для него — изменился соответственно обстоятельствам. Новый Ученик, выросший в эпоху глобализации, ощущает себя гражданином мира (я даже слышала от талантливого школьника запальчивое — «Я гражданин вселенной»), он более свободен в поступках, мыслях, идеях, чем Учитель и — особенно — чем старый Ученик, он ломает нормы культуры и языка, что естественно — увы! — прогрессивно (увы — потому что болезненно для старшего поколения). Он прагматичен, амбициозен, зациклен на стремлении разбогатеть — желательно быстро и без усилий. Соответ-

ственно, Ученик не уважает «лузеров» («бедность — порок»), отсюда «падение нравов» в сфере образования, снижение авторитета Учителя и опять-таки конфликт культур.

Этот процесс происходит во всем мире, просто в нашей стране это заметнее. Во-первых, из-за огромных перемен в общественной жизни и, во-вторых, из-за того, что «свое» больнее и острее воспринимается.

Несколько иллюстраций изменений отношений между Учеником и Учителем.

Наша студентка Анна Некрасова в отчете о стажировки в английской школе в качестве ассистента преподавателя русского языка делает следующее наблюдение, показывающее и нашу старую традицию, и реакцию новых Учеников — в данном случае, представителей иной культуры в иной стране:

> «Отношение к учителям и ассистентам. Меня немного удивило, что ученики не всегда здороваются со своими преподавателями, когда их встречают в школе. Один раз я шла с Викторией (главой отделения русского языка), и нам встретились наши мальчики. Обычно они здороваются, но в этот раз не поздоровались. Я спросила Викторию почему. Она сказала: *They don't have to* [*Это не обязательно*]. На это я объяснила, что в России это считается очень грубым. Еще ученики даже в школе временами говорят своим преподавателям *Hi!*
>
> Особенно удивляло отношение к ассистентам. В русских школах все, кто не ученики, — учителя. В английских школах ассистенты — это не учителя, к ним отношение со стороны учеников немного более свойское, они воспринимают ассистентов как нечто более близкое к ним по статусу, хотя мы и входили в учительский состав. Однажды я объясняла своим детям, которые сказали мне *Привет!*, что по-русски невежливо говорить *Привет!* учителям. Один мальчик при этом довольно нагло спросил *Are you a teacher?* При этом русские мальчики, которые были в школе, всегда говорили мне *Здравствуйте!*, хотя я у них ничего не вела и сама им время от времени говорила *Привет!* К счастью, у меня таких проблем не возникало, но я слышала, что другая ассистентка жаловалась, что ученики ее абсолютно не воспринимают как учителя, а ничего сделать с учениками она не может, потому что ей не разрешает преподаватель».

Обратите внимание, что главный показатель снижения авторитета — язык (форма приветствия).

Действительно, у нынешней молодежи есть тенденция к фамильярно-развязному тону в отношении Учителя — даже в тех случаях, когда контекст комплиментарен.

В этом плане очень характерна заметка Риты Поклад в газете «Московский университет» (2007, № 5, февраль), где автор приводит пример своей Учительницы — мастера и профессионала в самом лучшем смысле этих высоких слов.

«Ради красного словца я бы могла припомнить и Баха, и Шопена, и Эдит Пиаф, в любом состоянии певшую бесподобно. Но, пользуясь случаем, передам привет в свой родной город N Безвестного уезда: речь пойдет о никому, кроме меня и других ее учеников, а также их родителей, не известной тетеньке, где-то в Сибири отучившейся на музыкантшу и на Брянщине вплоть до пенсии промышлявшей этим занятием — преподаванием по классу фортепиано. Когда мне было тринадцать, я попала… Она говорила, что мой мозг работает так же медленно, как медленно, еле-еле, вращаются мельничные жернова, а для меня это был совершенно уникальный экспириенс, так как в классе меня считали лучшей по успеваемости. Через год на отчетном концерте никто не верил, что мы с ней — только год. Прошло много лет, и мне стал ясен, как Божий день, смысл этой встречи. Если бы не она… Короче, мастер (он же — профессионал) — особые приметы.

1. Ему присущ трудоголизм — он вкалывает до седьмого пота. Почему?
2. Потому что до беспощадности требователен к самому себе: его первичная мотивация — достичь высокого результата, а не накормить свинью своего тщеславия. Работу понимает как тщательное совершенствование каждой детали до изнеможения. Поэтому самоотвержен.
3. Не ждет вдохновения, потому что вдохновляется от работы.
4. Никогда не делает ее плохо, если уж за нее взялся, вне зависимости от материальной стимуляции (по принципу «будут больше платить — буду больше работать») или личной заинтересованности какого-либо другого плана (престижно — непрестижно).
5. Никогда не завидует успеху коллег, поскольку знает, что цена любого достижения — это труд, труд, труд и еще раз труд. Ну и еще кое-что — Божья искра.
6. Если с искрой проблемы — искренне радуется ее наличию хоть у кого-нибудь, если уж не у себя любимого, так как рассматривает свою деятельность как Служение (скажем, делу — в самом общем смысле), а не способ доказать всем, какой ты офигительный. Достаточно адекватен, чтобы занять нишу, соответствующую масштабу своего дарования, и не пыжится прыгнуть выше головы курям на смех.
7. Открыт для критики и бесконечно благодарен тем, кто не пожалел поделиться с ним секретами мастерства или хотя бы указал на существующие несовершенства.
8. Если делится опытом, то без демонстрации личного превосходства.
9. Никогда ничего не доказывает «непосвященным».
10. Категорически разделяет «службу» и «дружбу». «Платон мне друг, но истина дороже» — это слова, высеченные над его изголовьем.

11. Не предает своих идеалов.

В этом смысле избитый хрестоматийный пример — хрестоматиен, но показателен: не жгите рукописи — вам же будет хуже! И что бы ни болтали о том, что мастерство не зависит от моральной чистоты человека, жизнь почему-то доказывает обратное: тот, кто продается, тот рано или поздно деградирует как специалист».

Это настолько выразительный образчик молодежного стиля, что он практически не нуждается в комментариях. Вызывающий подлинное восхищение образцовый Учитель — *это тетенька, где-то в Сибири отучившаяся на музыканшу и... промышлявшая этим занятием — преподаванием по классу фоно* (разрядка моя. — *С. Т.*).

Неожиданно, но как-то буднично и естественно проскальзывает заимствование *экспириенс* и здесь же контраст высокого и низкого стилей... рассматривает свою деятельность как *служение (скажем, делу...), а не способ показать, какой ты офигительный* (разрядка моя. — *С. Т.*).

И еще маленький штрих из жизни. Получила я e-mail от неизвестной аспирантки из регионального университета с просьбой прочитать реферат. Я согласилась и получила радостно-благодарное письмо с пост-скриптумом: *Посылаю Вам свою фотку, чтобы знать, кому Вы пишете отзыв*. Разрядка и какой-то стилистический дискомфорт от этой *фотки, чтобы знать* — мои.

Развязное или иногда, извините — хамское — отношение к Учителю — явление повсеместное, дистанция между Учеником и Учителем сокращается в самых разных социумах. Поль Стивен (Paul Steven), глава Школы английского языка в городе Плимуте, Великобритания, пишет мне в частном письме:

Has the world gone mad?

Pupils in a British secondary school have been given permission to swear at teachers — as long as they do not do it more than 5 times in one lesson! Any pupils who exceeds this limit will be «spoken to» after class.

Если действительно ученикам средней школы в Великобритании позволено обругать учителя 5 раз в течение урока, то, согласна с Полем Стивеном, мир сошел с ума...

Все-таки нам с нашими конфликтами еще далеко до Запада...

Итак, есть серьезная проблема в сфере образования, и есть наш привычный главный вопрос: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Ответить на словах — просто, а выполнить, сделать — трудно, но необходимо.

Еще раз повторим и еще раз осознаем: в основе всех проблем и разногласий лежит конфликт культур представителей разных поколений, выросших в разных странах, при разных режимах, с разными мировоззрениями. Так называемое «хамство» молодого поколения, как правило, неосознанное, как раз и вызвано конфликтом культур, разными представлениями о жизни в обществе, об отношении к людям.

Конечно, старшее поколение страдает от этих конфликтов гораздо больше. Но и ответственность, и — во многом — вина на нем.

Мы говорим привычно и клишированно: «**молодежь — это наше будущее**», — но давайте сделаем ударение не, как обычно, на слове **будущее**, а на слове **наше**. Это **наши дети**, а мы, взрослые, Учителя, создали тот мир, в котором они растут, формируются и учатся жить. На нас вся ответственность.

Что делать?

С одной стороны, заняться собой. Осознать перемены жизни и общественного устройства, перевоспитывать и реформировать **себя**, научиться уважать Учеников, не подчеркивая свое превосходство (часто несуществующее), принимать их позицию, пытаться понять ее, проявлять «три Т»: Терпение, Терпимость, Толерантность. Мы кричим об уважении и толерантности по отношению к иным, чужим, иностранным культурам — и правильно делаем. Но почему же не стать на ту же позицию по отношению к нашим детям?!

Не могу не привести в качестве рекомендации поразившие меня правила воспитания самурая «Хагакурэ», составленные Дзётё в начале XVIII века. «Существуют правила воспитания ребенка в семье самурая. С младенчества нужно поощрять в нем смелость, никогда не дразнить и не запугивать. Ведь если ребенок с детства привыкнет бояться, он пронесет этот недостаток через всю жизнь. Ошибку совершают те родители, которые учат детей бояться молнии, запрещают им ходить в темноте или рассказывают ужасы, чтобы те перестали плакать. Кроме того, если ребенка много бранить, он станет застенчивым».

Дзётё не просто проповедует спартанское воспитание. Он подчеркивает важность такого отношения к мальчику, при котором тот вырастет бесстрашным — а для этого его не нужно ругать и запугивать. Если детям позволить свободно расти и развиваться без наказаний со стороны родителей, они не будут трусливыми и интравертными.

Боюсь, что общество, в котором мы выросли, не следовало заветам Дзётё. И нас, и наших родителей запугивали, и многие выросли трусливыми и интравертными.

Постараемся преодолеть свой страх и свои методы воспитания — это требование времени.

Наши ученики выросли в обстановке «другой крайности», когда ложно понятая свобода обернулась анархией, когда патриотизм стал

чуть ли не негативным политическим термином, когда наши же люди, в наших СМИ о нашей стране доброго слова не скажут, когда легко и удивительно быстро разрушили все идеалы, все ценности и ничего не дали взамен, когда на наших детей обрушилась лавина пришедшего извне дурного: хорошее осталось там, мы не смогли его заимствовать. И дети ни в чем не виноваты. Они продукты хаоса, дикой неразберихи переходного периода, созданных нами, взрослыми.

Все это, как было сказано, «с одной стороны». С другой стороны, нужно не забывать то хорошее, правильное, что было в нашем воспитании, в нашей культуре, в нашей прошлой жизни.

Не нужно в очередной раз «отрекаться от старого мира» и разрушать его «до основанья».

Значит, наша задача, «с другой стороны», передать им все хорошее, все, что мы считаем непреходящими ценностями, научить их любить, то, что мы любили.

Последуем заветам еще одного гения, на этот раз — английского, Вильяма Вордсворта:

«What we have loved others will love and we will teach them how» (W. Wordsworth. «The Prelude») [Мы научим всех любить то, что мы любили].

В прошлом была, например, хорошая традиция университетских преподавателей: приглашать студентов в гости. Вести задушевные беседы и/или научные беседы за чашкой чая. Это создавало атмосферу доверия, исключало возможность грубости или хамства с обеих сторон.

В статье, посвященной памяти замечательного Учителя филологического факультета МГУ Николая Ивановича Либана, читаем:

«Своего времени на общение со студентами Либан не жалел. Консультации (на факультете либо в его домашней квартире) порой длились часами. Однажды у Николая Ивановича спросили, в какой мере преподавателю следует соучаствовать в написании студенческих работ. Ответ был прост и тверд: «Чем больше, тем лучше». Курировал Либан и аспирантов: учил принимать экзамены, на них присутствуя.

Отойдя в последние годы от педагогической деятельности, Николай Иванович поддерживал, а иногда и упрочивал контакты с бывшими учениками. Визиты в его дом не имели числа, вплоть до последних недель жизни»[21].

А вот отрывок из книги В. И. Тропина «Ректор Московского университета академик А. А. Логунов и его время».

[21] Филологические науки. 2008. № 1. с. 123.

«Что еще особо беспокоит А. А. Логунова как ректора — это ослабление личностных, духовных связей между учителем и учеником: «Помните этот афоризм: «Ученик — не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь». Я с тревогой наблюдаю, что учитель и ученик становятся сегодня все менее интересны друг другу. Раньше было обычным делом, когда преподаватель приглашал к себе студента и, как сейчас принято говорить, в неформальной обстановке, за чашкой чая продолжался процесс общения, узнавания, воспитания. Может, это несколько патриархальный способ для того, чтобы лучше узнать друг друга, но ведь получалось. Мой жизненный опыт показывает, что никакие учебники, лекции, фильмы не могут заменить живого общения с учителем»[22].

[22] В. И. Тропин. Ректор Московского университета академик А. А. Логунов и его время. М., 2006. с. 62.

Конечно, указом–приказом хорошую традицию не вернуть, но реформирование отношений Учителя и Ученика само и вернет добрые старые традиции, и создаст новые — тоже добрые.

Изменить отношение к Ученикам можно и нужно, изменив отношение к ним.

По аналогии с известным изречением «Врачу — исцелися сам», можно сказать: «Учителю — научи себя». С этого начинается ответ на вопрос «Что делать?» Мы должны научиться (научить себя) уважать своего Ученика, видеть в нем коллегу, а не подчиненного, человека, который пришел к нам получить знания, и Учитель, как врач и священник, не может отказать обратившемуся к нему за помощью.

Конечно, это трудно — ломать традицию, устанавливать новые отношения, особенно в нашей стране, где вековые традиции почтительного отношения к Учителю, уважения и соблюдения дистанции все еще очень сильны.

В Западной Европе эта дистанция давно и значительно сокращена: в Швеции к учителям обращаются на «ты», в Британии их называют по имени, часто — в фамильярно-семейном варианте: Боб (*Bob* от *Robert*), Дик (*Dick* от *Richard*), Майк (*Mike* от *Michael*), Билл (*Bill* от *William*). Для сравнения: у нас это было бы *Петя, Вова, Коля, Миша* к Учителю(!).

Несколько конкретных советов по вопросу межкультурной коммуникации с современными студентами.

1. Нужно их максимально полно информировать о предлагаемых учебным планом курсах. Это помогает избежать распространенных вопросов, особенно у платных студентов: *а зачем нам этот предмет? Это задание?* С переходом на Болонскую систему преподавания, когда резко вырастет свобода студентов в формировании собственных учебных планов, эта проблема будет особенно острой. Глубокие фундаментальные науки могут оказаться невыбранными, если заранее не объяснить студентам важность и необходимость данного предмета.

2. В полной мере вовлекать студентов в учебный процесс в роли ассистентов и преподавателей, использовать интерактивные способы обучения.

3. Предоставить студентам возможность оценки труда преподавателей, то есть аттестация преподавателей студентами в конце семестра. Это трудное и опасное дело.

Опасное — потому что можно травмировать Учителя необъективными суждениями, потому что у студентов нет опыта, потому что «яйца курицу не учат» и т. п.

Наши попытки провести аттестацию преподавателей студентами дали, в целом, положительные результаты: оценки были достаточно объективны и позитивны, и — главное — мы смогли многое узнать о младом и незнакомом племени. Так, несколько третьекурсниц высказали недовольствие тем, что к ним обращаются на «ты». Очень многие — увы! — написали по поводу самых различных дисциплин — «зачем нам этот курс? Мы же не философы/искусствоведы/юристы/экономисты и т. п.»?

Теперь мы регулярно проводим встречи со студентами, особенно с первокурсниками, отвечаем на их вопросы, объясняем наши цели и задачи, особенности учебного плана, правил поведения в вузе, традиции МГУ, то есть знакомим их с культурой высшей школы в России. Помогает...

Подведем итоги.

Молодежь — наше будущее, и логическое ударение — на всех словах этой абсолютной истины. Мы, Учителя, несем ответственность за будущее нашей Родины. Наш долг, наша задача, наша миссия — преодолеть внутринациональный конфликт культур, обеспечить доброжелательную и творческую атмосферу, контакт с Учениками и выработать новую образовательную культуру в новых условиях общественной жизни нашей страны, сохранив все лучшее из старой системы образования и освоив новое, что соответствует новым требованиям времени.

Миссия выполнима, и мы ее выполним.

Глава X
Глобальный язык в Глобальной Деревне: глобальная проблема

Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.
Виктор Черномырдин

English belongs to the world
But the world does not belong to English.
Svetlana Ter-Minasova

Наконец мы дошли до самого главного: речь идет о б у д у щ е м ч е л о в е ч е с т в а.

Именно так.

Будущее наше — так же как и настоящее, и прошлое — напрямую связано со способностью к о б щ е н и ю. Естественному человеческому общению. Вдумайтесь в слова: че-ло-ве-че-ско-му, ес-тес-твен-но-му! Данному нам, человекам, изначально, природой и Богом. Благодаря о б щ е н и ю стало возможным развитие человека разумного, homo sapiens. То самое культурное развитие человека, которое изучает культурная антропология всесторонне, а остальные гуманитарные науки — поаспектно. **Общение правит миром, жизнью людей и определяет наше будущее.** А главное средство общения людей — это по-прежнему **язык**.

Современная эпоха, ее направление и развитие, обусловлена внезапными, стремительно ускоряющимися и умножающимися, неслыханными, небывалыми достижениями научно-технического прогресса, о которых не могли мечтать даже фантасты. Все эти величайшие открытия человеческого гения направлены на одно: облегчение, улучшение — оптимизацию — общения людей.

Телевидение, мобильные телефоны, Интернет дают возможность людям общаться, преодолевая и время, и пространство.

И снова сразу же замаячила Вавилонская башня — возможность вместе, всей планетой, строить, растить, покупать-продавать, обучать и т. д. и т. п.

И замелькали новые вывески: Глобальная Деревня, Соединенные Штаты Земли, Глобализация…

За техническими подвигами по объединению людей поспешили и общественные устройства. С распадом СССР и социалистического лагеря кончилось противостояние политических и экономических режимов (кончилось поражением и уничтожением одного из них — нашего…). Соответственно, рухнули политические и даже экономические барьеры. И тоже — внезапно и очень быстро. Только подумайте: 20 лет назад мы жили в стране развитого социализма и не могли представить себе ни мобильных телефонов, ни Интернета, ни телеконференций, ни интенсивного общения с иностранцами — и здесь, и там.

На смену «Светлому Будущему Коммунизма» к нам пришла идея «Глобальной Деревни».

Идея сама по себе такая же хорошая, как все остальные мечты человечества — от Земли Обетованной до Американской Мечты.

В Глобальной Деревне все население планеты живет вместе, мирно, дружно. Поскольку размеры Земли с изобретением сверхскоростных средств передвижения и коммуникаций очень сильно уменьшились, все осознали, что тридесятых царств уже нет, у нас одна общая — не такая уж огромная — планета и надо за ней всем вместе ухаживать.

Мы живем вместе, работаем вместе, объединяем достижения, таланты, умы. Вместе боремся за жизнь и безопасность как самой планеты, так и всех населяющих ее людей.

Гигантские международные организации, заводы, концерны обслуживают все человечество и делают это быстро, умело и выгодно.

И глобализация — это взаимодействие и взаимозависимость всех людей и всех стран. Используя нашу добрую старую лексику — это мир и дружба между народами. Кто же может против этого возражать? Откуда взялись антиглобалисты?

Увы! Глобализация — явление противоречивое. Иначе говоря — диалектичное. А диалектика, борьба и единство противоположностей — это условие прогресса. Жаль, конечно, что прогресс, развитие человечества невозможны без конфликтов, без борьбы. Жаль, что этот прогресс покупается кровью, несчастиями и жизнями миллионов людей.

Глобализацию многие называют американизацией. Бернард Шоу еще в 1912 году писал: «What has been happening in my lifetime was the Americanization of the world»[1] [На протяжении всей моей жизни происходит американизация мира].

А вот мнение российского социолога, профессора Московского университета Н. Е. Покровского:

[1] Цит. по: M. Holroyd. Bernard Shaw. The One-volume Definitive Edition. London. Chatto and Windus. 1977. p. 660.

«Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению (оперативность), полностью гарантированное качество на определенном уровне, упакованность в яркие символические формы, виртуализация культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен). Джордж Ритцер (современный американский социолог. — *С. Т.*) формулирует рационалистическую модель американизации в лапидарной схеме:

Efficiency — Эффективность, прежде всего экономическая.

Calculability — Просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей.

Predictability — Предсказуемость, ожидаемость.

Control through Nonhuman Technologies — Контроль за поведением со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов[2].

…Дж. Ритцеру удалось расколдовать загадочную сущность американизированной цивилизации, осуществляющей свою идею поступательной экспансии»[3].

Обратите внимание: Ритцер использует в названии своей книги термин «макдональдизация».

Очень кратко: «за» и «против» глобализации.

«За» — это главная идея глобализации: мир, дружба, сотрудничество, объединение усилий всех народов. Международная промышленность, торговля, научная деятельность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, сохранение окружающей среды, борьба с преступностью, международный туризм, спорт и т. д. и т. п.

Многое уже происходит.

«Против» — человеческий фактор: языки, культуры, цивилизации. Национальная самобытность, национальный язык и национальная культура — под угрозой поглощения, нивелирования, уничтожения.

«Против», разумеется, и не получающиеся, искаженные и извращенные «за». Зло всегда активнее и организованнее Добра. Используя технические достижения, объединились террористы всего мира, преступные группировки, торговцы наркотиками. Их объединенные усилия гораздо эффективнее объединенных усилий полиции, Интерпола, борцов с терроризмом, наркотиками и т. п. Рост экономики, вызванный глобализацией, только увеличил пропасть между горсткой богатейших людей планеты и миллиардами (да, да!) бедных и беднейших людей. (Меня потрясли цифры 2002 года: состояние 200 богатейших людей мира превышает совокупный доход 40%, или 2,4 миллиарда, жителей планеты. Сейчас, значит разрыв еще больше…)

[2] G. Ritzer. The McDonaldization Theses. London, 1998.

[3] Н. Е. Покровский. Глобализация и высшее образование в России // Университетский ученый в «мультиверсуме» культуры. М., 2002. с. 23–24.

И снова — многое уже происходит.

Покоряют мир гигантские международные концерны, весь мир пьет одни и те же напитки (кока-колу, пепси, водку и т. п.), ест одну и ту же пищу — иногда фаст (пиццу, гамбургеры), иногда — не очень, носит массовую, ширпотребную одежду, все дети играют игрушками, сделанными в Китае…

Важную роль в жизни всего человечества играют глобальные организации: ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, Всемирный банк, ВТО, Greenpeace.

Идут разговоры о всемирном гражданстве (и всемирном риске, связанном с ним), о глобальных правах. Обсуждается проект даже Всемирного Университета.

Хороший пример — определение глобализации в сфере образования — дал мой коллега Игорь Павлович Бочков, побывавший в Германии на трехмесячном международном семинаре, где затрагивался этот вопрос: «Глобализация в образовании — это когда лектор из Финляндии, получивший образование в Великобритании, читает лекции на русском языке группе учащихся из 27 стран в Германии, получая за это заработную плату от США». К своей дефиниции он сделал показательную приписку: «Здесь все правда, за исключением того, что наш финский лектор читает лекции на английском».

Но вернемся к нашей теме: языковое и культурное развитие человечества.

Именно язык и культура препятствуют объединению людей. Без глобального языка (а язык неотделим от культуры) и, значит, глобальной культуры не может быть глобального сообщества и нет возможности построить новую Вавилонскую башню, то есть Глобальное Мировое Сообщество.

Отсутствие глобального языка тормозит объединение человечества для решения общечеловеческих проблем.

Сейчас, когда преодолены другие барьеры (расстояний, политические, экономические), языковой барьер раздражает, как никогда раньше (тогда его заслоняли эти другие барьеры). Профессор Н. Е. Покровский говорит о нем как об одной из главных помех развития науки в России очень эмоционально: «…Роковой барьер активного знания иностранных языков — своеобразная Каинова печать, тяготеющая и до сих пор над всеми попытками прорубить большое окно в социологическую Европу и Америку. (Отсюда и затрудненность полноценного общения с коллегами на Западе, боязнь Интернета и другие негативные последствия, включая нередкие элементы ксенофобии в российской науке)»[4].

Увы! Все правильно.

Введение единого глобального языка (английского, как сейчас, или какого-то другого в будущем) привлекает возможностью решить многие проблемы: облегчить международное общение, сократить огромные финансовые расходы международных организаций, компаний, концернов на переводчиков — письменных и устных, способствовать обмену информацией и, следовательно, ускорению и улучшению научно-технического прогресса, торговли, бизнеса.

[4] Н. Е. Покровский Указ. соч., с. 30–31.

Преодоление языкового и культурного барьеров могло бы быть коммерческой целью и, несомненно, является заветной мечтой коммерсантов, бизнесменов, политиков.

Всемирные общественные организации — ООН, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие — остро нуждаются в едином языке международного общения, даже по чисто финансовым соображениям.

В 1945 году в ООН входило 45 стран-членов. Сейчас их в четверо больше. (Распад СССР способствовал и этому тоже…) Все материалы ООН, как и всех других всемирных организаций, должны быть немедленно переведены на 5 языков. Значит, целые полки переводчиков непрерывно выполняют эту нелегкую работу, и она хорошо оплачивается, что вполне справедливо. По некоторым данным, на переводчиков уходит до 50% бюджета ООН. Даже если эта цифра неточная, ясно, что единый, глобальный язык финансово — вполне привлекательная перспектива.

Единый язык освободил бы и армии преподавателей иностранных языков, и легионы их учащихся.

О едином языке мечтали поэты.

Века все смелют,
Дни пройдут.
Людская речь
В один поток сольется,
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Сергей Есенин

Некоторые из них пошли еще дальше, и мировой язык — это уже общий язык человека и окружающего его мира.

Шумит ли темный бор,
гремит ли первый гром,
Лопочут ли ручьев
стремительные струйки,
Все в мире говорит на
языке одном,
Пытается понять
все шорохи и звуки.

Иван Савельев
(факультет журналистики)
«Московский университет»
2004, июнь, № 21 (4082)

На роль глобального языка сейчас уверенно претендует — и реально ее выполняет — английский язык. Именно он является языком международного общения. Достижению этого статуса способствовал целый ряд вполне конкретных социально-исторических причин, настолько очевидных, что на них не стоит особенно останавливаться. Нужно только сразу

оговориться, что дело, разумеется, отнюдь не в количестве говорящих (кто здесь сравнится с китайцами?!) и не в мифе об особой легкости, гибкости, удобстве и тому подобных «качествах» английского языка.

Просто, во-первых, солнце, которое никогда не садилось в Британской империи, теперь — никогда не садится в империи английского языка.

Во-вторых, — тоже просто — это язык главной и теперь единственной супердержавы, которая правит миром. Не случайно во Франции и во многих других странах глобализацию называют американизацией.

В-третьих, это язык «электронной деревни». И хотя доля его в Интернете уменьшается (сейчас менее 50% сайтов — на английском языке, а 10 лет назад их было более 90%), это происходит потому, что все более массово подключаются новые народы и страны, но язык международного общения по-прежнему и практически исключительно — английский.

Французский и немецкий послы в Великобритании Даниэль Бернар (Daniel Bernard) и Ганс-Фридрих фон Плетц (Hans-Friedrich von Ploetz) писали в журнале «Spectator» (17 февраля 2001): «Global free market, labour mobility, as well as the emergence of the Internet and the e-economy seem to have endorsed the role of English as the new lingua franca. English is not only the language of science and the great superpower, but also that of the electronic village».

Триумфальное шествие английского языка по планете настолько общеизвестно, что вряд ли нуждается в пространных обоснованиях. Вот только несколько фактов и цифр. Цифры все устаревшие, поскольку они меняются быстрее, чем успевают пересчитать и зарегистрировать новейшие данные.

Еще в 2000 году О. Муковский в статье «Фрагментация английского» дал следующую статистику:

> «Большинство школ и университетов мира сегодня увеличивают количество времени, отведенного учебным планом на изучение английского языка, в точном соответствии с ролью английского как языка международного общения. Международные компании, действующие в разных странах, не принимают на работу новых сотрудников, не имеющих хотя бы начальных знаний английского, и организуют группы для тех, кто хочет продолжить карьеру.
>
> Сегодня положение английского языка в современном мире выглядит как никогда прочно. Английский используется в качестве официального или одного из официальных языков более чем в семидесяти странах; сферы его применения очень разнообразны. Более двух третей всех ученых пишут на английском; три четверти мировой почты создается на этом языке. Свыше 80% информации, содержащейся в электронных базах по всему миру, сегодня представлено на английском языке[5]. Английский, по данным официальной статистики, является родным языком более чем 350 млн человек, среди которых примерно 240 млн американцев, 56,4 млн британцев, 15,8 млн австралийцев, 25,4 млн канадцев и 3,3 млн новозеландцев.
>
> Несколько сложнее подсчитать, пусть и приблизительно, количество владеющих (разумеется, в очень разной степени) английским языком как иностранным. Существующие методики основываются на различных косвенных показателях, как то: тираж и распространение англоязычных газет в странах, где английский не является родным языком, количество слушателей и зрителей англоязычных радио- и телепрограмм, число изучающих английский язык в учебных заведениях. Некоторое время назад Д. Кристал предложил распространить термин «English users» на всех, кто использует английский хотя бы в минимальной степени в жизни или профессиональной деятельности[6]. По самым разным оценкам, таких «English users» сегодня в мире насчитывается от одного до двух миллиардов. Разумным, на наш взгляд, было бы предположить их количество примерно соответствующим цифре в 1,5 млрд человек, то есть примерно в 4,5 раза больше, чем жителей в упомянутых выше странах английского языка»[7].

Это было написано несколько лет тому назад. Сейчас цифра English users твердо стоит на двух миллиардах.

А вот данные Международной ассоциации прикладной лингвистики о положении английского языка в Европе[8].

Самый высокий процент владеющих английским языком — в Нидерландах, Швеции, Дании (до 80% населения). В Люксембурге, Финляндии и Австрии — свыше 50%. Самый низкий — в Италии (около 20%), Португалии (18%) и Испании (15%).

В Европейском Союзе (ЕС) языковая картина претерпела существенные изменения в связи с присоединением новых членов — стран, представляющих бывшие республики СССР, где в качестве иностранного языка был распространен русский язык.

Когда в состав ЕС входило 15 государств, владение иностранными языками было представлено следующим образом (на уровне способности говорить на общие темы):

Английский язык — 40 %
Немецкий язык — 18%
Русский язык — > 1%
Французский — 16%

Когда число государств — членов ЕС выросло до 28, ситуация с иностранными языками в Европе существенно изменилась:

Английский язык — 35%
Немецкий язык — 16%
Русский язык — 11%
Французский язык — 10%[9]

Придется повторить: данные такого рода устаревают очень быстро.

[5] Подробнее об этом см.: D. Crystal. Language A to Z. London, 1991. Longman. p. 358.

[6] См.: D. Crystal. Who Cares About English Usage? Harmondsworth: Penguin, 1984.

[7] Studio. № 1. СПб., 2000. с. 38–39.

[8] Kees de Bot. Applied Linguistics in Europe. World Applied Linguistics. Ed. By Susan M. Gass and Sinfree Makoni. AILA. 2004.

[9] Kees de Bot. Ibid. p. 61.

Энтузиазм, с которым новые члены ЕС принялись искоренять русский язык и насаждать английский, очень скоро «исправит» ситуацию с английским языком.

О «триумфальном шествии» английского языка свидетельствует следующий факт из новейшей истории Южно-Африканской Республики (ЮАР).

После переворота 1994 года, положившего конец апартеиду, в стране объявлено 11 официальных языков. Большинство населения владеет двумя (и более) языками. Английский язык наименее распространен (около 8% населения), но именно он стал языком национального общения в ЮАР, вытеснив африкаанс, — язык образования и культуры в ЮАР, а в недавнем прошлом язык государственной власти.

Таким образом, к большому огорчению носителей языка африкаанс, по-прежнему представляющих главный культурный и образовательный слой общества, английскому языку и здесь «повезло»: африкаанс был отвергнут как национальное средство общения в ЮАР из-за негативных ассоциаций большинства черного населения (превосходящего белое в пропорции 4:1), которые он получил в качестве «языка угнетателей» (the language of oppressors)[10].

Черное население ЮАР интенсивно изучает английский язык для того, чтобы их голос был услышан во всем мире, и для объединения с другими сообществами представителей черной расы.

На международном семинаре по межкультурной коммуникации, организованном кафедрой языкознания университета Стелленбош в сентябре 2004 года, коллега Дайерс (C. Dyers, University of Western Cape) привела стихотворение на английском языке африканской школьницы народа кхоза (Xhosa) со следующими разъяснениями, ярко характеризующими, по моему мнению, языковую ситуацию в ЮАР. «Для этих учащихся английский язык важен и нужен на мировом уровне, африкаанс — на региональном, а язык кхоза — на семейном».

Poem
I'm sometimes helpful
I am kind
I am a girl who speaks Xhosa
I am special.
I am unpeciant
(impatient/unpleasant?)
I am always sleepy during the week
I am not good a(t) talking English
I am always hungry.
It was the 21 of January 2004.
When the school opened, and I was in
My other grade 8
And that was nice.

И еще несколько свидетельств триумфов — крупных и мелких — английского языка.

[10] Все данные получены по результатам исследований по межкультурной коммуникации Кафедры языкознания университета Стелленбош в конце 2004 года, а также из Кембриджской Энциклопедии английского языка Д. Кристала (The Cambridge Encyclopedia of the English Language by David Crystal). CUP, 2003.

Во многих странах (например, в Японии и России) ставится вопрос о том, чтобы сделать английский язык обязательным иностранным языком в начальной и средней школе.

Крупнейший финансовый проект поставки американских самолетов Чехии, вступившей в НАТО, сорвался из-за английского языка. Американцев не устроили два требования Праги: предоставить документацию исключительно на чешском языке, а все расчеты вести только чешскими кронами. Такого неуважения к английскому языку и своим зеленым банкнотам американцы еще нигде, по их утверждению, не встречали и посему предпочли с Чехией распрощаться, видимо, не надеясь, что подобная закупка вообще состоится. («Независимая газета», 25.10.2001).

И еще один, совсем мелкий, но показательный факт. Террорист, житель Москвы, пытавшийся захватить в аэропорту Внуково пассажирский самолет Ту-154 с 164 пассажирами на борту, потребовал предоставить ему 2 млн долларов, пистолет, рацию для связи с милицией, питание, карты Франции и Ирана, а также заменить экипаж на другой, англоговорящий. Комментарии излишни.

Триумфальное шествие английского языка по планете продолжается. Оно принимает самые разнообразные формы, и дело тут не только и не просто в количественном росте изучающих английский язык как иностранный.

В 1999 году в Татарстане был принят закон о переводе татарского алфавита на латиницу. Это решение напрямую было связано со стремлением облегчить усвоение английского языка: «Процесс, связанный с глобализацией, не остановить, мы невольно вопреки всему изучаем английский язык на латинице. Каждый человек в Татарстане будет богаче, если он будет знать русский язык, татарский язык и английский язык, никому от этого хуже не станет»[11]. Рассмотрение этого вопроса в Москве тянулось до 2004 года, пока Конституционный Суд РФ не отменил этот закон на том основании, что только федеральный центр имеет право устанавливать графическую основу государственных языков субъектов федерации.

Интересно, что все сторонники этого закона оперировали исключительно соображениями глобализации и необходимости изучения английского языка. Член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов высказал эту идею весьма категорично: «Я считаю: всеобщий переход на латиницу — непременное цивилизованное требование общемировых процессов глобализации. И если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, Россия должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придет[12]». И даже не только Россия. По мнению Арутюнова, все народы, пользующиеся кириллицей, должны перейти на латиницу: «Кириллица уже устарела и для славянских языков. Даже в Болгарии, на родине кириллического алфавита, и то сейчас звучат здравые голоса о необходимости перехода на латиницу». Интересно, как Арутюнов, востоковед, знаток китайского и японского языков, распорядится насчет

[11] Новости, 17 ноября 2004.

[12] Назифа Каримова. Всеобщий переход на латиницу неизбежен // Независимая газета, 7 августа 2001.

иероглифов? Они, наверное, устарели больше кириллицы... Смена алфавита — это смена (и потеря!) традиционных культурных ценностей, культурного сознания. Народы кириллицы, перейдя на латиницу, будут в плане культуры и самосознания уже совершенно другими народами.

Я думаю, что никто не может с уверенностью прогнозировать будущее человечества вообще и будущее России в особенности. И что такое прогрессивный мир, и хочет ли быть Россия частью Европы (а почему не Азии?) и/или чего бы то ни было? Почему повсеместное изучение русского языка как государственного языка в СССР было насилием, а принятие английского языка в качестве международного средства общения — это всеобщая радость? И кто знает, сохранит ли английский язык свою роль глобального языка или будет вытеснен каким-то другим языком — например китайским? Все это вопросы сложные, тонкие, деликатные, и категорический тон в их решении категорически противопоказан.

Решение об отмене закона о переходе Татарстана на латиницу вызвало резкую негативную реакцию в Карелии, где письменность создавалась в последние 15 лет — и на базе латинского алфавита. «Это приведет к утрате карельской письменности и, как результат, карельской культуры. Значит, придется похоронить планы о государственном статусе карельского языка, а без этого статуса развитие языка и культуры неполноценно», — заявил председатель Госкомитета по национальной политике Карелии Евгений Шорохов[13]. Тоже не вполне все понятно. Письменность только появилась, а без нее — и обязательно на латинице — и культура будет утрачена. И довод, что латиница была избрана основой новорожденной письменности потому, что она «лежит в основе финского языка, который входит в одну языковую группу с карельским», не совсем убедителен. В эту группу входят коренные языки Мордовии (эрзянский и мокшанский), которые отлично живут на кириллице, и Карелия — часть России, а не Финляндии... Вопросы языка и культуры — это вопросы в большой степени политические.

Наступает английский язык, а с ним усиливаются процессы глобализации, которую, как уже говорилось, многие называют американизацией. Именно — всё усиливаются, потому что начались они давно и отметили ее первыми британцы. В 1901 году британский писатель Вильям Стед (William Stead) опубликовал книгу «Американизация мира» («The Americanization of the World») о том, как под воздействием американской культуры и менталитета исчезают национальные языки и традиции, национальная самобытность и уникальная идентичность многих народов.

Из европейских стран Франция особенно отличалась борьбой против англоязычного влияния за чистоту французского языка и культуры: и законы принимали, и штрафы назначали, и Комитет по французскому языку при Президенте открыли. Молодцы французы, общественное мнение — профранцузское и антианглийское — они создали, и имидж (новое русское слово, очень употребительно в языке российских СМИ) себе соответствующий тоже. Приехав впервые во Францию на Неделю

[13] Алексей Ивконе. Карелы тоже хотят перейти на латиницу // Новости. 17 ноября 2004.

русского языка и литературы году в 1995-м, или 1996-м, я приготовилась к неприятию и отсутствию английского языка и испытала смешанные чувства, когда увидела английские объявления на стенах домов, английские меню перед входом в рестораны и даже большую рекламу французского магазина, который назывался «Le Second Look» (я ее сфотографировала).

И во французских паспортах все графы на двух языках: французском и английском. А паспорта немецких и итальянских граждан, кроме, соответственно, немецкого и итальянского, имеют эквивалентные надписи на английском и французском. Все это веяние времени.

Английский язык все более прочно укрепляется в роли языка международного общения, то бишь глобального, и «посторанивают перед ним другие народы и государства». Точно по Гоголю.

Что же это означает для настоящего и будущего человечества? Чем поможет, что облегчит, с одной стороны, и чем угрожает, что осложнит или даже разрушит — с другой?

Иначе говоря, рассмотрим «за» и «против», плюсы и минусы сложившейся ситуации, когда именно английский язык — по вполне очевидным социально-историческим причинам, выше уже упомянутым, — стал главным языком международного общения и имеет все основания получить статус глобального, или всемирного языка, языка общения Глобальной Деревни.

П л ю с ы и одновременно причины, обеспечивающие доминирующую роль английского языка как иностранного:

1. Все возрастающая миграция и смешение народов все более остро требуют единого средства международного общения.
2. Английский язык начал свою «карьеру» глобального языка во времена Британской империи, которая в XIX–XX веках правила не только морями, но и значительной частью суши.
С середины XX века, после окончательного падения Британской империи, английский язык укрепил свои позиции как язык США — супердержавы, которая правит миром.
3. Количество и объемы международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ВТО, НАТО и многие другие) непрерывно увеличиваются и использование одного языка (вместо двух, трех или пяти, как в ООН) — и полезно, и выгодно, и привлекательно. Опрос постоянных представительств в ООН, на каком языке они предпочитают получать информацию, дал весьма показательные и вполне предсказуемые результаты: из 185 представительств 130 выбрали английский язык, 36 — французский и 19 — испанский.
4. В результате глобализации экономики каждый день растет число международных производственных и торговых компаний, концернов, совместных предприятий. Использование одного языка очень удобно и в организационном, и в финансовом отношении.
5. Возникновение и стремительное распространение Интернета укрепляет позиции английского языка как глобального. Во Все-

мирной Сети международное общение доминирует над общением национальным, и единый язык в этом плане незаменим.

6. Английский язык получил гораздо более широкое распространение, чем любой другой иностранный язык. Соответственно, во всем мире работают огромные армии учителей английского языка (и носители языка, и местные учителя). Для Великобритании как родины «стандартного английского» преподавание английского языка стало важнейшей областью экспорта, в том числе и в плане человеческих ресурсов (во всех уголках земного шара зарабатывают неплохие деньги «носители английского языка»). Огромная индустрия EFL (English as a Foreign Language — английский как иностранный) непрерывно выпускает учебные материалы, словари, аудио-, видео-, мультимедийные курсы всех уровней, видов и типов.

Никакой другой иностранный язык не может сравниться с английским языком по этим параметрам.

Каковы же м и н у с ы, или, вернее, к каким негативным последствиям может привести наличие глобального языка вообще и английского языка в этой роли, в частности?

Рассмотрим эти негативные последствия в двух аспектах:

1. Чем грозит повсеместное доминирование английского языка как главного средства международного общения неанглоязычному человечеству. Иными словами, какой вред эта ситуация может принести другим народам и их языкам и культурам.
2. Какие негативные последствия ожидают сам английский язык, какой вред может быть нанесен англоязычным народам.

Начнем с м и н у с о в д л я н е а н г л о я з ы ч н ы х н а р о д о в и их языков и культур.

1. Поскольку язык и культура неразделимо спаяны и каждый язык несет в себе весьма значительный культурно-идеологический заряд, продвижение и доминирование одного языка — в настоящее время английского — в качестве средства общения между народами неизбежно приводит к тому, что вместе с языком проникает чужая культура и идеология. Иными словами, всему миру навязываются англо-американские традиции, системы ценностей, образ жизни, менталитет, мировоззрение, то есть все то, что составляет нравственную основу нации. Часто этот заимствованный с языком культурно-идеологический заряд входит в противоречие с местной национальной культурой. При этом, как уже говорилось, тайные силы культуры действуют постепенно, незаметно и поэтому гораздо более эффективно, чем любые способы открытого воздействия.

Мой любимый пример — простое невинное английское устойчивое словосочетание *poor but honest*. В сказках это определение всегда обозначает положительного героя. А теперь представьте себе начало русской сказки: *Жил-был бедный, но честный рыбак*. Все бы хорошо,

если бы не *но*. Всего-то один союз, но за ним чуждое и неприемлемое, шокирующее мировоззрение, отношение к людям, какая-то странная мораль: ведь это *но* подразумевает, что все бедные нечестные, а вот этот рыбак, как исключение, оказался честным.

В наших историях логично было бы *богатый, но честный*, поскольку в нашем сознании, в нашей культуре богатство честным путем нажить нельзя, и такого даже в сказках, ни по какому исключению, представить невозможно.

Слушает, значит, англоязычный ребенок (или — изучающий английский язык), и в сознание его проникает заложенная в устойчивом обороте мысль: бедные — нечестные.

И еще один любимый пример — из области орфографии: в английском языке *I — я* — пишется всегда (!) с большой буквы. Представляете, если бы мы писали *Я* всегда так, как пишут *I*: *«Встречу Я вас, Иван Иванович, у входа в парк»*. Я (любимый) — с большой буквы, а вы, Иван Иванович, с маленькой. Совсем другой народ бы получился.

Значит, вместе с глобальным языком формируется глобальная культура. В нынешней ситуации это англо-американская или просто американская, поскольку американцы как представители единственной в мире супердержавы активны во всех сферах жизни, и именно американский вариант английского языка стал самым востребованным и самым проникающим — и через политику, и через науку, и через компьютерные языки, и через песни и фильмы.

Самое массовое проникновение и языка и культуры идет как раз через фильмы, заполонившие экраны и кинотеатров, и телевидения во всем мире. Даже когда эти фильмы дублированы на родной язык, западная культура (система ценностей, менталитет, образ жизни) проникает в самые широкие массы населения, оказывая особенно сильное воздействие на детей и молодежь. Соответственно, их взгляды формируются на почве чужой — глобальной — культуры. И дети наши настолько привыкли к кровавым сценам, что воспринимают их легко и естественно. Мой шестилетний внук, усадив меня за очередной боевик, трогательно предупреждал: «А теперь, бабушка, закрой глаза, эта сцена не для тебя». Для него это было нормально… Хороший мальчик — беспокоился о бабушке.

Маленькое наблюдение: нынешняя молодежь лучше знает американских артистов кино, чем российских. Впрочем, современное российское кино «соревнуется» с американскими боевиками и уступает им только количественно. Теперь эти фильмы насилия, драк и убийств называются «по-русски» экшн. Мы побежали по этой дорожке «глобальной» (американской!) культуры с присущим нам усердием, энтузиазмом и талантом и скоро обгоним Запад в этой сфере. Правда, в американском кино есть золотой список фильмов критического, вернее — самокритического реализма («Форрест Гамп», «Хвост виляет собакой», «Апокалипсис», «Взвод», «Маленький большой человек», «Танцы с волками»), но это не глобальная культура, и российское кино до таких высот не поднимается. У нас идут два главных направления:

массовые фильмы «романтизации» бандитов и насилия и «интеллектуальные» фильмы, разоблачающие наше «ужасное прошлое». Наше настоящее в фильмах не отражено. Как говорил А. К. Толстой в «Истории государства Российского»:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим[14].

[14] *А. К. Толстой.* История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Полное собрание стихотворений в двух томах. Л., 1984.

Но вернемся к проблемам глобального языка.

2. Вторая опасность глобального языка и культуры непосредственно связана с первой: это вытеснение ими национальных языков и культур.

Поскольку разнообразие языков представляет разнообразие культур, а разнообразие культур подразумевает разнообразие идей, верований, традиций, образов жизни, систем ценностей и приоритетов, использование одного «международного» языка для международного общения приведет к нивелированию, игнорированию и, возможно, гибели языков и культур народов, говорящих на других языках, ограбит эти народы, разрушит их национальную принадлежность (identity), результаты их национального культурного развития, а также повлечет за собой резкое сокращение объема культурной информации в киберне-тическом пространстве.

[15] *Глобализация в Древнем Египте // Наш следопыт, 2003, № 13, с. 7.*

Более того. Хуже того. Продвижение одного языка в качестве глобального неизбежно продвигает заложенную в нем культуру и идеологию, навязывая их всем жителям Глобальной Деревни.

Ничто не ново в этом мире, поэтому «если под глобализацией понимать стремление одной страны навязать всему миру свои ценности, свой образ жизни и мышления, то первопроходцем глобализации можно считать Александра Македонского. И он и его соратники-диадохи поставили себе целью распространить греческую цивилизацию — которую они полагали единственно достойной человека — на весь известный им мир. Походы Александра длились всего двенадцать лет, долговечной единой империи не получилось, но в определенной степени его цель была достигнута: эллинская прививка прижилась на варварских корнях»[15].

Однако политика древних завоевателей в отношении навязывания своей культуры иным народам была, по-видимому, хорошо продумана.

«Победному шествию греческой цивилизации немало помогала политика Александра и его последователей на завоеванных землях. Греки старались не ломать покоренные народы, они сохраняли привычные формы правления и общественные институты. Вместо кардинальной перестройки варварских государств они создавали новые города-полисы с новыми порядками, этакие "свободные экономические зоны"»[16].

[16] *Там же.*

В наши дни ситуация выглядит гораздо более опасной: ни навязываемая культура, ни методы ее навязывания не внушают миру ни уважения, ни доверия.

Английский язык как глобальный порождает глобальные проблемы, в том числе и для англоязычных народов.

Степень этого бедствия может быть различной: в случае языков и культур малых народов это может привести к гибели и языка и, соответственно, культуры. Речь здесь идет не о физическом уничтожении народов, а о вытеснении местного языка языком властного соседа или языком международного общения.

Дэвид Кристал, крупнейший британский лингвист, автор книги «Английский язык как глобальный» (*David Crystal.* English as a Global Language, CUP, 1997), в книге «Смерть языков» (Language Death. CUP, 2000) приводит страшную статистику. Из примерно 6000 существующих на земле языков 51 имеет только одного носителя на момент написания книги. Со смертью этого единственного носителя эти языки и заложенные в них культуры умрут. В числе причин смерти языков малочисленность носителей — не самая главная.

Основным разрушителем языков и культур оказываются процессы глобализации.

По данным Д. Кристала, на Земле каждые две недели умирает язык. Кристал считает, что, в зависимости от хода истории и развития процессов глобализации, к концу нынешнего столетия умрут от 50% до 90% современных языков. При этом надо иметь в виду, что на 96% языков говорят 4% населения Земли, составляющие более 6 миллиардов человек.

Интересно, что продвижение глобального языка, по-видимому, наносит больше вреда местным, национальным культурам, чем языкам. Как уже отмечалось, фильмы, а также книги и даже песни можно перевести на родной язык, но их нельзя «перевести» («переодеть», по терминологии академика О. Н. Трубачева) на родную культуру. Кстати, что касается переводов, то поспешность издателей и прокатчиков кино в сочетании с недобросовестностью и некомпетентностью переводчиков наносят серьезные удары по родному языку. Мы видим это на примере русского языка, который уродуется плохими переводами реклам, фильмов, книг, прессы — на всех уровнях: от синтаксиса до интонации, не говоря уже о лексике.

Венгерский лингвист Миклош Коутра (Miklos Koutra) делится своими соображениями:

«I am increasingly coming to the conviction that the international language English not only opens gates but closes them too. It clos-

es the gates of information flow in all cases where what does get translated into English is partial, inadequate, uninformed, etc. And there are an embarrassingly large number of such cases even within such a field as sociolinguistics» [17] [Я все больше убеждаюсь, что международный английский язык не только открывает двери, но и закрывает их. Он закрывает двери перед информационным потоком во всех тех случаях, когда перевод на английский субъективен, неадекватен, плохо информирован и так далее. И таких случаев неприлично много даже в такой области, как социолингвистика].

[17] Цит. по: Robert Phillipson. Voice in Global English: Unheard Chords in Crystal Loud and Clear // Applied Linguistics, 20/2, p. 269–270.

Все верно (трудности перевода подробно рассматривались в главах V и VI этой книги), но необходимо одно добавление: перевод не только **на** английский, но и **с** него.

Смерть языка и культуры под воздействием глобального языка — это крайний случай, но главная опасность — это нивелирование национальных культур, превращение их в некий усредненный общечеловеческий суррогат, лишенный национальных особенностей видения мира. Метафорически выражаясь, вместо буйного яркого разноцветья лугов человечество получит аккуратно подстриженную зеленую лужайку. А может быть, вавилонское столпотворение было не наказанием, а благословением Божьим? Ведь человечество получило возможность увидеть мир по-разному, ярче и многообразнее — через разные языки. И человек только предполагает, а Господь Бог располагает...

На примере нашей страны видно особенно ярко и проникновение чужой культуры, и нивелирование нашей. Причины понятны: эффект запретного плода (годы изоляции от «капиталистического мира»), помноженный на отсутствие иммунитета. Своего рода культурный СПИД. Мы уже радостно справляем чужие праздники: и Хэллоин (несмотря на протесты Русской православной церкви), и День не нашего Святого Валентина, и даже в День Святого Патрика, покровителя Ирландии, по Новому Арбату проходит шествие любителей ирландцев и ирландского пива. Ничего, казалось бы, плохого, дружба народов так сказать, но наши собственные праздники — или забыты (многие церковные), или подмочены, а то и отменены (советские), или заменены искусственными, вроде 12 июня — день выборов Ельцина в президенты, или 4 ноября — победа над поляками четырехсотлетней давности (вряд ли это укрепит дружбу между народами).

И общественные и научные круги (в первую очередь, гуманитарные — филологи, философы, историки, психологи, культурологи) озабочены этим положением и давно бьют тревогу. В этой кампании против английского языка как глобального участвуют как народы, языкам

и культурам которых угрожает опасность нивелирования и/или уничтожения, так и представители англоязычных наций, озабоченные «главной экологической опасностью современности», поскольку вторжение английского языка и культуры разрушает естественное лингвистическое и культурное разнообразие.

В итоговой резолюции IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации», проведенного в Московском государственном университете 24–28 мая 2005 года, говорится:

«Философы России констатируют необходимость осмыслить роль и место России в процессах мировой интеграции. При этом необходимо сохранить те черты, которые сообщили русской культуре ее уникальность и неповторимость, дали мировую известность русской литературе и философии, музыке и науке. Мы останемся в ряду великих держав, если в условиях идущей глобализации сумеем сохранить нашу национальную и культурную самобытность. Нарастающие темпы глобализационных процессов требуют новых измерений человеческого разума — ведь только разум придает смысл окружающей нас, в том числе и социальной, действительности. Мировая история показывает нам, что признание ценности другой культуры и веры предполагает уважение к культуре и вере своего народа, и наоборот. Мы констатируем, что навязывание единой цивилизационной модели губительно для эволюции человечества. Диалог вер и культур может свободно и творчески развиваться только при уважении к чужой религиозной и культурной идентичности.

Мы живем в мире, где материализация идей происходит с такой ошеломляющей быстротой, что намного опережает духовно-нравственное развитие человека. Под угрозой оказывается не только национальная, но и человеческая самобытность. Человек взыскует своей человечности под бременем техники, идеологических систем, урбанизации и навязываемого рекламой культа потребления. В мире увеличивается объем «опасного знания», связанного с разрушительными для человека пороками»[18].

[18] Здравый смысл. 2005, №3, с. 23.

А вот мнение немецкого ученого профессора Райнера Кулена (Rainer Kuhlen), высказанное на тему «Linguistic and Cultural Diversity on the Net» в его докладе на международном коллоквиуме «Language Diversity in the Information Society» (Языковое разнообразие в информационном обществе») 9–19 марта 2001 года:

«Trade and business would be easier without linguistic and cultural diversity. Overcoming language and cultural barriers could be a commercial goal. Diversity is in principle against economic interests. A culturally and linguistically homogeneous society would avoid the friction-removing cost for diversity management. The one English speaking and western culture oriented world, preferably using only one currency and following the same legal conven-

tions, would be a perfect market place for the global exchange of goods on information markets. For the WTO this might be considered a wishful dream, for the rest of us, it is rather a nightmare»

[Торговля и бизнес шли бы легче без культурного и языкового разнообразия. Преодоление языкового и культурного барьеров могло бы быть коммерческой целью. Разнообразие в принципе противоречит экономическим интересам. Культурно и лингвистически однородное общество было бы свободно от расходов на разнообразие управления. Единый мир, ориентированный на английский язык и западную культуру, с единой валютой и единым законодательством, был бы доведенной до совершенства рыночной площадкой для глобального обмена товаров на информационных рынках. Для ВТО (Всемирной Торговой Организации) это заветная мечта, для всех нас — кошмар].

И снова — Россия. Один доминирующий язык — английский — приведет к однобокому развитию культуры.

Высказываний на эту тему очень много, сейчас глобализация и ее последствия для человечества — одна из самых актуальных проблем, волнующих общественность всего мира. Весь мир — это предполагаемые «жертвы» глобализации в области языка и культуры. Разумеется, что «палачи» — представители англоязычного мира — тоже сознают всю серьезность и ответственность происходящего. Именно из этого мира раздаются самые резкие оценки в адрес продвижения английского языка в статусе глобального: «катастрофа», «евроцентризм», «триумфализм», «языковой империализм» и даже «языковой фашизм»[19]. Дэвид Келлогг (David Kellogg), американский преподаватель английского языка в Сеульском университете, которого в пылу дискуссии по вопросам роли английского языка в мировом образовательном пространстве «обозвали» антиглобалистом в области преподавания английского языка (anti-globaliser in ELT), приводит примеры вторжения английского языка и культуры из своего преподавательского опыта. В Корее, как известно, фамилия всегда предшествует имени (см. об этом в Главе VI), в английском языке — наоборот. Келлогг говорит о существующих двух вариантах решения этой проблемы: 1) переучить детей на «правильную» английскую модель, 2) переименовать детей, дать им английский имена: *Том, Джейн*. Оба варианта вызывают недовольство родителей. Другая проблема корейских учеников: как называть учителя? Фамилии — слишком длинные и стоят не на том месте. Называть по имени — не принято в корейской культуре (кстати, и наши учащиеся тоже не могут называть учителя *Боб, Ник, Лиззи* и т. п. Не хватает у нас «демократичности».

Келлогг предлагает договариваться (negotiate): «Вы просто спрашиваете у человека: как мне Вас/тебя называть? — и затем называете его или ее так, как они хотят»[20].

Джереми Хармер (Jeremy Harmer), методист, педагог, специалист по преподаванию английского как иностранного, с возмущением рассказывает о том, как на конгрессе в Афинах известный британский лингвист обратился к грекам, преподавателям английского языка, с благодарностью за то, что они «помогают продвигать наш замечательный язык и его великую культуру» [helping to promote our wonderful language and its great culture].

Сэмюэл Хантингтон (Samuel Huntington), американский политолог и философ, знаменитый своим предсказанием Третьей мировой войны как войны культур и цивилизаций, высказывается весьма критично по поводу вестернизации мира и использованию английского языка как всеобщего средства общения[21]. С ним согласен Майкл Эллиот (Michael Eliott), автор рецензии на книгу Хантингтона «Конфликт цивилизаций», опубликованной в британской газете «Guardian»:

«Huntington is surely right to argue that the world cannot be seen solely through Western eyes and to suggest that the "triumph of the West" is neither complete nor uncontroversial. On the contrary, it is very often resented both in the Islamic nations and in Asian ones. The world, Huntington says, is not becoming homogeneous; English is not a lingua franca nor likely to be one any time soon»[22] [Хантингтон безусловно прав, когда утверждает, что на мир нельзя смотреть только глазами Запада, и когда полагает, что «триумфальная победа Запада» отнюдь не завершена и весьма противоречива. Наоборот, ею очень часто недовольны и исламские нации, и народы Азии. Мир, по словам Хантингтона, не становится все более однородным; английский язык — не всеобщее средство коммуникации и вряд ли им станет в обозримом будущем].

Наконец, классик современной англистики, неоднократно цитированный Д. Кристал, объяснивший миру ситуацию с английским языком в блистательных книгах «Английский язык как глобальный» и «Смерть языков», прекрасно осознает всю сложность и противоречивость этого вопроса, когда заявляет, что если через 500 лет английский язык останется единственным, это будет самая величайшая интеллектуальная катастрофа, которую когда-либо знала наша планета[23]. Хочется добавить: отнюдь не только интеллектуальная…

О том, что носители английского языка прекрасно сознают противоречивость «триумфального шествия» своего языка, наряду с приведенными открытыми высказываниями, говорит — и весьма убедительно именно потому, что не открыто, а как бы мимоходом и косвенно, — маленький лингвистический, вернее, лексикографический факт.

В Кембриджском международном словаре английского языка, предназначенном иностранцам, изучающим английский язык (Cambridge International Dictionary of English CUP), слово *ubiquitous* — *повсеместный* иллюстрируется следующим предложением: *The Swedes are not alone in finding their language under pressure from the ubiquitous spread of English* [*Шведы далеко не единственный народ, который считает, что их язык страдает от повсеместного распространения английского языка*].

[19] См., например, *R. Phillipson*. Linguistic imperialism. Oxford, OUP, 1992; Pennycook A. The Cultural Politics of English as an International Language Longman, 1994; *R. Phillipson*. and *T. Skutnabb-Kangas*. English Only Worldwide or Language Ecology. TESOL quarterly 30/3 1996; *R. Phillipson*. Are Linguistic Human Rights an Alternative to Linguistic Imperialism? Language Sciences 20/1, 1998; Philipson R. Voice in Global English: Unheard Chords in Crystal Loud and Clear.

[20] *J. Harmer*. Slaying Dragons: Language Racism and the Art of the Book Review IATEFL Issues December 2000 – January 2001.

[21] См.: *S. P. Huntington*. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon and Schuster. 1995.

[22] *M. Elliott*. Cultural Collision // Guardian Weekly. January 5, 1997.

[23] *D. Crystal*. English as a Global Language // CUP, 1997. p. 139–140.

Ну какие же молодцы эти британцы! Какие умницы! Как хорошо сформулировали *«are not alone, their language under pressure, the ubiquitous spread of English»*. Звучит обезоруживающе и для шведов, и для всех народов.

Разумеется, с англоязычной стороны раздаются и голоса, разъясняющие и оправдывающие ситуацию с победным продвижение английского языка и американской культуры.

Джереми Хармер, упоминавшийся выше, возмущенный обвинением английского языка и, особенно, его преподавателей в «культурном империализме», проистекающем из империалистической политики Британии в прошлом, полемически напоминает о борьбе за власть и колонии многих других народов. Его идея, грубо говоря, заключается в следующем: «Все пытались, но британцы победили. И теперь мы виноваты». Говоря не грубо, но эмоционально, сам Хармер формулирует это так:

> «Ok, so no-one can feel comfortable about the actions of the British all those years ago as they disembarked from boats around the globe forcing peoples to be subjects, insisting that they spoke English. But then we could feel equally uncomfortable about the Spanish, the Portuguese, the Chinese, the Japanese, the Dutch. Why, if it hadn't been for the Treaty of Breda in 1667, Manhattan would have remained a Dutch colony! Let's face it, everybody was at it, raping and pillaging, forcing their grammars into any native syntax they came across.
>
> And now English is everywhere, and minority languages are in trouble. But then so is English, perhaps. Not everyone thinks its future is assured» [Окей, все мы чувствуем себя неловко из-за действий британцев тогда, много лет назад, когда они высаживались на берег во всех концах земного шара, чтобы насильно заставить живущих там людей стать подданными Британии, и настаивали, чтобы они говорили по-английски. Но тогда мы все должны чувствовать себя также неловко и в отношении испанцев, португальцев, китайцев, японцев, голландцев. Да если бы не Мирный Договор в Бреда в 1667 г., Манхеттен остался бы голландской колонией! Давайте признаемся: все там были, насилуя, грабя, впихивая свои грамматики в любой местный синтаксис, который попадался на пути.
>
> А теперь везде английский, и языки меньшинств в опасности. Но, возможно, и английский тоже. Не все считают, что его будущее обеспечено].

Американцы тоже негодуют по поводу обвинений в «культурном империализме». Особенно они возмущены, что это одна из причин «глобального анти-американизма». «Dislike for the United States stems also from its «Cultural imperialism»[24] [Нелюбовь к США вызвана также их «культурным империализмом»], — обижается Ричард Пеллз в ярко, тоже эмоциональной, как и у Хармера, статье с говорящим назва-

[24] *Richard Pells. American Culture Goes Global, or Does It? // The Chronicle of Higher Education. April 12, 2002.*

нием «Американская культура становится глобальной. Или нет?» (American Culture Goes Global, or Does It?)

Опять же, грубо обобщая, смысл борьбы Ричарда Пеллза против обвинений в глобальной американизации сводится к тому, что в Америке живут иммигранты со всего света, поэтому культура там подлинно интернациональная и этим нравится всем другим народам. Эту главную мысль автор иллюстрирует на примерах архитектуры, театра, музыки, кино. Что касается таких культурных объектов, как Макдональдс и Диснейленд, то их американцы не изобретали, потому что раньше них существовали английские «фиш-н-чипс» (рыба с картошкой) и сады Тиволи в Копенгагене. Автор, правда, как-то не учитывает, что fish and chips так и остались жить в «доброй старой Англии» как добрая старая английская традиция, а Макдональдс, распространившись по всему миру, породил даже термин «макдональдизация», употребляющийся наряду с американизацией.

Роль Америки заключалась в том, чтобы переупаковать заимствованные продукты культуры и перепродать их — в хорошей упаковке — обратно производителям этого культурного сырья. Отдельные моменты звучат убедительно, но впечатление — для меня, например,— было испорчено тем, что в самом начале статьи национальные культуры были пренебрежительно названы «regional and local eccentricities» — что-то вроде региональных и местных чудачеств. Контекст примерно такой: обижается интеллигенция, что Голливуд, Макдональдс и Диснейленд искореняют «местные чудачества». А впрочем, зачем «грубо обобщать» и пересказывать своими словами? Вот как выглядят некоторые из доводов Ричарда Пеллза его словами:

> «Globalization has become the main enemy for academics, journalists, and political activists who loathe what they see as a trend toward cultural uniformity. Still, they usually regard global culture and American culture as synonymous. And they continue to insist that Hollywood, McDonald's, and Disneyland are eradicating regional and local eccentricities — disseminating images and subliminal messages so beguiling as to drown out competing voices in other lands.
>
> Despite those allegations, the cultural relationship between the United States and the rest of the world over the past 100 years has never been one-sided. On the contrary, the United States was, and continues to be, as much a consumer of foreign intellectual and artistic influences as it has been a shaper of the world's entertainment and tastes.
>
> That is not an argument with which many foreigners (or even many Americans) would readily agree. The clichOs about America's cultural «hegemony» make it difficult for most people to recognize

that modern global culture is hardly a monolithic entity foisted on the world by the American media.

In fact, as a nation of immigrants from the 19th to the 21-st centuries, and as a haven in the 1930's and '40s for refugee scholars and artists, the United States has been a recipient as much as an exporter of global culture. Indeed, the influence of immigrants and African-Americans on the United States explains why its culture has been so popular for so long in so many places. American culture has spread throughout the world because it has incorporated foreign styles and ideas. What Americans have done more brilliantly than their competitors overseas is repackage the cultural products we receive from abroad and then retransmit them to the rest of the planet. In effect, Americans have specialized in selling the dreams, fears, and folklore of other people back to them. That is why a global mass culture has come to be identified, however simplistically, with the United States.

Americans, after all, did not invent fast food, amusement parks, or the movies. Before the Big Mac, there were fish and chips. Before Disneyland, there were Copenhagen's Tivoli Gardens.

There are many reasons for the ascendancy of American mass culture. Certainly, the ability of American-based media conglomerates to control the production and distribution of their products has been a major stimulus to the worldwide spread of American entertainment. But the power of American capitalism is not the only, or ever the most important, explanation for the global popularity of America's movies and television shows.

The effectiveness of English as a language of mass communications has been essential to the acceptance of American culture. Unlike, for example, German, Russian, or Chinese, the simple structure and grammar of English, along with its tendency to use shorter, less-abstract words and more-concise sentences, are all advantageous for the composers of song lyrics, cartoon captions, newspaper headlines, and movie and TV dialogue. English is thus a language exceptionally well-suited to the demands and spread of American mass culture.

Another factor is the size of the American audience. A huge domestic market has made it possible for many American filmmaker and TV executives to retrieve most of their production costs and make a profit within the borders of the United States.

Yet even with such advantages, America's mass culture may not be all that American. The American audience is not only large; because of the influx of immigrants and refugees, it is also international in its complexion. The heterogeneity of America's population — its regional, ethnic, religious, and racial diversity — has forced the media, since the early years of the 20th century, to experiment with messages, images, and story lines that have a broad multicultural appeal. The Hollywood studios, mass-circulation magazines, and television networks have had to learn how to

speak to variety of groups and classes at home. That has given them the techniques to appeal to an equally diverse audience abroad. The American domestic market has, in essence, been a laboratory, a place to develop cultural products that can be adapted to the world market.

[Глобализация стала главным врагом ученых, журналистов и активистов от политики, ополчившимся на то, что им представляется тенденцией к культурному единообразию. При этом обычно они считают глобальную культуру синонимом культуры американской. И они продолжают настаивать, что Голливуд, Макдональдс и Диснейленд уничтожают региональные и местные чудачества, распространяя образы и скрытые идеи так привлекательно, что они заглушают соперничающие голоса других стран.

Несмотря на все эти домыслы, культурные взаимоотношения между Соединенными Штатами и остальным миром за последние 100 лет никогда не были односторонними.

Наоборот, Соединенные Штаты всегда использовали — и продолжают это делать — иностранные интеллектуальные и художественные влияния в такой же степени, в какой они формировали развлечения и вкусы мира.

Это не тот аргумент, с которым охотно согласятся многие иностранцы (и не слишком многие американцы).

Клише об американской культурной гегемонии мешают большинству людей признать, что современная глобальная культура вряд ли представляет собой некий единый монолит, навязанный миру американскими средствами массовой информации.

На самом деле, будучи нацией иммигрантов с XIX по XXI век и прибежищем для ученых и представителей разных видом искусств в 1930–1940-х годах, Соединенные Штаты воспринимали Глобальную культуру в такой же степени, в какой ее экспортировали. Действительно, именно влияние иммигрантов и афроамериканцев объясняет, почему американская культура так популярна столь долгое время в столь многих местах. Американская культура распространилась по всему миру, потому что она восприняла иностранные стили и идеи. Что Америке удалось сделать лучше, чем ее зарубежным конкурентам, это — переупаковать продукты культуры, которые мы получаем из заграницы / других стран и переправить их всей остальной планете. Получается, что американцы научились продавать мечты, страхи и фольклор разных народов обратно им же.

Вот почему глобальная массовая культура стала ассоциироваться, пусть упрощенно, с Соединенными Штатами.

В конце концов, американцы не изобретали фаст фуд, парки развлечений или фильмы. Рыба с картошкой (фиш-энд-чипс) существовали до Макдональдса, а сады Тиволи в Копенгагене — до Диснейленда.

Американская массовая культура так выросла и распространилась по многим причинам. Конечно, способность гигантских объединений (конгломератов) американских СМИ контролировать производство и распространение продукции была и остается мощным стимулом для распространения американских развлечений по всему миру. Однако мощь американского капитализма — далеко не единственное, и даже не самое важное объяснение глобальной популярности американских фильмов и телевизионных программ.

Эффективность английского языка в качестве средства массовой коммуникации очень важно для восприятия массовой культуры. В отличие от, например, немецкого, русского или китайского, простая структура и грамматика у английского языка, в сочетании с его тенденцией употреблять более короткие, более конкретные (менее абстрактные) слова и более компактные предложения, оказались очень удобными для текстов песен, заголовков газет и диалогов в фильмах и телепередачах.

Таким образом, английский язык оказался идеально отвечающим требованиям и способствующим распространению.

Еще один фактор — это размеры американской аудитории. Гигантский внутренний рынок позволил многим производителям кинофильмов и телепередач снизить стоимость производства и получить прибыль не выходя за пределы США.

Однако даже с учетом всех этих преимуществ массовая культура Америки не является вполне американской. Американская аудитория не просто большая по размеру, но, в связи с притоком иммигрантов и беженцев, она также и интернациональна по своему составу. Разнородность населения Америки, его региональное, этническое, религиозное и расовое разнообразие заставило средства массовой информации еще с начала XX века экспериментировать с идеями, образами, жизненными историями многих и разных культур.

Студиям Голливуда, массовым журналам, телевизионным программам пришлось научиться общаться с самыми разными группами и классами населения в своей стране. Отсюда — умение общаться с такой же разнородной аудиторией за рубежом.

Американский внутренний рынок стал во многом лабораторией, тем местом, где опробовались продукты культуры, способные адаптироваться к мировому рынку.]

Теперь пришло время остановиться на «обратной стороне медали», на вопросе, который все еще не получил такого широкого внимания, как опасность «засилья» английского языка и американской культуры для других народов и их языков и культур.

Этот вопрос о том, какие минусы в этой ситуации для самого английского языка, какие опасности подстерегают англоязычные народы. Преимущества очевидны.

Английский язык стал средством международного общения. Англоязычным народам не нужно, в отличие от сотен миллионов говорящих на других языках, тратить время, здоровье и деньги на изучение английского, на переводчиков и преподавателей. Не нужно страдать от неспособности общаться с иностранными коллегами и друзьями, от комплекса неполноценности, от сознания собственной беспомощности и т. п.

Их родной язык, его экспорт приносит им огромные доходы. Я не знаю точных цифр, но уверена, что миллионы носителей английского языка зарабатывают очень приличные деньги во всех уголках мира, причем часто, не имея специального образования, просто как счастливчики, которые могут говорить на своем родном языке, получив этот дар с рождения, бесплатно, естественно и без усилий.

Издание учебной литературы в Англии — родине и колыбели английского языка — сделало преподавание английского языка глобальным бизнесом с оборотом в много миллиардов фунтов стерлингов[25].

Знание английского языка престижно во всем мире, с ним связано продвижение по служебной лестнице, оно помогает сделать карьеру в самых разных сферах человеческой деятельности. Носители английского языка — любого уровня — имеют это преимущество.

Все это очевидно, это та польза, которую англоязычные народы извлекают из ситуации с английским языком как средством международного общения.

А есть ли вред, и если да, то какой?

Вот что мне удалось увидеть в качестве ответа на этот вопрос за долгие годы изучения английского языка, обучения ему студентов Московского университета и общения с коллегами из разных стран мира — общения и прямого, непосредственного, и косвенного — через чтение книг.

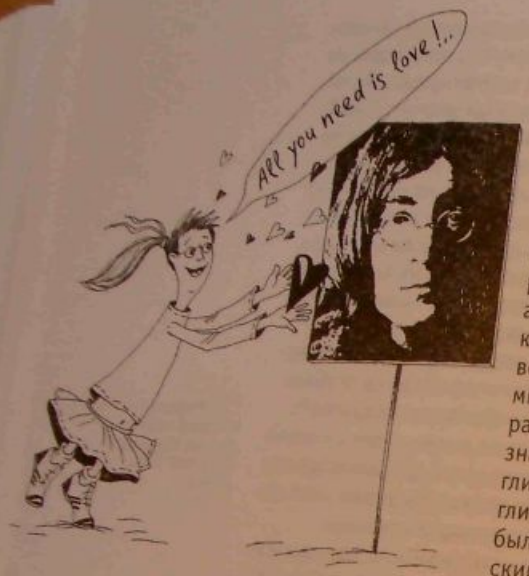
В о-п е р в ы х, то, что все знают и о чем с грустью говорят представители англоязычных наций: нежелание изучать другие языки.

Действительно, изучение иностранных языков в англоязычном мире не слишком популярно по понятным причинам: «весь мир учит наш язык, все мало-мальски образованные люди знают или учат английский, нам незачем беспокоиться». В известном смысле английский язык мешает бизнесу англоязычных наций: их компании и предприятия за рубежом много теряют из-за того, что их представители не знают (и не изучают) местных языков и культур. Учат — в несравнимых с остальным миром масштабах — язык ближайших соседей: англичане — французский, американцы — испанский, австралийцы — китайский или японский. По данным Р. Филлипсона за 2001 год 90% британцев перестают изучать иностранные языки в возрасте 16 лет[26].

Это, конечно, минус, поскольку знание других языков, а через них — культур, духовно обогащает человека, расширяет горизонты, дает новый взгляд на мир. Кроме того, совершенно прав был великий Гёте, когда говорил, что учить иностранные языки надо еще и для того, чтобы лучше овладеть своим родным языком. Р. Филлипсон приводит пример из опыта студенческих обменов в рамках программ Европей-

[25] *R. Phillipson.* Voice in Global English... // Applied linguistics. 20/2 OUP 1999. p. 269.

[26] *R. Phillipson.* English and the World's languages. Humanizing Language Teaching. Pilgrims Ltd., 2001.

[27] R. Phillipson. Ibid.

ского Союза. Британские студенты, приехавшие по обмену в университет в Данию, часто уступали в знании письменного английского датским студентам, для которых этот язык был иностранным[27].

И печально знаменитая нелюбовь британцев к иностранным языкам и всему иностранному связана с этим моментом тоже. **Нельзя остаться равнодушным к народу, язык которого изучаешь**. Поэтому весь мир, изучающий английский язык, испытывает особые чувства к людям, владеющим этим даром, поэтому так велик интерес к англоязычным странам, так много восхищения и англомании — просто за радость узнавания выученных слов, за близкое знакомство с культурой — через учебники английского языка. Когда я впервые попала в Англию по стипендии Британского Совета, мне было 35 лет, я уже 12 лет преподавала английский язык в МГУ и защитила кандидатскую диссертацию по вопросам синтаксиса и лексикологии английского языка. В первое же воскресенье нас повезли на экскурсию в Стрэтфорд. Я от волнения почти ослепла (от слез восторга) и оглохла (от эмоций): еще бы, тексты «A Visit to Stratford» из учебников Хорнби и Эккерсли я знала наизусть — сначала как студентка английского отделения филологического факультета МГУ, потом — как преподаватель там же. Шекспир был (и есть) мой любимый писатель, мы ставили его пьесы в студенческом английском театре, которым я руководила счастливейшие 30 лет своей университетской жизни.

Я ехала в Стрэтфорд впервые в жизни, но я могла работать там экскурсоводом.

Извините, это, конечно, лирическое отступление, но оно уместно, потому что иллюстрирует простую мысль: весь мир любит англоязычные страны и народы за то, что изучает их язык и культуру и знает их! К ним отношение, как к друзьям, почти родственникам. А они избалованы этим вниманием миллионов иностранцев (bloody foreigners) и часто ведут себя высокомерно, хотя не приложили особых усилий — просто случайно родились в английский язык.

И еще одно лирическое отступление — по ассоциации с последним предложением, которое я мысленно перевела с английского.

Принцесса Анна во время своего визита в МГУ произвела очень хорошее впечатление открытостью, прямолинейностью (в хорошем смысле), отсутствием жеманства и рисовки. Она начала свою встречу со студентами и преподавателями со слов о том, что она волнуется в этой академической компании, потому что она сама в жизни ничего выдающегося не сделала, просто случайно родилась в королевской семье. По-английски это было так: *I just happened to have been born into the Royal Family*. И «академическая компания» очень ее за это зауважала. Хорошая принцесса Анна!

А по поводу «избалованности всеобщим вниманием» — это, к сожалению, становится характерной чертой англичан.

Особенно грустно это наблюдать у преподавателей — носителей английского языка, в отличие от принцессы, не только сознающих, но и демонстрирующих свое превосходство перед учениками, которые старательно изучают чужой язык и с наивным восхищением ловят каждое слово этих «полубогов», с такой легкостью владеющих своим родным языком. Р. Филлипсон приводит яркий пример в уже цитированной работе. Американский политолог Дуглас Ламмис (Douglas Lummis) поехавший на работу в Японию в 1961, был поражен уверенностью американцев — преподавателей языка — в своем культурном превосходстве. «In an article entitled "English conversation as ideology", he wrote that the world of English conversation is racist... The expression 'native speaker' is in effect a code word for 'white'... their real role is not language teacher but living example of the American Way of Life»[28] [В статье под названием «Беседа на английском как идеология» он писал, что мир разговоров на английском языке — это расистский мир... Выражение «носитель языка» — это зашифрованное слово «белый»... их подлинная миссия не преподавать английский, а быть живым образцом Американского образа жизни].

[28] R. Phillipson. Ibid., p. 3.

Вот совсем свежий пример избалованности вниманием на высоком дипломатическом уровне. Мы, на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ, сделали уникальный мультимедийный курс «Англия и англичане», в который входит книга с таким названием, 7 фильмов на DVD, снятые в Англии («Что едят и пьют англичане», «Английские сады и парки», «Традиции английского чаепития», «Англия и Россия», «Мир Итона», «Быть англичанином», «Английский национальный характер») и 7 учебных пособий к фильмам. Потратили очень много сил, знаний, талантов, времени и денег, но очень счастливы и довольны, потому что уверены: изучение языка через культуру и культуры через язык — дело важное, нужное и новое. Отправили по комплекту в подарок в Московское представительство Британского Совета и в Посольство Великобритании в РФ. И не получили никакого ответа. А как же знаменитая британская дипломатия? Вежливость, этикет, манеры? Используя английскую же идиому, where are their p's and q's? (Не буду переводить!)

Вернемся, однако, к вопросу о том, чем грозит статус английского языка как глобального средства общения самим англоязычным народам.

«Во-первых» было нежелание изучать иностранные языки.

В о - в т о р ы х, по мнению Д. Кристала, в этой ситуации возникает лингвистическая элита, состоящая из носителей языка, которая может использовать английский язык в корыстных целях и для манипуляций в разных сферах[29].

[29] D. Crystal. English as a Global Language... p. 12, 17.

В-т р е т ь и х. Очень важное. Став языком международного общения, английский язык как бы перешел во всеобщее пользование, стал всеобщим, международным, глобальным достоянием.

С этим связаны два последствия.

Первое. Поскольку основная идея этой работы заключается в том, что язык — это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность и самобытность, англоязычные народы, отдав (пожертвовав?) свой родной язык в чужие «международные» руки, потеряли свой щит и им грозит утрата этой самой национальной идентичности.

У меня сложилось впечатление, что сейчас и английский язык, и культура, в нем заложенная, и, следовательно, национальная идентичность как бы выставлены напоказ в некоей глобальной витрине с рекламной надписью: «пользуйтесь, наш язык — ваше лучшее средство общения». И все пользуются, и число желающих растет каждый день.

Это впечатление оформилось после одного эпизода из моей научной жизни. Я была в Италии на лингвистической конференции по проблемам преподавания английского языка в университетах. После докладов многие участники конференции пошли поужинать в ближайшее кафе. Там были и местные жители, и делегации из разных стран. Наша российская компания с удовольствием обсуждала на родном языке и доклады конференции, и Италию, и итальянцев. Чувствовали мы себя хорошо, потому что русский язык был нашей защитой, и мы говорили на самые разные темы легко и свободно. Нашими соседями были два молодых человека, которые говорили по-английски на довольно интимные темы. Невольно мы стали прислушиваться, и я увидела, что итальянцы, французы, финны, сидевшие за соседними столиками, делают то же самое. Все маленькое кафе их понимало и с интересом слушало их частную беседу. Они были как бы выставлены напоказ, их язык не защищал их, не был им щитом, потому что все его знали.

Как известно, язык выполняет две основные функции по отношению к «обслуживаемой» и сформированной им этнической группе: служит, во-первых, средством общения и, во-вторых, средством идентификации. Из-за своей глобальности английский язык сильно ослаблен в плане выполнения функции идентификации. Он, конечно, язык общения, или коммуникации англоязычных народов, но как язык идентификации, как щит он уже очень тонок и к тому же прозрачен, это хрупкий стеклянный щит: весь мир наблюдает, изучает, критикует, заимствует все то, что отражает зеркало английского языка и хранит его сокровищница, то есть жизнь, быт, культуру в самом широком смысле слова англоязычных народов. Немного напоминает кошмарные телепередачи «За стеклом». Такова оборотная сторона медали «За глобальность языка», та дорогая цена, которую платят носители великого и могучего английского языка за то, что именно он стал средством международного общения.

И второе. Поскольку английский язык отдан в пользование и во власть всему миру, все народы, особенно многочисленные, подделывают его под свою культуру, свой менталитет и под свой язык, то есть создают

свой вариант английского языка. Иными словами, наряду с американским, австралийским, канадским вариантами «первичного» британского английского существуют, развиваются и множатся варианты «иных стран»: индийский английский, китайский, японский, русский и т. п.

Когда одним языком пользуются миллионы разноязычных людей, это не может не сказаться на уровне и качестве этого языка. А поскольку количество иностранных пользователей во много раз превышает число носителей языка и растет оно гораздо быстрее, то будущее натурального английского внушает определенные опасения. Я слышала историю от иностранных коллег о том, как у носителя языка не приняли статью в международный сборник и попросили ее переписать, потому что его английский был «не такой, как у всех». Мне эта история кажется маловероятной, но сам факт ее появления на свет — даже как анекдота, мифа, шутки — представляется показательным.

Термин *World Englishes* стал сейчас очень популярным, и научный журнал под таким названием издается издательством Blackwell Publishing в Оксфорде, Великобритания, и Бостоне, США. Ноябрьский номер 2005 года был посвящен Russian Englishes (русским английским). Множественное число настораживает: неужели и в России есть разные варианты русского английского?

World Englishes возникают легко и быстро. «Видимо, две основные причины — широчайшая распространенность английского в мире и некоторые особенности строя — приводят к тому, что региональные варианты возникают иногда с поразительной легкостью даже среди немногочисленных English users»[30].

Насколько самостоятельны и своеобразны могут быть «иностранные» варианты английского языка, по свидетельству Олега Муковского, говорит такой факт.

> «О том, насколько далеки региональные варианты от «прототипических» — британского или американского — говорит складывающаяся в последние годы практика BBC, ведущей и самой лингвистически авторитетной англоязычной службы новостей. Обычно в своих программах BBC использует RP (received pronunciation). В начале 1990-х годов, стремясь увеличить количество радиослушателей и телезрителей, BBC попыталась расширить палитру региональных акцентов на общенациональном телевидении и радио, используя дикторов с выраженными чертами шотландского, ирландского, североанглийского произношения, однако в результате поднявшейся волны протестов вынуждена была отказаться от этой практики, вернувшись на «охранительные» позиции. Так, транслируя осенью 1999 года обращение президента Нигерии Обасанджо к нации по поводу уличных беспорядков (в стомиллионной и многонациональной Нигерии английский по конституции является первым государственным языком; именно на этом языке и говорил президент), британская телекомпания сопровождала его «английскую» речь полными английскими субтитрами,

[30] *Олег Муковский.* Фрагментация английского // Studio. СПб., 2000, № 1.

слегка редактирующими синтаксис и позволяющими преодолеть фонетические трудности. Без такой помощи носители английского языка английский президента Нигерии не понимают. Подобная картина часто наблюдается и при передаче английского языка южноафриканцев, многих англоговорящих жителей Гонконга, Малайзии, Филиппин»[31].

[31] *Олег Муковский.* Указ. соч., с. 40–41.

На основании этой способности английского языка строятся предположения о том, что в будущем английский язык может постичь судьба латыни, которая умерла, породив целую семью романских языков (французский, испанский, итальянский и другие) на основе своих вариантов. Правда, в отличие от О. Муковского, ярко и информативно описавшего и процесс «фрагментации английского», и возможные результаты, я не считаю судьбу латыни трагической. Столько языков живших Земли умерли и умирают, ничего не родив, часто не оставив даже следа в виде письменности…

На эту же тему рассуждает экс-президент TESOL Д. Нунан (David Nunan):

> «In becoming the medium for global communication, English has detached itself from its historical roots. In the course of doing so, it has also become increasingly diversified to the point where it is possible to question the term *English*. *World Englishes* has been used for quite a few years now, and it is conceivable that the plural form *Englishes* will soon replace the singular *English*…
>
> In fact, with globalization and the rapid expansion of information technologies has come an explosion in the demand for English worldwide. This has led to greater diversification in the contexts and situations in which it is learned and used as well as in the nature of the language itself. It has also provided many more opportunities for learners to use the language for authentic communication. English no longer belongs to Britain or to the United States. It is an increasingly diverse and diversified resourse for global communication»[32].

[32] *D. Nunan.* Yes, but Is It English? // TESOL Matters, December-January, 1999.

[Став средством глобальной коммуникации, английский язык оторвался от своих исторических корней. При этом он стал таким разнообразным, что сам термин *Английский язык* можно поставить под сомнение. Термин *всемирные английские (World Englishes)* получил в последние несколько лет широкое распространение, и можно предположить, что множественное число *английские языки* скоро вытеснит единственное число *английский язык*…

С глобализацией и быстрым развитием информационных технологий во всем мире резко возрос спрос на английский язык. Это привело к еще большей диверсификации как в тех контекстах и ситуациях, в которых он изучается и используется, так и в структуре самого языка. Это также обеспечило гораздо больше возможностей для изучающих язык использовать его с целью реального, подлинного общения. Английский язык уже не принадлежит ни

Великобритании, ни США. Он становится все более разнообразным и вариантным ресурсом глобальной коммуникации.]

Местные «английские языки» пополняют запас английских слов: английский язык насчитывает сейчас около 1 000 000 слов, в том числе и благодаря «гибридам» типа *Spanglish* (испанский английский), *Chinglish* (китайский английский). *Spanglish* даже использовано как название американского фильма (в русском переводе — *Испанский английский*).

Наиболее полные и самостоятельные варианты английского языка, оторвавшиеся от корней и от носителей, формируются в тех странах, где, по разным социально-историческим причинам (например, в бывших колониях и протекторатах), английский язык был или остается одним из государственных языков и активно используется повсеместно *(ubiquitous)* в разных сферах общественной жизни и деятельности. По данным Д. Кристала, на 2001 год их общее количество составляло около 500 миллионов человек[33].

[33] *D. Crystal.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language // CUP, 2003, p. 109.

Варианты, не столь полноценные, но также имеющие вполне устойчивые черты, складываются в тех странах (Россия, Китай) с многочисленным населением (имеется в виду, главным образом, количество изучающих язык), которые долго были в изоляции от англоязычного мира, жили в условиях совершенно иного режима, требовавшего своей особой лексики и стилистики и — очень важный момент! — изучали английский по учебникам, написанным местными авторами. Соответственно, сложился свой специфический вариант английского языка, отразивший иную культуру (зеркало же!) посредством иных лексико-фразеологических средств, не говоря уже о фонетике (особенно — интонации). В главе V приводились примеры английских советизмов в комментариях Роберта Даглиша *(indestructible unity — нерушимое единство)*.

Когда в начале 1990-х годов окончательно поднялся железный занавес и открылись «окна в Европу» и двери во весь мир, то есть когда кончилась изоляция России, первой и главной проблемой с изучением английского языка стали учебные материалы. Все наши учебники английского языка, написанные в СССР, в одночасье (overnight) вышли из употребления — они устарели морально и идеологически: старая жизнь кончилась, новая еще не началась. Впрочем, эта ситуация длилась недолго: в открытые окна и двери хлынул поток «настоящей», аутентичной учебной литературы, созданной в странах изучаемого языка. Гигантская индустрия ELT (English Language Teaching) Великобритании получила огромный новый рынок. Прекрасно изданные, яркие, с цветными иллюстрациями, «рассортированные» по уровням учебники завораживали своей английскостью. Первой трудностью оказалась разница в терминологии: за годы изоляции у нас сложилась своя система грамматических терминов, более наукообразная и сложная, чем терминосистема университетского английского: наше родное, любимое Indefinite Tense называлось у них Simple. Это несколько огорчало: во-первых, надо было отвыкать и переучиваться, во-вторых, Indefinite

как более специфический и поэтому более наукообразный термин, импонировал нашему менталитету и национальному характеру: изучение иностранного языка — очень сложное и серьезное дело, мы готовы преодолевать трудности, знание специфических терминов возвышает нас и в глазах окружающих, и в собственных глазах. Короче, ***Simple Tense*** звучало слишком simple. И что это за Tag Questions вместо Disjunctive Questions? Впрочем, эти настроения быстро прошли, их вытеснило всеобщее ликование по поводу новой, свободной возможности изучения «настоящего английского языка» прямо из первоисточника, с его исторической родины. И замечательное чувство «мы теперь, как все» грело душу. Сейчас ситуация меняется, снова пишутся и издаются — в жесткой конкурентной борьбе — «местные» учебники, имеющие, по крайней мере, одно преимущество перед учебниками англоязычного мира: мы знаем, что нашим студентам особенно трудно. Мы знаем и нашу культуру вообще, и культуру изучения иностранных языков в России, имеющую в этой области богатый опыт нескольких столетий интенсивнейшего использования иностранного языка как средства общения образованных слоев общества (вплоть до отхода на задний план родного языка, как это было в XIX веке, веке русской франкофонии). Но дело не в этом.

В-ч е т в е р т ы х, дело в том, что столь массовое распространение английского языка как глобального привело к созданию некоей особой разновидности университетского «английского как иностранного», некоего усредненного, упрощенного для «бедных иностранцев», стандартного, унифицированного, «дистиллированного» языка. Автор «Базового английского» (Basic English) Чарльз Огден (C. K. Ogden) писал в 1930 году, что вопрос глобального общения (он назвал его *debabelization* — что-то вроде *девавилонизации*) должен быть решен не с помощью искусственного языка, а посредством упрощенной формы английского *(a simplified form of English)*. «Basic English» (Базовый английский, лексический словарь которого был сокращен Огденом до 850 слов) был задуман как вспомогательный международный язык *(an auxiliary international language)*[34].

В научной литературе «учебный» вариант английского языка, этот стиль учебников, получил название прагмалингвистического. Этот стиль занимает особое положение, так как в нем не доминирует ни функция сообщения, ни функция воздействия в их чистом виде. Его основное предназначение — служить основой для создания безупречных в языковом отношении учебных пособий, дать изучающим язык образцы лексики, грамматики, фонетики и т. п. Соответственно, его основная характерная черта — строгая нормативность на всех уровнях: от фонетики (в английском языке RP — Received Pronunciation) до лексики (никаких слэнгов, диалектизмов, жаргонизмов)[35].

Хочу напомнить, что здесь обсуждается не вопрос качества учебных материалов для иностранцев, это отдельная проблема, сейчас широко и противоречиво исследуемая. Я как раз считаю, что с точки зрения иностранцев все правильно: Кесарю — кесарево, иностранцам — иностранцево, мы должны знать свое — иностранное — место при пользовании чужим языком. Для отклонений от норм, игры, коверкания и творчества у нас есть свой родной язык. Это — как поведение дома и в гостях. Речь же здесь идет о проблемах натурального английского языка, возникающих в связи со столь широким распространением его прагмалингвистического, все более искусственного варианта. Это и есть — «в-четвертых». Разрыв между английским как иностранным и подлинным английским, используемым как единственное средство общения в англоязычных странах, растет и углубляется.

В-п я т ы х, этот «подлинный, настоящий английский» вообще не существует как таковой. Есть несколько вариантов «подлинных» английских, служащих единственным средством общения для своих народов, из которых два основных (основных как материал для изучения английского как иностранного): британский и американский. И разрыв между ними тоже непрерывно увеличивается. Британский вариант престижнее (история, великая литература, ярко выраженный национальный характер, традиции), американский — практичнее и выгоднее для карьеры. Старшие поколения в «иных странах», как правило — за британский вариант, молодежь — за американский. Молодежи среди изучающих гораздо больше, поэтому американский вариант как язык очень активной супердержавы сейчас более распространен, чем британский.

Оба варианта, впрочем, столкнулись с большими проблемами.

Америка — страна иммигрантов, и «американский» язык представлен большой коллекцией вариантов, начиная от самых примитивных. Это проблема № 1.

Поскольку именно в Америке родилась идея борьбы за права человека, не удивительно, что именно там встал вопрос о признании права человека на язык (recognition of linguistic rights as human rights). Это проблема № 2, напрямую связанная с проблемой № 1.

Сложность этого вопроса хорошо иллюстрирует инцидент, описанный Т. Лобачевым в академической коллективной монографии «Решение национально-языковых вопросов в современном мире».

Суть этого инцидента в том, что некая мексиканская эмигрантка Марта Сандовал подала в суд на власти штата Алабама за то, что ее лишили водительских прав «из-за плохого знания английского языка». В этом штате есть закон о монополии английского языка во всем, что не касается частной жизни говорящих. Истица же «апеллирует к основополагающему закону — акту 1964 года о гражданских правах, запрещающему всякую дискриминацию, основанную на национальном признаке. Поскольку таковая дискриминация в законе 1964 года запрещена во всех учреждениях, получающих в той или иной форме государственные деньги (отношения в частном секторе регулируются по-другому), то Департамент автомотодвижущихся средств (так называются американские аналоги нашего ГИБДД) Алабамы должен этому закону подчиниться, ибо он под эту категорию подпадает.

[34] Concise Encyclopedia of Educational Linguistics, ed. by B. Spolsky. Oxford, 1999, p. 782.

[35] См. об этом подробно: И. М. Магидова. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи. Докторская диссертация. М., 1989.

Правозащитные организации с большим вниманием следят, чем же закончится дело, создающее очень важный прецедент: речь идет о том, что если прецедент действительно состоится, то можно будет по всякому правозащитному поводу подавать на власти штатов в Верховный суд, не дожидаясь, пока федеральные органы (как происходит сейчас на основании практики, сложившейся на основе закона 1964 года) обратят внимание на те или иные факты сегрегации или притеснения. Процесс в результате может принять неконтролируемый и обвальный характер. Тем паче, что количество неанглосаксов и людей, для которых английский язык, англосаксонские ценности и американская система вообще, сложившаяся на основе как раз таких ценностей, не представляет никакой ценности, неуклонно растет (в силу нынешних демографических тенденций в США). Более того, вся эта система для них чужеродна» [36].

[36] Т. Лобачев. Мексиканка судится с английским языком // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003. с. 315–316.

У британского варианта — свои проблемы, связанные прямо или косвенно с глобальным статусом английского языка.

Современный британский английский проявляет тенденцию к размыванию, расшатыванию языковых норм, отходу от *RP, queen's English* (*Received Pronunciation*, Королевский английский). Это выражается в том, что в литературном, стандартном английском, в языке СМИ употребляются жаргонизмы, слэнг, диалектизмы, сниженная лексика, вульгарные выражения, то есть то, что профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ В. С. Елистратов, вслед за известным советским филологом Б. А. Лариным, называет «варваризацией», сопровождающей конец всякой стабильной эпохи. По мнению В. С. Елистратова, «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций…»

За прошлый век Россия претерпела «конец стабильной эпохи» дважды. Сначала в 1917 году во время Октябрьской революции. В те годы «язык улицы», язык действительно н а р о д н ы х (в данном контексте — необразованных) и действительно м а с с, грубый, вульгарный, нарушающий нормы русского литературного языка, превратился в идеологический знак: он служил подтверждением правильной, «революционной» классовой принадлежности, а правильный русский язык, великий, могучий и прекрасный, выдавал «гнилую интеллигенцию» и «проклятую буржуазию».

Второй раз процесс «варваризации» мы наблюдаем сейчас, начиная с конца 1980-х годов, когда кончилась еще одна стабильная эпоха — эпоха Советского Союза.

В наши дни поток жаргонизмов, брани, нецензурных, грязных и грубых слов, заполонивший страницы газет, журналов и художественных (!) произведений, объяснить несколько труднее. Нет сомнений, что это отражение социокультурных изменений в российском обществе. По-видимому, в качестве объяснения можно предположить ложно понятую свободу вообще и свободу слова, в частности. Как бы вид протеста против запретов тоталитаризма. С одной стороны. С другой стороны, это может быть влияние «новых русских» или подыгрывание им. Этот новый класс нашего общества, который составили люди, не слишком образованные, но баснословно разбогатевшие на шальных деньгах, не слишком многочислен, но чрезвычайно активен и влиятелен. От их прошлого (да и настоящего) и мода на приблатненный, иногда воровской жаргон.

В статье «Мат как зеркало нашей жизни» доктор филологических наук Анатолий Журавлев пишет: «Похабщина, льющаяся в наши уши не только на улице, но и с теле- и киноэкранов, с театральных подмостков, обильно публикуемая печатными изданиями, как это ни печально, прямо связана с освобождением общества от идеологических вериг. Эмансипация мата — прискорбные издержки раскрепощения общества» [37].

[37] Аргументы и факты. 1994, № 4.

Столь длинное «лирическое отступление» о варваризации русского языка в разделе о последствиях глобализации для английского языка вообще и для британского его варианта как исконного, изначального, первичного и потому олицетворяющего Норму для всех «Englishes», можно объяснить и оправдать именно тем, что только что было сказано: во-первых, у нас больше опыта наблюдения и изучения этого языкового явления и, во-вторых, странным образом эти процессы или, может быть, их осознание и отражение в СМИ и научной литературе совпало по времени. В начале 1990-х годов газета «Таймс» комментирует сообщение о готовящейся публикации словаря BBC English следующим образом:

> «The BBC is to publish the first comprehensive guide to "BBC English" in its history in an attempt to rid programmes of Americanisms, cliches, jargon, inaccuracies and bad taste…» (The Times, 5 July, 1993) [Би-Би-Си собирается опубликовать первый полный справочник по «BBC English» за свою историю. Это попытка избавить программы от американизмов, клише, жаргона, неточностей и дурного вкуса].

Однако, несмотря на издание словарей и обеспокоенность общественности, процесс расшатывания и, соответственно, изменения норм остановить не удается (см. по этому вопросу Главу I). Известный британский лингвист Рон Картер в своей лекции на тему «The Changing English Language 2000–2010» на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова 16 октября 2007 года сказал:

> «То, что сейчас говорится на британском телевидении, 20 лет назад вызвало бы немедленное увольнение всей редакции, 10 лет назад — поток возмущенных откликов зрителей, а сейчас не вызывает никакой реакции» [38].

[38] По вопросу распространения мировых языков Р. Картер привел следующие цифры. Родной язык: китайский (мандарин) — 1,2 млрд, английский — 508 млн, хинди — 487 млн, испанский — 417 млн, русский — 277 млн, бенгальский — 211 млн. Неродной или иностранный язык (к 2020 г.): английский язык — 2 млрд, китайский — 30 млн, испанский 25 млн.

Сильный удар в этом же направлении нанесло использование английского языка как глобального для электронной коммуникации. Вот что пишут об этом уже цитированные выше послы Франции и Германии в Великобритании:

> «You should protect yourselves, from Electronic English. Electronic communication is a good thing. But it is equally important to maintain the quality of spoken and written English. (The Spectator, 17 February 2001. Op. cit.)» [Вы должны защищать себя от электронного английского. Электронная коммуникация — вещь хорошая. Но не менее важно сохранить качество устного и письменного английского языка].

Да, это важно, но невозможно.

По-видимому, одной из причин «варваризации» современного британского английского — по моему мнению, она главная — это все растущая глобализация английского языка. Этот процесс расшатывания норм можно рассматривать как попытку уйти от нормативного языка, отданного для общения Глобальной Деревне, в субстандартный, «сниженный» вариант, недоступный и ненужный «этим иностранцам». Он может стать новым щитом, языком идентификации. Вопрос как раз и заключается в том: что́ он будет идентифицировать? Что это будет за нация?! Британцы, разговаривающие (и пишущие!) жаргонизмами, вульгаризмами и т.п.?! Получается, что они отдают изысканные, элегантные костюмы, модели которых творили великие портные (Шекспир, Свифт, Вордсворт, Байрон, Остин, Диккенс, Теккерей, Шоу и многие, многие другие), и надевают лохмотья.

Итак, у британского английского свои проблемы в связи со статусом глобального. Эта проблема особенно ярко видна на примере британского литературного языка, образцового для всех появившихся впоследствии и родившихся из его недр вариантов, но реально она касается всех существующих английских языков всех англоговорящих народов, и поэтому эта тенденция. Наконец, в-ш е с т ы х, английский язык как глобальный приобретает определенную негативную окраску, и это может вызывать негативное же отношение к пользующимся английским языком в качестве средства общения — в первую очередь к англоязычным — народам.

Негативная окраска английского языка обусловлена целым рядом причин.

Господствующее положение всегда вызывает недовольство. Английский язык имеет отпечаток престижности, элитарности, перспективности, обещания материального преуспевания. Это раздражает другие народы, как те, которые утратили свой высокий международный статус (французский, много лет бывший эксклюзивным языком дипломатии и почты, русский, царивший на огромном советском и околосоветском пространстве, немецкий как язык науки), так и те, которые никогда его не имели. У каждого есть с в о й язык, язык родины, язык матери (mother tongue), любимый и родной.

И чем выше поднимается статус английского языка, чем более глобальным он становится, чем больше мыслей и разговоров о смерти и убийстве языков, тем сильнее антипатия к английскому, потенциальному убийце.

По словам кенийского писателя Нгуги английский язык расцвел «на кладбище языков других народов». Его с удовольствием цитирует Р. Филлипсон, один из наиболее ярых борцов с глобализмом своего родного языка, не без оснований считающий английский язык орудием в руках глобальных финансистов и политиков, которым нужен общий язык — их язык — для захвата глобальной власти. Приведя метафору писателя из Кении, Филлипсон иллюстрирует ее:

> «Most of the languages of the indigenous inhabitants of North America and Australia will never enjoy the revival that Welsh, Scots Gaelic and other languages are currently enjoying. They have gone for good»[39] [Большинство языков коренного населения Северной Америки и Австралии никогда не вернутся к жизни, в отличие от оживающих сейчас валлийского и гельского языка шотландцев. Они исчезли навсегда].

[39] *R. Phillipson.* English and the World's Languages. Humanizing Language Teaching Online // Pilgrims Ltd, December 2001, p. 2.

Растущее негативное отношение к английскому языку вызвано также и изменением в отрицательном направлении оценки народами многих стран мира международной политики США. Подобно тому, как в ЮАР язык африкаанс потерял свои господствующие позиции, получив ярлык «языка агрессоров», так и английскому языку может угрожать такой же ярлык с соответствующими последствиями. В нашей стране после Второй мировой войны резко упал интерес (и, соответственно, количество изучающих) к немецкому языку: одна из главных причин — ассоциации с насилием и агрессией.

Я приводила в главе VI пример того, что принц Иордании, продемонстрировавший блестящее владение английским языком во время визита в МГУ в 2000 году, говорил только на арабском в 2005-м. Даже иностранцы, общаясь на английском языке, во многих странах мира ощущают неловкость, чувствуя неприязнь местного населения к этому языку.

Негативные чувства к языку могут быть — несправедливо, но закономерно — перенесены на носителей языка. Мы в нашей стране, как говорится, это проходили в обоих направлениях: от языка к народу и от народа к языку. Действительно, во многих наших республиках и странах «социалистического лагеря» недовольство политическим режимом приняло форму отторжения и неприятия русского языка. И его не спасли ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов, ни Шолохов, ни Есенин. И, наоборот, навязывание русского языка как обязательного ино-

странного вызывало общую антипатию к народу и стране — а сейчас, в условиях интенсивной международной коммуникации, сколько поляков, венгров и чехов сожалели о том, что не выучили русский язык. Я храню книгу по современной русской литературе, изданную в Американском университете и подписанную мне автором: «от поляка, обрусевшего в Америке». И помню грузина, с которым мы вместе летели из Америки, признавшегося мне в изменении отношения к русскому языку (который он прекрасно знал, но разлюбил по политическим мотивам): он жил у родственников в США месяц, английский язык не знал, отрезан был от мира, а потом ему стали приносить газеты на русском языке, и он был счастлив. И со мной радостно говорил по-русски.

***

Итак, подведем итоги обсуждения вопроса об английском языке как глобальном.

В этом вопросе имеются противоречия диалектического характера, то есть такие, которые, по Гегелю, своей борьбой оказываются движущими силами прогресса общественной жизни и человеческой деятельности.

1. Противоречие между техническим прогрессом, объединяющим людей, создающим все новые возможности и способы глобальной коммуникации, и человеческим фактором, представленным языками и культурами, разъединяющими народы соответствующими барьерами.

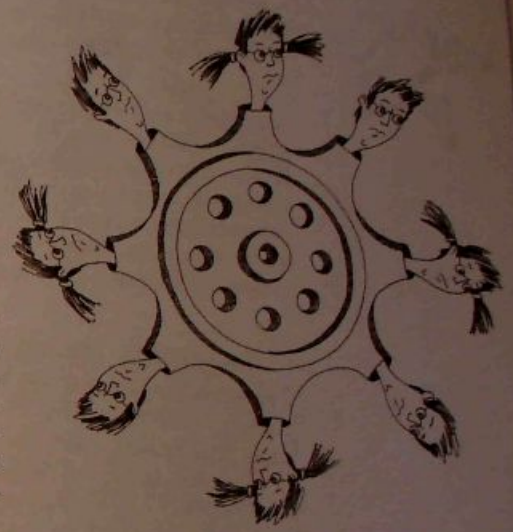
2. Противоречие между глобальным языком и национальными языками и культурами. Идея объединения людей для сотрудничества в жизненно важных для человечества вопросах: экологии, охраны окружающей среды, борьбы с мировым терроризмом, наркотиками, преступным миром, болезнями, голодом; экономических и торговых совместных предприятий всех уровней — от мелкого бизнеса до гигантских международных концернов и многое другое, — эта идея требует единого языка общения для ее наиболее успешной и быстрой реализации. Однако глобальность одного языка (в наши дни — английского) угрожает если не полным уничтожением других языков и культур, то их ослаблением, угасанием, необратимыми изменениями под давлением доминирующего языка и заложенной в нем культуры.

3. Противоречие между понятиями равенства и разнообразия (индивидуальности). Люди рождаются равными, они хотят иметь равные права и возможности самореализации. Борьба за равные права человека — стержень многих современных (в первую очередь, западных) идеологий. Но люди также рождаются разными, и они хотят сохранить свою индивидуальность. Однако равенство и разнообразие — это противоречащие друг другу и даже взаимоисключающие понятия. Это относится и к отдельным людям, и к народам, и к их языкам.

Советский Союз можно рассматривать как огромный (по масштабу и протяженности) исторический эксперимент — попытку достичь всеобщего равенства. Эта попытка удалась до определенной степени в некоторых аспектах: сократился разрыв между богатыми и бедными, были предоставлены равные права в образовании и здравоохранении (и то, и другое бесплатно). Однако все эти достижения в области равенства привели к явному дефициту разнообразия, индивидуальности. «Мы» почти совершенно вытеснило «я», воцарились обезличивание, уравниловка, игнорирование индивидуальности: нужд, желаний, проблем отдельного человека.

Торжествовала идея винтиков в машине, отдельных прутиков в общенациональной метле (которую нельзя сломать, в отличие от прутика, ломавшегося легко...), наконец, щепок, которые летят, когда рубят лес. Наоборот, повышенное внимание к разнообразию, к уникальному, неповторимому индивидууму ведет к открытому и тотальному неравенству.

Вот такое обидное и неразрешимое противоречие. Одна надежда на Гегеля.

4. Сравнительно недавно (а в историческом плане только что) в нашу жизнь явилось, вторглось, ворвалось нечто очень новое и очень противоречивое: ИНТЕРНЕТ. Явление Интернета народу решило многие проблемы человечества и поставило новые, еще более сложные.

С одной стороны, Интернет сделал возможным глобальное распространение компьютерных технологий и мгновенную передачу любой информации в любую точку Земли. Мечты о Глобальной Деревне, о всемирном космополитическом обществе с пришествием Интернета неожиданно быстро приблизились к реальности.

Интернет своей всемирной сетью (www — world wide web) мгновенно создал непрерывно растущую интернациональную интернетную семью, где особенности национальной культуры, менталитета, идеологии смешиваются, размываются и могут вообще исчезнуть.

В Интернете интернациональное довлеет над национальным.

Характерные черты Интернета — интерактивность, открытость, подлинная демократичность, выражающаяся в том, что каждый отдельный человек (индивидуум) может свободно выразить свое мнение, отношение к происходящему, обменяться идеями, найти сторонников, перестать чувствовать себя одиноким. Все это очень важно для современного общества! Интернет даже как будто бы сумел соединить равенство и разнообразие, стремление к индивидуальности. В отличие

от средств массовой информации, обрушивающих лавины своей информации на эти массы, Интернет приглашает всех желающих активно участвовать в коммуникации, обмениваться мнениями и идеями, искать и находить единомышленников во всем мире.

Иными словами, индивидуум, представляющий собой объект для СМИ, является одновременно и субъектом и объектом в виртуальном обществе Интернета.

Интернет сыграл огромную роль в укреплении английского языка в качестве глобального, вся терминология информатики, того, что называется *computer science*, — английская, и во всемирной сети лидирующая роль принадлежит, несомненно, английскому языку как средству международного общения. Вместе с языком в Интернете царят и заложенные в нем культурные ценности, взгляды на жизнь, на роль человека в обществе, на само общество. И — в этом и кроется суть противоречия — интернетная свобода и доступность оборачивается серьезной угрозой навязывания всему миру идеологии и культуры, экономических и политических взглядов Запада, а еще конкретнее через глобальный язык — Соединенных Штатов Америки.

На уже упоминавшемся международном симпозиуме в ЮНЕСКО в марте 2001 года французский участник высказался по этому поводу лаконично и образно: The Internet is a culture killer in the same way as English is a language killer [Интернет такой же убийца культур, как английский язык — убийца языков].

Об опасностях Интернета говорил уже цитированный выше профессор из Германии Райнер Кулен:

> Probably nobody will judge the likelihood of one world culture and of one world language as very high. However, it is realistic that the value systems of cultures which dominate electronic spaces — and this is currently without doubt the US-American system of economics and politics — might be superimposed on the value systems of other cultures because in open electronic networks their penetration cannot be avoided. And this influence might not destroy these cultures totally but it might lead to wide-spread insecurity which could be a source of social unstability[40] [По-видимому, никто не может считать шансы единой всемирной культуры и единого всемирного языка очень высокими. Однако вполне реально, что система ценностей культур, доминирующих в электронном пространстве — а это несомненно экономическая и политическая система США, — могут быть навязаны другим культурам, потому что в открытой электронной сети это влияние невозможно остановить. И оно, наверное, не сможет полностью уничтожить эти культуры, но может привести к массовому ощущению ненадежности, беззащитности, что может, в свою очередь, стать источником социальной нестабильности].

[40] R. Kuhlen. Ibid., p. 6.

А вот мнение современного философа Александра Дугина о «мировой паутине» (world wide web). Он считает, что одно из главных противоречий Интернета вызвано господством английского языка. В условиях «идеальной демократии» и равноправия Интернета право на голос определяется правом на язык, а язык международного общения — это язык супердержавы. Что же касается взглядов А. Дугина на роль языка в формировании личности, то здесь наши мнения совпадают, что всегда радует.

> «Интернет, мировая компьютерная сеть или «мировая паутина», явно придумана не самыми правильными людьми. На последних этапах «холодной войны» стратеги Запада посчитали, что развитие компьютерных коммуникаций будет способствовать доминации западных ценностей во всем мире, поможет сломить сопротивление Восточного блока, приблизить осуществление мондиалистского идеала «единого мира» (One World). Так как полюсом производства и дистрибуции сетевых технологий был сам Запад, то контроль в этом процессе был гарантирован.
> В некотором смысле такое положение сохраняется и сейчас. Мы видим, что базовым языком сети является английский, а сегодня известно, что сам язык в огромной мере предопределяет то, что на нем будет высказано. Человек, произносящий по привычке «Hi!», «How do you do?» или «Hello!» в качестве приветствия, совершенно по-иному относится к жизни, к смерти, к любви и природе, к политике и гигиене, к противоположному полу, к детям и старикам, нежели привыкший к торжественному, почти старообрядческому «Здравствуйте!»... Через язык передается образ мысли, образ жизни, передается архетип.
>
> Кроме англофонии, «мировая паутина» навязывает и иные важные особенности атлантистской геополитической модели: производители основных компьютерных программ и ноу-хау — западные фирмы, извлекающие из сетевых рынков и рынков компьютеров гигантские прибыли, во многом под-

держивающие экономику западных обществ. Далее: тот, кто определяет нормы и устанавливает правила сетевой жизни, парадигмы обмена информацией, получает огромные преимущества перед теми, кто пассивно участвует в сети, и, вместе с тем, огромные невиданные информационные базы данных скапливаются в центрах атлантистской аналитики без особых усилий.

Не просто легкость общения между людьми и организациями, расположенными в разных концах земного шара, несет в себе Интернет, но вместе с этой «легкостью» неявно навязываются и параметры этого общения, подсказываются приоритетные темы и режимы, диктуется стиль.

«Интерактивность» подразумевает определенную долю равноправия в вопросе передачи информации между тем, кто ее источает, и тем, кто ее воспринимает. Принцип сети состоит в том, что каждый может сам стать «газетой», «радиостанцией» или «диктором», автором и критиком, каждый квант получаемой информации может быть оперативно осмыслен и отправлен назад с любым комментарием.

...В сети существует как бы «идеальная демократия». Такая, какой никогда не было и не будет в реальности.

Трудно сказать, как случилось, что строгая система Запада выпустила из-под контроля столь опасное средство.

Возможно, в условиях конца «холодной войны» этот риск «идеальной сетевой демократии» был оправдан, коль скоро «открытому обществу» противостояла совсем неповоротливая, угасающая ригидная советская система, которую рано или поздно сетевая стихия, безусловно, разъела бы.

Но советский лагерь рухнул слишком стремительно. И такое идеологическое оружие, как сеть Интернет, несколько изменило свою функцию.

Возникло определенное концептуальное противоречие. «Мировая паутина» как геополитическое оружие Запада предполагает однонаправленную речь: право на голос (и, самое главное, право на язык) есть у Запада, право на слушание — у всех остальных»[41].

[41] *Александр Дугин. Континент в мировой паутине // Виртуальная география, № 6 (323), 8.02.2000.*

Многие зарубежные и российские ученые-гуманитарии резко негативно характеризуют Интернет как «интеллектуальное гетто», «интеллектуальный колониализм», «убийца культур», «культурный империализм» и т. п.

В этом противоречие Интернета: величайшее открытие человеческого гения, давшее человеку новые необыкновенные возможности более полноценной жизни — и интеллектуальный колониализм, культурный империализм...

Итак, язык играет важнейшую роль в жизни человечества: он и объединяет, и разъединяет, и создает противоречия, и разрешает их. Эту противоречивость языка замечательно отразил Эзоп, когда для своего

хозяина философа Ксанфа, велевшего ему купить «самого лучшего, самого прекрасного на свете», принес ему свиных языков и объяснил Ксанфу: «А есть ли что на свете лучше и прекраснее, чем язык? Разве не языком держится вся философия и вся ученость? Без языка ничего нельзя сделать — ни дать, ни взять, ни купить; порядок в государстве, законы, постановления — все это существует лишь благодаря языку. Всей нашей жизни основа — язык, нет ничего лучше на свете». Когда же Ксанф отправил Эзопа на рынок, чтобы тот купил «самого дрянного, самого негодного на свете», Эзоп снова принес язык, объяснив хозяину: «Что же на свете хуже языка? Язык нам несет раздоры, заговоры, обманы, побоища, зависть, распри, войну; разве может быть что-то еще хуже, еще презреннее, чем язык»[42].

[42] См.: Жизнеописание Эзопа. Басни Эзопа. М., 1958.

Противоречивость же, даже парадокс ситуации с самим языком заключается в том, что язык, с одной стороны, важнейшая составляющая жизни человека, главный двигатель и науки, и культуры, и политики, и практически всех сфер человеческой деятельности, а, с другой стороны, эта роль и значение языка плохо осознаются, не замечаются, принимаются за данное. Язык — как дыхание: человек непрерывно дышит, но не замечает этого и не думает об этом, а вспоминает и с ужасом осознает, только когда возникают трудности с дыханием, когда начинает задыхаться.

5. Миссия служителей иностранных языков — преподавателей и переводчиков — тоже противоречива, поскольку противоречив сам язык и его роль в жизни человека. Профессионалы в области английского языка озабочены этим противоречием все больше и больше.

Традиционный взгляд на преподавателей иностранных языков и переводчиков: это люди, сближающие народы, позволяющие им найти общий язык (в прямом и переносном смысле), миссионеры и миротворцы, бесстрашно и самоотверженно идущие в джунгли чужого языка и культуры, чтобы проложить в них дороги мира и дружбы. Все это правда, и всю жизнь я жила с чувством гордости за свою профессию, за свой выбор, за своих коллег.

Но вот пришли проблемы глобализации, и язык, которому я служу вместе с миллионами моих товарищей по работе, оказался в самом центре и внимания, и борьбы за него, и борьбы против него. И для всех миллионов преподавателей английского языка неожиданно встал очень важный вопрос: кто мы? На чьей мы стороне? Кому мы служим? У всех у нас есть родной, любимый, свой язык и культура. И вдруг оказывается, что язык, который мы изучаем и преподаем, которому мы посвятили свои таланты и жизни, угрожает нашему родному языку и нашей родной культуре. И ведь преподавая английский язык, мы сознаем, что мы одновременно продвигаем идеологию, взгляды, образ жизни, систему ценностей англоязычного мира, не всегда к нам дружественного (далеко-о-о не всегда), часто чуждого, всегда чужого, иногда враждебного.

Кто же мы — мужественные и самоотверженные борцы за мир и дружбу между народами или пятая колонна в своей стране, проводники чужих идей и ценностей?

На конференции IATEFL в Брайтоне в 2001 году Питер Меджеш, известный венгерский англист, провел опрос участников конференции и познакомил нас с результатами такого же опроса в Венгрии и других странах: иностранным учителям английского языка было предложено ответить на вопрос: «Английский язык стал глобальным языком нашей эпохи. Мы как профессиональные преподаватели английского языка должны радоваться или принести извинения за ту роль, которую мы играем в распространении английского языка часто за счет других иностранных языков?

Ответы могут быть сгруппированы следующим образом:

1. *«Мы должны радоваться».*

К этому общему ответу добавлялись комментарии:

«Мы приносим людям пользу, помогаем им функционировать в современном мире».

«Мы должны гордиться, что можем играть эту роль».

«Радуйтесь, у нас будет больше работы».

«Не будем лицемерить и кривить душой: надо радоваться, что благодаря этой социальной потребности мы будем какое-то время востребованы».

«Мы можем внести свой вклад в обеспечение и облегчение взаимопонимания между людьми и в повышение эффективности коммуникации между представителями разных культур».

2. *«Мы должны принести извинения».*

«Мы должны извиниться. Печально, что английский язык —это сорняк, который может погубить другие языки в "Саду Языков"».

«У меня есть мои собственные угрызения совести, но мы просто шли в этом направлении, мы его не создавали».

«Мы должны развить более критическое отношение к английском языку и передать его нашим ученикам».

«Можно ли приносить извинения за то, что мы не можем контролировать?».

«Я с огромным облегчением наблюдаю за подъемом китайского языка. Надеюсь, что старейшая на земле культура спасет нас от дальнейшей экспансии Imperium Americanum».

«Как мы знаем, многие мировые конфликты начались из-за языковых недоразумений».

3. *«И то, и другое. Ни то, ни другое».*

«Радуйтесь, если мы «продвигаем» плюралистический взгляд на варианты английского языка (Englishes), извиняйтесь за языковой империализм».

«Если учащиеся приходят в класс для того, чтобы улучшить знание английского языка, учитель должен им помочь».

«Давайте возьмем все лучшее из английского языка, чтобы обогатить свой родной язык и культуру».

«Нужно изучать местные языки в тех странах, где мы работаем».

«Я надеюсь, что будущее за полиглотами».

В Китае учитель английского языка сказал англичанину из Британского Совета: «Учите нас вашему языку, но не вашей культуре. Мы хотим сохранить свою». Заявление трогательно патриотическое, но несколько наивное: язык и культуры неразделимы («Союз нерушимый...»).

Так же наивно и заявление Роберта Филлипсона на конференции в Брайтоне: «English is never culturally neutral» («английский язык никогда не нейтрален культурно»). Никакой естественный человеческий язык не может быть культурно нейтральным, только искусственные языки — просто потому, что за ними нет никакой культуры.

Как и можно было бы предположить, мнения разошлись. Где же правильное решение? На чьей стороне преподаватели и переводчики в непрерывной войне языков и культур?

Прежде чем ответить на эти вопросы, подведем итоги обсуждению проблемы глобального языка. Что мы знаем точно? Что можно сказать студентам как твердые мнения учителя?

1. Английский язык — это главный язык международного общения. Он получил этот статус по вполне определенным социально-историческим причинам. Он ни в чем не виноват. Он не купил это положение, не достал по знакомству. Так сложилась его история. Его нельзя «снять с должности», повысить или понизить в статусе. Это определяет ход истории человечества.

2. Будущее английского языка как глобального неизвестно. Можно (и нужно) делать предположения, но предсказать его судьбу невозможно.

Он может распасться на варианты, которые станут отдельными языками (как русский, белорусский, украинский). На это нужно время.

Он может быть вытеснен другим языком.

Например, китайским... Это может произойти гораздо быстрее.

Могут получить статус глобальных, наравне с английским, другие языки.

3. Конечно, преподавание языка означает продвижение заложенной в нем культуры народа — носителя этого языка. Ничего плохого в знакомстве с другой культурой нет. Это только полезно, это расширяет горизонты, обогащает родную культуру, тем более что за английским языком стоит великая культура. Плохо,

если это насильно навязывается или приводит к раболепному подражанию. Но это крайности.

4. Хорошо, что народы осознали угрозу этих крайностей. Это полезно и учителям, и учащимся. Сам факт, что вопросы «вины и ответственности» встали между людьми, — тоже факт отрадный: все заинтересованные стороны будут осторожнее, тактичнее, корректнее. Реальной угрозы вытеснения других языков нет. Но осознавать опасность и быть начеку — полезно.

5. Замечательный и неожиданный парадокс: перспектива глобализации и вторжения глобального языка заставила все народы встрепенуться, очнуться, осознать свою национальную самобытность, глубже оценить свою культуру и свой язык и начать о них заботиться.

6. Еще один важный и неожиданный результат глобальных процессов — это осознание необходимости изучать иностранные языки. В неоднократно цитированной замечательной статье, написанной Даниэлем Бернаром и Гансом-Фридрихом фон Плётцем (Daniel Bernard, Hans-Frienrich Von Ploetz), послами Франции и Германии в Великобритании, говорится: «Learning one or more foreign languages is the true way of becoming "global"»[43] [Изучение одного или более иностранных языков — это и есть настоящий способ стать «глобальными»].

[43] The Spectator, 17 February, 2001.

И еще одна цитата из очень интересного обзора языковой ситуации в Европе:

> «Any look into the future must entertain the idea that soon the entire world will speak English. Many believe English will become the world language to the exclusion of others. But this idea, which first took root in the 19th century, is past its «sell — by date» English will indeed play a crucial role in shaping the new world linguistic order, but its major impact will be in creating new generations of bilingual and multilingual speakers across the world»[44] [Любой взгляд в будущее должен поиграть с мыслью, что скоро весь мир будет говорить по-английски. Многие считают, что английский язык станет всемирным, вытеснив остальные. Однако эта идея, впервые возникшая в XIX веке, уже давно прошла маркировку «годен до…». Английский, действительно, будет играть решающую роль в формировании языкового порядка в новом мире, но основное его воздействие скажется на создании новых поколений людей во всем мире, знающих два и более языков].

[44] D. Graddol. The Future of Language. Science Magazine, 2004, 303 : 1330. Цит. по: Kees de Bot. Applied Linguistics in Europe. World Applied Linguistics, vol. 17, 2004.

Вот оно, прекрасное будущее английского языка: стать стимулом для изучения новых иностранных языков.

На этой мажорной ноте и остановимся.

Оглавление

Введение 7

Глава I
Немного теории. Основные термины, понятия, принципы 11

Глава II
«Другому как понять тебя?» Различие культур. 49

Глава III
В чужой монастырь со своим уставом. Конфликт культур 68

Глава IV
«Я» и «Мы» в культурах и языках. Виды культур 101

Глава V
Язык на страже родины и родного народа 121

Глава VI
Союз нерушимый языков и культур. Враг не пройдет 143

Глава VII
Культура и время 187

Глава VIII
Культура и дело, бизнес, работа 215

Глава IX
Культура и образование 245

Глава X
Глобальный язык в Глобальной Деревне: глобальная проблема 297